

Юлия Набокова Легенда Лукоморья

Волшебница-самозванка – 3

[://www.litres.ru](http://www.litres.ru)

«Набокова Ю. В. Легенда Лукоморья»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0396-7

Аннотация

Все мечтают попасть в сказку. Однако вряд ли кто обрадуется, когда в сказке ему предложат роль Бабы-яги. Но решение магистров не обсуждается. Скажут быть Бабой-ягой – придется рядиться старой, страшной, злобной старухой, пройти курс экстремального вождения ступы и прокатиться с ветерком по Лукоморью. А заодно подружиться с Лешим и Водяным, уважить богатыря Илью, раскрыть семейные тайны Кощея, провести ревизию богатств Змея Горыныча, дать отпор Соловью-разбойнику и найти пропавшую Василису Премудрую, которая, оказывается, не кто иная, как... Ни за что не догадаетесь!

Юлия Набокова Легенда Лукоморья

ПРОЛОГ

Баба-яга оказалась страшной, злобной и негостеприимной старухой. Накормила его подгоревшими пирогами, напоила водянистым квасом – полнейшая гадость! Попарить его в баньке так и вовсе отказалась, старая ведьма! В кои-то веки заехал в ее края настоящий царевич – с виду пригожий, сердцем добрый, удалюю не обделенный. Нет чтобы расстараться для дорогого гостя, подарков волшебных надарить, судьбу славную предсказать. А старуха знай только горелые пирожки с крапивой подкладывает да намекает, что темнеет за окном да

устала она за день. Он тоже – и так и этак, мол, холодно в лесу, притомился путешествовать, пусти, бабушка, на ночлег. А старуха знай его к сениям подталкивает, мол, пора бы уже и честь знать, добрый молодец!

Иван-царевич и сам не понял, как во дворе очутился. Только ступеньки из-под его ног исчезли, а сапожки красные сафьяновые в пыль провалились. Бабкина избушка все ставенки разом захлопнула и повернулась к нему, царевичу, задом. К нему, к царевичу! Совсем распоясалась бабка.

– Да, времена нынче не те, как когда мой дед к Яге хаживал, – вздохнул царевич и разочарованно добавил. – И Яга, видать, совсем не та...

А может быть, и солгал дед ради красного словца. Ведь Соловей-разбойник и Серый волк тоже оказались не похожими на героев дедовских рассказов. Вот только Змей Горыныч – тот не разочаровал. Злодей, каких редко встретишь.

Горько вздыхая о своем, молодецком, царевич подозвал коня и ускакал восвояси.

Баба-яга, наблюдавшая за ним сквозь щелку в ставнях, рассеянно погладила черного кота.

– Довольна твоя душенька? – Кот сощурил искрящиеся зеленые глаза. – Твою доброту царевич вовек не забудет. Это надо же – пирожки с крапивой! Квас, болотной водой разбавленный. Хорошо хоть поганки не додумалась к столу подать.

– Как дураком был, когда ко мне сватался, так дураком и остался, – буркнула Баба-яга.

– Не пойму, за что ты на него гневаешься, – заметил кот. – Ты ведь сама ему отказала.

– Отказала... – эхом отозвалась Баба-яга, задумавшись о своем.

– Потому что душой была, – ехидно вставил кот.

– Между прочим, меня все Премудрой величали! – вскинулась Баба-яга.

– Подлизывались, – хмыкнул кот. – Кто тебе еще правду кроме меня скажет?

– Знаешь, Варфоломей, иногда лучше мурлыкать, чем говорить, – сердито отозвалась Яга, плотно запирая ставни и отходя от окна.

Кот не сводил с хозяйки глаз – начиналось самое любопытное ежевечернее волшебство.

Вот старушка переместилась к бочке с водой и, наклонившись над ней, принялась колдовать. Выпростала руку из грязных лохмотьев и, подцепив кожу у запястья, словно варежку, стащила с ладони морщинистую рябую кожу, похожую на отрубленную куриную лапу – с узловатыми пальцами и крючковатыми желтыми когтями. Полюбовалась белой узкой ладонью с короткими розовыми ноготками и завернула жуткие кожаные варежки в серую тряпицу, припрятав ее в сундук с травами. Затем вернулась к бочке и продолжила ворожить: потянула за желтый выпирающий клык и сплюнула его в ладонь. Стоило клыку покинуть свое место, как чудесным образом изменились и крупные, неровные зубы – стали уменьшаться на глазах. Любой лукоморец испытал бы шок при виде произошедших метаморфоз: квадратные щеки Бабы-яги округлились, высокие скулы придали ее морщинистому лицу миловидность, серые губы растянулись, обнажив белые, словно жемчуг, зубы. Аккуратно уложив клык в березовый туесок и поставив его на полку среди заготовок с вареньями и соленьями, бабулька вернулась к ведру и поскребла подбородок, густо усеянный седыми щетинками. И – вот диво! – на кончиках пальцев, ставших липкими, встопорщились волоски, а подбородок старушки словно макнули в сок молодильных яблок: кожа сделалась гладкой и белой, так что теперь он светлым пятнышком выделялся на потемневшем от старости лице.

На этом Баба-яга не остановилась. Она потеряла жесткие и кустистые седые брови и содрала их со лба, обнажив тонкие дуги светлых бровей. Затем осторожно надавила пальцем на зрачок, обмакнула его в кружку с налитой водицей и повторила те же действия со вторым глазом. Большой черный кот с недовольством покосился на хозяйку и стукнул хвостом по лавке, выражая свое неодобрение. Разве положено Бабе-яге иметь такие молодые сияющие васильковые глаза? Прежние, желтые, с хищным блеском, были куда предпочтительней! Накрыв кружку крышечкой и прибрав ее на полку, Яга вернулась к бочке, зачерпнула горсть воды, стерла с щек борозды морщин и неровности, помолодев на добрую сотню лет.

Развязала платок, обнажив всклокоченную шевелюру. Провела ногтем у края волос и сняла похожий на паклю парик, затем выпустила наружу толстую пшенично-русую косу, доставшую до пояса, и расхохоталась:

– Кажется, все! Или нет?

Баба-яга, обернувшаяся красной девицей, придирчиво склонилась над бочкой и недовольно пробурчала:

– Вот ведь липучая, мерзость! – Она надела ногтем на серую бородавку на носу и скосырнула ее, обнажив чистую розовую кожу. – Теперь все!

С поверхности воды на нее смотрела хорошенькая ясноглазая девушка лет двадцати. Красавица, разве что немного бледная.

– Вот вам и Баба-яга! – Девушка показала язык своему изображению и поспешила закончить метаморфозу: сбросила ворох серых лохмотьев, оставшись в чистой белой сорочке и лаптях.

Затем подскочила к сундуку с большим навесным замком и загремела ключом. Кот отвел глаза – ох что сейчас будет! Хозяйка склонилась над сундуком и ахнула:

– Мой сарафан!

Варфоломей удовлетворенно сощурился. Пусть ему сейчас достанется, и хозяйка рассердится, но лучше стерпеть ее немилость, чем остаться одному-одинешеньку в дремучем лесу.

Однако девушка гневаться не стала, а продолжила перебирать тряпье в сундуке, бормоча себе под нос:

– Это мне не пригодится... А вот это – в самый раз! Это нет... А вот это беру! Лучше не придумаешь!

Наконец она окликнула кота:

– Варфоломеюшка, я собралась!

Кот открыл глаза и потрясенно вякнул.

Перед ним стояло огородное пугало, отдаленно напоминающее деревенского дурачка Антипку, частенько захаживавшего в избу Бабы-яги. Рубаха навывпуск, широкие штаны, на голове – воронье гнездо, только глаза на удивление ясные и разумные.

– Ну и чучело ты! – не выдержал кот. – Ягой и то краше была.

– Наконец-то голос подал, – обрадовалась девушка. – А то я уж думала, до моего ухода словечком не обмолвишься.

– Ты же знаешь, я этого не одобряю, – мяукнул кот. – А вдруг случится что?

– Да что со мной случиться-то может? – отмахнулась девушка. – Одним глазком на родителей да сестер во время ярмарки взгляну и обратно вернусь. Ведь знаешь, как по ним истосковалась, сердешным.

– А вдруг признают? – нахмурился кот.

– В таком виде? – Девушка расхохоталась. – Да я еще щеки сажей измажу – вовек родная матушка не признает.

– А голос, Василиса? – не сдавался кот.

– Ни словечка не произнесу, – поклялась девушка. – Я решила немного дурачка изображать. Ведь у меня получится?

– Дурачка-то? Вполне! – ехидно отозвался Варфоломей.

– Ну Варфоломеюшка, – она остановилась в сенях, – давай прощаться.

– На ночь глядя, – проворчал кот. – Дождалась зари хотя бы.

– Ты же знаешь, с самой зорьки посетителей полна избушка, – возразила она, – да и вдруг заметит кто? Нет, надо сейчас идти. Поздней ночью никто в избушку Бабы-яги не отважится сунуться, и я незаметно до дороги доберусь.

– Ночь-полночь, – неодобрительно буркнул кот. – Вдруг обидит кто?

– Да кому дурачок немой помешает? – засмеялась Василиса. – Да и Баба-яга себя в обиду не даст, ты не думай!

Проводив хозяйку до крыльца, Варфоломей еще долго смотрел ей вслед, пока

мешковатый силуэт не исчез между сосенок. Он сделал все возможное, чтобы удержать Василису в избушке: страдал, умолял, валялся в ногах, обижался и перестал с ней разговаривать. До последнего мига он был уверен, что Василиса откажется от своей затеи. У него был солидный козырь: нарядный сарафан Василисы, в котором она сбежала из дома в избушку Бабы-яги, пришел в полную негодность после того, как кот хорошенько прошелся по нему острыми коготками. А другой пристойной одежды у хозяйки не было – не пойдет же она в город в той ветоши, которую носит Баба-яга. Но девушка нашла другой выход и теперь стремительно удалялась от избушки в неизвестность. Значит, не в его силах противиться судьбе. Значит, надо готовиться к появлению новой хозяйки...

Часть первая ТРЕБУЕТСЯ БАБА-ЯГА

Неделя на необитаемом острове, которую подарили нам с Ивом магистры, пролетела одним днем. Фантастические розовые закаты, черничные ночи, наполненные шепотом волн, оранжевые рассветы и то изумрудное, то лазурное море, обступившее кусочек суши и отрезавшее нас от всех других миров, коих, как я уже имела возможность неоднократно убедиться, существовало бескрайнее множество.

В первый же день, оказавшись на белом песчаном пляже, где никогда до нас не ступала нога Робинзона, я решила заняться обустройством территории. Мысленно листая туристические проспекты, наколдовала два пляжных грибка-зонтика, два пластиковых шезлонга с мягкими матрацами, ворсистые банные полотенца – все как в пятизвездочном отеле. Ив, все это время с восторгом плескавшийся в волнах, по возвращении на берег моих трудов не оценил и заявил, что я изуродовала сказочный пейзаж нелепыми лавками. Зато он с азартом ринулся строить шалаш из пальмовых ветвей, хотя я сомневаюсь, что ему известна поговорка «С милым рай и в шалаше». Я тоже с ней не спорю. Но если милый может обеспечить и дворцом, то зачем нам шалаш?

Полдня я поджаривалась на солнышке, лежа в шезлонге и наблюдая, как растет крыша над хижинкой. Ив, увлекшись работой, и не замечал, что я на него дуюсь. А когда он позвал меня на «новоселье» и я ступила под тень шалаша... В общем, шезлонги мы потом отправили в плавание по волнам, полотенцами завесили вход от москитов. А один матрац я все-таки с боем отвоевала для ночлега. И корзинку с солнцезащитными средствами. И солнечные очки. И панамку с широкими полями. И хотя мне никогда не доводилось жить в пятизвездочном отеле на Мальдивах, уверена, там мне не могло бы быть лучше, чем в ветхом шалаше, построенном руками моего рыцаря.

Я бы не отказалась провести здесь всю оставшуюся жизнь, питаясь бананами, кокосовым соком и жаренной на костре рыбой, но моя жизнь, увы, перестала принадлежать мне одной. Да, собственно, она мне никогда и не принадлежала. Уже с самого моего рождения все было решено наперед. Я лепила куличики на детской площадке, зубрила таблицу умножения в школе, изучала литературу в институте, бегала на вечеринки и неуклонно двигалась к тому, чтобы однажды очутиться в другом мире, в средневековом королевстве Вессалия, где меня примут за пропавшую волшебницу, похожую на меня как две капли воды, поселят в ее замке и заставят ворожить на потребу местной публике. Дальше потрясения последовали одно за другим: сперва во мне пробудился дар к волшебству, потом выяснилось, что знаменитая колдунья, за которую меня все принимают, не кто иная, как моя сестра-близняшка, разлученная со мной во младенчестве. Просто «Санта-Барбара»! Сестричка оказалась той еще «лапочкой»: своими черными делишками все сказочное королевство чуть на уши не поставила, а меня, значит, вызвали, чтобы я ее уму-разуму поучила да к порядку призвала. Да только в результате трогательной встречи двух сестер чудом обе живы остались. Особенно мне пришлось поволноваться, когда сестричка меня каким-то хитроумным заклинанием парализовала, а сама мной вздумала притвориться. Глядите, мол, люди добрые, одолела злую ведьму! Хорошо, что Ив рядом оказался и

расколдовал меня, рыцарь мой влюбленный... Я с нежностью посмотрела на Ива, резвящегося в волнах с дельфином, который приплывал к нам с первого дня. Дельфин – добрый, ласковый, совсем ручной – с удовольствием катал нас по волнам и дрейфовал поблизости от берега, когда мы выбирались на сушу. За эти дни он стал для нас чем-то вроде домашней зверушки. «А ведь я буду по нему скучать», – поняла я, откидывая за плечи выгоревшие добела волосы и потянувшись за маслом для загара.

Ветер донес до меня возглас Ива, и я с беспокойством и обернулась. Рыцарь торопливо выбирался на берег, а рядом с ним вышагивал... магистр Белимар в прилипшей к телу длинной белой сорочке. Дельфин куда-то исчез. Видимо, когда магистр свалился прямо в море (как бы не ему на голову), дельфин в панике уплыл подальше от берега.

Я разочарованно вздохнула – наши каникулы только что закончились – и поднялась с песка, чтобы поприветствовать магистра, явившегося нагрузить меня новыми обязанностями. Ступив на берег, магистр поспешно приоделся, обведя себя волшебной палочкой и наколдовав подобающую официальному визиту мантию. Ив с перекошенным лицом шел следом и подавал мне какие-то странные знаки.

– Как отдохнули? – бодро приветствовал меня Белимар, стеснительно отводя глаза от моего купальника. Согласна, слишком смело для сознания средневекового жителя. Поощаю старичка от потрясений. Мне на плечи упало длинное парео, и я закуталась в него, как арабская наложница.

– Сказочно, – искренне ответила я и многозначительно вздохнула: – Только мало.

Магистр нахмурился:

– К сожалению, пора возвращаться. Дела!

– Что на этот раз? – полюбопытствовала я.

По словам магистров, чтобы сполна овладеть магией, я должна была пройти три испытания в трех мирах. Первым была Вессалия, где моей задачей было обезвредить сестричку, увлечшуюся черной магией. Там я впервые открыла в себе способности к волшебству и научилась материализовывать свои желания по поводу и без повода. А рыцарь-волшебник, поначалу приставленный Советом магистров, чтобы следить за отбившейся от рук Селеной, помог мне поверить в свои силы, а перед поединком с сестричкой и вовсе влил в меня всю свою магию, чтобы дать преимущество перед более искушенной в волшебстве и жестокой Селеной. Сестру я тогда одолела, в качестве досадного бонуса получив часть ее темного дара и гневного характера. К счастью, Ива это не испугало, и рыцарь последовал за мной.

Вторым миром стало подводное царство, принцесса которого вздумала поднять затонувшую Атлантиду на сушу при помощи четырех мощнейших артефактов, а я должна была помешать ей в этом. С этой задачей я тоже благополучно справилась, за что в благодарность от древних атлантов получила право на исполнение одного желания и, недолго сомневаясь, вернула рыцарю его магический дар. Как выяснилось, в подводное царство магистры отправили меня не случайно, а спасая и сухопутный мир тоже. После поединка с Селеной ко мне перешла часть ее магии, а стихией сестры был огонь. Магистры, чтобы перестраховаться, и сослали меня под воду, дабы я ненароком, в припадке бешенства, не испепелила кого на суше. А там вода гасила мою разрушительную магию, и я постепенно научилась справляться с приступами гнева и другими «подарками» Селены. Потом нам с Ивом был дарован отпуск на райском островке, а теперь меня ждала третья, самая главная миссия. Если верить магистрам, то к концу предстоящего испытания я овладею магией настолько, что смогу открыть портал в свой мир и вернуться домой. Итак, я уже изнываю от любопытства, что же на этот раз меня ждет?

– Лукоморье, – провозгласил магистр с таким видом, как будто только что презентовал мне тур на Гавайи. – Это же мир из сказок, известных тебе с детства, – с беспокойством добавил он, не дождавшись желаемой реакции.

Интересно, я сейчас должна прыгать выше верхушек пальм и кричать: «СПАСИБО! Вы исполнили мою детскую мечту»?!

– Ну спасибо, – выдавила я. – Всю жизнь мечтала потусить с Бабой-ягой и Горынычем. Ив с беспокойством заглядывал мне в лицо. Он сказок про трехглавого змея не слышал и не мог догадываться, что за веселое приключение нам предстоит.

– С Бабой-ягой не получится, – как-то виновато улыбнулся магистр. – Ее сперва разыскать надо.

– Как это «разыскать»? – поразилась я. – Она что, в бега подалась?

– Мы не знаем, – трагическим тоном возвестил магистр. – Но факт есть факт – Баба-яга исчезла, народ волнуется. Наш долг – вмешаться.

Я немного повеселела: это и есть моя последняя миссия? Да дел-то на пару дней. Куда может деться такая знаменитость, как Баба-яга, в крохотном Лукоморье? Да еще с ее-то приметной внешностью?

– Считайте, что мы ее уже нашли, – клятвенно пообещала я, чувствуя признательность к магистру и его коллегам. Хорошо хоть на этот раз меня не заставляют играть чужие роли, как раньше.

– Мне нравится такой настрой, – поощрительно улыбнулся магистр, утирая пот со лба. Я его понимаю – солнце палит немилосердно. – А пока, чтобы народ не волновался, тебе придется побыть ею.

Я остолбенела. Что? Мне? Мне побыть мерзкой, злобной, дряхлой, беззубой, с бородавкой на носу...

– ... Бабой-ягой, – подтвердил мои опасения подлец Белимар.

Ив переводил взгляд с магистра на меня, искренне недоумевая, о чем речь и кто такая эта баба, в которую мне предстоит перевоплотиться.

– Надеюсь, это шутка? – выдавила я, начиная закипать под тропическим солнцем.

Отводя глаза, Белимар взмахнул палочкой и протянул мне бумажный пакет, сотканный из воздуха. Я с опаской взяла его и заглянула внутрь.

– Это такой розыгрыш? – с угрозой спросила я, выуживая из недр пакета ужасающую квадратную челюсть с крупными желтыми зубами, которые, видимо, делали со слепка породистой лошади. Я ткнула челюсть Белимару в лицо, та ужасающе лязгнула, и он отшатнулся. А Ив захохотал.

– Что смешного? – огрызнулась я.

– Как я понял, ваша Баба-яга – это какая-то отвратительная, внушающая ужас старуха, – сказал Ив.

– Я потрясена твоей проницательностью. Смешного-то что?

– Просто представил себе, если уж одна челюсть в отдельности способна испугать до полусмерти, какой же ты будешь в полном образе. – Ив давился от смеха, а магистр промокал пот со лба и не чаял поскорее покончить с неприятной миссией.

– А я тебе сейчас покажу! – пригрозила я и запустила руку в пакет. Пальцы нащупали что-то жесткое, как мочалка, – это оказался парик. Я нахлобучила его на голову, вызвав очередной приступ смеха у рыцаря. Следующей моей находкой стала омерзительная перчатка с узловатыми пальцами и толстыми загнутыми когтями, я напялила ее на руку и с рычанием принялась душить ею хохочущего Ива.

– Пожалуй, я пойду, – попятился Белимар. – Смотрю, ты уже со всем разобралась.

– Стойте! – спохватилась я. – Вы зачем напугали нашего дельфинчика? С ним все в порядке? Вы его, случаем, не зашибли, когда приводнились?

– Спасибо, – смущенно кашлянул Белимар, – все в порядке.

– Что значит «спасибо»? – не поняла я.

Магистр смешался и, поспешно пожелав нам удачи на новом месте, стал таять, как в дымке.

– Это он и был, – выдал Ив. – Все это время.

Я только ахнула. Каков предатель! Все это время следить за нами, крутиться рядом, когда мы в море, слушать все наши разговоры. А я-то, не стесняясь в выражениях, костерила магистров, которые эксплуатируют меня, как Золушку, а отдохнуть толком не дадут, и еще

много чего такого, не подумав, говорила.

– Ну я ему это припомню! – Я пригрозила когтистым пальцем в пространство, которое менялось на глазах. Пальмы таяли, как пустынный мираж, и сквозь них все отчетливее проступали очертания дремучего леса.

– Смотри! – Ив сжал меня за другую руку, и я повернулась, успев заметить, как истончается силуэт нашего райского шалаша. Мгновение спустя на его месте уже стояла, крепко держась на куриных ногах, настоящая сказочная избушка.

Не сводя с нее глаз, я машинально стянула перчатку и парик, сунула их вместе с челюстью в пакет.

– Ты когда успел переодеться? – удивилась я, глядя на Ива в привычной ему средневековой одежде путешественника: рубаха, перевязанная широким бархатным поясом, и штаны, заправленные в высокие сапоги. И тут заметила, что изменился и мой наряд: вместо парео на мне был длинный голубой сарафан, тот самый, в котором попала из Москвы в Вессалию. Одежда, конечно, выдаст в нас чужаков, зато внешность у нас самая подходящая для Лукоморья. Я – блондинка, у Ива волосы светло-русые да еще веснушки на щеках просматриваются, глаза у обоих голубые. Авось сойдем за своих, когда в наряды по местной моде переоденемся. Впрочем, мне это все равно без надобности, мне же Бабой-ягой рядиться придется да народ пугать.

В следующее мгновение шум волн и пение птиц с необитаемого острова окончательно стихли, уступив место звукам природы этого мира. Только звуки эти были отнюдь не из коллекции дисков для релаксации. За нашей спиной трещали деревья и грохотали шаги неведомого чудища.

Ив одним рывком дернул меня в сторону, и мы укрылись в кустах бузины. Как раз вовремя: мгновение спустя по тропке, на которой мы только что стояли, вихрем пронеслось что-то огромное, пестрое, с рыжими ногами. Избушка при виде чудовища подтянулась и как будто приготовилась к бою. Втянула в себя ступеньки, захлопнула ставенки – точь-в-точь неприступная крепость. К чести избушки, она стойко вынесла удар, когда чудо-юдо со всей прыти врезалось в одну из стен, и даже не пошатнулась. А вот чудо-юдо удара не пережило: развалилось на две части, одна из которых оказалась тощим рыжим конем, а другая – низкорослым, но очень крепким мужичком в кольчуге и богатырском шлеме. Мужичонка поднялся на ноги, потряс головой, словно отгоняя от себя звон в ушах, и грозно рявкнул:

– Баба-яга, выходи немедленно!

– Щас, бегу и падаю! – проскрипел вредный старушечий голосок.

Я потрясенно замерла. Получается, никуда Баба-яга не пропала? Или уже вернуться успела, пока магистры Совет собирали да меня на замену спрашивали?

– Выходи, убивать тебя буду! – не унимался мужик и воинственно воздел над головой погнутый меч.

А крепкая у Яги избушка, если сталь от столкновения с бревнышками гнется, как фольга. Видимо, богатырь дефект оружия заметил только сейчас, потому что сперва крепко ругнулся, а потом попытался сделать хорошую мину при плохой игре – опустил меч к земле и оперся на него двумя руками. Ни дать ни взять – Горец с плаката кино.

– А силенок хватит? – ехидно спросила Яга.

Богатырь как-то разом поник и, оглядевшись по сторонам и забыв про воткнутый в землю меч, подскочил к избушке и приглушенно зашептал что-то в закрытое окошко. Избушка вздрогнула, распахнув ставенки, как веки, и откуда-то изнутри проскрипело:

– Ах вот как! А что, Илюша, убивать меня ты уже раздумал? Или подождешь сперва, пока я тебе отварчик для мужской силы сварю?

– Тише, – зашикал богатырь, в панике оборачиваясь по сторонам. – Я ж тебя обидеть не хотел, сама понимаешь – положено! Если ж меня тут кто увидит...

– Положено, – передразнила Яга. – Положено молодцам с плечами в косую сажень беззащитных старушек обижать и смертью им грозить, да не положено молодцам с плечами в косую сажень к бабке за травками бегать, чтобы потом девок молодых портить.

– Ну что ты в самом деле, – взмолился Илья. – Я ж не для баловства. Я, может, остепениться хочу, семьей обзавестись. Я уже и невесту приглядел, Злату. Помоги, век не забуду!

– Лучше бы ты навек дорогу к моей избе забыл, – проворчала Яга.

– Как скажешь, бабушка, все сделаю, – торопливо запричитал богатырь. – Только помоги!

– Завтра приходи, – сжалилась Яга.

– Вот спасибо! – расчувствовался богатырь.

– Только смотри мне, – строго добавила Яга, – узнаю, что обманул, что семьей не обзавелся, накажу так, что ни одна чернавка на тебя после не взглянет.

Илья ощутимо поежился, но намерения свои подтвердил.

– Что ж, завтра к вечеру будет тебе отвар, – сообщила Яга, и избушка повернулась к богатырю задом, давая понять, что аудиенция окончена.

Илья подошел к мечу и попытался его выдернуть. Однако тот штопором вонзился в землю, и теперь вынуть его было не так просто. Богатырь изрядно попотел, бегая вокруг меча и пыжась его вытащить. Даже избушка заинтересованно повернулась, приоткрыв ставенки и поглядывая на старания богатыря, точь-в-точь как любопытная сорока.

– Что, не выходит меч-кладенец? – не выдержала Яга.

– Не выходит! – пожаловался Илья и взмолился: – Помоги, бабушка!

– Не старушечье это дело – богатырские мечи из земли дергать, – ехидно отозвалась Яга. – Сам вогнал, сам и тащи.

Богатырь еще попотел минут пять, потом злобно сплюнул, со всех сил пнул неподдающийся меч лаптем и взгромоздился на рыжего конька, испуганно жмущегося в сторонке.

Каким образом отнюдь не богатырских размеров конь умудрялся удерживать на себе Илюшину тушу и мчаться со скоростью кометы, для меня так и осталось загадкой. Конь сорвался с места – и лес возмущенно застонал, роняя сломанные ветви и сорванные листья. Скорости Илюшиного коня мог бы позавидовать и железный конь Шумахера.

Выждав пару минут, мы выбрались из кустов и направились к избушке, которая при виде нас гостеприимно распахнула ставенки, спустила ступеньки и открыла дверь, выпустив на крылечко большого черного кота.

Рыцарь из спортивного интереса попытался выдернуть меч из земли, но был вынужден признать свое поражение.

Я же, приближаясь к крыльцу, заглядывала в темное нутро избушки, все ожидая, когда же появится сама хозяйка.

– Ты, что ли, новая Яга будешь? – строго спросил кот, не сводя с меня пронизывающих зеленых глаз.

Если я и удивилась, то вопросу, а совсем не говорящему коту. Эка невидаль! В Вессалии был у меня один знакомый рыжий кот Микки – болтун, каких свет не видел. По совместительству, кстати, кузен мой. Как-то парень Селене под горячую руку попался, потом котом несколько месяцев бегал, пока я его не расколдовала. Интересно, черный кот – тоже заколдованный человек?

– Как это новая? – изумилась я. – А кто сейчас с Ильей беседовал?

– Да это избушка балуется, – снисходительно отозвался кот и потерялся о крыльцо. – Шалунья она у нас.

– Ой, щекотно! – хихикнул трескучий старушечий голос, который я приняла за голос Бабы-яги, и, спохватившись, добавил: – Добро пожаловать, гости дорогие! Или это, – она запнулась, – хозяева?

– Хозяин тут один – я, – ошетинился кот. – А вот насчет хозяйки посмотрим. Так это ты новая Яга?

– Я не Яга, – поправила я, – а Яна.

Кот ощутимо расслабился.

– Но я за нее, – добавила я, и кошачья спина напряглась, что тетива.

– Кто вас только присылает, – недовольно проворчал кот. – Сказано же: Баба-яга – старая страшная старуха. Понятно?! – Он так и впился в меня глазищами.

– Понятно, – растерялась я. – Чего ж тут непонятного. Сказки в детстве читала. И в университете славянскую мифологию проходили. Баба-яга – это древняя праматерь, живой мертвец и страж загробного мира, – протараторила я.

– Дурак ваш университет, – развеселился кот. – Это ж надо такую чепуху сочинить!

– А что, все не так? – растерялась я.

– Да ты не трясись, – успокоил меня кот, впуская в дом. – Я тебе помогу. Меня Варфоломеем кличут, – распушился он.

– А это Ив. – Я кивнула на рыцаря.

– А вот второго мужчину, – кот перегородил вход Иву, пытавшемуся войти следом за мной, – я в доме не потерплю.

– Мы вместе, – бурно запротестовала я.

– Чепухи-то не городи, – осадил меня кот. – Испокон веков Баба-яга одна жила.

– Я испокон веков не согласна, – испугалась я.

– Я тоже на это надеюсь, – ухмыльнулся Варфоломей. – Или ты наврала, что временно явилась?

– Временно, временно! – поспешила заверить я. – Вот только разыщем настоящую бабку и сразу свалим подальше из этой сказки.

– Искать будет он. – Кот мотнул головой в сторону Ива, стоящего в дверях. – А ты будешь Ягу изображать. Ворожить-то, чай, умеешь? – Он окинул меня скептическим взглядом.

– Умею.

– И то ладно, – смягчился кот и повернулся к Иву: – Ты отправишься за Василисой и вернешь ее домой.

– За какой еще Василисой? – напряглась я.

– Василиса – это моя настоящая хозяйка, бестолочь! – закатил глаза кот.

– Не очень-то вы и вежливы, мужчина, – огрызнулась я.

– Я смотрю, ты тут хочешь надолго задержаться? – сощурил глаза котятра.

Я запнулась и замолчала.

– Так вот, я знаю, где сейчас Василиса, – властно продолжил кот. – И очень хорошо, что ты явилась не одна. Пока ты будешь прикидываться Ягой, твой суженый вызовет мою хозяйку и вернет ее назад. Я думаю, это в наших общих интересах.

– Если ты знаешь, так что же молчишь! Почему магистрам ничего не сказал? – возмутилась я. – Уж они-то ее быстро бы вернули на рабочее место.

– Не могу я волшебникам Василису закладывать. Не все так просто с моей хозяйкой, – выдал Варфоломей.

– Кто бы сомневался, – проворчала я.

– Это долгая история, – заметил кот и, обернувшись к Иву, нехотя мотнул головой. – Ладно уж, заходи. Нечего порог топтать. Даже у леса есть уши.

Ступая впереди, кот с достоинством настоящего английского дворецкого провел нас в горницу, которую я, раскрыв глаза, разглядывала, как музейный объект. Комнатка служила хозяйке и спальней, и кухней, и приемной, и рабочим кабинетом. Поэтому здесь разместились и печка, застеленная ветошью, и лавка для гостей, и древний деревянный стол, и кованые сундуки – один большой, два поменьше. По бревенчатым стенам были развешаны пахучие веники из сухих и свежих трав. На полу лежали искусно вышитые половички.

Удивительно, но комната не выглядела жилищем злой старухи – несмотря на собрание древностей, она была чистой, опрятной, ухоженной и очень уютной. Здесь пахло деревом, травами, хлебом. На столе стояла глиняная кринка и черствели подгоревшие пироги, при виде которых желудок настойчиво напомнил, что соскучился по домашней еде. На острове мы с Ивом питались одними фруктами и рыбой. И хотя я могла наколдовать себе кусочек

пиццы или шпажку шашлычка, я не стала этого делать, приняв правила игры Ива, который с азартом изображал Робинзона, преподносил мне кокосы и ловил рыбу в тихой заводи. Ну разве что пару раз не удержалась и тайком съела хот-дог и вафельный рожок с мороженым!

Рука сама собой потянулась к пирожку, но кот опередил меня, запрыгнув на стол и загорюхав собой блюдо:

– Не тронь эту гадость! Давно выбросить пора.

– Я только маленький кусочек! – попросила я.

Кот оскалился и выгнул спину:

– Если будешь тащить в рот все, что лежит в доме Бабы-яги, козочкой станешь!

Я ойкнула и отдернула руку.

– Я пошутил, – добавил кот. – Но пироги эти не ешь. И квас тоже вылей. Василисы уже десять ночей нет, они пропали давно.

Я выполнила наказ кота, вылив квас у крыльца и бросив рядом пироги – кот заверил, что птичкам ничего не станется.

– А почему ты зовешь Ягу Василисой? – полюбопытствовала я, вернувшись в горницу, где на столе уже пытел самовар и кот крутился у ног Ива, командуя, как заваривать чай из березовых почек и листьев малины.

– Потому что ее так называли родители, – выдал кот.

– У Бабы-яги есть родители? Папа-яга и Мама-яга? – загорелась я. – Расскажи!

Через несколько минут мы уселись вокруг закипающего самовара, распространявшего аромат еловых шишек, и приготовились слушать историю пропавшей Бабы-яги.

Кот начал свой рассказ, и мы окунулись в события ненастного майского дня, когда непокорная дочь покинула отчий дом, спасаясь от постылого замужества и желая посоветоваться с мудрой Бабой-ягой.

Василиса

Дом спал. Василисе удалось напустить волшебный сон и на стороживших ее нянюшек, и на батюшку с матушкой, почивавших в своей горнице, и на сестренку, и на служанок, и на стерегущих терем стрельцов, и даже на бдительного Полкана, уснувшего у своей будки.

Василиса на мгновение остановилась, потрепала пса по холке, прижалась к теплой морде, и Полкан приглушенно заворчал во сне.

Страшно было покидать родительский дом и выходить за ворота терема. Но еще страшней постылое замужество, на которое обрек ее отец, не желавший слушать ее мольбы. Да и матушка не хотела понять старшую дочь: жених и богат, и пригож, и славен – всем хорош. Да как объяснить, что душа у него черная, уж Василиса-то это видит, как никто другой. С детства ее Премудрой кличут за думы взрослые, за проницательность необычайную. Да только даже батюшка с матушкой не ведают о ее тайне – способности к чародейству. Но недолго им в неведении пребывать осталось – после побега Василисы все станет ясно, и обратного пути в родной терем ей уже не будет.

Запахнувшись в дорожный плащ, Василиса юркнула в конюшню, сняла заклятие сна с верной кобылки и вывела ее во двор. Высокие ворота растворились, пропустив всадницу, и закрылись за ее спиной, отсекая путь назад.

Василиса гнала кобылу всю ночь напролет и еще затемно достигла дремучего леса. Здесь она отпустила кобылу и, шепнув ей волшебное слово, отправила домой. А сама двинулась по проторенной дорожке меж вековых дубов к стройным сосенкам, окружавшим избушку Бабы-яги. Она уже была здесь две весны назад. Тогда сильно захворала младшая сестренка, Злата, и царица сама к Яге на поклон отправилась в сопровождении старой нянюшки, знавшей дорогу. Василиса насилу упростила взять ее с собой – так ей хотелось посмотреть на легендарную чародейку. Пришлось даже наврать с три короба о том, как она мечтает вызнать у старухи свою судьбу и погадать на суженого. Только так и удалось мать уговорить. Яга тогда Златушку исцелила, а на Василису смотрела долгим проницательным взглядом и, пожевав серыми губами, сказала: «Непростая тебя ждет судьба, девица. Много

испытаний тебе предстоит вынести, прежде чем с суженым своим соединишься». Мать, возвращаясь через лес, ругала Ягу вздорной старухой и недоумевала, какие испытания могут ждать царевну, судьба которой давно решена? А Василиса шла тише воды ниже травы, и ныло сердечко от волнения: правду бабка сказала, увидела она в ней прежде всего чародейку, а не царевну...

Избушка, освещенная тусклым светом полумесяца, казалась спящим воробушком. Заслышав осторожные шаги Василисы, она встрепенулась, вскочила на ноги. Взметнулись веки-ставенки, и Василисе почудилось, что на нее пристально смотрит большой черный зрачок. Вздрыгнула – и наваждение прошло. То застыл на подоконнике крупный бабушкин кот.

В избе послышались приглушенные голоса, как будто кто-то решал, что делать с незваной гостьей. И вот уже под ноги Василисе спустились ступени, словно соткавшись из призрачного лунного света. Василиса решительно взбежала к двери, которая с жалобным скрипом пустила ее внутрь, и, войдя в сени, замерла от ощущения беды. В воздухе, перебивая стойкие ароматы полыни и хвои, отчетливо пахло смертью. Василиса в волнении пересекла сени и вошла в горницу, тускло освещенную светом лучины.

Баба-яга, лежавшая на печи под грудой ветхих тряпиц, только голову на нее повернула. Приподняться у старухи уже не было сил. Голос, еще недавно звучавший громко и не смущавшийся командовать царицей, теперь был подобен шороху осенних листьев.

– Бабушка-яга, – выдохнула Василиса.

– Пришла, – старуха облизнула потрескавшиеся губы, – знать, от судьбы не уйдешь...

«Как это не уйдешь, – мысленно возмутилась Василиса, – я же ушла, сбежала, гнева родительского не побоялась». А ведь сейчас, поди, сонное заклятье уже развеялось, стрельцы и Полкан подняли шум, обнаружили ее пропажу и наверняка пустили погоню.

– Вот и я говорю, девица, не твоя это судьба, коли ты от нее сбежать не побоялась да ко мне поздней ночью прийти. – Желтые глаза Яги на миг полыхнули огнем купальских костров, и старуха велела: – Подойди.

Черный кот зашипел и прыгнул с окна, перевернув глиняный горшок. Василиса машинально бросилась собирать черепки и, задумавшись, сама не заметила, как поставила на место целый горшок.

– Молодо-зелено, – с напускной строгостью проворчала Яга. – Разбрасываешься своей силой без разбора. Наловчилась, поди, в тереме золоченые блюда из осколков складывать, чтобы не досталось из-за шалостей?

Василиса нервно распушила кончик косы. Права была Яга. Именно так, сидя над разбитой чашей, которую так любила маменька, и замирая при мысли о наказании, маленькая Василиса открывала в себе волшебные умения. Больше всего в тот миг она желала, чтобы чаша сделалась целой и невредимой, словно не смахнула ее, играючи, озорная девчонка. Василиса даже глаза зажмурила крепко-крепко и кулачки сжала сильно-сильно, а когда открыла, перед ней стояла маменька и со строгостью взирала на дочь, без позволения пробравшуюся в ее покои.

– Василиса, ты что здесь? – Строгий голос матери прозвучал как наяву.

– Матушка... я... прости... – пролепетала девочка, холодея от страха и загораживая черепки на полу.

Мать отодвинула ее в сторону, и в воздухе запахло грозой.

– Сколько раз тебе было велено, не тронь ничего без спросу!

– Прости, матушка, – промямлила Василиса.

– Ты же знаешь, как дорога мне эта чаша, – отчитывала ее царица. – Это подарок твоего батюшки!

От строгости матери и предчувствия наказания голосок Василисы задрожал, на глаза навернулись слезы.

– Я не чаяла, я ненароком... Прости, матушка!

– Впредь играй осторожней. – Властный голос матери неожиданно смягчился. – Ведь

так и разбить ее недолго.

Василиса, не веря своим ушам, бросила взгляд за плечо. На бревенчатом полу не лежало ни осколочка! А мать держала в руках целую и невредимую, как Василиса и загадывала, чашу.

– Ну ступай, егоза, – улыбнулась мать. – Да впредь не балуй.

Василиса птичкой порхнула из царицыных покоев, каким-то недетским своим чутьем понимая, что рассказывать матери о чуде, которое она только что сотворила своими руками, не стоит...

Глухой кашель Бабы-яги вырвал Василису из оживших воспоминаний. Черный кот с беспокойством метнулся к печке и вскарабкался наверх.

– Говори, зачем пришла, – хрипло велела Яга. – А то, не ровен час, помру и не успею горю твоему помочь. Да и ты, судя по тому, что ночью в избу Яги не побоялась прийти, торопишься шибко.

– Я из дому сбежала, – выдохнула Василиса, растерянно теребя косу.

– Хороша царевна! – возмущенно фыркнул черный кот, ошарашив девушку.

– В прошлый раз ты не разговаривал, – выдавила она.

– В прошлый раз и ты не очень-то говорила, – с ехидством отозвался кот, заботливо укрывая хозяйку тряпьем и укладываясь под боком.

– Молчи, пустозвон, – цыкнула на него Яга и пристально взглянула на девушку. – Интересный расклад получается. А ко мне почему явилась? Али дружок сердечный испугался и бросил беглую царевну?

– Нету никакого дружка, – вспыхнула Василиса. – Батюшка меня замуж хочет отдать за Чернослава.

При упоминании имени жениха Яга вздрогнула, и в руке, рассеянно поглаживающей кота, остался клочок черной шерсти. Кот обиженно взвыл и соскочил с печи.

– За Чернослава, говоришь? – нахмурилась Яга, не обращая внимания на жалостливо голосящего кота, и с сочувствием взглянула на оробевшую Василису. – А я-то чем помочь могу?

– Укрой меня, бабушка, – взмолилась Василиса. – Чернослав – он злой, он темный, не любит он меня, уж я-то вижу.

– Ох, царевна, – вздохнула Яга, – припозднилась ты. Сама видишь, близехонек мой час. Долго я на белом свете гостила, пора и честь знать.

Василиса задрожала.

– Неужели ничего нельзя сделать, бабушка?

– Не жилец я на этом свете, – прошамкала Яга.

Кот скорбно взвыл, прижался к хозяйке.

– Я думала, ты меня спрячешь, – зашептала Василиса. – Думала, научишь, как от погони скрыться да людям пользу своими умениями приносить. Я ведь, бабушка, исцелять умею. Я украдкой в тереме помогала...

– Что ж сестрицу свою не исцелила? – со строгостью осадил ее Баба-яга. – То-то же. Есть в тебе умения, да только управлять ими ты еще не научилась, и мало что тебе, девица, пока под силу.

– Научи, бабушка, – взмолилась Василиса, – научи, милая!

Яга вытянулась на печи, вздернув крючковатый нос, уставилась в потолок и замерла.

– Быть по-твоему, Василиса, – наконец молвила она. – Чему успею, тому научу.

Кот перевел дух и припал к блюдечку с родниковой водой за неимением молока. То, что без молока Варфоломей тяжело страдает, мы уже твердо уяснили. Причем, по версии кота, выходило, что главная обязанность Бабы-яги – обеспечивать бедного котика свежим молочком, и только ради этого помогать страждущим. Колдовство за молоко и сметану – и других валют не приемлем.

– Значит, Яга стала учить Василису тому, что умела? – сгорая от любопытства,

спросила я.

– Так и было, – с важностью сообщил кот, оторвавшись от блюдечка. – Яга поведала ей все полезные свойства трав и их сочетаний, рассказала, когда надобно собирать травы, чтобы они сохранили целебные свойства. Научила понимать голоса лесных птиц и зверей, прислушиваться к матушке-земле и батюшке-лесу, – перечислял он, успевая намывать усы. – Сообщила, как распознать клад глубоко под землей и как вычислить вора...

Я приуныла, слушая этот внушительный список. Я из этого и половины не умею. И как только справляться буду?

– Но то была лишь десятая часть того, что умела моя хозяйка, – печально закончил кот. – До остального Василисе пришлось доходить собственным разумом да делом.

Всего десятая часть! Я вконец приуныла и вздохнула:

– А мне, значит, и вводный курс лекций провести некому...

– Чем смогу – помогу, – обнадежил меня Варфоломей. – Как помогал Василисе все это время. Так вот, через три дня после того, как Василиса появилась в нашей избушке, моя хозяйка испустила дух...

– Как?! – поразила я. – Всем этим премудростям Яга обучила Василису за три дня?!

– Я же говорю, – обиженно повторил кот, – она не передала ей и десятой части своих знаний.

– А кто надоумил Василису прикинуться Ягой? Сама Яга? – любопытствовал Ив.

– Так вот я и рассказываю... – продолжил кот. – Дело было так...

Василиса

Все три дня после побега Василиса, как умела, пыталась облегчить страдания Бабы-яги и с жадностью впитывала в себя знания, которыми делилась с ней легендарная чародейка. Василиса старалась не думать о том, что она станет делать, когда уста старухи застынут и жизнь покинут ясные желтые глаза, смотрящие ей прямо в сердце. Василиса понимала, какую честь оказывает ей Яга, передавая свой опыт, и не могла не сознавать, что обязана этим своим чистым помыслам и искреннему желанию продолжить дело чародейки, не оставить людей без волшебной помощи.

От зари до захода солнца Василиса металась от печи к столу, ворошила вязанки сухих трав, смешивала в котелке разные снадобья, училась видеть и слышать то, что было недоступно раньше. Как по заказу зарядил дождь, и тропинку к избушке размыло, так что никто из посетителей не мешал тихим разговорам Яги и Василисы. Даже словоохотливый Варфоломей притих, свернувшись клубком в ногах у хозяйки, и только неотрывно следил за девушкой, сверкая зелеными глазищами.

К вечеру Василиса валилась с ног, но, преодолевая усталость, гнала сон и стремилась узнать как можно больше: Яга была плоха, и каждая беседа с ней могла стать последней.

Яга спала плохо, поэтому охотно делилась с девушкой своими знаниями, и в избушке засыпали уже глубоко за полночь. Добравшись до лавки, Василиса мгновенно проваливалась в сон, не замечая, как жестки доски супротив мягкости перин в тереме батюшки.

Старуха с одобрением поглядывала на девушку, которая оказалась равнодушной к комфорту и жадной до знаний. Когда-то она тоже была такой. Значит, и Василиса со временем может стать ей достойной заменой. Вот только у самой Яги этого времени уже нет.

– Ты уж не оставь Василисушку, – шепнула Яга коту, мурлычущему у нее под боком. – И она, верю, тебя не оставит.

Варфоломей еще громче замурлыкал, с тоской прижимаясь к хозяйке и стремясь напоследок выразить всю свою любовь к ней. А когда кот замолчал, Яга уже не дышала.

Василиса проснулась на заре и сразу все поняла по унылой тишине, царившей в избушке. Осиротевший Варфоломей неподвижно сидел в ногах у Яги, только глаза болотными огоньками жгли проснувшуюся девушку.

– Не реви, – строго сказал он. – Хозяйку проводить надо, как полагается.

Дождь кончился, земля успела просохнуть за ночь. Варфоломей повел Василису вглубь

леса по одному ему известной тропинке. Поспевая за котом, Василиса удивлялась: деревья как будто расступались перед ними, а потом смыкались за спиной, храня тайную тропку. Варфоломей остановился у древнего дуба, кряжистого и высокого.

– Здесь, – кивнул он, усаживаясь между корней.

Василиса растерянно затеребила косу. Придется постараться, чтобы перенести сюда Ягу и вырыть могилу. Вдруг позади нее затрещали кусты и на поляну вышел большой медведь. Он задрал морду к небу и зарычал.

Василиса перепугалась и принялась вспоминать заклинания, которые спасут от зверя, но кот метнулся ей в ноги, мяуча:

– Потапыч – наш друг.

Обратно возвращались втроем. Отчаянно косолапя, медведь по-человечьи вошел в избу, проломив пару ступеней, с почтением поднял на передние лапы Бабу-ягу и двинулся в обратный путь.

У заповедного дуба, рядом со свежеврытой ямой меж корней, их ждали медведица с медвежонком.

Простившись с Ягой, Василиса с котом вернулись в избушку.

– Что же теперь делать-то? – потерянно спросила Василиса, поднимаясь на крылечко.

– Надо плотника звать, – произнес кот, перепрыгивая через сломанную ступеньку.

А кроны деревьев испуганно зашелестели, и Василиса замерла на пороге, прислушиваясь к *зову*. Немногому ее успела научить Яга, но угадать приближение врага лютого успела.

– Чернослав! – побелевшими губами выдохнула Василиса.

Кот все мигом понял и ошетинился:

– Когда?

– Если лес задержит, поплутать заставит, то, может, успею скрыться, – прошептала Василиса, посылая свою отчаянную мольбу лесу.

– Не скроешься, – с тревогой возразил кот. – А вот обмануть его можно.

Подтолкнув остолбеневшую Василису под ноги, Варфоломей скакнул в сени и прикрикнул на девушку, веля поторопиться.

– Избушка меня укроет? – с надеждой спросила Василиса.

– Против дубины избушка не воин, – пробормотал кот, запрыгивая на сундук и нетерпеливо чертя коготками по дереву. – Отпирай!

– Это же не мое, – запротестовала девушка.

– Отпирай! – рявкнул кот. – Наряжать тебя будем.

– Да разве до того сейчас! – ахнула Василиса.

– Отпирай, кому говорят! – Кот оскалился и выгнул спину. Того и гляди, глаза выдерет! Василиса поспешила выполнить чудную просьбу.

Варфоломей нырнул в тряпье, расчихался от пыли и через некоторое время выпрыгнул, бросив к ногам Василисы серую дерюжку, подобную той, которую носила Яга. Хотя почему «подобную»? Это же ее сундук.

– Одевайся!

Василиса стыдливо зарделась.

– Дура девка, – буркнул кот, скрываясь за печью. – Одевайся, кому сказано.

Василиса сняла расшитый самоцветами сарафан, в котором бежала из дома бабушки, и, оставшись в одной нательной сорочке, надела сверху бесформенную дерюгу.

Кот бесшумно выскользнул из-за печи.

– В самый раз! – мяукнул он. – Теперь и не поймешь, девица ты или старуха.

– Я должна прикинуться родственницей Бабы-яги? – непонимающе произнесла Василиса.

– А еще Премудрая! – укоризненно протянул кот. – Ты и есть Баба-яга, ясно?

– Какая же я Баба-яга? – обомлела Василиса. – Чернослав меня вмиг признает.

– Соображаешь, Премудрая, – ехидно отозвался Варфоломей. – Так что ты уж

постарайся – не стой столбом!

В трубе заблудился ветер, и Василиса с беспокойством прислушалась к посланию леса: Чернослав с дружиной уже ступил под сень деревьев и скоро будет здесь. У нее в запасе не так много времени, чтобы перевоплотиться в Бабу-ягу.

Василиса кинулась к печи и принялась ворошить тряпье. Кот с одобрением наблюдал за ней. Но, когда девушка с торжествующим криком выхватила из тряпья что-то невидимое и бросилась к котелку, Варфоломей заволновался.

– Ты что задумала? – нервно поинтересовался он, постукивая хвостом по лавке.

– У меня волосок Яги! – возбужденно сообщила Василиса, поднеся сложенные щепоткой пальцы к носу кота. – Сейчас скоренько вскипачу обратное зелье и приму ее облик.

– Дура! – рявкнул тот, вскакивая со скамьи. – Во-первых, это не Яги волос, а мой.

– Как твой? – удивилась Василиса. – Он же седой!

– Не седой, а серый, – с достоинством возразил кот, ткнув лапой в грудь, и, разворошив манишку, продемонстрировал скудный клочок шерсти дымчатого цвета, а потом снова искусно замаскировал его и для верности еще сажой с котелка мазнул поверху.

Василиса опустила руки и в растерянности затеребила косу.

– Прему-у-драя, – язвительно протянул кот. – Учить тебя еще и учить!

– Что же делать? – прошептала Василиса, в панике поглядывая в окошко.

– Беги набери глины позади избушки да водицы из лужицы, – деловито велел Варфоломей. – А я пока здесь покудесничаю.

Василиса опрометью бросилась из избы. Когда она вернулась, выполнив поручение кота, тот деловито выковыривал паклю из окна, а избушка хихикала, жалуясь на щекотку.

– Принесла? – обернулся кот. – Вот и умница. Давай разводи глину с водицей да щеки мажь.

– Что? – опешила Василиса.

– Бабу-ягу из тебя, красавица, делать будем! – рявкнул кот.

Василиса перевела взгляд на глину в одной ладони, на кувшинчик с водой в другой – и вдруг расхохоталась.

– Ай да кот, ай да затейник! – Она быстро смешала сероватую кашицу и растерла ее по лицу.

– Уже лучше, – одобрил кот. – Теперь остатки по рукам разотри, а то уж больно они у тебя белые. Но все равно при женихе руками не маши, а лучше прячь их под столом, – посоветовал он и протянул ей паклю и тонкую веревочку. – Это на вот, косу спрячь, а сверху привяжи.

Василиса с азартом завертелась у бочки с водой, исполняя поручение кота. А тот, запрыгнув на печь, выудил из вороха тряпья серый платок и сбросил его на пол.

– Это сверху повязывай.

– Натуральное чучело, – оценила Василиса, надев платок и склонившись над бочкой.

– Да, до Бабы-яги еще далеко, – критически сощурился кот.

– А гости уже близко, – озабоченно заметила Василиса, прислушиваясь.

– Успеем! – ободрил ее кот, выдирая полоску пакли шириной с палец и разделяя ее пополам. – Ну-ка доставай из сундука клей-отвар да лепи себе брови.

Василиса нашла нужную склянку, откупорила и скривилась:

– Ну и запах! Это что... помет?

– Не время носик морщить, – прикрикнул на нее Варфоломей. – Клей давай.

– Но он так гадостно пахнет, – с сомнением протянула Василиса.

– А Баба-яга и не фиалками, как царевны, должна пахнуть, – осадил кот.

– Но и пометом от нее не несло! – возмущенно возразила Василиса.

– Не время препираться, – прошипел Варфоломей и ошетинился – на опушку выехали пятеро всадников.

Василиса охнула, зачерпнула зловонную жижу, провела пальчиком по тонким дугам

бровей. Кот, запрыгнув на стол перед ней, ловко приладил сверху по кусочку пакли.

– Не дрожи, избушка их задержит, пока мы не управимся, – успокоил он, и избушка, подтверждая готовность помочь, захлопнула ставенки, оградив от посторонних взглядов. В горнице тут же сделалось темно, но кот быстро отыскал лучину и зажег ее. А потом запрыгнул на стол, запустил лапу в половинку вчерашнего каравая, который приготовила Василиса по рецепту Яги, и выдрал из него кусочек.

– Нашел время обедать! – осадил его Василиса, кусая губы от напряжения. Голоса Чернослава и его воинов звучали уже у крыльца.

Не удостоив ее ответом, Варфоломей слепил хлебный мякиш, придал ему форму клюва, закрепил склей-отваром, макнул в остатки глиняной кашицы и подскочил к Василисе:

– Наклонись ко мне!

– Что это? – Она с опаской покосилась на пахнущий пометом «клюв».

– Это твой нос, балда! – раздраженно фыркнул кот. – А ну наклоняйся, а то жених тебя мигом признает!

Василиса, убоявшись разоблачения, быстро повиновалась. Варфоломей деловито налепил накладной нос на курносый Василисин и одобрительно мяукнул.

– Все? – осторожно поинтересовалась царевна.

– Еще кое-что! – оповестил кот, отковырнул от каравая еще кусочек, скатал хлебный шарик, проделал с ним те же манипуляции, что и ранее с «клювом», и налепил на кончик хлебного носа.

Василиса, сгорая от любопытства, подскочила к бочке с водой, наклонилась над ней, отшатнулась и вскрикнула. Из бочки на нее смотрела сама Баба-яга: тот же нос, та же бородавка на нем, те же лохматые брови, те же серые сморщенные щеки – это глина стянула кожу бороздками.

– Зубы тебя выдадут, – прошипел кот, ныряя за печку, откуда появился уже с угрожающего вида челюстью, катя ее перед собой. – Это тебе, последний штрих.

– Что это? – ужаснулась царевна.

– Волчья челюсть, – спокойно сообщил кот, сдувая с желтых клыков паутину. – Ты не робей, – поторопил он. – Она чистая, Яга из нее отвар кипятила.

– Ни за что! – с решимостью отчеканила Василиса.

– Эй, хозяйка, – гаркнул Чернослав, и громовой удар обрушился на тоненько всхлипнувшую дверь. – Принимай гостей!

В один миг Василиса подхватила с пола волчьи зубы и сунула в рот. Челюсть села набекрень, растянув щеки по косой. Царевна скривилась от омерзения, кот, оглядев ее, одобрительно хмыкнул.

– В таком виде тебя и родная матушка не узнает, а жених и подавно. Даже если признает, предпочтет убраться подобра-поздорову. А это, – он отделил от каравая щедрый кусок и, раздвинув челюсть, пропихнул его Василисе в рот, – чтобы и голос не подвел! Ну не робей, садись на лавку. И помни, что ты – Баба-яга, – напутствовал он. – Станешь бабушкино честное имя недостойным поведением порочить, я тебе в ногу когти запущу, поняла?

Василиса ни жива ни мертва кивнула, опустила на скамью, а кот, велел избушке впускать гостей, юркнул в ноги царевны и застонал: вот балда, красные сафьяновые сапожки снять забыла! Варфоломей быстрее молнии метнулся к печи, схватил кучу тряпья и бросил Василисе в ноги прежде, чем в горницу вошел Чернослав. После чего сам зарылся в эту кучу и принялся наблюдать за происходящим.

– И что, Чернослав не просек этот маскарад? – удивилась я. – Не смог ряженую девицу от бабки отличить? Не узнал собственную невесту?

Кот с важностью распушился, давая понять, что потрудился на славу, чтобы уберечь Василису от разоблачения. Я тоже приободрилась. Уж если царевну удалось загримировать под Бабу-ягу так, что суженый не догадался, то с реквизитом магистров меня кот-стилист замаскирует – не подкопаешься. Вот только волчью челюсть я вставлять не буду, увольте от

подобной антисанитарии. У меня своя есть, спасибо магистрам. Одно смущает: если все время жевать каравай, чтобы имитировать старушечий голос, я рискую превратиться в коlobка раньше, чем найдется Василиса. Кстати, о каравае...

– Не знаю, как вы, а я страшно проголодалась! – провозгласила я и многозначительно уставилась на кота, а потом – на Ива, призывая его меня поддержать.

Варфоломей на мой намек никак не отреагировал, продолжая неподвижным изваянием сидеть на лавке. Ив озабоченно огляделся и вскочил на ноги:

– Да, хорошо бы подкрепиться!

– Ты куда? – удивилась я, глядя в спину рыцарю, пока он обходил горницу по периметру, вдумчиво изучая стены с вышитыми полотенцами.

– Почтенный. – Ив обернулся к коту. Кот подобрался от такого уважительного отношения. – А у вас имеются лук, стрелы?

Кот отрицательно помотал головой.

– Копье? – менее уверенно спросил рыцарь.

– Есть меч, – сообщил кот.

Ив приосанился.

– ... во дворе торчит! – продолжил кот.

Рыцарь поник – меч Ильи он уже пытался вытащить из земли пару часов назад и вынужден был признать тщетность своих попыток.

– Зачем тебе все эти колюще-режущие штуки? – в полнейшем недоумении воскликнула я.

– Ты же проголодалась, – напомнил Ив.

– Да, и что с того? – все еще недоумевала я.

– Я иду на охоту, – доложил рыцарь.

– Какой ты заботливый, – умилилась я.

Кажется, Ив до сих пор не осознал, что к нему вернулся дар волшебства, и все задачи продолжает решать подручными средствами. А может, это его осознанный выбор? Ведь не желал же он пользоваться своим даром до встречи со мной, предпочитая прикидываться рядовым рыцарем Вессалии.

Значит, о пропитании мне придется позаботиться самой. Не отправлять же в самом деле Ива охотиться на зайцев?

Я сосредоточилась на еде и попыталась наколдовать большую пиццу и бутылку колы. Увы, тщетно! Волшебство, которое с легкостью удавалось мне в Вессалии, на морском дне, на берегу Древней Греции и на тропическом острове еще вчера, сейчас совершенно не действовало. Может, избушка зачарована от чужого чародейства?

Я выскочила в сени, сбежала во двор и, отойдя к опушке леса, повторила свое желание о горячей ароматной «гавайской» пицце с ветчиной и ананасами. Даже руки подставила на тот случай, если пицца свалится на меня прямо с неба. Ничего...

Я в беспомощности повернулась к избушке, с крыльца которой спускались Ив с котом.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросил Ив, подходя ближе.

– Нет, – с трагизмом провозгласила я. – Я разучилась колдовать.

Он вздернул бровь.

– А что ты собиралась сделать?

– Добыть нам пиццу, – призналась я.

– Ты собиралась добыть нам еду волшебством? – потрясение переспросил рыцарь.

– Ну да! – не чувствуя подвоха, подтвердила я.

Ив покачал головой.

– А что такого? Я всегда так делаю!

– Ничего удивительного, – хмыкнул рыцарь, – что у тебя ничего не получилось.

– Это место какое-то особенное? – ухватила я за его слова. – Оно гасит магические способности?

– Да ты сама их гасишь! – выругался Ив. – Как только можно было додуматься

использовать магию для получения пищи!

– А что в этом плохого? – взорвалась я. – Можно подумать, я решила вызвать демона разрушения или вызволить из плена черного колдуна!

– А ты не понимаешь? – опешил Ив. – Это мелко. Это эгоистично. Это расточительно, в конце концов.

В голосе рыцаря прорезались металлические нотки, и меня словно окатило волной холода.

– Между прочим, я думала о двойной пище, – с обидой сказала я. – И твою долю тоже учитывала, чтобы ты голодным не остался!

– Яна, – рассерженно воскликнул рыцарь, – оглянись вокруг! Мы, по-твоему, где?

– Мы в сказке, блин! – огрызнулась я. – Русской народной!

Взгляд мой упал на самозабвенно вылизывающегося кота, и меня осенило.

– Как же я раньше не догадалась?! Ив, ты гений! Кот, доставай скатерть-самобранку!

Хвостатый не прекратил своего упоенного занятия.

– Варфоломей! – еще громче окликнула я.

– Да слышу я, не глухой, – проворчал кот, выворачивая ухо и продолжая мыться. – Только с чего ты взяла, что у меня есть эта скатерть?

– Вы что, – ужаснулась я, – уже подарили ее какому-нибудь пройдохе царевичу?

– Как ты говоришь? – Он в задумчивости почесал за ухом. – Самобранка?

– Как?! – Я опешила. – Ты о ней никогда не слышал?

– Знать не знаю, ведать не ведаю, – широко зевнул кот и продолжил намываться.

– Что это за скатерть-то? – не выдержал Ив.

– Это такая волшебная скатерть, которая всех кормит и поит, как хлебосольная хозяйка, – удрученно пояснила я. – Но нам с тобой, как понимаешь, это не светит. Что же делать?

– Любишь кататься, люби и саночки возить, – изрек кот.

– Чего? – поразилась я.

– Хочешь есть? Сготовь, – снизошел до пояснений тот.

– Сготовь?! Что? У нас и продуктов-то нет! И на чем? Если бы здесь была плита – так ведь даже электричества нет! И не смотри на меня так, – под пристальным взглядом кота я стусевалась, – к печи я и близко не подойду. В лучшем случае я спалю еду, в худшем – всю избу.

Избушка, услышав мои слова, предусмотрительно попятилась назад, пока не уткнулась в три сросшихся стволами сосны.

– Нет, Яна, – рыцарь рассерженно покачал головой, – ты меня совсем не слышишь. Оглянись вокруг. По-твоему, где мы?!

– Мы в лесу, – буркнула я, сверля взглядом сосну за спиной Ива и мечтая, чтобы она упала на голову взбесившемуся рыцарю. Увы, и этому моему желанию не суждено было сбыться. Сегодня не день Бекхэма!

– Вот именно! – воскликнул Ив. – В лесу полно дичи, в лесу полно ягод и грибов, в лесу полно пищи!

– Спасибо за гастрономическую справку, – огрызнулась я. – Только дичь сперва нужно найти и пристрелить. Да и ягоды с грибами под первым же кустиком нас не ждут.

– Яна-а! – Ив раздраженно закатил глаза. – По-твоему, магия – это что? Это сила, способная заменить весь труд на свете?

Именно так я и думала. Но, когда эту мысль сформулировал Ив, да таким обвиняющим тоном, мне показалось, что признаваться в этом не время. И даже закралось сомнение, что я в чем-то не права. Глупости, я всегда права!

– Если не весь, то хотя бы самый нудный, – упрямо ответила я. – По-твоему, нам сейчас стоит отправиться в лес за грибами и корячиться по земле, по ягодке собирая землянику?!

– А по-твоему, достаточно щелкнуть пальцами, и грибы прикатятся к твоим ногам? – съязвил Ив.

– А что, это идея! – загорелась я. – Если ко мне не идет пицца, может, повезет с более близким материалом. Лисички, подосиновики, шампиньоны и эти... как их там... волнушки, ко мне!

– Мухоморы забыла, – услужливо подсказал кот, с интересом наблюдавший за нашей перепалкой.

– Спасибо, – буркнула я.

– На здоровье, – с любезностью отозвался Варфоломей. – Еще поганки не забудь пригласить к столу!

Минуты две я хмурила лоб, представляя себе, как со всех лесных опушек грибы отрываются от корней, а ягоды – от кустиков и летят ко мне аппетитными стайками. Вот ароматное земляничное облачко, вот грибное... И опять ничего! Я снова была вынуждена признать свою неспособность к магии.

– Ну почему у меня не получается? – тоскливо протянула я. – Ив, объясни!

– Я уже все сказал, – холодно взглянул на меня рыцарь. – Магия – не игрушка в руках вздорной девчонки.

Он отвернулся и зашагал к избе.

– Ах, вот ты как заговорил! – обиженно крикнула я ему в спину и в отчаянии прошептала: – Но ведь раньше у меня получалось! Почему?

– Могу только предположить, – вклинился кот, не торопившийся вернуться в дом.

– Валяй, – буркнула я.

– Я видел, как Яга учила Василису. И перво-наперво она ей втолковала, что волшебство – драгоценный дар, и его нельзя тратить по мелочам. Представь, что тебе дарован ларец с самоцветами. Ты можешь распорядиться им с толком – помочь бедняку построить хижину, купить больному целебный отвар, наградить праведника, остановить злодея. А можешь растратить его на себя по пустякам – на гребни, ожерелья, новые сарафаны и сладости. В первом случае ты сделаешь мир лучше и оставишь о себе память в людских сердцах. Во втором – твое золото превратится в сор, утечет, как вода, и, доставив мимолетную радость тебе, обернется песком.

– Ты меня сейчас к благотворительности призываешь? – угрюмо уточнила я. – Себе – ничего, даже куска хлеба, людям – все?

Кот печально посмотрел на меня и махнул хвостом:

– Я? Ни в коей мере. Я лишь пересказываю тебе слова своей хозяйки.

И, отвернувшись, он побрел к избушке.

– Но ведь раньше у меня получалось, – я сжала кулаки, – получалось же! Куда же все делось? Не может же быть, – похолодела я, – что я истратила весь запас своего дара!

Возвращаться в избушку под обстрел укоризненных взглядов Ива и кота не хотелось. Я развернулась и ступила в тень ближайших деревьев. Передо мной расстился лес – дремучий, темный и неведомый.

Заповедный сказочный лес ничем не напоминал тот отравленный мегаполисом и искалеченный туристами подмосковный лес, в котором я имела несчастье заблудиться в последний день моего пребывания в родном мире. Здесь все было так, как сотворила сама природа. Плодородная земля лелеяла каждое семечко, каждый росток. Проливные дожди щедро полили молодые побеги, красили сочной зеленью траву, умывали листву деревьев и ягоду на кустарниках. Высокие корабельные сосны и дубы-исполины стояли плотной стеной, что богатыри на поле боя, а у их ног то тут, то там лежал ковер из бело-рыжих грибных шляпок. Я склонилась над грибной полянкой и с сожалением вздохнула. От избушки я удалилась достаточно далеко, и конечно же в пылу обиды мне и в голову не пришло захватить с собой лукошко или корзину. Платка я не носила, а складывать грибы в подол сарафана – пошло. Тем более что он у меня один-единственный на все время пребывания здесь. Наколдовать-то новую одежду я себе не смогу, а произведения портновского искусства местных дизайнеров вряд ли придутся мне по вкусу.

– Растите, грибки, – пробормотала я, поднимаясь, – я вас не трону.

По дороге я уже успела полакомиться малиной, которая, несмотря на свою дикость, была необыкновенно сладкой, и жалела только о том, что ее оказалось мало. Вдалеке среди зелени призывно мигнула красным бочком спелая ягодка, и я, забыв про грибы, зашагала к залитому солнцем островку малины. Здесь ягоды оказалось даже больше, чем на бабушкиной даче, и я с жадностью набросилась на малину, спугнув несколько бабочек. Утолив голод и разомлев на солнышке, я опустилась на прогретый зеленый ковер, проведя ладонью по пушистым головкам клевера и нежным лепесткам ромашек.

«Любит – не любит?» – засомневалось сердце, вспоминая невесту почему разбушевавшегося Ива. Экое преступление – захотеть наколдовать пиццу, чтобы накормить себя и любимого! Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, из какого бы мира ни был этот мужчина. И это пусть обычные женщины маются на кухне со сковородками, устраивают танец с ножами вокруг нафаршированного яблоками гуся и часами изо дня в день повторяют сложнейшие, годами выверенные ритуалы, чтобы приготовить борщ. У волшебниц все по-другому! И нечего заставлять меня собирать ягоды и грибы и гоняться с луком и стрелами за безобидными зайчишками. «Куда как приятнее щелкнуть пальцами, и зайчишка уже в виде зажаренного в хрустящей корочке филе появится на столе», – прорезался ехидный внутренний голос.

Стебелек ромашки не выдержал, смятые лепестки белыми хлопьями посыпались сквозь пальцы. Любит – не любит? Я сорвала ближайший цветок и безжалостно разворошила, раздевая ромашку лепесток за лепестком. Последний лепесток восклицательным знаком торчал над желтой подушечкой пестика. Не любит... Я отбросила цветок в сторону, упала спиной на цветочный ковер, смяв десятки ромашек-предательниц и погубив столько же неповинного клевера.

Солнце слепило глаза, выжигая слезы из-под сжатых ресниц. Этого и следовало ожидать – мы такие разные. Он серьезный, я легкомысленная. Он отважный, я осторожная. Он мечтает спасти вселенную, а я думаю о собственном счастье. Мы принадлежим разным мирам, и эти миры вросли в наше сознание так крепко, что нам никогда не понять друг друга. Мне никогда не стать своей в родной Иву Вессалии, ему не прижиться в пыльном и шумном мегаполисе. У нас нет будущего – надо набраться смелости и признать это. «И нет любви, – кольнуло сердце, – больше нет». Первое же серьезное разногласие обернулось ссорой, и очень показательно, что в конфликтной ситуации долг для Ива оказался важнее, чем я сама. В то время как я хотела позаботиться о рыцаре доступными мне средствами, он осудил меня за легкомысленную растрату магии.

Горсть малины, смешавшись с солью на губах, разлилась во рту сладким соком, но не подсластила горечи на душе. Малиновка испуганно забила крыльями, взмывая вверх, и по ту сторону малинника послышались громкие голоса. Я подползла к кусту и подтянула колени к груди, ругая себя за то, что так неосторожно отвлеклась, позволив застать себя врасплох. Возбужденные мужицкие голоса и бравурный гром смеха подсказывали, что выдавать свое присутствие не стоит. Особенно учитывая тот факт, что без магии я абсолютно беспомощна.

– ... нос в потолок врос, сопли через порог висят... – перечислял визгливый мужской голос, пока по ту сторону трещали кусты и широкие ладони загребали сладкую ягоду.

– Фу, чудовище! – фыркнул молодецкий бас.

– Ай хороша малина! – протянул пискля.

– Хороша! – согласно крякнул третий мужик, с сиплым голосом. – Как ты говоришь – прямо в потолок?

– В потолок, в потолок, – подтвердил рассказчик, и я так и представила, как он часто кивает, на манер китайского болванчика, роняя изо рта малину.

– А сопли, значит, через порог? – недоверчиво уточнил бас.

– Так и висят, по всему крыльцу! – громко чавкая, истово заверил пискля.

Такой соврет – недорого возьмет. И хотя в рассказе пискли у меня веры не было, меня всю распирало от любопытства: о каком таком неизвестном сопливом чудовище речь? И как,

интересно, оно выглядит?

– Да как же мы тогда в избу войдем, ног не запачкавши? – брезгливо уточнил сиплый.

– А мы, Клим, в окошко, – хохотнул бас и уточнил у писклявого: – Из окна у нее ничего не свисает?

– Из окна вроде ничего, – виновато замялся тот.

– А то мы ей мигом все поправим, чтобы не свисало, – хвастливо просипел третий мужик и в знак серьезности своих намерений чем-то вскользь ударил по кустарнику, так что на меня посыпались листья и ягоды.

Не зря я решила затаиться: у незнакомцев просто руки чешутся извести чудовище. А за неимением чудовища и любой путник сгодится.

– Да ты, Сидор, продолжай, не отвлекайся, – поощрил бас.

– Титьки на крюку намотаны, – охотно подхватил писклявый, – сама зубы точит.

Его товарищи грянули хохотом.

«Свинья, что ли?» – предположила я. Вроде бы таких сказок не слышала.

– Как-как? На крюку? И большая она? – заинтересованно спросил бас.

– Кто? – не понял Сидор.

– Известно кто, – просипел Клим, – крюка!

– Исполинская! – с чувством произнес писклявый. – А зубы – во!

– Ты меня так не страшай, – поперхнулся бас. – Таких зубищ даже у медведя, которого я прошлым летом завалил не было.

– А у Яги есть! – прогнусавил пискля.

Я от удивления остоленела. Так вот о каком неопознанном сопливом чудовище речь! А кот-то заливал, что Василиса изображала опрятную добрую старушку, готовую помочь всем страждущим. Отойдя от изумления, я забила в кусты – в свете последних известий обнаружение меня мужиками становилось крайне нежелательным.

– Баба-яга из угла в угол переворачивается, одной губой пол стирает, а носом трубу затыкает, – продолжал тем временем заливаться пискля.

– Ха-ха-ха, – расхохотался обладатель баса.

– Фу! – брезгливо просипел Клим.

Вдохновленный вниманием аудитории, пискля все вещал:

– Лежит Баба-яга, костяной ногой из угла в угол...

Гадости сыпались из него, как картошка из сетки, и я посочувствовала Василисе и одобрила ее маскарад. От таких просителей волком завоешь и еще не такой Хэллоуин устроишь. Молодец, Василиса! Решила, что нечего к Яге со всякой ерундой соваться, и настрашала дурачков. А кто по важному вопросу, того ничто не испугает – ни сопلي километровые, ни зубы точеные. А вот по поводу бюста... при встрече надо спросить, как это у нее получилось!

Отвлечшись на свои мысли, я упустила момент, когда громовые раскаты смеха сменились ожесточенным спором.

– И ничего смешного в том нет! – огрызнулся писклявый. – Старая карга – опасная и коварная, настоящая людоедка!

– Ну мной-то она подавится как пить дать, – с превосходством ухмыльнулся сиплый.

– Да мы ее саму в печи запечем и волкам скормим, – пообещал бас. – Только сперва поучим хорошенько!

В следующий миг над моей головой зазвенел воздух, на меня посыпались ветки, листья, в глаза брызнул малиновый сок. Смахнув влагу с ресниц, я чуть не завопила от ужаса: в нескольких сантиметрах от меня, изломав малиновый куст и оставив глубокую впадину в почве, опустилась богатырская палица – это басовитый детина показывал, как именно он собирается учить Бабу-ягу. Я закрыла рот ладошкой и вжалась подальше в кусты. Надеюсь, он не разнесет весь малинник!

– Много было охотников, – осадил удальца пискля, – да только теперь их головы на одиннадцати кольях вокруг избушки торчат. А двенадцатый – свободен!

– Так то ж для Яги, – хохотнул бас, – вот умница-разумница, заранее приготовила!
– Все-то у тебя, Фрол, просто, – ехидно заметил пискля.
– Делов-то! – беззаботно отмахнулся бас. – Вышибем дух из лиходейки да избу ее спалим. То-то благое дело будет!

Я с опаской вжала голову в плечи, опасаясь очередного удара палицы, но мужики лишь еще немного поломали кусты, обрывая малину, да посетовали на закончившуюся брагу. Оказалось, они в пути уже три дня, но никак не доберутся до избушки Бабы-яги, хотя писклявый Сидор уже не раз обещал им, что изба Яги вон за тем кустом, вон за тем дубом, вон за тем поворотом. Пообещав для острастки набить Сидору бока, если и сегодня они не найдут избу, мужики отправились в ту сторону, откуда пришла я. Сквозь плотно сомкнутые кусты я с тревогой наблюдала, как высокий широкоплечий Фрол, самый угрожающий из тройки, поигрывает тяжелой палицей, сбивая листву с деревьев и оставляя отметины на стволах. Рядом шагал крепыш Клим, лохматая голова которого доставала Фролу ровно до подмышки. В опущенной руке Клим волочил тяжелую дубину, оставляя за собой по земле ров из вырванных с корнем ромашек и трав. Тощий и сутулый мужик бежал впереди, угодливо заглядывая в глаза спутникам. Писклявый Сидор, а это, без сомнения, был он, напомнил мне шакалов из мультика про Маугли: те так же выслуживались перед Шер Ханом.

Наклонившись в сторону, я провела рукой по ямке, образовавшейся после удара палицы о землю, и, дождавшись, пока голоса стихнут, решительно вскочила на ноги. Надо было срочно предупредить ни о чем не подозревающих Ива, кота и избушку о непрошенных гостях. Сдается мне, что угроза Фрола и Клина придала Сидору ускорения и зоркости, и он больше не будет водить своих спутников кругами, скармливая им свои байки, а выведет напрямиком к избушке Яги.

Стоит ли говорить, что я заблудилась? Когда я обиженно шагала прочь от избушки, то и не думала запоминать дорогу и обращать внимание на какую-нибудь приметную липу или ветвистый дуб, которые могли бы послужить опознавательным знаком по пути назад. К счастью, я нашла в себе силы вовремя признать свою промашку и не стала ломиться в чашобу, а вернулась обратно и нашла оставленный дубиной Клина след. По нему я без труда нагнала удалую троицу и пристроилась в хвосте, надежно скрытая от их глаз деревьями.

Топая на безопасном расстоянии, я глазела по сторонам в надежде, что меня осенит и я увижу знакомую тропку, которая приведет меня к избушке раньше этих троих. Визгливый голос Сидора разносился в лесной тишине, как досадливый комариный писк, забивался буравчиками в уши, заставляя выслушивать истории о Бабе-яге одна другой пакостней. Я морщилась и недоумевала, когда Яга-защитница и помощница, как о ней рассказывал кот, успела превратиться в коварную похитительницу детей, погубительницу богатырей и царевичей, настоящую вредительницу и, о ужас, людоедку? Хотя я еще в детстве поражалась, почему в одних сказках Яга – добрая старушка, которая молодцу, ищущему свою похищенную невесту, верный путь подскажет да волшебного коня в услужение даст, а падчерицу, отправленную злой мачехой в лес, поселит в своей избушке и, хоть сперва нагрузит домашней работой, зато потом и наградит щедро за трудолюбие и уважительное отношение. Другие сказки рисовали Ягу воплощенным злом. В них уже она сама была сообщницей Кощея в похищении Василисы и мечтала поджарить в печке какого-нибудь Ивашечку, украденного по ее велению гусями-лебедями. И, похоже, сейчас, попав в сказку, я была близка к разгадке этой тайны. Кто-то намеренно чернит честное имя Яги по неведомым причинам. А может, дело в другом? Василиса, игравшая роль последней доброй Бабы-яги, не вернется, а на ее место придет преемница со злым сердцем и шокирующими вкусовыми пристрастиями, которые и отразятся в знакомых мне с детства сказках?

– А Баба-яга зубами щелк, – доносился до меня голос Сидора, – и съела Лутонюшку.

Чем дальше я топала, тем больше крепла в мысли, что подпускать одержимых подвигами мужиков к избушке никак нельзя. Даже если я опережу их и предупрежу Ива и

Варфоломея, что мы сможем предпринять? Один Ив против Фрола и Клима не боец. К тому же у Фрола – палица, у Клима – дубина, а у Ива даже меча нет. Да и детины с детства к рукопашной приучены, а рыцарю давали уроки фехтования, против молодецких кулаков он и раунда не простоит. При мысли о том, как кулачище Фрола раскрасит синяками совершенное лицо Ива, сердце тревожно сжалось. Нельзя допустить, чтобы троица дошла до избушки, никак нельзя!

Я набрала побольше воздуха и с криком «Ау, люди добрые!», ломая кусты, понеслась на опешивших мужиков.

Только сейчас мне представился шанс разглядеть любителей малины в лицо. Самым видным был Фрол – статный молодец с русыми волосами, стриженными под горшок, и наивным взглядом голубых глаз. Лицо Клима было похоже на пережаренный масляный блин с черными угольками глаз. В мордочке Сидора, оказавшегося самым старшим из троих, присутствовало что-то хищное и вместе с тем жалкое. Неспроста он напомнил мне шакала из мультфильма. Все трое были бородаты. У Фрола ухоженная борода кудрявится мягкими кольцами, у Клима всклокоченная растительность топорщится мочалкой. С подбородка Сидора крючком свисают три скудные волосины.

Я ждала, что Фрол, Клим и Сидор кинутся мне навстречу, назовут красной девицей, предложат свою защиту и станут набиваться в названные братья, но вместо этого мужики вытаращились на меня, как на привидение, и попятились.

– Поди ж ты, русалка! – в изумлении воскликнул Фрол.

– Ведьма! – в страхе просипел Клим, поднимая дубину.

– Упырь! – взвизгнул Сидор, прячась за их спины.

От такого теплого приема я резко затормозила и обиженно вскрикнула:

– Добры молодцы, вы чего?

– А ладная девка, – с восторгом протянул Фрол.

– Не смотри! – осадил его Клим и, поднявшись на цыпочки, закрыл товарищу глаза ладонью.

– Я в лесу заблудилась, – растерянно пробормотала я, – уж не чаяла дорогу найти. Брожу-брожу который час, тут – вы, я – к вам.

– Не слушайте ее, зачарует! – в панике пропищал Сидор.

– Изydi, ведьма! – Клим агрессивно выставил вперед дубину. – А то весь дух из тебя вышибем!

– Какая ж она ведьма? – визгливо возразил Сидор. – Вон весь рот кровью перемазан! Упыриха самая настоящая.

Я машинально коснулась ладонью губ – пальцы окрасились малиновым, и я неожиданно расхохоталась. Хорошо я малинку поела, раз меня теперь за вампира приняли! А мужики-то сами красавчики – все бороды в малине перепачканы, только на их растительности пятна не так заметны.

– Чур-чур-чур меня, ведьма! – тревожно заголосил Сидор, зажмурив глаза, втянув голову в плечи и по-козлиному трясся бородкой.

– Вы уж определитесь, – мирно посоветовала я, – ведьма или упыриха, а то показания разнятся.

– Ведьма она и есть – наглая, простоволосая, – презрительно процедил Клим.

– Чего ведьме в лесной чаще делать? Русалка это, как пить дать! – вмешался Фрол, уставший поглядывать на меня поверх ладони Клима, и решительно опустил руку товарища.

– Где ты здесь видишь реку или озеро, дурень? – не сдержался Сидор. – Упыриха это. Глаза-то разуй! Вишь, у нее одежда и руки в земле.

Я смущенно отряхнула сарафан. Как тут не изгваздаться в земле, когда столько времени по лесу кружила, да еще на земле сидеть пришлось, прячась от троицы в малиннике.

– А ногти-то, ногти, ты глянь, какие длинные, – тоном инквизитора продолжил Сидор. – Добрая девица скорее на собственной косе удушится, чем на людях с такими

безобразными руками покажется.

Я стыдливо спрятала ладони за спину. Эти дикие люди ничего не понимают в современном маникюре! Впрочем, я и забыла, когда его делала в последний раз. Морская вода здорово укрепила ногти, и они выросли на загляденье длинными, а вот подпилить их было недосуг. На острове не до красоты ногтей было. Кто бы мог подумать, что ногти меня здесь так подведут! Ведь кот мне даже словечка о них не сказал! Что простоволосая – побурчал да затих, а я и внимания не обратила. Зато теперь каждая деталь моей внешности оценивается с точки зрения принадлежности к нечисти – дикие, дикие времена!

– Вот! – торжествующе заверещал Сидор, ткнув в мою сторону острым пальцем. – Видал – руки прячет! А под когтями-то у ней земляца. Сырая. Из могилы она выбралась – не иначе!

Сидор умел убеждать, а его товарищи не блистали сообразительностью. Поэтому Фрол и Клим покрепче перехватили свои убийственные орудия – еще мгновение, еще словечко гнусного Сидора, и живой из сказочного леса я уже не выберусь. Бежать бесполезно – в физической силе и выносливости мужиков сомневаться не приходится. Оставался единственный способ убедить их в своей невиновности, и я поспешила им воспользоваться: рухнув на землю, прижала колени к груди, как Аленушка с картины Васнецова, и зарыдала во весь голос.

– Бедная я, несчастная сиротка, – выла я, размазывая по щекам слезы. – С малых лет меня все обидеть норовят, но чтобы так... Чтобы ведьмой назвать... Чтобы русалкой... Чтобы упы-ре-о-ом! Бедная моя матушка, хорошо, что она не дожила до этого дня! Бедная я, бедная, была бы жива матушка, ничего бы этого не случилось. Меня – упыре-о-ом! А губы красные... это ж я малину ела... а меня сразу в упы-ри-и-и!

Моя истерика произвела должное впечатление: Фрол с Климом опустили дубину с палицей. Неугомонный Сидор проверещал что-то о коварстве ведьм и особенно упырей, но подзатыльник, полученный от Фрола, заставил его подавиться своим ядом. Подглядывая сквозь пальцы и продолжая сотрясаться от рыданий, я вдохновенно ныла про бедную сиротку, которую каждый обидеть норовит. Наконец Фрол, неловко топтавшийся на месте, подошел ко мне и виновато протянул:

– Слышь, девица, не плачь, обознались мы!

Для закрепления эффекта я выдала еще несколько душераздирающих стенаний о загубленной девичьей чести, но, кажется, перестаралась. Добрая душа Фрола не выдержала девичьих страданий, и молодец порывисто предложил:

– Женюсь, только не плачь ты так горько!

Я мигом поперхнулась очередным воем и в панике уставилась в бесхитростное лицо Фрола. А ведь с такого станется – женится!

– Не надо, – тоненько протянула я и, заметив тень в глазах Фрола, поспешно добавила: – Пригожий ты молодец, но я Ива... нушку люблю!

– Вот и ладно! – обрадовался Фрол и протянул мне здоровенную пятерню, помогая подняться. – А моя невеста – царевна Злата!

– А она знает? – вырвалось у меня.

– Пока нет, – посуровел Фрол. – Сперва подвиг такой совершить надо, чтобы мое имя на все царство прогремело. Вот разделаюсь с лиходейкой Ягой, а потом сразу в царский дворец – героем.

– С Ягой?! – испуганно вскрикнула я. – Чем же тебе бабушка не угодила?

– Чур меня! – заверещал за спиной Фрола Сидор. – Внучка Яги! Ведьма злющая, змея подколотная, людоедка подлая!

Я было раскрыла рот, чтобы выдать очередной вопль бедной сиротки, но, встретившись взглядом с мутными глазенками Сидора, передумала и погрозила ему кулаком:

– Да чтоб твой поганый язык отсох!

– Ведьма, ведьма! – заголосил Сидор, прячась за спину Клима.

А я испуганно закусила губу: вдруг мое пожелание гадкому Сидору возьмет и

сработает, как раньше?

Но волшебство по-прежнему было мне не подвластно, в чем я убедилась, слушая мерзкие вопли Сидора. Даже Клим неодобрительно косился на писклю, а Фрол показал Сидору лучшее успокоительное средство – свой мощный кулак.

– Ты уж его прости, девица, беспокойный он у нас, – с виноватой улыбкой заметил Фрол.

– А чего он сразу ведьмой да упырем обзывается? – обиженно протянула я.

– Что взять с дурака, – широко улыбнулся Фрол.

«Действительно, что с них возьмешь», – подумала я.

– Ты откуда Ягу знаешь-то? – подозрительно поинтересовался Клим.

– Так я у нее жила, – выдала я, решив держаться своего первоначального плана разубедить Фрола и Клима в лживых байках Сидора и создать положительный образ Бабы-яги, помощницы и защитницы.

– Она тебя похитила! – переглянувшись, хором воскликнули Фрол и Клим.

– И в печи изжарить хотела! – вставил Сидор.

– Да вы что! – с укором вскрикнула я. – Как только в голову такое прийти может! – И, воспользовавшись растерянностью мужиков, вдохновенно затараторила: – Баба-яга меня как матушка родная приняла. Мачеха меня не чаяла со свету сжить, из дому в лес выгнала, чуть волки меня не съели. Но Бабушка-яга, спасительница моя, вовремя явилась, в избушке своей приютила. Я ей помогала чем могла...

– Ведьма-ведьма! – обрадовался Сидор. – Волшбой черной помогала!

Фрол с Климом цыкнули на товарища, а я, не обращая внимания, продолжала:

– В избушке прибрать, пирогов испечь, печь натопить – бабушке-то в ее годы уже тяжело со всем справляться.

Заметив взгляды, которыми обменялись Клим с Фролом, я поспешно исправилась:

– То есть она еще крепкая старушка, всем жару задаст!

– А я что говорю, людоедка она! – радостно вставил Сидор.

– Такого, как ты, грех не съесть! – не выдержала я.

– Костями подавишься, – гоготнул Фрол.

– И ядом отравишься, – поддержал товарища Клим.

Сидор затих и только злобно зыркал на меня колючими глазенками.

– В общем, Баба-яга – старушка хоть куда, за себя постоять сумеет, – убеждала я охотников за головой Яги. – А уж я ей так признательна была за заботу ее сердечную, что делала, что могла, чтобы ведение хозяйства ей облегчить, чтобы у бабушки было больше времени...

– Волшбой черной заняться да дитяток неповинных в печке выпекать! – высунулся опять Сидор.

– Послушай, добрый человек! – вспылила я. – Ты так истово чернишь Бабу-ягу, уж не отвергла ли она твои ухаживания на заре юности? Она сказывала, отбоя от ухажеров у нее не было.

Хохот Фрола с Климом громовым раскатом сотряс лес. Сидор побелел от злости и мелко затряс бородкой.

– Ох, умыла ты Сидора, девица! – со смехом заметил Фрол. – Как звать-то тебя, находчивая?

– Аленушка, – буркнула я.

Фрол с Климом мигом посерьезнели.

– Уж не та ли Аленушка, у которой Баба-яга братца в козленочка превратила? – насторожился Клим.

– Нету у меня никакого братца. И Яга никого в козлов не превращает! – с возмущением парировала я.

– Мало ли Аленушек в нашем царстве, – встрял Сидор. – Был козленочек, был, я точно знаю!

– Неужели это ты и был? Раз точно знаешь? – съехидничала я.

Сидор поперхнулся очередной гадостью и отвел глаза. А ведь, похоже, я права. У этого Сидора свой зуб на Бабу-ягу, чем-то насолила ему бабулька. Впрочем, винить в том он должен только себя самого. Сидор и ангела доведет. Будь я в ладах с магией, давно бы уже превратила его... да хотя бы в козленочка! Хотя какой он козленочек, в его-то почтенные годы?

– А не та ли ты Алена, которая в сердечных делах мастерица? – с надеждой спросил Фрол.

– Да как вы такое могли подумать! – рассердилась я. За кого меня тут принимают, за падшую женщину?

– Жаль, – взгрустнул Фрол, – сказывают, она путь к сердцу любой девицы чародейством сыскать может.

Я успокоилась. Стало быть, речь всего лишь о какой-то чародейке, промышляющей приворотами.

– Да не Алена та, а Любава, – вклинился Сидор и осекся, поняв, что сболтнул лишку.

– Вот Сидор точно знает, – загоготал Клим, – поди, не раз за приворотным зельем наведывался. Ты у него расспроси, он подскажет.

– А и ладно, мне без надобности, – махнул рукой Фрол. – Лучший путь к сердцу девицы – совершить какой-нибудь подвиг. Вот я и совершу!

Детина воинственно воздел свою палицу, и я поежилась.

– Так чем, Аленушка, говоришь, Баба-яга занимается? – спросил будущий герой Лукоморья.

Я с готовностью перечислила все умения Яги, о которых рассказывал мне кот, и еще от себя кое-что наплела. Разлилась соловьем. По моим словам выходило, что без Бабы-яги в Лукоморье наступит конец света: начнутся голод, разруха и повсеместный мор, некому будет больных исцелить, женихов по следу похищенной невесты направить, падчериц от гонений злобных мачех оградить и справедливо вознаградить. Все Бабу-ягу любят, уважают и ценят безмерно.

– Сам Илья-богатырь на днях к Яге заходил и грозился любому, кто ее обидит, ноги повыдергивать, – добавила для верности я.

Угроза Ильи произвела сильное впечатление на Клима с Фролом, а Сидор с опаской оглянулся, будто бы Илья все это время сидел в засаде за листьями лопуха, а сейчас как выскочит, как выпрыгнет и вставит ему по первое число.

– А Сидор нам совсем другое рассказывал, – почесал косматую бороду Фрол.

– Верьте, верьте ведьмачке, которая у Яги долгое время прожила, она вам еще и не такого наговорит! – брызжа слюной, убивался Сидор.

– Да и по деревне слухи ходят... – в задумчивости произнес Клим.

– Братцы, – воспрянул духом Сидор, – вы же меня всю жизнь знаете. Кому вы поверите, мне или этой оборванке? – Он ощупал меня бусинками глаз и с подозрением заметил: – Что-то платье у тебя диковинное...

– Это мне Баба-яга подарила! – не растерялась я.

– Не больно-то она расщедрилась, – ехидно заметил Сидор. – Одежа самая что ни на есть простая, ни вышивки, ни украшений.

– Так Бабушка-яга в лесной глуши живет, откуда ей моду столичную знать? – возразила я в ответ.

Зря я это сказала. При словах «лесная глушь» Фрол с Климом сделали стойку и впились в меня взглядами.

– Веди нас к ней! – велел Клим.

– А мы на месте решим, хороша Яга или плоха, – поддержал его Фрол.

– Я дороги не знаю, – замотала головой я, – говорю же – заблудилась! С Бабой-ягой я вчера еще простилась, она меня домой с подарками отправила...

– И где ж твои подарки? – ехидно поинтересовался Сидор, красноречиво косясь на мои

пустые руки. – Что-то не видать их!

– А я как поняла, что заблудилась, припрятала их в укромном месте. Дорогу-то налегке искать сподручней, – снова не растерялась я.

– Дурит она нас, братцы, дурит! – верещал Сидор.

– Вот что, – веско произнес Клим, – кто прав, а кто виноват, это мы у Яги решим. А сейчас надо дорогу искать. Ты, Сидор, говорил, что уже близехонько? Вот и не приставай к девице, веди сам. А то уж стемнеет скоро.

На мгновение в глазах Сидора промелькнула паника, и я воспрянула духом – пути он не знает. Но пискля, не будь дурак, с уверенным видом ткнул острым пальцем влево, в теряющуюся среди сосен тропинку.

Клим с Фролом оттеснили меня к тропинке, подразумевая, что моего мнения никто не спрашивает и отныне я продолжаю путь с ними.

– Только если он хоть словечко плохое о Бабулечке-ягулечке скажет, я за себя не отвечаю, – ласково предупредила я.

Но напрасно я думала, что это табу избавит меня от противного голоса Сидора. Помимо ужасиков о кровожадности Бабы-яги в арсенале сплетника имелись леденящие душу триллеры о злодеяниях Кощея, готические сказки о коварстве русалок, мрачные легенды о бесчинствах Водяного. Без устали болтая, Сидор шпарил по лесу со скоростью торпеды, Фрол с Климом не отставали, а я очень скоро выдохлась, и мои попутчики смирились с тем, что я плетусь в самом конце, то и дело присаживаясь отдохнуть.

Опустившись на очередной пенек, я едва не вскрикнула от радости. Чуть в стороне виднелись кусты малины, которой я лакомилась в самом начале пути, всего в нескольких минутах ходьбы от избушки Яги. Вон и ягода оборвана с одной стороны, и голубой лоскут на веточке висит. Надо же, а я гадала, когда умудрилась порвать сарафан! Убедившись, что путники увлечены рассказом Сидора о жестокой русалке, топившей в омуте только русоволосых парней по имени Иван, а сам Сидор уверенно уводит их в ложном направлении, я метнулась к кустам малины и что было сил бросилась вперед по тропке, которая будто сама стелилась под ноги, указывая верное направление.

– Явилась не запылилась, – приветствовала меня избушка. – Хотя очень даже запылилась, – добавила она, когда я подошла ближе. – Надо срочно баню истопить.

– Какая баня? – отмахнулась я. – Не до того сейчас. Как тут обстановочка?

– Без изменений, – доложила изба.

– Эти, – я покосилась на окошко, – там?

– А где же им быть?

– Могли бы сгонять в деревню за сметанкой и в лес за куропаткой, – хмыкнула я, вспомнив о своем пустом желудке. Хотя о чем я думаю, когда нужно срочно спастись?

С криком «Беда!» я ввалилась в горницу и торопливо рассказала о вооруженной троице, бродящей по окрестностям в поисках избы Бабы-яги.

– Нужно срочно отсюда убираться, – взволнованно закончила я.

– Воля ваша, – невозмутимо обронил кот. – Я не держу.

– Да нет же, опасность в первую очередь грозит избушке и тебе! – повторила непонятливому я. – Разве не ясно? Надо уходить всей избушкой и забиться куда-нибудь подальше в лес, где нас никто не найдет. Избушка, слышала? Подъем, направо, вперед!

– Никуда мы не пойдем, – лениво отрезал кот.

– Но как же... – всплеснула руками я.

– Двигаясь по лесу, изба наделает больше шума, лучше затаиться и остаться на месте, – рассудительно заметил Варфоломей. – Изба и так стоит в укромном месте, куда не всякий Сидор путь найдет.

– Ах так! – Я топнула ногой. – Но я не могу сидеть сложа руки и ждать, пока эти трое постучат в дверь.

– Вот и ладненько, вот и не надо, – обрадовался кот и, подбежав к сундуку, стоящему у

печи, ловко открыл его и нырнул внутрь.

– Это кошачье убежище от агрессивно настроенных богатырей? – ухмыльнулась я. – Умно придумано!

Из сундука шлепнулся на пол тяжелый тряпичный мешочек, подняв в воздух белое облачко, а следом появился и сам кот, держа в зубах связку засушенных рыжиков.

– Шо смотришь? – промычал он. – Помоги!

– Это что? – Я в недоумении взяла в руки нанизанные на веревочку грибы.

– Это работа тебе, пирог печь будешь, – заявил кот, спрыгивая на пол. – Мука вот, – он кивнул на тряпичный мешочек. А потом нырнул под лавку и выкатил оттуда крохотное рябое яйцо неизвестной лесной птицы. – Куропаткино, – пояснил он, глядя на мое озадаченное лицо.

– Что-то я не пойму, что ты предлагаешь, – призналась я.

– Это не я предлагаю, это ты на правах хозяйки должна будешь предложить этим трем дурням пищу и кров.

Я опешила.

– Да они Ягу убить хотят, а избу – спалить. А ты печешься, чтобы они были накормлены?!

– Удальцы твои только на словах Ягу отделать горазды, – сощурился кот. – А как придут, как избушку увидят, так сразу разленятся, начнут требовать, чтобы ты их накормила, напоила, спать уложила. В общем, ты меня поняла? Не накормишь гостей, пеняй на себя!

– Что ж, смысл в этом есть, – усмехнулся Ив. – Находившись по лесу и отведав сытного обеда, они без сил повалятся по лавкам, и им уже не до подвигов будет.

Вот ведь предатель!

– Даже если я что и напеку, как я перед ними предстану? – возразила я. – Они ж меня в лесу видели!

– Ничего, Василису в Ягу превратил и из тебя Ягу сделаю, – обещание кота прозвучало как угроза. – А ну живо к печи!

Пирогов я не пекла ни разу в жизни, рецепта мне кот не подсказал, пришлось действовать наобум, припоминая кухонные посиделки с мамой и кулинарные шоу, которые я изредка смотрела, если в гостях были мои любимые артисты. Стоит ли рассказывать, что мука сыпалась в глаза и мимо стола, тесто не месилось и липло к рукам, кот открыто посмеивался, а Ив с жалостью наблюдал за моими попытками приготовить пироги. Вредный кот не помог даже печь разжечь. В результате я вся измазалась в саже, как Золушка, подпалила прядь волос, обожгла пальцы, но с операцией «Печь» все-таки справилась, заставив избушку расчихаться и выпустить из трубы дымок. Разложив криво слепленные пироги на противне и отправив их в печь, я в изнеможении опустилась на лавку.

– Знаешь, Варфоломей, если бы тебя не заколдовали раньше, то я бы за вредность твою тебя точно хвостом и усами наградила!

– Это кто ж меня заколдовал-то? – усмехнулся кот.

– А ты разве не человек заколдованный? – Я пристально глянула на него.

– Скажешь тоже, – Варфоломей тряхнул ушами. – Я урожденный кот.

– А говорящий почему?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – солидно ответил он и спросил у избушки: – Избушка, как там в окрестностях? Не видать гостей?

– Тихо, Варфоломеюшка, – доложила обстановку изба. – Не видать никого. Тишь стоит – листок не шелохнется.

– Значит, намнут сегодня Сидору бока, – не удержалась от злорадства я.

– Значит, Лешему в ноги кланяться нужно – отвел беду, – заключил кот.

– Расскажешь, что дальше с Василисой было? – попросила я.

– Так уж и быть, – с притворной неохотой согласился кот и продолжил прерванный рассказ с того момента, как в избушке Бабы-яги появился жених Василисы.

Василиса

– Здравствуй, бабушка, – приветствовал Ягу Чернослав, входя в горницу.

Кот с любопытством рассматривал гостя. Правду сказывала Василиса, описывая жениха статным и пригожим. И чем, спрашивается, суженый ей не угодил? Высок, силой не обделен, одет богато, ладно. Круглолицый, чернобровый, кудри выются черными кольцами у смуглого лица. Видать, на красном солнышке много времени проводит. А очи не синие, что васильки, как у богатырей, которые в поисках пропавших невест к Яге прежде являлись, а черные, как дикая слива, что растет у холодного озера. Не зря родители Чернославом нарекли: ничего светлого в облике Василисиного жениха нет. Только зубы блестят белой полоской жемчуга, да рубаха бела, что сметана. При мыслях о сметане кот затосковал, припоминая, когда последний раз он лакомился жирными деревенскими сливочками.

Василиса же сидела, словно набрав в рот воды, и кот чуть выпустил коготки, призывая Ягу ответить гостю.

– Зашем пожаловал, добрый молодеш? – прошамкала Василиса.

Кот, нервно подергивая хвостом, с тревогой наблюдал за Чернославом. Но тот никаких признаков узнавания не выказывал, как подобающее восприняв и облик Бабы-яги, и ее голос, и Варфоломей расслабился, похвалив себя за смекалку. Испокон веков к Яге приезжали добры молодцы в поисках похищенных и пропавших невест, жен или сестер. Баба-яга направляла их по верному пути, давала совет, как одолеть злодея-похитителя и вызволить зазнобу. За тем же прибыл и Чернослав. Меньше всего он ожидает найти пропавшую невесту в избушке Бабы-яги, а значит, обмануть его не составит труда.

– Беда у меня, – отрывисто сказал Чернослав, подтверждая мысли кота, – невесту мою нареченную, Василису Премудрую, похитили из отчего дома.

Как ни старалась Василиса вжиться в образ Яги, при упоминании своего имени подавилась мякишем и закашлялась. Варфоломей еще глубже вонзил коготки, и кашель перешел в утробный стон.

– Бабушка, ты что? – вздернул брови Чернослав.

– Кхе-кхе, – откашлялась Яга, – ждоровье уже не то, што в молодости. Так што, говоришь, ш твоей невештой?

– Похитили, – нервно повторил Чернослав, глядя в пол. – Весь царский двор усыпили колдовством злодейским, а когда оно развеялось, Василисы не нашли.

Василиса с котом на пару озадаченно примолкли. Выходит, ее бегство из дома родители расценили как похищение? А чародейство, совершенное Василисой, приписали неведомому колдуну? Так это же...

– Жамешательно! – каркнула Яга.

– Что замечательно? – Чернослав нахмурил брови и склонил голову. Черные как угли очи молодца встретились с зелеными кошачьими, блестевшими из-под лавки. Варфоломей вздрогнул – словно в студеную январскую прорубь провалился. Яга всегда говорила, что глаза – окна души. У самой Яги они были бездонным колодезем, хранящим на дне вековую мудрость хозяйки. У Василисы очи, что летнее озеро, – прозрачные, ясные, ласковые. У молодцев, прежде приходивших в избушку за советом, глаза были подобны грозovому небу и отражали кручину, разъедавшую сердце. А у Василисиного жениха глаза были черные, как угли в бабкиной печи, и притом ледяные, как вода в январской проруби.

– Жамешательно, што ты приехал ко мне, голуба! – прошамкала Баба-яга.

– Значит, ты знаешь, где Василиса? – Чернослав так и подался вперед.

– Как же не жнать? – уверенно выдала Яга. – Баба-яга все жнает, все примешает.

– Уж я тебя, бабушка, одарю, уж я век не забуду! – поклялся Чернослав.

– Кошей, – прошамкала Яга, и кот от неожиданности выпустил когти. – Уй!

– Что? – не понял Чернослав.

– Кошей – тот жлодей, што твою жажнобу похитил, – убежденно сказала Яга.

Весть Чернослава не порадовала. Он как-то весь поник и посерел лицом. Василиса же, напротив, приободрилась и похвалила себя с правильным выбором. «Закручинился,

касатик, – с ехидством отметила она, глядя на горе-жениха. – Оно и понятно, кому охота связываться с самым страшным колдуном Лукоморья?»

– Ты верно знаешь? – хмуро переспросил Чернослав. – Не путаешь, старая?

– Я хоть и штарая, – оскорбилась Яга, – да умом покрепше молодых буду. Вернее не бывает. У Кошея твоя Ващилиша.

Кот под лавкой шевелил ушами, стремительно соображая. Сейчас Чернослав спросит, как найти дорогу к замку Кошея, да велит открыть ему средство, как колдуна одолеть, да Василиса сама о том не ведает, ведь настоящая Яга про Кошея ей ни словечком не обмолвилась. Дался же ей сейчас сам Кошей, не могла кого другого назвать! «Ой погорим», – беспокоился Варфоломей, когда неожиданно Чернослав встал с лавки и, кинув на стол тугой кошель, стремительно вышел вон.

Василиса, забыв про образ дряхлой старухи, метнулась к окну, сверкнув красными сафьяновыми сапожками. Кот утробно мяукнул – что же ты, хозяйка, творишь?!

– Уехал, – не веря себе, выдохнула Василиса, проследив, как вооруженный отряд скрылся с глаз, и сглотнула остатки мякиша, комом ставшие в горле. – Уехал, Варфоломеюшка!

Она подхватила кота на руки и благодарно прижала к груди.

– Уехал! Не признал! Поверил! Ведь он поверил, как думаешь? – Она пытливо уставилась в кошачьи глаза.

– Поверил, поверил, – проворчал кот, вырываясь и спрыгивая на дощатый пол. – Скажи мне только, зачем ты Кошея оговорила?!

Василиса испуганно ойкнула.

– А что, нельзя? Но ведь так складно получилось... Мой побег восприняли как похищение, а всем известно, что девиц в наших краях крадут или Змей Горыныч или Кошей. Змей ворожить не умеет, а Кошей тем и знаменит.

– И не жалко тебе жениха? – мяукнул кот. – Погубит ведь его Кошей.

– Хорошо бы, – кровожадно сверкнула глазами Василиса. – Только надежды на то мало. Не сунется к нему Чернослав. Видел, как он разом поник? Нет, не поедет Чернослав меня вызволять, своя жизнь ему дороже. Авось забудет про меня совсем.

...И тут раздался оглушительный стук в дверь, и избушка покачнулась на курьих ножках, возмущенно хлопнув ставенками.

– Ох, виновата! – донесся приглушенный голос избушки из топившейся печки. – Варфоломеюшку-баюна заслушалась, проглядела незваного гостя!

– Может, сделаем вид, что никого нет дома? – шепотом предложила я.

– У Бабы-яги всегда все дома! – с достоинством парировал кот.

От требовательного стука в дверь избушка ходила ходуном и повизгивала:

– Ох, супостат! Вот злодей!

– Может, постучит да перестанет? – предположила я.

– Кто там? – спросил у избушки кот.

– Кузьма! – кряхтя, отозвалась избушка.

– Этот не отстанет, – проворчал кот, а я в панике покосилась на пакет с маскарадным костюмом Бабы-яги.

– Не успеешь, – озвучил мои опасения Ив.

– Того и гляди, дверь с петель снесет, – с беспокойством заметил кот.

– Я сейчас ему снесу! – пригрозил Ив и шагнул к сеним.

– Стой! – Я схватила его за рукав. Куда, спрашивается, лезет, не зная ни одной русской сказки? – Я сама!

Варфоломей что-то мяукнул, но я уже вышла из горницы, быстро пересекла сени и распахнула дверь. Гость, настырно настукивающий по ту сторону, не устоял на ногах и слетел с крыльца, подняв в воздух целое облако пыли.

– Меня, добра молодца, с крыльца спускать! – вопило, чихало и фыркало облако. –

Готовься к смерти, премерзкая старуха!

С этими словами молодец наконец поднялся на ноги, нахлобучил на лоб шлем, который явно был ему велик, и взглянул в глаза обидчице. После чего сделал козью морду и с пренебрежением выплюнул:

– Ягу зови, чернавка!

– Кто? – опешила я. – Это я чернавка?

Этот сморчок меня за самую низшую служанку принял?

– Чернавка ты и есть, – высокомерно задрав нос, продолжил незваный гость. – Платьем проста, лицом черна...

Я машинально потерла щеку рукой, ожидая увидеть на ней сажу, – наверное, запачкалась случайно. Но рука была чистой, золотистой от свежего загара.

– А телом-то как тоща, – продолжил издеваться «сморчок» – парнишка лет шестнадцати с рыжими вихрами, в беспорядке торчавшими из-под шлема. – Ишь как Яга тебя гоняет, сердечную, совсем уморила трудами непосильными, одна кожа да кости в тебе остались. Кто ж на тебя польстится, горемычную?

– Я, например, – выступил из-за моей спины Ив.

– Чур меня! – вытаращился Кузьма. – Королевич заморский!

Я аж поперхнулась от обиды. Как я, так, значит, – чернавка? А как Ив – королевич заморский? Не иначе как благородного происхождения и загаром не скроешь, раз даже такой кулема, как Кузьма, в рыцаре аристократа признал.

– Тебя тоже Яга пленила? – обрадовался Кузьма. – Я ей вмиг голову с плеч снесу и вызволю тебя и... – Он с явным недоумением покосился на меня. В глазах его ясно читалось: как же тебя, чистокровный королевич, так угораздило, горемычный? – И невесту твою, – с трудом выговорил он.

– Это чем же тебе так Яга не угодила? – неприязненно поинтересовалась я.

– Колдунья она премерзкая, людоедка окаянная, ведьма коварная, – в сердцах сплюнул рыжий.

– Так мою маменьку еще никто не оскорблял, – с угрозой выговорила я.

– Маменьку?! – Мальчишка выпучил синие глаза. – Ты – дочка Яги?

– Так и есть. – Я кивнула, на всякий случай шагнув поближе к Иву. Кто знает, что у этого деревенского дурачка на Уме. Вдруг он перед всем селом поклялся извести не только Ягу, но и всю ее родню до пятого колена? И с чего мне только взбрело в голову назваться дочкой Бабы-яги? Впрочем, что еще оставалось, когда в звании царевны мне резко отказали?

– Так какие, говоришь, разногласия у вас возникли с моей тещей? – притворно нахмурился Ив.

Кузьма ахнул и вытаращился на Ива глазами, полными сочувствия. Мало того, что жена такая убогая, так еще и теща – сама Баба-яга!

– А она сама тут? – с опаской поинтересовался мальчишка, запоздало сообразив, что один против Яги, ее дочки, по всей вероятности, тоже колдуньи, и заморского царевича он не воин.

– А где же ей быть? – уверенно ответил Ив. – Позвать?

– Не надо! – Мальчишка так отчаянно потрянул головой, что шлем слетел и укатился прямо под ноги избушке.

Кузьма с тоской покосился под крыльцо, попрощавшись со шлемом. При этом лицо его так посерело, что я заподозрила, что шлем взят тайком у богатыря, доверившего Кузьме стеречь свою поклажу. И когда богатырь заметит пропажу, мальчишке не поздоровится. Избушка шлем, конечно, не вернет – захочет отомстить Кузьме за то, что он чуть дверь с петель не снес. Сжалившись над заморышем, я погладила избушку по двери и попросила:

– Верни шлем.

Избушка заходила ходуном, вероятно, изображая, что готовится усесться на землю и превратить богатырский шлем в блинчик. Кузьма еще больше посерел, потом вытаращил глаза и резво прыгнул вверх – это избушка со всей силы пнула шлем в мальчишку. В прыжке

Кузьма поймал шлем, но силы были неравны – шлем как снаряд унес его в лес, ломая деревья и сучья. Лес наполнился треском, воплем летящего Кузьмы и гомоном потревоженных птиц. Я уважительно похлопала избушку по бревенчатой стене:

– Тебе бы на чемпионате мира по футболу штрафные забивать! За такого мощного игрока передрались бы все легендарные футбольные клубы!

Избушка довольно закудаhtала и потребовала разъяснений, но описать ей самую популярную игру моего мира я не успела: из сеней вышел кот и осуждающе мяукнул.

– Совсем крыша поехала?! На дрова пуцу!

Избушка виновато прикрыла ставенки.

– Мало того что Леший придет возмущаться, что лес курочим, – ворчливо заметил кот, – так еще и богатырь этот недоросший всем станет рассказывать, как его Баба-яга метлой отходила. А в качестве доказательства свои синяки да шишки, о дубы да ели набитые, предъявит.

– Я не подумавши, – повинулась избушка.

– Да когда ты думала? – в сердцах отозвался кот. – Тебе от курицы даже мозги не достались – только ноги.

Такого оскорбления избушка не стерпела – сердито хлопнула входной дверью, прищемив Варфоломею кончик хвоста. Кот взвыл дурным голосом, мы с Ивом бросились на помощь и не без труда вызволили хвост из заклинившей двери.

– Да я! – вопил кот, воинственно топорща усы. – Да ты! Да мы с Ягой тебя в курятнике нашли, от помета отмыли. А ты – хвосты прищемлять! Курица деревянноголовая!

– Фу-ты ну-ты! – не оставалась в долгу избушка. – Ишь ты, как заговорил! Да я для вас! И зимой и летом! Последнее тепло отдаю! Лишь бы Ягусе с Варфушей хорошо было!

– Все, все! – вмешалась я. – Брейк!

– Брехун! – услышав что-то знакомое, радостно подхватила избушка.

– Развалюха на курьих ножках! – не остался в долгу кот.

– Это кто еще развалюха? – оскорбленно возопила избушка. – Да ко мне Горыныч в прошлом году свататься прилетал, али забыл?

– Да Горыныч тогда в Хмельной речке искупался, полреки осушил! – ерничал кот. – Он бы и вековой дуб просвтал. Что-то Змей, как протрезвел, стал нас стороной облезть. Не иначе, опасается, что ты его под венец потащишь!

– Да нужен он мне! – раскудаhtалась избушка. – Я избушка свободная, к вольной жизни привыкшая.

– Как же, как же! – распалялся Варфоломей. – Поди, забоялась, что муженек, когда не в настроении будет, как дыхнет на тебя жаром, так одни угли останутся?

– Нет, ну вы еще подеритесь! – всплеснула руками я. – Да что на вас нашло! Варфоломей! Избушка!

– Курица общипанная!

– Кот драный!

– Это я-то драный?! – разъярился кот, вонзая когти в бревенчатый избушкин бок. – Вот я тебе покажу!

– Ух, я тебя сейчас... отфунболю! – взбесилась избушка и приготовилась исполнить второй мастерский бросок, на этот раз используя в качестве шлема вредного кота.

О Кузьме, заброшенном в лесную чащу, мы уже давно забыли и бросились отдирать кота от избы, как вдруг налетел сильный порыв ветра, лес загудел, заскрипел, и на полянке раздались тяжелые шаги.

Кот притих, и Ив, воспользовавшись моментом, рванул его к себе, так что из-под когтей Варфоломея только щепки полетели. Избушка взвизгнула, а потом ойкнула и замерла на месте. Я обернулась в предчувствии недоброго.

На полянке перед крыльцом стоял экзотического вида молодой мужчина, напоминающий Тарзана, только выросшего не в джунглях, а в русском лесу. Пепельные с зеленцой волосы скручены жгутами и, топорщась в разные стороны, доходят до плеч. Во

всклокоченной шевелюре то тут, то там виднеются цветы ромашки и зеленые желуди. Лицо словно рисовала сама природа: глаза синие, как васильки, искрились весельем, губы красные, что спелая лесная земляника, обещали сладость поцелуев, кожа слегка мерцает, словно вобрала в себя полуденный солнечный свет, и ее так и хочется коснуться рукой, чтобы проверить, не сотрется ли позолота, не опалит ли солнцем. На загорелом теле всего и одежды, что набедренная повязка из кленовых листьев и лопухов. Зато какое тело! Плечи сильные, натренированные тяжелой работой. На бронзовой груди переливаются бисеринки пота, что капельки росы. Во всем его облике чувствовалась какая-то непокорная сила, а в глазах отчетливо читался вызов.

– Леший, – ахнул кот и прошипел, обращаясь к притихшей избушке. – Ну все, аукнулась тебе порча лесных угодий в особо крупных размерах!

– Так я ж того, – воробушком пискнула избушка, – не хотела.

– И что здесь происходит? – раздался звучный голос Лешего.

– Да мы тут избу делим в отсутствие Бабы-яги, – неожиданно для самой себя брякнула я. – Коту – бревна, мне – печку, ему вот, – кивок на Ива, – куриные ноги на бульон.

Избушка так и брякнулась на землю, втянув в себя окорочка раздора. Крыльцо, на котором мы стояли, постигла та же участь, и все трое – я, Ив и кот – полетели вниз. Кот шмякнулся на землю с протяжным «мя-я-у!», Ив – с глухим стоном. А я с тихим «ой!» очутилась в сильных руках лесного красавца, каким-то чудом успевшего подхватить меня. Леший пах земляникой и ромашками, дубовыми листьями и полевыми травами, утренней росой и нагретым деревом, цветочной пылью и диким медом... От дальнейшей ароматической дегустации меня отвлекло деликатное, но ревниво-напряженное покашливание рыцаря. Леший опустил меня на ноги и пристальным взглядом оглядел всю нашу компанию.

– Избушку поделите потом, – наконец молвил он. – Сколько полянок, негодница, вытоптала! Давно ее пора по бревнам разобрать.

Позади нас раздался грохот, и в воздух взлетела пыль. Изба не видела смешинок в глазах Лешего, а слышала только напускной гнев в его голосе, и приняла все за чистую монету. А потому выпростала ноги из-под пола и плашмя повалилась на заднюю стенку, так что куриные ножки задрались к небу. Раздался звон посуды, из трубы повалил густой дым.

– Вот курица! Того и гляди, дом спалит! Да и горшки опять менять! – сердито завопил кот. – Куриные ноги – воробьиные мозги!

– Воробушков не обижай, – с напускной строгостью осадил Леший.

– Прошу прощения, – схватился за голову Варфоломей.

– Прощаю, – великодушно кивнул Леший и покосился в сторону избушки. – Оклемается?

– А куда денется? Иначе я ее, бестолковую, в топку отправлю! – пригрозил кот и припустил в сторону избы. – Пойду печь проверю, а то как бы пожар не начался.

Хватило и пары ласковых «мяу», чтобы избушка прыжком поднялась на ноги, перемялась с ноги на ногу, выстраивая равновесие, спустила ступени и распахнула дверь. Кот пулей влетел внутрь и принялся наводить порядок, гремя осколками посуды, а хозяин леса вновь переключил внимание на нас.

– Простите нас за Кузьму, – оробев под его пристальным взглядом, выдавила я.

– Вы и кота уже переименовали? – усмехнулся Леший.

– Я про того парнишку, которого избушка в лес закинула, – сконфуженно уточнила я.

– Да уж, бросок получился знатный. – Леший строго сдвинул брови. – Наломал парнишка дров – двух берез как не бывало, вековой дуб нижней ветви лишился.

Я виновато притихла. Читала я книжки, в которых Леший за порчу лесного хозяйства калечил дровосеков, охотников и простых путников: за каждую сломанную ветку у человека руку отнимал.

– Ну да это не беда. – Леший тряхнул головой, и с его волос слетели лепестки ромашек и пара желудей. – Сказывайте скорей, куда Василиса делась.

– Пропала, – хором доложили мы.

– Знаю, – нахмурился Леший. – Со своей стороны могу сказать, что все леса на своем пути она благополучно миновала. Я ее провожал до самого последнего пролеска, от которого рукой до Златограда подать, а там Василиса на торговый путь вышла да вслед за купеческим обозом к городу пошла. Далее уже не мои владения.

– Да это здорово сужает поиски! – оживился Ив. – Говорите, рукой подать до города? Значит, там ее и надо искать.

– А про торговый путь ты слышал? – не разделяя его энтузиазма, уточнила я. – Что, если Василиса не дошла до города? Что, если ее раньше похитили?

– Похитили? – посерел лицом Леший.

– А почему бы нет? То, что она Баба-яга, конечно, никому не ведомо, – рассуждала я. – Но по описаниям кота она девица видная, красивая к тому же. Проезжали мимо какие-нибудь дикие татары-монголы, на блондинок падкие, хватъ – и нету девицы.

– Ты забываешь одну незначительную деталь, – вмешался Ив. – Даже две.

– Какие же? – удивилась я.

– Во-первых, Василиса ушла из дома переодетой в мальчика.

– Перед городом она могла и принарядиться! – парировала я.

– Она не собиралась привлекать к себе внимание, – напомнил Ив.

– Могла и передумать! – не сдавалась я.

Ив покачал головой и выдвинул второй аргумент:

– Во-вторых, Василиса – волшебница. Посмотрел бы я на того, кто решился ее похитить! Твои татары-монголы, дерзни они ее и впрямь похитить, сейчас бы уже горько раскаялись в содеянном, носясь по полям в облике коней.

– Скорее – ишаков, – хмыкнула я, но так просто сдаваться не собиралась. – А если среди них был черный чародей, который Василису волшебной силы лишил?

– А вот в этом уже есть смысл, – задумчиво произнес Ив, – в противном случае Василиса уже давно бы вернулась домой или хотя бы подала о себе весточку.

– А если она не хочет? – выпалила я и прикусила язык под ледяным взглядом Лешего.

– Что ты сказала? – раздался за спиной вкрадчивый голос кота.

– Что, если она не хочет возвращаться? – уже менее уверенно предположила я. – Что, если она увидела родных, открылась им, вернулась в семью и поняла, что ее бегство было ошибкой? Что, если она больше не хочет быть лесной отшельницей, а желает жить в царском тереме, выйти замуж, родить детей? А что? – Я стушевалась под тяжелыми взглядами кота, Лешего и Ива. – Нормальное женское счастье.

– Боюсь, что... – со вздохом начал Ив.

– ... в этом случае... – бесстрастно продолжил Леший.

– ... тебе придется занять ее место, – жестко закончил кот.

– Никогда! – похолодела я. – Так, немедленно начинаем операцию по возвращению Василисы в избушку. У кого какие предложения?

– Я готов оказать любую помощь в пределах моих владений, – с готовностью откликнулся Леший.

С учетом того, что большая часть Лукоморья покрыта лесами, мощная поддержка!

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, – нам она очень пригодится.

– И по поводу похищения Василисы с торгового пути, – добавил Леший. – Это исключено. На своем пути похитители обязательно бы проезжали лес, и мне бы про то стало ведомо.

– Значит, Василиса все-таки в городе, – подвел итог Ив.

– И вернуть ее нужно как можно скорей, – озабоченно добавил Леший. – Что-то неладное началось после ее исчезновения. Люди на Ягу ни с того ни с сего озлобились, зовут ее злой ведьмой и людоедкой, обвиняют в похищении детей. Сколько я за последнее время разговоров о том наслушался – не сосчитать! А скольких вояк с палицами да дубинами с верного пути сбил, дорожки перепутал, не дал им до избушки Яги дойти? Ведь все Яге

смертью грозили. Вот и сегодня троих мужиков кружил-кружил по лесу... – Леший многозначительно взглянул на меня, и я покраснела, поняв, что он все время был незримым свидетелем реалити-шоу «Я не ведьма, не упырь, а бедная сиротка». Наверное, и дорогу к дому Яги мне подсказал он, обратив мое внимание на малинник с лоскутом сарафана.

– Не всех сбил, – ворчливо заметил Варфоломей. – Илья намедни наведывался, Кузьма опять же.

– Недоглядел, – виновато понурился Леший.

Прежде чем попрощаться, он вытащил из кустов на опушке припрятанный там пенек с диким медом (пенек, выдолбленный изнутри, прекрасно заменял бочку) и сложенную кулем бересту, полную спелых ягод лесной малины. От души поблагодарив засмущавшегося Лешего, я подхватила бересту с ягодой, Ив взялся за пенек, и под ворчание кота, который горевал о сметанке, которая в лесу не растет, мы вернулись в избушку.

О беспорядке, который избушка учинила своим падением, напоминали только глиняные черепки, сметенные котом в угол, да сбившиеся половики. В остальном Варфоломей успел привести горницу в привычный вид. Или избушка уже научилась падать так, чтобы причинять минимум вреда хозяйству.

Втянув ноздрями воздух, я поспешно положила бересту с малиной на стол и кинулась к печи. Из-под заслонки вырвалось облачко горелого воздуха, и я, отфыркиваясь, достала противень с беспорядочной грудой безнадежно испорченных пирогов. Сырые внутри, сверху они покрылись толстой черной коркой. Отведать их не осмелился бы и Робинзон Крузо, проведенный на необитаемом острове три долгих года.

– Это все из-за избушки, – буркнула я. – Если бы ей не вздумалось валяться в процессе приготовления, пирожки бы удались на славу. Нарушила весь процесс, понимаешь.

Кот с Ивом скептически переглянулись, и рыцарь вынес противень с неудавшимся кулинарным шедевром на улицу.

– Что ж, будем трапезничать чем Леший послал, – заключил кот, снимая лист лопуха с пенька с медом, стоящего на столе. Медовый аромат перекрыл запах горелого и волнующе зашекотал ноздри.

Пока мы с Ивом доставали деревянные ложки и дубовые миски с кружками – единственную посуду, уцелевшую после избушковаляния, – кот вытащил из сундука какую-то пеструю ветошь и принялся деловито расстилать ее на столе.

– Еще страшнее скатерки не нашлось? – не удержалась я.

Кот обиженно сверкнул глазищами и уселся на скамью во главе стола. Мы с Ивом опустили на лавку сбоку.

– Ну что, отведаем лесных угощений? – поторопила сотрапезников я, зачерпывая горсть малины и отправляя ее в рот.

Ив последовал моему примеру. Кот не тронулся с места, глядя на нас голодными глазами.

Несколько минут мы молча опустошали бересту с малиной и миски, наполненные медом, запивая сладость родниковой водой, после чего я с тоской протянула:

– Эх, сейчас бы маминых щей!

– И утку, запеченную с яблоками, – мечтательно добавил Ив.

– А мне – сметанки, да побольше, да погуще! – властно велел кот, как будто диктовал заказ в ресторане.

В то же мгновение ветхая скатерка взмыла вверх, словно расстилаемая невидимой хозяйкой, вместе с ней взлетела в воздух посуда и береста с малиной. Я рванулась было за берестой, испугавшись, что ягода рассыплется, да так и застыла: и посуда, и береста повисли в воздухе. Всего лишь на какое-то мгновение. В следующий миг скатерть уже вновь опустилась на стол, а на ней стоял серебряный поднос с уткой, запеченной до золотистой корочки. Посуда и береста, с которой не упало ни одной ягодки, плавно опустились следом.

– Не верю своим глазам! – выдохнул Ив. – Утка точь-в-точь как в моем замке. А поднос! – Он ткнул пальцем в голограмму по краю: – Это же герб нашего рода!

Я же в полном онемении смотрела на стоящую передо мной глубокую белую тарелку с розовым цветочком на краю. Эта тарелка была моей любимой, и она была полна наваристых ароматных маминых щей с фасолью.

– Держи! – Щедрая ложка сметаны плюхнулась в мою тарелку, выводя меня из оцепенения. Я подняла глаза. Кот с наслаждением вылизывал остатки, прижимая к сердцу глиняную миску.

Ив пожирал голодными глазами утку и, страдая от отсутствия столовых приборов, не решался ее попробовать.

– Не стесняйся, – толкнула его в бок я. – Здесь все свои.

– Отведай первый кусочек, – великодушно предложил он.

Я хмыкнула: меньше всего рыцарь сейчас боялся отравиться. Ему просто надо подать пример! Я отломил кусочек нежного мяса и отправила себе в рот.

– Мм... объедение!

Ив, мгновение поколебавшись, придвинул поднос ближе и набросился на дичь, восторженно восклицая:

– Эту утку мог приготовить только наш повар Стью! Я как будто домой попал!

Я за обе щеки уплетала мамины щи. А ведь действительно – мамины! И тарелка моя, домашняя. Вот это скатерть-самобранка! Выпрашивая ее у кота, я рассчитывала на местную кухню, представляя каравай, каши, пироги, яблоки, квас, а скатерка каждого гостя его любимой едой угощает, из какого бы мира он ни явился. Ива потчует вессалийской пищей, меня – домашней маминой, кота – привычной деревенской.

– А говорил, что нету скатерти-самобранки, – укорила я кота, отставляя в сторону пустую тарелку, которая тут же исчезла. – Издевался, да? Тесто заставил месить, пироги печь.

– Без труда и ложка щец не вкусна! – назидательно изрек кот, вылизывая миску со сметаной. После чего велел: – Добавки!

Миска на глазах наполнилась густой сметаной. Эх, объедаться так объедаться!

– Салат «Цезарь», – представив салат из любимого ресторана, возмечтала я.

Скатерка думала дольше, чем в прошлый раз, но с поставленной задачей справилась. Слева от меня в воздухе возникла большая тарелка и плавно опустилась на стол. Обрадовавшись, я схватилась за деревянную ложку и озадаченно замерла, переводя взгляд с ложки на листья салата и кусочки курицы на блюде.

– А нож с вилок нельзя? – осмелев, попросила я.

Скатерка еще раз зависла, обдумывая необычный заказ, и добыла-таки привычные мне столовые приборы. Вилка и нож, словно разложенные услужливым официантом, опустились по бокам от тарелки. Я с ликованием набросилась на салат.

Ив посмотрел на меня с укором, поспешно вытер руки, испачканные в утином мясе, и запоздало потребовал приборы. При виде серебряных ножа и вилки производства Вессалии я даже не удивилась.

Свой пир мы закончили моими любимыми десертами. Себе я заказала тирамису, а Ива подбила отведать мороженое. На мороженое соблазнился даже кот, к тому времени умявший три миски сметаны. Ванильный пломбир привел Варфоломея в полный восторг.

– Вкуснотища! – млел он. – Теперь каждый день его есть буду.

– Только осторожней, – предупредила я. – Так и простудиться можно.

– Я свою меру знаю, – тоном заядлого алкоголика ответил кот, жадно вылизывая шарик мороженого.

– Я за тебя спокойна: мороженым и сметаной ты обеспечен на всю жизнь, – заметила я. – Что ж ты нам жалился, что погибаешь с голоду без сметанки, и рассказывал, как Яга брала подарки ведрами сливок?

Кот мигом посерьезнел и оторвался от пломбира.

– Нельзя использовать волшебные предметы по первой прихоти.

– Опять двадцать пять! – Я закатила глаза. – Уж не хочешь ли ты сказать, что с голоду

будешь умирать, а скатерку не достанешь, будешь ждать, пока добрый селянин явится к Яге в гости с кринкой сметанки?

– Я с голоду не умру, – легкомысленно проболтался кот, – в лесу полевых мышей полно.

Перехватив мой насмешливый взгляд, он быстро добавил:

– Но страдать буду сильно!

– А я буду страдать, если мне все время придется ограничивать себя в магии, – призналась я, в надежде на понимание.

– Жила же ты как-то без нее раньше, – бесстрастно ответил кот.

– Так и тебя сметаной не с младенчества кормили, – возмутилась я.

– А вот и неправда твоя. Я к Яге еще котенком попал, а уж она для меня сливочек никогда не жалела. А ты привыкай. Волшебство приходит на помощь только тогда, когда желаемого нельзя достичь обычным способом. Да и только в том случае, если без него не обойтись, – назидательно изрек кот.

Я поймала на себе взгляд Ива – он смотрел на меня со снисхождением и сожалением.

– Ты тоже так думаешь? – с вызовом спросила я.

– Ты знаешь, – сухо ответил он.

– Но нельзя всех равнять под одну гребенку, – вспыхнула я. – Ты легко отказался от магии, тебе это ничего не стоило, а я не могу!

Ив не отвел взгляда, но в его глазах мелькнуло странное выражение сожаления и боли. Так смотрят на любимую, которая идет к алтарю с другим, с каждым шагом безнадежно удаляясь из твоей жизни. Так смотрят на ребенка, который не желает слушать мудрого совета и тянет руки к огню, чтобы больно обжечься. Так смотрят на друга, который с азартом рассказывает о своем новом опасном увлечении, и ты понимаешь, что с этого момента ваши дороги навсегда расходятся.

– Тогда почему мелкое волшебство удавалось мне раньше? – смешавшись, спросила я у него.

– Ты училась, Яна, ты только пробовала приручить магию и использовала для этого любой повод. Теперь же магия приходит на помощь только тогда, когда в ней есть острая необходимость. В случае если решить вопрос можно обычным путем, она перестает действовать. Закон сохранения магии.

– Это что же, теперь, чтобы поесть пиццу, мне придется ее сготовить? – невесело пошутила я.

– Лучше нанять кухарку, – ухмыльнулся кот, намекая на неудачу с пирогами, но, поймав мой сердитый взгляд, не рискнул будить во мне Годзиллу дальше и ловко перевел разговор: – Ох, беспокойные нынче времена настали... Илью видали? Перед вашим появлением Бабу-ягу на смертный бой вызывал – каков молодец, а?

– Да он вроде как не всерьез, – возразила я.

– Еще бы он всерьез вздумал, – ошетинился кот. – Вот уж я бы ему показал!

– Кузькину мать? – заинтересовалась я.

– На что ему Кузькина мать? – удивленно вытаращился кот. – С него бы и Федькиной стало – как увидел бы... Да дело-то не в том, – спохватился он. – Баба-яга – она ж всегда защитница была, помощница, советчица. Как царевна из терема пропадет, жених к Яге – помощи сыскать суженую. Как кормилец при смерти лежит, жена или детки маленькие к Ягусе бегут – спаси и исцели! Знают, что от раны смертельной только живая вода помочь может. А водица та только у Яги есть. Как напасть какая заведется, опять молодцы к Яге спешат – подскажи, бабушка, способ вражину извести. А уж гостей она как встречала-привчала? И баньку напарит, и кашу наварит...

– А где тут банька? – удивленно озираясь, спросила я. – Неужто, как в сказке, из стены вырастает?

– Гуляющая она у нас, – ворчливо заметил кот. – Все по лесу шастает день-деньской, не дозовешься.

– Кто? – совершенно опешила я.

– А ты про кого спрашиваешь? – ощерился кот. – Баня, конечно.

И, видя мое полнейшее недоумение, сжалился и пояснил:

– Банька в отдельной избушке на курьих ножках. Поменьше, чем эта. Наша избушка давняя, степенная, к оседлой жизни привыкшая. А баньке еще и сотни лет нет. С тех пор, как старая развалилась, новую построили, а у молодежи одни гулянки на уме.

– То-то мы ее еще не видели.

– И не увидите, – хмыкнул кот. – Ее надо волшебным словом позвать, а вам то слово неведомо.

– Что ж нам теперь – грязью зарастать? – возмутилась я.

– А и зарастайте, – махнул лапой кот. – Никто и не заметит особой разницы. Ты и так лицом черным-черна, что последняя чернавка, да и хахаль твой не лучше.

Я аж задохнулась от возмущения – да в Москве моему островному загару обзавидовались бы! Что за дикое царство-государство!

– Впрочем, так оно и лучше, – задумчиво продолжил кот. – Василисе, чтобы в Ягу нарядиться, пришлось белые щечки глиной мазать, а у тебя кожа, что у настоящей Яги – сухая, темная.

– Варфоломей! – прорычала я, и кот, поняв, что хватил лишку, торопливо сменил тему:

– Вот опять ты меня с толку сбила! – ворчливо заметил он. – Я ведь про Ягу рассказывал. На чем я остановился?

– Баньку напарит, каши наварит, – напомнил Ив.

– Вот именно. Гостеприимная Яга была, добрая. Дети ее любили. Баба-яга всегда в почете жила, в уважении. А сейчас что? Кто-то слухи распускает, что Баба-яга на старости лет разум растеряла, в злое колдовство ударилась. Кто в избушку к ней попадет, тот навеки сгинет. И даже, аж повторить и то мерзко, людоедкой стала – детей похищает и ест.

– Да, есть такие сказки, – признала я.

– Сказки? – взвился кот. – Какие ж это сказки? Брехня это, а не сказки!

– Наглый поклеп, – поддакнула я. – Знаешь, Варфик, я всегда в детстве удивлялась, как же это так: в одних сказках Баба-яга – добрая старушка, царевичам помогает невесту найти и Кощей одолеть, трудолюбивых и скромных падчериц награждает, а в других – ну ведьма ведьмой. И Лутонюшку зажарить норовит, и...

Кот так и замер, не донеся до рта лапку с зачерпнутой сметаной.

– Врешь!

– Я тебе как в сказках все говорю, – обиделась я.

– Лутонюшку – зажарить? – оскалился кот. – Да этот Лутонюшка, сиротка заблудившийся, у нас больше месяца Жил припеваючи. Катался как сыр в масле, трескал, аж за ушами трещало. Василиса на него умилялась – и оладушки ему, и блинцы с медом, – Варфоломей возмущенно сглотнул, – со сметаной! Мне в миску не докладывала – все Лутонюшке, все дитятке малому. А то, что это дитятко меня за хвост таскало, так это не в счет. Он не со зла, он играючи! Я невольно посочувствовала Варфоломею: появление нового фаворита – конец света для прежнего любимца.

– А сколько раз Василиса его домой вернуть пыталась? – продолжил кот. – Сама не хотела расставаться, да сердечко болело, что малыш без родителей растет. Соберет его в дорогу, выведет из избушки, вернется обратно грустная-прегрустная, а часа не пройдет – он уже на пороге стоит да лыбится. Василиса его целовать-обнимать, нянчить, на стол накрывать! Насилу избавились от приживальца.

– Избавились? – вздрогнула я.

– Кабы не я, так он бы у нас навек поселился, – с гордостью отозвался кот.

– Так это ты его... того? – глухо произнесла я. – Зажарил?

– Ты что?! – Кот возмущенно зашипел, а избушка зашлась приступом хохота, отчего зазвенела посуда на столе.

– Ох насмешила, – кудاختала изба. – Да этот Лутоня сам кому хошь жару задаст!

Однажды чуть крыльцо не спалил, окаянный, – с болью в голосе припомнила она. – Кабы Василиса вовремя не подросла, тут и конец бы мне пришел. А Лутонюшка стоял поодаль да смеялся, глядя, как ступени горят. Смотрите, кричит, как избушка пляшет!

– Да уж, плясала ты на славу, – ворчливо заметил кот. – Всю посуду потом менять пришлось – одни черепки остались.

– Фу-ты ну-ты! – обиженно ответила избушка. – А кто в это время в печи сидел запертый и выл дурным голосом?

– Я не выл, – огрызнулся кот. – Я пел боевую песнь, наводя ужас на врага, и готовился броситься в атаку.

– То-то Лутонюшка со смеху покатывался, разжигая огонь у меня на ступеньках, – съязвила избушка.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним, – возразил Варфоломей. – Должна мне спасибо сказать, что избавились от мальчика.

– И как же это тебе удалось? – любопытствовала я.

– Хитростью, – сверкнул глазами кот. – Пока Василиса не слышала, я ему без конца страшные истории про Кощея рассказывал, какой он злой колдун и как детей кушать любит – Лутоня аж трясся от страха. А потом, когда он созрел, невзначай обмолвился, что Кощей на днях к Яге в гости зван. Лутоня как про то услышал, к Василисе на руки бросился и, слезами умываясь, стал молить его к матушке с батюшкой отвести. Василиса его тут же схватила и вон из избы, а вернулась уже без мальчика.

– Так вот откуда слухи пошли, что Баба-яга детей в печи жарит и ест, – задумчиво заметила я.

– Я это не говорил! – оскалился Варфоломей. – Я про Кощея рассказывал.

– А про Кощея-то правда? – заинтересовалась я.

– Да кто его знает. – Он махнул лапой. – Кощей отшельником живет, ни с кем из сказочного люда не знается. Слухов про него много ходит, а что правда, что нет, я про то не ведаю. А Лутоню этого увижу, – кот оскалился, – глаза выпарапаю. Не успел домой вернуться, паршивец, как честное бабушкино имя опозорил.

– Так это недавно было? – уточнила я.

– Да и месяца не минуло, – поведал кот. – Вскоре после этого и Василиса в путь-дорогу засобиралась. Повозилась с мальцом да заскучала по родным. Хочу, говорит, сестриц повидать хоть одним глазком. Как они там, говорит, может, уже замуж вышли и деток родили. Одни беды от этого Лутони на нашу голову! А как Василиса ушла, так что-то неладное началось. Откуда ни возьмись, набежали богатыри да простой люд. Богатыри Яге смертью грозят, крестьяне людоедкой и ведьмой кличут, обвиняют во всех напастях. Один раз чуть избушку не спалили. Хорошо, банька их внимание отвлекла, и избушка в лесу укрылась. Пришлось нам в самую гущу леса забраться, чтобы спрятаться. Так, сама видишь, и тут нашли! Я потом походил по округе тайком, послушал, что народ рассказывает, чуть не поседел. Гуси-лебеди ребенка украли – Яга виновата, ее лебеди. На коров мор нашел – Яга виновата, ее проделки. Солнце палит – Яга проказничает, без урожая хочет оставить. Три мужика, которые к Яге отправились, пропали – Яга их убила, изжарила, а головы на колья вокруг дома повесила.

– А что, мужики правда пропали? – спросил Ив.

– Пропали. – Кот нервно дернул хвостом. – Один кузнец, сказавшись, что Ягу извести идет, даже до лесу не дошел – с дочкой мельника сбежал, теперь ищи ветра в поле. А жена его убивается, Бабу-ягу винит, что детишек малых без отца оставила.

– А ты откуда знаешь? – удивилась я.

Кот смущенно потупился.

– Поспрашивал у местных кошечек. Мурка с мельницы видела, как хозяйская дочка с женатым кузнецом тайно встречалась, и слышала, как во время последней встречи они сговаривались о побеге. А чтобы кузнеца не искали, придумали на Ягу тень навести. Тогда как раз вся деревня гудела, что Яга разумом помутилась.

– С этим понятно. Ну а другие два? Которые пропали? – уточнила я.

– Этих я в лесу нашел, – поведал кот. – Одного медведь задрал, другой в болоте сгинул.

– Как же ты про него узнал, если он сгинул? – с подозрением спросила я.

– Водяной мне про то поведал, – оскорбленный в лучших чувствах, ответил Варфоломей. – Нешто ему не знать, что в его угодьях делается? А Леший про другого подсказал: тело в такой непроходимой чаще лежит, что вовек его не сыскать.

– В общем, как ни крути, а Яга крайняя получается, – удрученно подвела итог я.

Так я и знала, что дело тут нечисто. Не просто на маскарад меня магистры спровадили. Выходит, еще надо разбираться, кто Бабе-яге такой черный пиар устроил, и имидж восстанавливать.

– Есть идеи, кто бы это мог быть? – поинтересовалась я.

Кот задумчиво почесал лапой за ухом, избушка, все это время слушавшая наш разговор и вставлявшая время от времени глубокомысленные «Угу», «А то ж!», «Ух ты!» и «Вот ведь как!», в растерянности лязгнула печной затворкой.

– Да кому это надо-то? – протянул кот. – У Бабы-яги никогда врагов не было. И с людьми, и с нечистью она всегда в ладу была.

– Ты сейчас про какую Ягу говоришь – настоящую или Василису? – уточнила я.

– Про обеих. Василиса хорошо с обязанностями Яги справлялась. За все это время люди ни разу не усомнились в подлинности Бабы-яги, а нечисть Василису приняла как приемницу Яги.

– Значит, всякие лешие, водяные и кикиморы были в курсе? – удивилась я.

– А как же им не быть, коли Баба-яга в лесу схоронена? Знает Леший – знает весь волшебный люд.

– А знает весь волшебный люд – и простой народ узнает, – скептически заметила я.

– Никогда! – убежденно возразил кот. – Баба-яга – это тот мостик, через который нечисть с простым людом связь держит. Если не устраивает что Лешего или Водяного, то они сами человеку не покажутся, а придут к Яге да попросят ее передать людям их волю. Так было испокон веков заведено. Если люди узнают, что Баба-яга – это Василиса, прежнему почтению не бывать. Баба-яга-то свое доброе имя веками заслужила. Так что нечисть не выдаст.

– А Василиса как давно место Яги заняла? – вмешался Ив.

– Три весны минуло, – без запинки ответил кот.

– Три года, значит, – протянула я. – А слухи про то, что Яга – злая ведьма, недавно поползли?

– Да вот, вскоре после того, как Василиса в путь-дорогу отправилась. Четыре ночи все спокойно было, а на пятый день богатырь явился, грозился «людоедке» голову с плеч снести.

– Значит, прознали, что Яга отлучилась и... – предположил Ив.

– Да кто ж знает-то? – подпрыгнул кот. – Заболела старушка, лежит на печи, здоровье поправляет. Кто приходит, тому избушка старушечьим голосом отвечает, и они уходят в полной уверенности, что Яга дома, просто у нее неприятный день. А в избу тайком прокрасться невозможно – избушка бы про то знала.

– И все-таки странное совпадение получается, – усомнился Ив.

– Мне больше любопытно, кто тот злодей, что про Бабушку-ягу такие мерзости распускает! – проворчал кот.

– Может, соперники? – предположила я. – Кто-то хочет занять место Яги. Кто-то мечтает о таком же почете, уважении и власти.

– А что, – Варфоломей стукнул хвостом, – в этом есть смысл.

– Значит, надо искать среди волшебников, – резюмировал Ив.

– Преимущественно – молодых да дерзких, – дополнил кот.

– А ведь в таком случае этот волшебник не знает, что Яга – это Василиса, – осенило меня. – Иначе он бы просто разоблачил ее как самозванку. Осталось определиться с кругом подозреваемых.

Варфоломей уселся на лавку, почесал за ухом и стал выдавать список возможных злоумышленников.

– Перво-наперво, Забава, кузнецкая дочь. Девка ладная, красивая, но гордая без меры. В женихи все царевича ждала, а уж какие к ней только добры молодцы не сватались! В чародействе сильна – еще Яга жива была, когда Забава к ней приходила. Хотела у нее секреты волшебства выведать, да только не вышло. Тогда Забава осерчала да предложила Бабе-яге силами померяться – мол, кто победит, тот и будет самой главной чародейкой в Лукоморье. Яга над ней только посмеялась да за дверь выставила. А Забава кулачком избушке грозила да кричала, что Яга еще о ней услышит и пожалеет о своих словах, да только поздно будет.

– Думаешь, она?

– Кто знает? – Кот в задумчивости наклонил голову. – Три года минуло, Забава могла наловчиться в чародействе и захотеть потягаться с Ягой.

– Судя по твоим словам, Забава бы скорей Бабу-ягу на честный бой вызвала, чем исподтишка слухи о ней стала распускать, – усомнилась я.

– За три года она могла и измениться! – упрямо возразил Варфоломей.

Я не стала спорить и на кусочке бересты, выданном мне котом, угольком вывела первое имя.

– Дальше, – призадумался кот, – а вот хотя бы и Степанида, крестьянская дочка. Бедовая девка! Нареченного ее в лесу медведь задрал. Это незадолго до свадебного пира случилось – Ефим отправился дичи добыть, да и сам сгинул. Степанида убивалась страсть как! К Яге пришла, слезами умываясь: помоги, бабушка, суженого оживить, дай водицы живой да мертвой.

– И что Яга? Или это была Василиса?

– Нет, то еще Яга была, – поведал кот и стукнул по лавке хвостом. – Не дала.

– Так, значит, есть вода – живая и мертвая? – загорелась я.

– Есть, да только не про всякую честь, – отрубил кот.

– И кто же такой чести удостоивается? – заинтересовалась я.

– Только тот, кого волшебное блюдечко в мире живых покажет. Значит, не должно было с ним ничего случиться, человек еще в мире живых нужен, тогда его можно вернуть.

– Ефима блюдечко не показало...

– Смекалистая! Жалко Яге было Стешку, но закон есть закон. Иначе могло бы непоправимое случиться, весь мирской порядок нарушился бы, люди безвинные пострадали... Яга утешала ее, как могла, но Стешка ничего слушать не желала. Верну его, говорит, и все, хоть всю жизнь придется средство искать – не отступлюсь! Баба-яга тогда только головой покачала: дар у Стеши был, да добрый, светлый. Она скотину лечила, людей исцеляла. Для того чтобы мертвого поднять, сила совсем другого рода нужна.

– И что эта Стеша сейчас делает? – настороженно поинтересовалась я.

– Ищет, как и обещала, – удрученно вздохнул кот. – Яга просила присматривать за ней, ну я и наведывался в деревню, поглядывал да кошечек расспрашивал. А когда хозяйки не стало, я по старой привычке Стешу из виду не выпускал. Ничего светлого в ней не осталось: сама высохла, лицом почернела, целительство ей больше не по силам, ныне она порчей промышляет.

– С нее вполне станется про Бабу-ягу гадости распускать, – заметила я, выводя угольком второе имя на бересте.

– Так-то оно так, да только уже четыре года минуло. Что же она раньше молчала? – разумно возразил кот.

Я отложила уголек в сторону.

– Кто там у тебя еще?

– Любава, дочь плотника. Затейница по приворотной магии.

Я хмыкнула.

– Привороты? Ну ей-то уж слава Яги на что сдалась?

– Не скажи, – возразил кот. – Каждая лягушка желает стать главной в своем болоте. А Любава по своей части очень сильна и столь же непредсказуема. Никогда не знаешь, возьмется она за дело или откажет. Но уж если возьмется, то ни перед чем не остановится, чтобы пару соединить.

Уж не об этой ли Любаве-чаровнице говорил мой знакомый Фрол?

– Мне кажется, это несерьезно. – Я покачала головой. – Только время на эту сводницу потеряем. Да и что ей с Бабой-ягой делить? Старушка ей не конкурент, Яга же приворотами не промышляет?

– Никогда! – заверил кот. – Яга в сердечные дела не вмешивается.

– Вот видишь!

– А если я скажу, что Любава мечтает Чернослава заполучить, а тот только о Василисе думает? – сощурился кот.

– Намекаешь, что Любава узнала, что Василиса – это Баба-яга? – удивилась я. – И все равно не понимаю, какой ей смысл чернить имя Яги и отрезать Василисе путь к возвращению? Ей куда выгоднее, чтобы Василиса всю жизнь провела в лесной избушке, притворяясь древней старухой.

– Если сейчас очернить имя Яги, а потом откроется, что ею была Василиса, Чернослав отвернется от невесты, – прозорливо заметил кот. – И тут Любавина душенька довольна: соперница опозорена, можно брать Чернослава в оборот.

– Это лишь твои предположения, – сомневалась я, – которым грош цена, если Любава не знает, что Василиса и Яга – одно лицо. И потом, куда проще разболтать всему свету, что Василиса была Бабой-ягой и жила в лесной избушке, этого уже достаточно, чтобы скомпрометировать незамужнюю девицу.

– Правда твоя, – проворчал кот. – Но проверить можно! К тому же Любава в одной деревне со Стешей живет – и ходить далеко не надо.

– Ладно, – сдалась я и взяла в руки уголек, – проверим твою чаровницу.

Список подозреваемых чародеек рос на глазах, и все имена мне были незнакомы.

– А как насчет Змея Горыныча, Соловья-разбойника, Марьи Моревны? – спросила я.

– Горыныч на такие коварства не способен, – замотал головой кот. – У него что в головах, то и на языках. Бывали, конечно, у них с Ягой разногласия, но он хозяйку уважал. Да и не знает он о том, что Василиса место Яги заняла. Мы с Лешим и Водяным порешили, что лучше Змею о том не ведать. Соловей... – Кот призадумался. – Да нет, кто его слушать-то станет? Хоть и серчал он одно время на Ягу, но то уже давно было.

– Что было-то? – Я подпрыгнула на лавке от любопытства.

– Что было, то давно быльем поросло, – отрезал Варфоломей. – А Марья Моревна, как замуж вышла, так живет в своем подводном дворце с мужем и детками и носу на поверхность не кажет.

За разговором мы не заметили, как за окном сгустились черные, как крепкий кофе, сумерки. Избушка подозрительно притихла и уже давно не принимала участия в беседе – наверное, тихонечко дремала.

– Вот ведь заболтались! – спохватился кот. – Ночь-полночь на дворе. Давайте спать укладываться. Утро вечера мудренее.

Лукоморское утро было волшебным и разбудило меня ярким розовым светом, бьющим в окна. Кутаясь в лоскутное покрывало, я выбежала в сени, рванула дверь и зажмурилась от ослепительного сияния. Весь лес купался в розовом свечении. Оно обнимало стволы деревьев, красило листья и траву в фантастические золотые и лиловые цвета, рассыпало по листве и земле тысячи золотых бликов. Смотреть на небо было невозможно: оно обжигало глаза до слез. Наверное, там, в высоте, парит сказочная птица, одно перышко которой может осветить все пространство вокруг. Немудрено, что свечения от целого оперения хватило, чтобы накрыть весь лес целиком. Я прижала ладонь козырьком ко лбу, подняла голову и ахнула. Не жар-птица, нет, там...

– Ты чего вскочила-то, попрыгунья? – проворчал неслышно подкравшийся кот и сонно потерялся о мои босые ноги. – Заря только...

– Что случилось? – подтянулся встревоженный Ив.

– Заря... – зачарованно протянула я, щурясь от яркого света, но не в силах отвести глаза от неба.

Там, высоко над верхушками сосен, катился ослепительно-красный шар, разливая по земле розовое сияние. Таких фантастических рассветов я не видела нигде, даже на тропическом острове, откуда мы вернулись еще вчера. То, курортное, солнце впиталось в кожу расплавленным золотом. Это, лукоморское, светило в самое сердце, наполняя его теплом и любовью ко всему миру, превращая каждую неказистую осинку в ослепительную красавицу, каждую росинку на траве – в бриллиант.

Я обернулась к Иву – в рассветном розовом сиянии, растрепанный спросонья, он показался мне самым дорогим человеком на свете. Подошла к нему, прижалась. Не губами – сердцем выдохнула:

– Люблю тебя.

Кот деликатно отвернулся, Ив смущенно пробормотал:

– Так пожара нет?

Я подняла на него сияющие глаза, покачала головой, поймала губами тепло его губ, задышавшись, повторила:

– Я тебя люблю.

– Надеюсь, больше, чем свою магию? – прерывисто спросил он и все испортил.

Розовое сияние померкло, глаза напротив сделались чужими. Я обернулась: солнце спряталось за облаком, сорвало с земли покров волшебства, и все стало обыденным и прежним. Хмурый утренний лес, упрямый Ив, попрекающий меня магией. Все вдруг стало предельно ясно. Да он же просто...

– Ты мне завидуешь, – вспыхнула я. – Я сильнее тебя в магии, и тебя это раздражает. Ты такой же, как все мужчины, не можешь допустить, чтобы женщина в чем-то превосходила тебя. Это как проклятье «Оскара»: как только актриса получает статуэтку, в ее личной жизни происходит разлад.

– При чем тут твой дядюшка Оскар? – Ив в недоумении поднял брови. – Он не в силах навести проклятие, он же не маг. Актрис он, конечно, недолюбливает, но на то есть свои причины. В молодости он потратил значительную часть наследства на одну актрису, а та, забрав все его подарки, сбежала к богатому герцогу.

– Спасибо, что просветил, – процедила я. – Теперь хоть знаю, кого благодарить за несусветную жадность моего вессалийского дядюшки. Но не надо увиливать! Признайся, ты завидуешь мне, потому что я сильнее!

– Разумеется, это так, – холодно отчеканил Ив. – Именно поэтому я отдал тебе всю свою магическую силу в ночь перед поединком с твоей сестрой.

Я вспыхнула. Да, тогда Ив поступил совершенно по-мальчишески, влив в меня весь свой дар до последней капли и не предупредив об этом. Ведь знал же, что я буду против! Знал, но поступил так, чтобы дать мне преимущество перед Селеной. Ведь в случае победы моя одержимая темной магией сестричка церемониться бы не стала. Но я не привыкла быть в долгу. И когда какое-то время спустя, после череды приключений в подводном царстве, я попала в Пещеру Желаний, я не сомневалась в выборе.

– Я вернула тебе твой дар, – выкрикнула я. – Я хотела чтобы мы с тобой были на равных. Чего еще тебе надо?

– Ты, – просто ответил Ив. – Мне нужна ты, а не свихнувшаяся на почве своего могущества ведьма.

– Я не ведьма, – прорычала я.

– Но ты движешься в верном направлении, – с горечью заметил Ив. – Разница между ведьмой и волшебницей в том, что волшебница помогает другим, а ведьма думает только о себе.

От несправедливой обиды я даже покачнулась.

– Хорошо же ты обо мне думаешь... Что же ты делаешь рядом со мной, такой белый и чистенький?

Ив покачал головой.

– Я волнуюсь за тебя, Яна. Меня не было рядом с тобой, пока ты улаживала дела в подводном мире. Но, когда мы увиделись после, я заметил, что ты изменилась. Темная сила Селены, которая перешла к тебе во время поединка, дает о себе знать. Я смотрю на тебя и вижу ее.

– Ты разрываешь мое сердце, – прошептала я.

– А ты – мое.

– Я не Селена!

– Так будь собой, а не ею.

– А ты, оказывается, жестокий... До встречи с тобой я не умела колдовать, помнишь? Это же ты нашел меня тогда в лесу, ты привез меня в замок Селены, ты убеждал меня в том, что я и есть Селена, великая волшебница, которой подвластно все! Ты сам разбудил во мне способности к магии, ты одобрял мои упражнения. А теперь, когда я овладела магией в полной мере, называешь меня ведьмой?

– Я лишь предостерегаю тебя от ее бездумного применения, – возразил Ив. – Но ты не хочешь меня слышать. Селена начинала так же, – с горечью добавил он.

– Не сравнивай меня с ней! – взбеленилась я.

– Твоя мать опасалась за Селену, – жестко напомнил Ив. – Она предостерегала ее. Но Селена ее не слушала.

– Еще одно слово и... – вспылила я.

– И что? – Он с вызовом взглянул на меня. – Убьешь меня так же, как Селена убила свою мать?

– Это неправда, – у меня перехватило дыхание, – моя мать погибла, защищая меня!

– Но защищая от кого? От Селены. Ведь это твоя сестричка постаралась, чтобы ты попала на ту пустошь и уже не выбралась бы оттуда.

Не выдержав его взгляда, я отвернулась. За спиной раздались шаги, скрипнула половица – Ив ушел в избу. Я опустилась на крыльцо и невидящим взглядом уставилась на лес. Вспомнилась наша первая ночь вместе. Тогда рыцарь перенес нас на берег моря, лунная дорожка стелилась нам под ноги, когда мы шли по поверхности воды, а в конце пути нас ждала постель из звезд. Тогда Ив не разделял мнения, что применять магию в личных целях нельзя. Что же произошло теперь?

В избе что-то загремело, оглушительно чихнула печка, так что я подпрыгнула вместе с крылечком. Похоже, Варфоломей занялся завтраком. Я не тронулась с места – за один стол с Ивом в таком настроении я не сяду.

Вскоре на крылечке появился кот, вкрадчиво сообщил:

– Я там самобранку расстелил...

– А мне показалось, ты печку мучил, – хмыкнула я.

– А, это она мышью подавилась, – радостно доложил Варфоломей.

– Вот и ешьте своих мышей сами, – буркнула я.

Кот пристально посмотрел на меня, вильнул хвостом и вернулся в избу. Из-за неплотно закрытой двери, дразня меня, донеслись ароматы свежее испеченного каравая, домашнего сыра и ягодного варенья. Я встала и плотно прикрыла дверь. Не дождетесь!

Утренняя прохлада сгущалась вокруг меня влажным одеялом, холодила босые ноги, пробиралась за шиворот, мурашками растекалась по коже. Я поежилась, подтянула под Себя ноги, растерла замерзшие руки. Хоть Снегурочкой стану, но в избу не вернусь!

Взгрустнула при мысли о нашем тропическом рае в шалаше – ведь еще вчера, на острове, все было так хорошо. Никаких недомолвок, никаких обид, никаких споров Стоп! Похоже, не обошлось тут дело без вмешательства достопочтенного магистра Белимара. Вчера утром те несколько минут, пока магистр с Ивом выбирались из моря, они о чем-то

переговаривались и спорили. А уже после обеда рыцарь отчитал меня, когда я пыталась добыть нам еды. Надо поговорить с ним, надо все выяснить, не дать магистру нас посорить!

Я вскочила на ноги, метнулась к двери и чуть не сбила с ног выходящего Ива.

– Ты... – Взгляд скользнул по непривычной для рыцаря подпоясанной русской рубахе, просторным штанам. Только сапоги из мягкой кожи, которые Ив носил еще в Вессалии, портили целостность облика. Против воли вырвалось насмешливое: – Ты Кузьму, что ли, ограбил? А что ж лаптями побрезговал?

– Это из запасов Бабы-яги, – снизу мяукнул кот.

– Она любила переодеваться в мужское?

Ив не глядя отодвинул меня с пути и спустился с крыльца. Только сейчас я заметила котомку на его плече, и все ехидство как ветром сдуло.

– Ты... уходишь? – Мой голос прозвучал неожиданно хрипло.

За рыцаря ответил кот:

– Он идет за Василисой.

«Что, прямо сейчас? Вот так? В обиде на меня?» – заметались вопросы в голове, но вслух я растеряннo спросила:

– Пешком?

– Я нашел в сундуке несколько монет. На них можно купить коня в ближайшем селе, – пояснил кот, в то время как Ив по-прежнему молчал.

– Коня? – изумленно вырвалось у меня. – А что, ковра-самолета или сапог-сорокоходов нет?

– Я в состоянии добраться сам. – В голосе рыцаря прозвучал вызов.

– Ну смотри, а то могу подбросить тебя на метле! – в том же тоне ответила я.

– Обойдусь, – отрубил Ив.

– Тогда счастливого пути! – оскалилась я.

Ив бросил на меня короткий порывистый взгляд, от которого внутри у меня все сжалось. Так он уже смотрел на меня однажды, когда я была парализована заклинанием не подвижности, а Ив думал, что перед ним моя сестра Селена. Он смотрел на меня, как на чужую, и для него это тоже было невыносимо. Он быстро отвернулся и зашагал к лесу.

– Скатертью дорожка, – от души напутствовал кот.

Мы молча смотрели вслед рыцарю, пока деревья не сомкнулись стеной, спрятав его от нас. Даже избушка замерла и, казалось, вытянулась на цыпочках, чтобы как можно дольше не терять Ива из виду.

– Ты так и не ответил, откуда у Яги мужская одежда, – очнулась я.

– Сама пряла, сама шила, – с гордостью поведал кот. – Ох и рукодельница была!

– А Василиса что же? – усмехнулась я. – Отлынивает?

– Баба-яга столько одежи наготовила, что еще на три поколения богатырей хватит, – похвастался Варфоломей.

– Да зачем ей это? – поразила я.

– Ты и правда глупая или притворяешься? – мяукнул кот и, не дождавшись моего ответа, сам сделал неутешительный вывод о моем умственном развитии и пояснил: – Гости-то у ней были!

– Ну были, – все недоумевала я, – и что с того?

– С дороги-то они уставшие приходили, есть-пить просили!

– Что у Бабы-яги в избе бесплатная столовая для царевичей и Иванов-дураков была, это я в курсе, – кивнула я. – Но чтобы у нее еще и ателье было, что-то не припоминаю!

– А про баньку ты помнишь? Или тебе память начисто отбило?

– Помню, как же, она у вас гулящая, – радостно сообщила я. – Ага, есть еще и вторая мини-избушка, со своим пошивочным цехом? Что ж ты раньше-то молчал! А ну зови ее сюда, будем мне гардероб составлять!

Кот в раздражении закатил глаза.

– В баньке гости парились, а потом в избе спать укладывались. Помнишь?

– Помню, и что?
– А то, – рывкнул кот, – что если одежда у них справная была, то Баба-яга ее стирала да на печке сушила, пока гость спал.
– Это еще зачем?
– А что же он, по-твоему, после бани снова в пыль дорожную одеваться должен? – Кот в возмущении выпучил глаза.
– А нечего было пылиться, – не сдавалась я.
Варфоломей безнадежно махнул лапой.
– А шила-то она для кого? – спохватилась я.
– Для того, – пробурчал кот. – У иных путников одежда так в дороге истрепывалась, что в лохмотья рассыпалась. Не провожать же молодца нагишом? Вот Яга и заготовила рубах да штанов разных размеров, чтобы любому подошли.
– Добрая душа, – умилилась я и возмущенно потрясла кулаком. – Бабулька, а потом и Василиса, для них и стол, и баньку, и ночлег, и рубаху, а они на Ягу напраслину возводят, злодейкой выставляют!
– Вот с этим мы и будем разбираться, – озадаченно нахмурился кот. – Пошли в дом! Скоро Илья явится, надо успеть ему отвар сготовить. А там, если время останется, прогуляешься до чародеек да разведаешь, авось и найдешь ту, кто к этой напасти отношение имеет.
Я всплеснула руками:
– Илья! Отвар! Да как готовить, если я не умею?
– Подскажу уж тебе, неумеха, – смиростивился кот, подталкивая меня к сеням. – Пошли.

Царевна

Тем временем в царском тереме

Василиса стояла у окна своей горницы в царском тереме и кусала губы. Привычка дергать косу уже не успокаивала, коса расплелась наполовину, а девушка никак не могла взять себя в руки. Только с тревогой всматривалась вдаль: вот-вот взметнется пыль дорожная, вот-вот покажется на горизонте черная точка – всадник на темном коне.

Сердце заныло от неминуемой беды, губы кольнуло болью, и Василиса слизнула кровавую капельку. Прав был Варфоломей, тысячу раз прав, когда просил ее не покидать избушки. И ведь чего только ни делал, проказник, чтобы удержать ее! Василиса невольно улыбнулась, вспомнив кота, но тут же нахмурилась, осознавая свою вину перед ним. Как же легкомысленно, неосмотрительно, необдуманно, недопустимо она поступила. Нет ей оправдания. Стыдно перед Варфоломеем. А еще больше – перед Бабой-ягой, которую она так подвела своим уходом.

Яга снилась ей ночью: явилась к ней в горницу, постояла у изголовья кровати, молча и пристально глядя в глаза. Василиса бросилась к ней, умоляла простить за глупость, помочь дело исправить, но Яга растворилась в воздухе, словно и не было ее. Василиса проснулась от нервной дрожи и не сомкнула глаз до самой зари, казалось, из темноты горницы на нее по-прежнему мудро и укоризненно смотрит умершая Баба-яга.

Скрипнула половица – в горницу вошла верная прислужница Дуняша.

– Царевна Василиса! – Голос девушки звенел от восторга. – Погляди, какой славный кокошник царица передала.

Василиса даже не обернулась.

– Так и переливается камнями самоцветными, так и пышет, – не сдавалась Дуняша, нахваливая кокошник. – Красота ненаглядная! Ой, косонька-то совсем растрепалась!

Василиса молча снесла, как Дуняша быстро да умело сплела разворошенные в волнении пряди, приговаривая, как хороша царевна, как онемееет от такой красоты жених, какой славный пир закатит царь-батюшка. Василиса стояла, не шелохнувшись, к словам служанки оставалась глухой.

Дуняша туго переплела косу алой шелковой лентой, закрепила на голове царевны нарядный кокошник и широко раскрыла глаза от восторга:

– Хороша! Сейчас, зеркальце вот! Гляди-ка! – суежилась она.

Василиса в зеркало даже не взглянула – что толку? Все зеркала и блюда она тщательно проверила: ни одно из них не было волшебным и не помогло ей связаться с кем-либо за пределами терема.

– Ни дать ни взять – царевна Несмеяна, – расстроено шмыгнула носом Дуняша. – Как околдовал кто.

– Ты же знаешь, это невозможно, – безжизненно отозвалась Василиса. – Терем защищен от волшбы.

– А вот на тебя поглядишь и засомневаешься, – буркнула Дуняша.

Царевна окинула ее странным взглядом и вновь отвернулась к окну. Дуняша понятливо вздохнула, мол, волнуется царевна, да и как не волноваться? Жених едет, которого она последний раз до похищения видела. Как же тут не переживать сердцу девичьему да не гадать, как суженый примет? Ведь слухи всякие бродят по Златограду, болтают разное. Шутка ли, царевна в замке Кощея три года провела. А что там происходило – то тайна за семью печатями, и она, голубка, молчит, ни словечком не обмолвилась. По всему видно, несладко ей там пришлось. Похудела царевна, побледнела, под глазами темные тени легли, на лбу ясном морщинка наметилась, а взгляд такой тревожный, что сердце болью заходится... Дуняша нахмурилась, вспомнив первый день после возвращения царевны. Василиса металась в горнице раненым зверем, просила ее «Помоги!».

– Конечно, помогу. Только прикажи! – откликнулась тогда Дуняша.

– Дуняша, – горячо зашептала Василиса, – помоги мне бежать.

Дуняша испуганно отшатнулась и вытаращила глаза.

– Бе... бежать? – ошеломленно переспросила она. – Царевна, да мы только тебя нашли, только от злодея в родных стенах укрыли!

– Найдет он меня здесь, найдет, – лихорадочно бормотала Василиса, кусая губы. – Помоги, Дуняша, я для тебя что хочешь сделаю, отблагодарю, чем пожелаешь.

Насилу тогда успокоила бедняжку, а сама до зари глаз не сомкнула, все прислушивалась, как там царевна? Не нагрянет ли с погоней Кощей? Надежны ли чары царевой чародейки Агриппины, наложенные на терем от любого волшебства? Агриппина не подвела – Кощей не появился. А вот царевна – сама не своя, изводит ее грусть-кручина непонятная...

Что-то произошло. Дуняша встрепелась, с тревогой глянула на царевну, отшатнувшись от окна.

– А знаешь что, Дуняша? – неожиданно звонко воскликнула Василиса, и глаза ее сверкнули непонятным светом. – А ну-ка помоги мне встретить жениха во всей красе! Хочу сразить его наповал, чтоб краше меня ему на свете не было.

– Так краше тебя, царевна, и нет, – горячо отозвалась Дуняша.

– Нет уж, ты, Дуняша, постарайся! – Василиса подмигнула оробевшей служанке. – Я видела, как ты подружку свою на смотрины снаряжала, как ты ей угольком брови чернила, свеклой румянец рисовала. Нешто мне не поможешь?

Дуняша с готовностью заулыбалась:

– Уж я-то расстараюсь!

Царевна с надеждой взглянула на нее:

– Я очень на это рассчитываю, Дуняша. Очень!

Никто в тереме не мог представить, что за тоска терзает Василису. Чародейка, лишенная силы, металась в своих покоях пойманным в капкан зверем. После исчезновения Василисы безутешные царь с царицей озаботились судьбой Других своих четырех дочерей. Почувствовав свою уязвимость перед чародейством и считая виновником похищения Кощея, они взяли в терем кудесницу, первым делом поручив ей обезопасить царский двор от всякой

волшбы. Обойдя весь царский двор, от хозяйственных погребов до самой крыши терема, Агриппина заверила, что никакой Кощей не сможет причинить вреда царской семье. Заговор наведен так, что, входя в ворота царского терема, любой чародей теряет свои силы. Исключение – сама Агриппина которая в случае необходимости придет на помощь царской семье.

Царь с царицей по-прежнему не подозревали, что их пропавшая дочь – чародейка, и даже представить не могли в какую ловушку ее загнали. Василиса же, не ведавшая о коварном заклинании Агриппины, сама ступила в капкан.

...Златоград встретил ее раскаленным, что жар из печи, летним зноем, многоголосым шумом ярмарки, ароматами свежей медовухи и спелых яблок с торговых рядов, скрипом телег, груженных товарами, окриками возниц, веселыми разговорами хозяек об удачных покупках. Василиса стояла на мостовой, оглушенная запахами и звуками. После хрустальной тишины леса, в котором она провела три года, родной город показался чужим и непривычным.

– Что растопырился посередь дороги, деревня? – гаркнул какой-то мужик, чуть не сбив с ног.

Василиса опомнилась, с трудом сдержала улыбку. Маскарад удался: ее принимают за деревенского дурачка. Тем лучше! Неузнанная царевна поправила котомку за плечом и зашагала к ярмарке. В дни торговли царица, в сопровождении боярских жен, всегда посещала ювелирные ряды. Конечно, можно было вызвать купцов в терем, но царице нравилась шумная атмосфера ярмарки, с ее зазывными криками торговцев, с торгом до хрипоты, с переливами балалаек и с рассказами заезжих странников. А народ всегда с ликованием приветствовал свою царицу, щедро раздающую монеты направо и налево. Василиса только взглянет на матушку одним глазком, потолкается между рядов, послушает, о чем судачит толпа, разузнает вести из царского терема – и обратно, в лесную избушку.

Матушка появилась ближе к вечеру, когда спала дневная жара, солнце приглушило свой нестерпимо яркий свет и окрасило Златоград розовым цветом, а летний ветерок скользнул между людной толпы, растрепав мягкие кудри малышни, взметнув яркие косынки на их мамках и рассыпав зерно на продуктовых лотках. К тому времени Василиса уже успела узнать, что виновником ее исчезновения по-прежнему считают Кощея. Доблестный Чернослав из злодея душу вытряс, но Василисы в замке не нашел и вернулся несолоно хлебавши.

– И что же, Кощей мертв? – не удержалась от возгласа ряженая царевна.

– Живехонек, – с возмущением поведала словоохотливая кумушка, придирчиво перебиравшая отборные груши на возу в надежде найти изъян на спелых бочках и сбить цену. – Злодей-то бессмертным оказался!

Василиса насмешливо хмыкнула, оценив хитрую ложь бывшего жениха, и, расплатившись за грушу, вонзила зубки в сочную медовую мякоть. Она узнала все, что хотела. В следующий миг она смешалась с толпой, оставив бойкую кумушку пререкаться с торговцем.

Потолкавшись меж рядов, Василиса также узнала, что в родительском тереме все спокойно, сестрица Светлана стала царицей в Тридевятиом царстве и воспитывает двух сыновей, а младшая, Злата, диво как расцвела. И дня не проходит, чтобы очередной заморский королевич или видный боярский сын не попросил ее руки. Встревожили Василису слова про какую-то Агриппину, которая заправляет в царском тереме, но дослушать не пришлось – народ заволновался при виде царицы, кумушки тут же принялись обсуждать ее наряд, а Василиса стала пробираться поближе, то и дело вытягивая шею, чтобы как следует разглядеть родную матушку.

Ей повезло – пробилась в самый первый ряд. Сердце колотилось пойманной в кулачок синицей, глаза с жадностью впитывали каждую родную черточку, каждую незнакомую морщинку на любимом лице, каждый непривычный жест. Царица шла между расступившимися людьми белой лебедью – подняв голову, расправив спину, вот только

крыльев за спиной у нее больше не было. У Василисы перехватило дыхание от тревожного открытия. Никто из собравшихся на ярмарке не замечал этой перемены, никто не видел слегка опущенных плеч царицы, ее надломленной осанки. Подобное заметно лишь дочери, знающей свою мать до мельчайшей черточки, до едва уловимого движения. Раньше царица парила, сейчас она шла по земле, подметая подолом своего роскошного платья дорожную пыль. Сердце Василисы ныло: «Ты виновата. Твой побег – это паутинка морщин на белом лбу матери, твой побег – это тонкая серебристая нитка в черной косе, твой побег – это затаившаяся печаль в глазах, твой побег – это выцветшая синева очей, смытая горючими слезами».

Матушка подошла совсем близко, еще шаг – и можно дотронуться рукой. Так близко, так мучительно далеко. Василиса застыла, чтобы не выдать себя. Толпа колыхалась, выкрикивая пожелания добра и процветания царице. Еще шаг, сравнялась... Сердце замерло в груди – матушка глянула прямо в глаза. Рука против воли метнулась к ней, чтобы ощутить тепло материнских рук. Но ладонь обожгло льдом серебра. Царица прошла мимо, едва взглянув на чумазого оборванца. Василиса мутным от слез взглядом смотрела на серебряную монетку в руке. Серебряная монетка за серебряную ниточку в волосах.

– Вот повезло-то! – завистливо взвизгнул кто-то над ухом. – Царица-то расщедрилась!

Василису толкнули под локоть, но она успела крепко сжать монетку в ладошке и что было сил рванула вглубь толпы, ругая себя за минутную слабость. В тот момент, когда мать взглянула на нее, Василиса позабыла обо всем на свете – об обещании, данном Бабе-яге, об осиротевших без нее коте и избушке, о необходимости вернуться в лес. На миг захотелось, чтобы матушка узнала, прижала к сердцу и никуда не отпустила. Серебряная монетка, подарок царицы бедняку, отрезвила, как кадка ледяной воды. Ничего уже не изменить. Ни седины в волосах царицы, ни судьбы, которую Василиса выбрала по доброй воле. Узнай ее мать – и случилось бы непоправимое. Страшно даже представить себе, что бы тогда случилось!

Толпа выплюнула ее к одежной лавке, возле которой скучала нарядная торговка. Та встрепенулась, но, увидев чумазого голодранца, мигом потеряла к нему интерес. Голодранец же с перекошенным лицом тарасился в висящее на лотке зеркало и прижимал к сердцу сжатую в кулак ладонь.

– Ишь устави́лся! – насторожилась торговка. – А ну топай отсюда, голь перекатная!

Нищий выложил на стол серебряный кругляшок и тонким голосом пропищал:

– Мне рубаху и юбку.

Торговка с недоверием покрутила монету, за которую можно было бы скупить половину ее лавки.

– Для матушки, – торопливо уточнил парень.

Монета исчезла в кармане торговки, женщина одобрительно кивнула:

– Подберу самое лучшее. – И достала из-под лавки самую дешевую рубаху из грубой ткани и ношеную юбку. Все вместе – не дороже медного гроша.

Встреча с матушкой на ярмарке не утолила тоску по родным, еще больше разбередила душу. Выбравшись из толпы, взглянув на свое чумазое лицо в отражении зеркала, Василиса горько усмехнулась. Обман удался – ее не узнала даже мать. Но если раньше Василиса думала взглянуть на матушку на ярмарке и сразу покинуть город, сейчас ей захотелось попасть в терем. Если повезет, полюбоваться на матушку подольше, повидать батюшку и сестер.

План Василисы был безупречным: попасть на царский двор, переодевшись нищенкой-странницей, поглядеть издали на родных. Ее одежда не вызывала ни малейших сомнений – она выменяла ее у настоящей нищенки, отдав за лохмотья одежду, купленную в лавке, и таким образом успокоив свою совесть тем, что милостыня царицы помогла той, кто в этом по-настоящему нуждался. Поморщившись, Василиса быстро пробежалась пальцами по ветхой ткани – нищенка была самой настоящей, лохмотья кишели насекомыми. Простенькое заклинание очистило ткань, но оставило запах – Василиса позаботилась о том, чтобы даже

верный Полкан не признал в нищенке, забредшей на царский двор, пропавшую царевну.

Изображать старушку Василисе было не впервой. К сожалению, под рукой не оказалось кудесника-кота, умевшего лепить носы из хлебного мякиша, и устрашающей волчьей челюсти, меняющей лицо до неузнаваемости. Но несколько заклинаний морока решили проблему: глянув в колодец на пути к терему, Василиса осталась довольна. Из отражения в воде на нее смотрела сморщенная старуха с гнилыми зубами и больными глазами. В таком виде не страшно и в тереме появиться!

Однако на царский двор надо было еще попасть. Страж на воротах был неумолим и ни за что не хотел пускать нищую старуху, а когда Василиса проявила настойчивость – едва не отдубасил. От тумачения спасла возвращавшаяся с ярмарки Дуняша. Василиса сперва отпрянула в сторону: молодой и важный страж на воротах не был ей знаком, с Дуняшей же они были неразлучны с детских лет. Но девушка взглянула на нее с жалостью и с презрительностью, как на шелудивого пса, и Василиса воспрянула духом – приблизилась к служанке, умоляя накормить бедную старуху. Сердобольная Дуняша кивнула, на стража прикрикнула и первой вошла в ворота. Василиса засемила следом.

А потом Дуняша обернулась и переменилась в лице, закричала, бросилась ей в ноги. Василиса испуганно метнулась к воротам, но те уже захлопнулись, словно дверца птичьей клетки. Все вокруг забегали, двор наполнился криками и рыданиями, ее обступили, на разные голоса повторяли ее имя – с недоверием, с радостью. Не понимая, почему ее морок развеялся, Василиса отчаянно пыталась скрыться, лихорадочно пробуя заклинания. То пыталась сделаться невидимой, то хотела отвести всем глаза, то вспомнила о старом проверенном заклятии сна, которое помогло ей бежать три года назад. А потом дворню как ветром сдуло, и она увидела мать, летящую к ней. У матери снова были крылья, и мокрые от счастья глаза сияли синевой...

Потом были тепло объятий, от сладости которых, казалось, разорвется сердце, жар бани, окутавший тело истомой, дрожащие от волнения пальцы Дуняши, наряжавшие вернувшуюся царевну в новое платье сестры, и нервозность, завладевшая всем теремом. Беспокойно крутился деревянный петушок на крыше терема, когда Василиса возвращалась из бани. Тревожно переглядывалась дворня, провожая царевну взглядом. Вздвигаясь, шептались бояре, гостившие у царя, но не приглашенные к столу, за которым в тот вечер собралась только царская семья.

Батюшка в замешательстве поглаживал бороду. Не скрывая радости по случаю возвращения старшей дочери живой и невредимой, он в то же время с беспокойством ждал рассказа Василисы, от которого зависело ее будущее. Матушка не отрывала затуманенного слезами взгляда, никак не могла наглядеться на дочь, поверить в ее возвращение. Повзрослевшие и расцветшие сестры глядели на старшую с жалостью. Где бы та ни была все это время, ясно одно – замуж ей теперь не выйти, всю жизнь одной куковать, бедняжке. Василиса молчала, мучительно гадая, что ей соврать родным.

– Ну рассказывай, дочка, – нарушил тишину властный голос отца.

Василиса вздохнула – как лгать матушке с батюшкой? Ясно же, чего от нее ждут – рассказа о жизни в замке Кощеевом. Сама она эту кашу заварила, сама Чернотрава по ложному следу пустила. Но как теперь в глаза родителям смотреть, как лгать о том, чего не было? Не по сердцу это Василисе, не сможет она...

– И рассказывать-то нечего, – тихо промолвила она. – Сомкнула глаза в своей горнице, открыла – стою посреди двора. Вместо платья на мне лохмотья, дворня взволнованно переговаривается, все на меня указывают. Батюшка, – Василиса подняла глаза на царя, – кто же надо мной так пошутил-то?

Отец горестно сдвинул брови:

– Пошутил?!

Мать схватила за сердце, запричитала:

– Три весны минуло с тех пор.

Младшая из царевен, Злата, ахнула:

– Так ты ничего не помнишь?

– Три весны? – будто бы замороженная повторила Василиса. – Меня не было три весны?

Они поверили. Да и как не поверить родной дочери? Уж лучше быть в неведении, чем знать страшную правду, к которой они приготовились. Злата усомнилась в словах сестры, но о своих подозрениях помалкивала.

По знаку царицы сноровистые служанки быстро устали стол вкуснейшими яствами: расстегаями с рыбой, пирогами с капустой и мясом, жареными перепелами, курицей с кашей, стерляжьей ухой. Сперва ели молча, потом царица, одолев неловкость, завела речь о событиях, которые пропустила Василиса, за ней подключились к рассказу и батюшка с сестрицами. Разомлев от вкуснейшей еды, от близости родных, Василиса жадно вглядывалась в их лица и вслушивалась в их голоса, складывая в шкатулку памяти и каждое словечко, и отеческую улыбку, и ласку материнского взгляда, и багрянец румянца на щеках сестер. Завтра она унесет их с собой, в лесную глушь, под крышу избышки на курьих ножках. Сегодня что-то пошло не так, она раскрыла себя, и ее волшебство временно не действует. Родные думают, что она вернулась навсегда, но тому не бывать. Уже сегодня ночью или завтра на заре, как только чары снова станут ей подвластны, Василиса исчезнет из царского терема. Уже навсегда. Чтобы больше никогда не возвращаться в Златоград, не терзать душу ни себе, ни близким. Чтобы служить людям, чтобы продолжать дело Бабы-яги.

Прежде чем подняться в свою горницу, Василиса крепко, в последний раз, обняла и расцеловала всех родных. Прижалась щекой к жесткой бороде отца. Впитала тепло материнских рук. Вдохнула ромашковый аромат волос любимой сестрицы, Златы.

– Увидимся утром, доченька, – шепнула царица, с неохотой выпуская ее из объятий.

Василиса кивнула, с трудом сдерживая слезы. К утру ее здесь уже не будет. А в волосах матери появятся новые серебряные ниточки, и новые морщинки оплетут родные глаза.

– Спи спокойно, дочка, – пожелал батюшка.

– Спокойной ночи, батюшка, – тихо ответила Василиса.

Батюшка почувствовал ее тоску, еще раз обнял крепко-крепко и успокаивающе, как в детстве, погладил по голове:

– Ничего не бойся. Тебя больше никто не тронет. Терем надежно защищен от любого чародейства.

Василиса покачнулась и ошеломленно подняла глаза. Взгляд батюшки лучился добротой и заботой. Только почему-то Василисе стало нечем дышать.

Весь следующий день она металась по терему пойманным зверем. Все не хотела верить в собственное бессилие, все пыталась превозмочь запретные чары. Царь с царицей по-прежнему не подозревали, что их дочь – чародейка, и даже представить не могли, в какую ловушку ее загнали. Прислуга шепотком переговаривалась, что царевна сама не своя. Кто-то даже предположил, что царевну подменили. Но Дуняша мигом пресекла слухи, сообщив об отличительном знаке Василисы – родинке на плече.

А наутро пришла беда: объявился посланник Чернослава. Узнав о возвращении Василисы, жених собрался посетить царские хоромы. «Приехал бы сам, – объяснял гонец, – да он сейчас на другом конце Лукоморья, с чудом-юдом поганым бьется».

– Вот счастье-то, – ликовала царица.

– Да погоди раньше времени радоваться, – предостерегал от разочарования царь. – Поглядим сперва, что скажет, как Василису встретит.

Василиса отмалчивалась. Больно было наблюдать за приготовлениями родителей к приезду жениха. Видно было, что те уже не чаяли выдать замуж дочь, опозорившую свое доброе имя долгим таинственным отсутствием, и теперь с радостью хватаются за единственный шанс устроить ее судьбу. Три дня до приезда Чернослава царица то привечала купцов, отбирая ткани для платья, то гоняла швей, то утверждала список яств для пира в честь дорогого гостя. Царь пропадал в сокровищнице, вероятно, отбирая богатое приданое,

чтобы задобрить жениха. Василиса с горечью наблюдала за этой суетой. У нее не было ни малейших сомнений в том, что Чернослав возьмет ее под венец хоть в простом рубище, хоть без гроша за душой, хоть брюхатую от Кощея. Жениху не было никакого дела до ее красоты, богатства и девичьей чести. Он желал взять ее в жены по другой причине, неведомой батюшке с матушкой.

Чернослав знал ее сокровенную тайну. Знал – и не испугался, не отвернулся, даже, наоборот, оживился, разругался! А Василиса тогда совершила страшную, непоправимую ошибку... Если в начале вечера, когда Чернослав явился в царский терем на смотрины, он лишь с оценивающим видом знатока разглядывал красоту Василисы, не вмешиваясь в разговоры сватов, и вел себя довольно равнодушно, то стоило ей прибегнуть к своей обычной шалости, призванной отпугнуть нежеланного жениха, как все изменилось. Как и все женихи до него, Чернослав переменялся в лице, когда на его глазах у царевны выросли ослиные уши, а аккуратный носик превратился в свинячий пятачок. Василиса уже мысленно потирала руки: морок, наведенный на жениха, был невидим другим. Это был ее любимый трюк. Опасаясь немилости царя, ни один из женихов не осмеливался сказать вслух о царевнином пятачке. А царь только в недоумении разводил руками, глядя, как очередной жених, только что заявлявший о своей любви и желании немедленно жениться на царевне, под разными нелепыми предложениями улепetyвает прочь из хором. Сваты, тоже недоумевая, рассыпались в извинениях и припускали следом за сбежавшим женихом. Не вернулся еще ни один. Вот и на этот раз Василиса рассчитывала повеселиться и уже гадала, какую причину для бегства придумает Чернослав и проявит ли в этом смекалку, но Чернослав ее удивил. Он подался вперед, и его черные глаза сверкнули неприкрытым восхищением. «Не видит он, что ли?» – изумилась Василиса и для верности отрастила себе рога. Чернослав с видимым интересом проследил за ветвистыми оленьими рогами, которые поднялись до самого потолка и уперлись в расписной свод. А когда опустил голову и встретился глазами с Василисой, та вздрогнула. В глазах жениха костром полыхало торжество. «Он все понял, он этому рад, он не отступится!» – похолодев, поняла Василиса. Что же она натворила!

О свадьбе сговорились быстро. Отчаявшись выдать дочь замуж, царь с радостью одобрил знатного жениха, знаменитого на все Лукоморье своими подвигами. А настойчивость Чернослава и его желание поскорее сыграть свадьбу убедили царя в искренности чувств жениха. Внезапную несговорчивость Василисы посчитали за блажь. Царица развернула бурную деятельность по подготовке приданого, царь озабочился пиром. Василисе не оставалось ничего другого, как бежать. Тогда ей это удалось. Сейчас, три года спустя, скрыться некуда: чары не действуют, терем хорошо охраняется, за ворота ее не выпустят.

На помощь Дуняши особенно рассчитывать не приходится. Но хоть покуражиться над женишком! Василиса помнила, как перепугалась, наткнувшись в темном дворе на белолицее привидение с кроваво-красными губами и с черными бровями домиком. А потом до колик хохотала, разобравшись, что к чему, и пугая Дуняшу взрывами хохота. Добрая Дуняша постаралась от души, снаряжая подругу на смотрины. Ни белил для лица не пожалела, ни печной сажи для бровей, ни свеклы для губ. Теперь Василиса добровольно подставила свое лицо в надежде, что Дуняша изукрасит ее до неузнаваемости. Вряд ли ее вид заставит Чернослава позабыть о свадьбе и навсегда исчезнуть с ее пути, но хоть досадить постылому – и то отрада.

– Готово! – Дуняша тщательно подвела угольком глаза и отняла руку, глядя на лицо Василисы с видом художника, только что завершившего роспись царских палат. Потом обтерла вымазанные пальцы передником и поднесла Василисе зеркальце.

Василиса в первый момент оторопела: показалось, зеркальце волшебное, и с той стороны на нее таращится болотная кикимора. Брови – что коромысла, глаза – как пятаки. На мертвенно-белом лице выделяются красные раковины губ. Василиса уже хотела отослать служанку, затихшую в ожидании похвалы или немилости, чтобы пошептать с кикиморой наедине, как вдруг повернула зеркальце и увидела на голове чудовища знакомый кокошник.

– Ай да Дуняша! – не скрывая восхищения, воскликнула Василиса. – Ай да искусница! Дуняша зарделась от похвалы и выскользнула из горницы разузнать, прибыл ли долгожданный жених.

А Василиса, когда за служанкой закрылась дверь, с лукавой улыбкой поднесла к глазам кулачок да как следует потеряла. Затем взглянула в зеркальце: так-то еще краше будет!

Часть вторая

БАБА-ЯГА НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ СРОКЕ

Список ингредиентов для отвара, которого жаждали душа и тело Илюши, был внушительным. Тут были и кора дуба, и его корни с желудями, и еловая шишка, и ржаной колосок, и свежий гриб, самый большой, какой только отыщется. И все это нужно было сварить в воде из русалочьего озера, собранной непременно в том месте, куда в полнолуние падал лунный свет.

– Вода у нас есть, – успокоил меня кот. – И ржаной колосок я где-то в сундуке видел, надо только поискать. А вот за остальным надо в лес отправляться. Если чего не сыщешь, кликни Лешего, он подскажет. Все, иди. Нет, стой! – Кот метнулся к столу и вернулся, держа в зубах золотой перстень Ива. – Надень-ка. Иван просил тебе передать.

Я покрутила золотой ободок, и перстень мигнул мне рубиновым глазком. Ив носил перстень, не снимая, с того самого дня, когда я впервые его увидела. Похоже, это какая-то семейная реликвия, которая дорога ему как память. И я оценила романтический жест рыцаря.

– Что ж сам-то не передал? – проворчала я, надевая кольцо на палец. Ободок тут же уменьшился до нужного размера. А я и не знала, что кольцо Ива волшебное. Что ж, надеюсь, это какой-нибудь мощный оберег, призванный охранять меня на время отсутствия рыцаря.

– Милые бранятся – только тешатся, – проворчал кот. – А теперь не медли.

Он вручил мне корзинку и выставил за порог. Тихонько напевая песенку Красной Шапочки, я зашагала через полянку к соснам, к той дорожке, которая не так давно увела Ива. Ступила под сень деревьев, сделала несколько шагов и замерла: слова песни застыли на губах, ноги топтались на месте, словно отказываясь идти дальше, а сердце сжалось в недобром предчувствии.

Что-то изменилось. От вчерашнего спокойствия и умиротворенности леса не осталось и следа. Сосны стояли ошестинившись иголками, словно в ожидании битвы с врагом. Вчера иголки стелились под пальцы мягким ворсом, сейчас же, стоило протянуть руку, впились под ногти. Вскрикнув, я отдернула руку, слизнула капельку крови и испуганно посмотрела вперед, туда, куда утром ушел Ив. Не случилось ли с ним чего? Потом малодушно обернулась в сторону залитой солнцем полянки, на которой как ни в чем не бывало стояла избушка, переминаясь с ноги на ногу и подставляя солнышку то один, то другой бревенчатый бок. Захотелось немедленно вернуться туда, где в воздухе не чувствуется разлитой угрозы, плотной, как кисель, где звучат голоса кота и избушки, и нет этой тревожной, ледящей душу тишины.

Я уже попятилась было назад, как представила насмешливый голос кота, вспомнила готового на все Илью, вчера чуть не снесшего избу с ног. Будь он неладен со своим отварчиком! Я быстро оглянулась в поисках необходимых компонентов – тщетно! Избушка стояла окруженная сосновой рощей. Чтобы найти дубы и ели, надо было порядком углубиться в лес.

Решившись, я зашагала по тропинке меж настороженно замерших сосен и, отчаянно бодрясь, во весь голос затянула песенку Красной Шапочки. Однако как я ни храбрилась, с каждым шагом становилось все больше не по себе. Взгляд отмечал безжизненно замершие деревья, опустевшие ветви, на которых не было видно ни птички, ни белки. Лишь где-то вдалеке раскаркалась ворона, да методично стучал по дереву дятел, будто вколачивая гвозди в крышку гроба.

Дорожка вильнула в сторону, и я свернула вслед за ней, нос к носу столкнувшись с

каким-то косматым мужиком. Песенка Красной Шапочки закончилась оглушительным воплем, от которого даже дятел оторопел и на мгновение остановил свою работу.

– Прости, не хотел тебя напугать, – прошелестел мужик.

– Леший? – потрясенно воскликнула я, вглядываясь в его серое лицо.

Показалось, что Леший подурнел с нашей вчерашней встречи и словно лишился своего естественного природного лоска. Словно кто-то безжалостно смыл позолоту с кожи, стер малиновый цвет с губ, притушил звезды в глазах. Даже ромашки в волосах завяли и сейчас уныло свисали с растрепавшихся волос.

– Что с тобой? – с беспокойством спросила я.

– Ерунда, – он нарочито бодро махнул рукой. – Дождика давно не было.

– Как давно? – расстроилась я, вспомнив о своем деле. – Мне позарез нужен свежий гриб. Да погоди, – я спохватилась, – я же вчера только видела много грибов!

– Как давно? Дня три как. Для леса это уже срок. – Леший призадумался. – Найдем тебе гриб. Идем.

– Да не стоит волноваться, вон там я вчера видела грибную поляну. До нее рукой подать.

Леший как-то странно посмотрел на меня и с нажимом сказал:

– Идем со мной. Тебе же нужен самый большой гриб, так? А там одна мелочь.

Ничего себе мелочь! Там один гриб был размером с банку пепси! Но я не стала возражать лесному хозяину, решившему проявить гостеприимство, и последовала за ним, гадая, каких же размеров окажется гриб, который он мне пообещал. Надеюсь, он уместится в корзинку! Хотя воображение уже рисовало мне мухомор размером с навес-грибок в детской песочнице.

Леший шел быстро, я едва поспевала за ним, но вид лесного хозяина не давал мне покоя. В походке Лешего не ощущалось молодецкой удали, она была нетвердой и нервной. Он двигался, как старик, который не желает признаваться в собственной дряхлости и пытается своим поведением доказать, что он еще молод и полон сил. Но нельзя не заметить, что каждый шаг ему дается с трудом и, выдав марафон на глазах у всех, потом, оставшись один, он будет долго стонать и мучиться от боли в спине и ногах.

– Леший, – осмелилась спросить я, – что происходит? В лесу так тихо. Нет птиц и зверей. И деревья... они кажутся злыми.

Леший потрясенно замер, повернулся, неожиданно резко возразил:

– Лес не может быть злым!

– Но лес может быть... больным? – тихо спросила я.

Леший отвернулся и сердито отрубил:

– С лесом все в порядке. А в сосновом бору всегда тихо, зверье любит селиться ближе к реке.

Ощущение неурядиц, постигших лес, меня не покинуло. Но в компании Лешего стало спокойнее, и тишина уже не пугала своим тревожным звоном. Возможно, я все преувеличиваю? Отсутствие дождя и засуха для леса то же, что для человека похмелье. Вот Леший и выглядит, как после большого бодуна, а лес напряженно ждет благодатного ливня каждым листиком, каждой сосновой иголкой. Вчера влажности в почве было еще достаточно, вот иголки и казались мягкими. А сегодня лес выпил остатки влаги, иголки высохли и больно царапнули.

Леший внезапно затормозил, и я натолкнулась на него, почувствовала, как стрелой напряглась его спина. Сердце сковал страх: какое бы чудовище ни перегородило тропу Лешему, я не хочу его видеть! Но чудовище не выдало своего присутствия ни единым звуком, и я осмелилась выглянуть из-за плеча Лешего. Ни души. Ни экзотического циклопа-великана высотой с небоскреб, ни местного Змея Горыныча. Путь был совершенно свободен. Я с тревогой перевела взгляд на Лешего, который замер на месте и застывшим взором смотрел чуть влево, на корявый высохший дуб. Дуб напоминал сгорбленного болезненного старика, стоящего на паперти и с мольбой тянущего руки к равнодушным прохожим. Словно

услышав мои мысли, дерево содрогнулось, застонало, заскрежетало, и этот безнадежный скрежет лавиной мурашек прокатился по коже.

– Леший. – Я потрясла провожатого за плечо. – Что с тобой?

Хранитель леса повернулся ко мне, и от его взгляда я дрогнула. В этих потухших глазах не осталось ничего от той хрустальной ясности ручьев и яркой зелени листвы, которыми я любовалась еще вчера. Эти глаза принадлежали безнадежно больному старику, доживающему свои последние дни, мечущемуся в цепких когтях боли и чувствующему жадное дыхание смерти, затаившейся поблизости. С содроганием я поняла, что Леший смотрит на меня глазами старого дуба и всей своей душой переживает его боль.

– Нет-нет, – я в панике затормозила его, – очнись, слышишь!

Никакой реакции. Рука сама метнулась к щеке Лешего. Показалось, не кожи коснулась – впечаталась в шершавую кору до заноз, не звоном отдалась – глухим ударом по дереву. Но пощечина помогла. Взгляд Лешего прояснился, он дрогнул всем телом и сбросил с себя наваждение. Стушевавшись, отвернулся от дуба и быстро зашагал вперед, бросив мне:

– Идем!

– Леший, – отважилась спросить я. – Что это было?

Он даже не обернулся, притворно-равнодушным тоном пояснил.

– В лесу каждый день что-то рождается, что-то умирает. Такова природа.

Вскоре мы вышли на приветливую солнечную полянку, по бокам которой, между корнями деревьев, протянулся целый грибной поселок. Среди белых, красных и рыжих шляпок особо выделялся гриб-богатырь, с превосходством поглядывающий на своих менее рослых собратьев, которые жались к нему со всех сторон, словно в поисках защиты. Я не сдержала восхищения.

– Вот это гриб!

– Он твой, – отозвался Леший.

– Не жалко? – Я неуверенно взглянула на хозяина леса, не осмеливаясь сорвать грибного великана.

– Лес любит делать подарки, – улыбнулся тот. – От него не убудет.

Он наклонился и ловким движением словно подсек гриб невидимым ножом, а потом протянул его мне. Я с почтительностью взяла гриб в руки и с любопытством оглядела идеально ровный срез. Похоже, у Лешего ногти острее кинжалов.

– Что еще тебе нужно? Желуди, корни дуба? Отберем для тебя самые лучшие. – И Леший с энтузиазмом зашагал к едва заметной тропинке, а я, уложив гриб в корзину, поспешила следом.

Вскоре при помощи Лешего я собрала все необходимое для отвара, и мы двинулись в обратный путь. Но и тут не обошлось без заминки: на этот раз нас остановила юркая сорока, спикировавшая на плечо Лешего и что-то бойко затрещавшая. Леший притормозил и с улыбкой склонил голову, вслушиваясь, после чего пересадил птицу на ладонь, что-то благодарно шепнул ей и выпустил ввысь. Черно-белый комочек затерялся в кронах деревьев, а Леший с улыбкой посмотрел на меня:

– Хорошие новости. Твой суженый миновал деревню и разжился добрым конем. Сейчас он уже на полпути к Златограду, завтра будет на месте. А там, надеюсь, и Василиса сыщется.

Леший заметно повеселел, и даже шаг его сделался тверже и быстрее. Зловещий дуб мы обошли какой-то окольной дорожкой и выбрались на уже знакомую мне прямую тропинку до избышки Бабы-яги. Я от души поблагодарила Лешего и решила больше не злоупотреблять его гостеприимством, сказав, что дойду сама. Он не стал возражать и быстро исчез между деревьями, видно, лесного хозяина ждали неотложные дела.

Оставшись одна, я с радостью отметила, что лес больше не кажется пугающим и угрожающим, и бодро зашагала по тропинке. Заметив знакомый ориентир, я свернула на вчерашнюю грибную полянку и лишней раз убедилась в своем топографическом кретинизме. Вот ведь готова была поклясться, что две рябинки у края поляны те самые, а

поляна совсем не та. Вчерашняя была полна красивых рыжих лисичек и крупных волнушек, которые были окружены зеленым ковром травы. А на этой и трава вся пожухлая и помятая, словно на ней стадо кабанов резвилось, и из грибов – одни мухоморы, да и тех пять штук. Даже похлебку врагу не сваришь. Я вернулась на знакомую тропинку, и вскоре впереди замаячила избушка, почти успевшая стать мне родной. Я ускорила шаг. Несмотря на то что лес уже не казался таким зловещим, как в начале пути, задерживаться здесь не хотелось.

Кот ждал меня на крыльце.

– Явилась не запылилась! – для острастки проворчал он, бросив одобрителный взгляд на содержимое корзинки, которую я ему предъявила. – Что так долго? Еще выварить толком надо, а время уже к полудню. Того и гляди, Илюшка заявится.

– Избушка же ему сказала, чтобы к вечеру приходил, – возразила я.

– А если ему невтерпех?

– Ничего, обождет, – отмахнулась я.

– Чай, не помрет до вечера, – зашлась мелким смехом избушка.

Но медлить я не стала, быстро взбежала по ходившим ходуном ступенькам и прошла в горницу. Кот подсказал, где стоит кадушка с водой из русалочьего озера. Видимо, отвар пользовался дикой популярностью среди местного богатырского населения, потому что кадушка была пуста на три четверти.

– Ничего, хватит, – обнадежил меня кот, когда я поделилась с ним своими опасениями. – В самый раз на одну порцию. Теперь достань горшок из-за печи, – распорядился он, придиричиво перебирая добытые мной желуди и кору. – Так, теперь ступку возьми вон в том уголке.

– Это еще зачем?

– Корешки сперва в порошок растереть надобно и только потом в отвар добавить, – научил Варфоломей.

Через полчаса все компоненты были брошены в горшок, а сам горшок отправился в печь.

– Вот и ладненько, – повеселел кот. – Будет Илюхе отварчик. А пока Ягу из тебя делать будем.

Я огляделась в поисках пакета с маскарадными прибабасами.

– Мне, значит, не доверяешь? – смертельно оскорбился Варфоломей, когда я вывалила на стол парик-мочало, челюсть-экскаватор и перчатку-лапу.

Памятуя о волчьей челюсти, которую он сосватал Василисе, я поспешно засунула в рот гигиенически чистую челюсть, переданную мне магистрами, и, извиняясь, проклацала:

– Прош-ти, Варфи-шек, но та-ко-ва воля на-щаль-штва.

Кот трагически вздохнул и не преминул заметить:

– Волчья-то пасть понадежней будет. Она Василису так изуродо... – Он осекся и воровато отвел глаза.

– Хо-шешь шка-зять, што шей-шас я ижуро-дова-на не беж-надежно? – засмеялась я и чуть не подавилась челюстью. Тут уж мне стало не до смеха, и я вынула челюсть и с задумчивостью повертела ее в руках. – Хочешь сказать, на меня Илюша может клюннуть?

– Ты, главное, его предупреди, чтобы отвар сразу не пил. А то мало ли что приключится! – съязвил кот, сверкнув глазами.

– Не на-до мне таких при-клю-щений, – перепугалась я, поспешно вставляя челюсть обратно. – Пусть у него ш други-ми приключается.

– Может, все-таки послушаешь мудрого кота? – с надеждой мяукнул Варфоломей. – Может, все-таки старая проверенная волчья пасть?

Я с решимостью замотала головой и выпучила глаза: челюсть у меня во рту перевернулась и встала поперек горла, перекрыв дыхание.

– Что? – перепугался кот, глядя на мои вытаращенные глаза.

«Умру во цвете лет позорной смертью, задохнувшись бутафорской челюстью», –

заметались в голове мысли. И так мне стало себя жалко, что я судорожно сглотнула подступившие к горлу рыдания и тем самым вытолкнула челюсть. Описав дугу, та плюхнулась на середину горницы, по инерции пролетела через весь пол и исчезла под лавкой. Откашлявшись, я в раздумьях покосилась на лавку.

– Забудь, – затараторил кот. – Вишь, с ними одни неприятности. Вот пасть волчья, проверенная...

После взгляда на пасть размером с колесо я уже не колебалась и встала с места, полная решимости.

Варфоломей обежал меня спереди и перегородил лавку.

– Дай достану, – шикнула я.

– А может, все-таки... – не унимался кот, с мольбой глядя на меня.

– Не может, – отрубила я. – Не мешай.

Кот не сдвинулся с места, только воровато отвел глаза и тихонько мяукнул.

– Таммышшшш...

– Что? – не поняла я.

– Таммышшшш! – надрывно провыл кот.

– Да что ты воешь, – рассердилась я. – Нашел время! Того и гляди, Илья нагрянет и в дверь начнет молотить.

– Таммышшшшш! – в отчаянии протрубил Варфоломей.

– Да ну тебя! – разозлилась я и опустила на колени с твердой решимостью достать челюсть из-под лавки.

– Немнадоу! Таммышшшшш! – Кот взъерошил шерсть и не тронулся с места.

– А ну брысь! – шикнула я, сдвинула кота в сторону, запустила руку под лавку и почти сразу же нащупала что-то мягкое.

– Таммышшшшш... – отчаянно проскулил Варфоломей.

Надо же, а у мягкого есть ниточка...

– Похоже, я нашла веретено! – пришла к логическому выводу я и с упреком заметила: – Не больно-то хозяйственная твоя Василиса, раз у нее веретено под лавкой пылится.

– Этаммышшшшш... – в панике прошелестел кот в тот момент, когда я выудила веретено за веревочку на свет и высоко подняла руку, чтобы поближе рассмотреть предмет прядения, о котором я столько слышала из сказок, но никогда не видела.

Очередное «таммышшшшш» Варфоломея оборвал мой дикий вопль.

– Мы-ы-ы-ы-шшь! Дохлая! – Я отдернула руку, и мышь печальным трупиком шмякнулась о пол.

– А я-м предум-преждал, – выпалил кот, спасаясь от моих преследований под печью.

Это было последнее, что я видела, прежде чем шлепнуться в обморок.

Пробуждение было тягостным. Я чувствовала, как по моему лицу елозит мышь. То начинает бешено скакать, касаясь мокрыми лапами подбородка, потом лба, потом мочки уха, то скатывается по шее, чуть не падая в ворот сарафана, то вновь запрыгивает на лицо, шмякается на губы и отчаянно барахтается, пытаюсь забрать мне в рот. Мерзкая, мокрая, отдающая хмелем мышь. Похоже, что она искупалась в бочке с медовухой! Откуда-то издали доносился встревоженный голос кота. Кот отчаянно пытался согнать мышь, шипя на нее:

– Да что же ты творишь, охальник?

Мышь мужского пола кота не боялась и продолжала бесстыдно плясать на моем лице, покрывая мокрыми липкими следами.

Я застонала и попыталась спихнуть мыша, но тот вдруг увеличился в размерах и накрыл меня, как блин. От омерзения я содрогнулась и попыталась уцепиться за скользкого прохвоста. Мышь неожиданно оказался волосат под стать Варфоломею. Я посильней ухватила за пучок жестких щетинок и изо всех сил дернула его. Мышь завопил благим матом и наконец-то отклеился от меня.

От этого трупного рева я окончательно открыла глаза и уставилась в нависавший надо

мной широко раскрытый рот, со всех сторон окруженный густой бородой. Саму бороду я по-прежнему держала в кулаке, а из разинутой глотки доносились душераздирающие звуки. Дрогнув, я разжала пальцы, освободив неизвестного бородача. Тот захлопнул пасть и сразу же превратился в старого знакомого.

– Илья? – выдохнула я.

– Ладушка моя, – растроганно выдохнул тот, мигом простив мне жестокое обращение с его бородой.

– Я не Лада. – Я качнула головой и поморщилась от пронзившей боли. Ничего себе, хряснулась! Как бы не сотрясение мозга. Может, Илья – это галлюцинация? Горя желанием убедиться в здравии своего разума, я снова цапнула богатыря за бороду и резко рванула вниз. Тот повторил на бис матерный вопль мыша. Кстати, а где он сам, противный?

Я выпустила бороду на волю и попыталась подняться с пола. Только сейчас я заметила Варфоломея, в беспокойстве мечущегося у моего изголовья. Значит, это мне не приснилось. Значит, Илья все-таки в избе? Вот привела его нелегкая. Как же мне теперь выкручиваться без грима? «Буду привычно косить под дочь Бабы-яги», – решила я. Но подняться мне не дали. Мощная длань богатыря пригвоздила меня к полу, а колючая борода стала стремительно надвигаться на лицо.

– Руки! – в возмущении прохрипела я.

– Ладушка, – томно пробасил Илья, – иди ко мне!

– С ума сошел! – вскрикнула я и отвесила нахалу звонкую пощечину. Тот на мгновение завис и туманным взором уставился на меня.

– Он выпил отвар! – в отчаянии проскулил кот у меня над ухом.

– И чего ему еще надо? – удивилась я, пытаюсь освободиться. – Не хватило, что ли?

– Ты что, не понимаешь? – провыл кот. – Он. Его. Выпил. Прямо. Здесь. До дна-а!

– Послушай! – возмутилась я, обращаясь к богатырю, все еще пытавшемуся сфокусировать взгляд. – Ко мне-то какие претензии? Если что не подействовало, так я...

Но тут Илья вздрогнул, взглянул на меня осоловевшими от страсти глазами, и я с ужасом поняла: подействовало. Еще как подействовало! И не было никакой мыши. Это же он меня своими губами по лицу, по шее... Фу, какая мерзость!

– Пусти! – завопила я. – Не тронь!

– Ладушка, – зазомбированно улыбнулся он, склоняясь надо мной, – любя моя...

«Все, хана мне», – в панике поняла я. Уж лучше бы я задохнулась от вставной челюсти!

– Спасите! – запищала я, выворачиваясь, как уж. – Варфоломей, сделай что-нибудь!

Илья неожиданно напрягся.

– Варфоломей? – ревниво переспросил он. – Это кто?

– Это муж мой! – выпалила я. – Вот-вот придет!

Известие о муже богатыря смутило, но лишь на долю секунды.

– Я бы от тебя никуда не ушел, – жарко зашептал он и стиснул меня за талию.

– Ау! – завопила я. – Муж! Муж на подходе! Прием!

– Да я его одной левой, – ухмыльнулся богатырь.

– Да он богатырь не чета тебе будет! – Я попыталась воззвать к его инстинкту самосохранения.

– Вестимо, не чета, – самодовольно ухмыльнулся Илья. – Такого богатыря, как я, еще сыскать надо. Сам Чернослав мне не чета! Твоего жениха, чай, не Чернослав зовут?

– Иван его зовут!

– Иван мне и вовсе в подметки не годится! – задрал нос Илья.

– Да он, да он, – выпалила я, – он самого Змея Горыныча одолел!

– Сразимся! – пообещал Илья, глядя на меня осоловевшими от страсти глазами. – Я за тебя, ладушка, из кого угодно дух вытрясу!

– Мама! – в ужасе проскулила я.

Богатырь снова замер, словно его разум боролся с действием отвара, и пообещал:

– Ты не бойся, ладушка, все честь по чести, сватов зашлю, будущую тещу уважу,

свадебку справим!

– Я мужняя жена! – напирала я.

– Была мужняя, станешь моя. – Илья был полон решимости.

– Матушка этого не одобрит! – вскрикнула я.

– Строга она у тебя? – помрачнел богатырь.

– Строже на свете нет! – страшала я.

– Кто же она у тебя? Царская ключница? – усмехнулся Илья.

– Баба-яга! – выпалила я, в надежде, что уж это известие отвратит от меня богатыря окончательно и бесповоротно.

– Брешешь! – выдохнул он и как будто разом протрезвел.

Я приободрилась и взглянула на него со всей строгостью.

– А ты погляди, где мы! В избе Бабы-яги!

Богатырь обвел горницу мутным взглядом и удивленно выдохнул:

– Идишь ты!

– А теперь пусти меня, а не то мамка разгневается, – прикрикнула я и рванулась из его рук.

– А где ж она сама? – с подозрением прищурился Илья.

– К Кощею на свидание побежала, – ляпнула я.

Эта новость повергла богатыря в окончательную растерянность. Он позволил мне подняться и в задумчивости почесал макушку. Пользуясь случаем, я скользнула к печи и на всякий случай вооружилась кочергой. Варфоломей жался к моим ногам и воинственно топорщил хвост. Но рано мы праздновали победу. Отварчик я сварила на славу, хоть и с Другим эффектом, нежели планировался. И минуты не прошло, как Илья поднял на меня просветлевший взор и убежденно изрек:

– Раз у твоей матушки с Кощеем любовь, то и нас она благословит.

– Она меня уже благословила. – Я продолжила гнуть свою линию «мужней жены». – И тебе она не обрадуется. А в гневе матушка страшна!

Илья не дрогнул и беззаботно махнул рукой:

– Уж не страшнее царского воеводы. Иди ко мне, ладушка!

– Стоять! – испуганно взвизгнула я, и тут меня осенило. – А как же Злата, невеста твоя?

– Злата? – подивился богатырь.

– Злата, Злата, – закивала я. – Ты же на ней жениться хотел, затем и отвар у Яги просил.

Илья растерянн почесал бороду.

– Хотел, – выдавил он.

– Ну так и иди к ней! – поторопила я.

– ...Да не хочу больше! – огорчил меня богатырь. – Мне теперь, ладушка, кроме тебя, никто на свете не мил – что там Злата, даже сама царица! Пусть хоть царь за нее все царство отдаст – откажусь! – с запалом пообещал он.

– Царица? – потрясенно замерла я. – Которая?

– Вестимо, Василиса, – ответил Илья. – Царь весь в заботах, жениха ей подыскивает. Да на что мне нужна такая супруга, которая в Кощеевом замке три года пропадала?!

Мы с Варфоломеем ошеломленно молчали.

– То ли дело ты, ладушка! – снова двинулся на меня Илья.

Я крепче ухватилась за кочергу. Богатырь разочарованно крикнул и понурился, остановившись на месте.

– Так царица нашлась? – хором спросили мы с котом.

– Известно, нашлась, – пробухтел Илья. – Уже который день в тереме живет.

– Да как же это произошло? – всполошился кот.

– Уж не ты ли ее от Кощея отбил? – лстиво спросила я, чтобы выпытать подробности.

Богатырь мигом подобрался, приосанился и охотно поведал:

– И отбивать никому не пришлось. Царица сама в терем явилась.

– Брешет! – чуть слышно выдохнул коту моих ног. – Не могла Василиса так поступить. Не верю.

– Погоди горевать, – также тихо отозвалась я, – сейчас расспросим.

Я обратилась к Илье:

– И что же царевна? Соскучилась, поди, по дому родному?

– Известно, соскучилась! – крикнул богатырь.

– А про свое житье у Кощея что рассказывает? – закинула удочку я.

– Молчит, – с явным разочарованием доложил богатырь. – Никому и словечком не обмолвилась. Твердит, что ничего не помнит.

Я с тревогой взглянула на кота, тот вытянул голову и таращился на меня с плохо скрываемой паникой.

– Ясное дело, темнит девка, – почесал темечко Илья. – Не хочет в своем позоре признаваться. Да и кто бы на ее месте захотел?

Мы с котом ошарашенно молчали.

– А что, матушка твоя скоро будет? – заторопился Илья и лихо подкрутил ус. – Не терпится с ней насчет свадьбы сговориться.

– А ты бы вышел ей навстречу да поискал в лесу, – предложила я, по-прежнему опираясь на кочергу. – Верно, ей помощь нужна: хворосту наломать или котомку тяжелую донести.

– Дело сказываешь! – воодушевился богатырь. – Как увидит она меня в деле, так сразу поймет, что лучше меня ей зятя не сыскать!

– Вот-вот! Поспеш! – поддержала я и с облегчением выставила жениха из избы.

– А поцеловать? – Он задержался на крыльце и с надеждой потянулся ко мне.

– Мне мамка не велит, – теряя терпение, рявкнула я. – Сперва с ней договорись, а потом уже приходи.

Воодушевленный перспективой, Илья взгромоздился на своего хлипкого конька и унесся вперед к подвигам.

– Надо Лешего попросить, чтобы он его от избы подальше увел, – сказала я, всей душой сочувствуя коню богатыря.

Кот, застывший на крыльце изваянием скорби, даже не мяукнул.

– Варфоломей, – позвала я, – не переживай раньше времени. Нашел кого слушать! Дождемся вестей от Ива, а там уже посмотрим.

Кот поднял на меня взгляд, полный тоски, и с надрывом произнес:

– Ты сама слышала. Она в тереме, и царь ищет ей жениха.

– И что с того? Она случайно раскрыла себя, теперь ее насильно удерживают в царских палатах, – вдохновенно плела я. – Царь и раньше ей жениха искал, только Василиса не больно-то рада была, если из терема сбежала.

– В том-то и беда, – горестно вздохнул кот. – Что ей мешает сделать это сейчас?

На этот вопрос у меня ответа не было. Можно запереть в горнице царевну. Но какая сила может удержать волшебницу, такую, как Василиса?

– Может, ее околдовали? – нерешительно предположила я.

– Мне сразу стало легче, – с укором произнес кот. – Ты хоть представляешь, какую силу нужно иметь, чтобы Василису околдовать? Страшно себе даже представить.

– На каждый лом есть свой прием, – неуверенно сказала я.

– Боюсь, что такой лом может играючи разнести все Лукоморье, – хмуро заметил кот. – И уж не тебе с ним тягаться, – добавил он, намекая на мои нелады с магией.

– Это мы еще посмотрим, – насупилась я.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – озабоченно отозвался Варфоломей и спустился с крыльца.

– Ты куда?

Кот обернулся:

– Сама же сказала, надо попросить Лешего увести женишка подальше. Или уже

передумала?

– Ну как тебе не стыдно! – вспыхнула я.

Кот вернулся быстро, бодро держа хвост трубой. Доложил:

– Порядок, Леший обещал посодействовать. Вот только...

– Что? – заволновалась я.

– Тебе не показалось, что с лесом что-то не то?

Я пожала плечами.

– Леший говорит – засуха.

– Засуха, – задумчиво повторил кот. – Ну да, конечно...

– Может, теперь расскажешь, что тут произошло, пока я валялась в обмороке? – спросила я и сердито передразнила его: – Таммышшш! Не мог толком предупредить?

– Я и предупреждал, – вспыхнул Варфоломей. – Сама виновата, что глухая и глупая уродилась.

– Еще скажи, что я сама эту мышь туда заныкала! – перевела стрелки я.

– Я ее не заныкал, – с достоинством ответил кот. – Я ее припрятал.

– Надо было зарыть для верности, – ядовито посоветовала я.

Варфоломей надулся. Я, поняв, чтохватила лишку, уже миролюбиво сказала:

– Так что тут произошло, пока я пребывала в отключке?

– Да, макушкой ты знатно хряснулась, – вредно сощурил глаза он.

– А дальше что? – поторопила я.

– А дальше я стал вокруг тебя суетиться, в чувство приводить... – Кот как-то подозрительно осекся.

– Так, с этого момента поподробнее! – насторожилась я.

– Ну хвостом нос пощекотал, – смутился он. – Думал, ты прикидываешься.

– Надеюсь, он у тебя чистый, – хмуро сказала я.

– А как же, – донесся голос избушки из печи, – всю пыль из-за печки собрал!

– Еще что? – строго спросила я у Варфоломея.

– Ну в бок тебя толкал, – нехотя перечислил он, – когтями за руку подцепил...

Я взглянула на руки, так и есть: вон на правой руке, чуть выше пальца, на котором надето кольцо Ива, три бисеринки крови застыли.

– Ты бы меня еще водой полил! – укорила я.

– Я хотел! – восторженно воскликнул кот. – Только не успел, Илья заявился, стал в дверь колошматить.

– Изверг! – обиженно прокудахтала избушка. – Никакого почтения!

– Надеюсь, все бревнышки целы? – посочувствовала я.

– Ничего, – ободрилась избушка. – И не против таких выстаивала! Задержала его маленько, пока Варфоломеюшка по горнице метался, не зная, что делать.

– Я всегда знаю, что делать, – с достоинством возразил кот.

– И что же ты предпринял? – любопытствовала я. – Итог предприятия я уже прочувствовала на себе. Интересно, как все начиналось.

Кот обиженно вздыбил шерсть и проворчал:

– Ясное дело, в избу его пускать нельзя было. Вот я и решил отвар из котла слить да отдать ему на крылечке. Сама понимаешь, с котлом мне тягаться тяжело, а уж во флягу перелить – и думать нечего. Схватил кружку, зачерпнул отвара доверху и вынес гостю.

– Не вынес, а выкатил, – поправила избушка. – Через всю избу толкал. А я тебе помогала – где порожек уберу, где бревнышко подставляю, чтобы капельке не пролиться.

– Дальше что было? – поторопила я.

– Дальше, – кот вздохнул, – только я на крыльце появился да сказал, что в кружке отвар, как Илья кружку схватил и в один миг осушил. Обычно-то Василиса отвар во фляжку сливает да предупреждает, что лучше его выпить в ночь на новолуние, когда молодой месяц нарождается. А я даже и предупредить не успел. Илья, как кружку опорожнил, весь разругался и вскрикнул: «Ай да отвар! Хочу отблагодарить Ягу лично». Я только

мяукнуть успел: «Больна старушка, прости, мил человек, не принимает». А ему хоть бы что. Перешагнул через меня, дверь из петель чуть с корнем не выдрал...

– Это я оборону держала! – с гордостью встала избушка.

– ...и в сенцы влетел, – продолжил Варфоломей. – Я следом, надеясь, что ты уже оклемалась и за печью схоронилась. Но ты как мертвая царица посреди горницы лежишь. Илья, как тебя увидал, застыл на пороге, а потом как кинется к тебе, да плашмя на пол упал.

– Это я ему порожок подставила, – признала свою вину избушка.

– А как упал, так и не вставал, – рассказывал кот. – Сперва тебя за руку держал и все ладушкой звал. Тут-то я и засомневался, все ли в порядке с отваром.

– А чего сомневаться? – возразила я. – Сам же говоришь, Василиса говорила фляжку дома выпивать. Значит, знала о побочном приворотном эффекте и не рисковала.

– Василиса-то, в отличие от тебя, гостям в личине Бабы-яги являлась, – заметил кот. – Неужто думаешь, что на Ягу кто польстился бы?

– Это зависит только от качества отвара, – хмыкнула я. – Если сварен на славу, то и на Кошечку бы польстились.

– Этот отвар – не приворотный, – возмущенно зашипел кот. – И такого результата давать не должен! Только Илья себя повел точь-в-точь как под действием приворота. Начал с рук, потом в ланиты стал лобзать, а там в уста осмелился.

Я запунцовела, вспомнив мокрую мышку, елозившую по всему лицу.

– Да как ты мог такое допустить! – набросилась я на кота.

– Я отбивал тебя как мог, – оскорбленно возразил он. – Избушка, подтверди!

Та согласно кудачнула.

– Но что я против богатыря? – расстроено нахохлился Варфоломей. – Он все твердил, что ты мертвая царица и оживить тебя можно только поцелуем.

– И ведь впрямь оживил, – хохотнула избушка.

– А дальше ты сама знаешь, – заметил кот. – Осталось выяснить последнюю загадку.

Он прыгнул на стол, заглянул в котел, слегка наклонил его. Судя по плеску, на доньшке что-то осталось.

– Так и есть! – ворчливо воскликнул Варфоломей и напустился на меня. – Кому было сказано, хорошенько вымыть котел?!

– Я мыла, – ступевала я.

– Да?! – взъерепенился кот. – А это что?!

Он поскреб лапой внутри котла и выудил маленький листик. Покраснев, я вспомнила, что листочек намертво прилип ко дну, и я решила не ломать об него ногти.

– Это что?! – рассерженно повторил кот.

– Листик? – смущенно предположила я.

– Листик! – Кот сокрушенно вздохнул. – Ты хоть знаешь какой?

Я честно покачала головой.

– Это листик вечнолюбки, – просветил меня Варфоломей. – Сильнейшей и редчайшей травы, которая используется для приворотных зелий.

– Я ее туда не бросала, – оправдывалась я. – Она уже там была.

Кот сердито сощурил глаза.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что Василиса варила приворотное зелье? Да будет тебе известно, что она всегда осуждала привороты, – вспыхнул заговорил он. – Да, она знала рецепт отвара от Яги, но никогда при мне не использовала. И на все просьбы девиц о приворотном зелье отвечала отказом. Василиса не могла...

– Варила, – перебила его избушка. – Кажется, как раз последним перед отъездом.

Кот страшно удивился.

– Да зачем ей это? И почему я не знал?!

– А ты зачем-то в деревню умчался, – припомнила избушка. – Только ты за порог, Василиса за котел взялась.

– Что ж ты мне ничего не сказала? – укорил он.

– У девиц свои секреты, – с достоинством ответствовала избушка.

– Поэтому ты и сдала Василису при первой возможности, – ехидно заметил кот.

Избушка смущенно проскрипела половицами и замолчала.

– И кому она отдала отвар? – продолжил допытываться он.

– Знать не знаю, ведать не ведаю, – с огорчением призналась избушка. Видимо, ее этот вопрос волновал не меньше кота. – Видела только, как она слила его во фляжку, а потом в лес пошла. Вернулась вскорости, но уже с пустыми руками.

– В лес пошла? – совсем растерялся Варфоломей. – С кем же она там встречалась?

– Не знаю, – огорченно ответила избушка. – Только из лесу она выскочила стремглав и все оглядывалась, до самого крылечка.

– Вот те на! – озадаченно протянул кот и с неодобрением заметил: – Как же она бежала? Забыла, что ли, что Ягой прикидывается?!

Избушка тревожно охнула, заскрипела ставенками.

– Что? – насторожился кот.

– Василиса Ягой не рядилась, – тихо сказала избушка. – Она в своем была.

На кота было больно смотреть: он как-то весь съежился, усы опали, хвост повис, глаза потускнели. «Неужели Василиса готовила отвар для себя? Что, если она в кого-то влюбилась и сбежала из избушки, чтобы быть с любимым?» – крутилось у меня в голове, но озвучить свои вопросы я не решилась, чтобы окончательно не добить Варфоломея. Чтобы как-то разрядить обстановку, громко возмутилась:

– Ну и неряха ваша Василиса, даже котел не помыла! А мне потом страдай!

– А я тебе говорил, что котел нужно вымыть хорошенько! – вызверился на меня кот.

– И ничего хозяйка не неряха, – вступилась за Василису избушка. – Просто она не успела – Варфоломеюшка за ней следом пришел. Вот она котел-то немытым и спрятала, а потом забыла про него, засуетилась со сборами.

– А к ночи Василиса и ушла... – задумчиво протянул кот. – А Илья рассказывает, что она замуж собралась.

– Глупости это! – встревоженно закудаhtала избушка. – Не могла нас Василиса так обмануть.

– Мало ли кому она отвар передала! – поддержала ее я. Ибо такой поворот событий, как влюбленность Василисы опоенный приворотным зельем возлюбленный, полцарства в качестве приданого, пир на весь мир и долгая семейная жизнь царевны рядом с супругом, меня совершенно не устраивал. – Погодите горевать,ждем вестей от Ива.

Кот посмотрел на меня долгим пристальным взглядом и вдруг сорвался с места. Я выбежала за ним, но Варфоломея уже и след простыл.

– В лес убежал, – проскрипела избушка.

– Наверное, хочет узнать у Лешего, с кем в тот день встречалась Василиса! – догадалась я.

Кот вернулся быстро, на мой вопрос удрученно ответил:

– Не видал ее Леший. Какими-то своими делами был увлечен в другой части леса.

– А у деревьев спросить?

– А толку? – Он вздохнул. – У деревьев память короткая. Это по горячим следам можно у них, что желаешь, расспросить. Леший обещал у птиц да зверей разузнать. Авось что и прояснится.

– А что там Илья? – с опаской поинтересовалась я.

– Не беспокойся, – ухмыльнулся Варфоломей. – Леший рассказывал, что уже к дальней деревеньке его вывел. Авось его там незамужние девки приголубят так, что дорогу сюда забудет.

– Хорошо бы! – с надеждой сказала я. – А от Ива какие вести?

– Едет твой суженый прямиком к Златограду, конь ему попался добрый, так что завтра уже в городе будет. Ты давай тоже не расслаживайся, – поторопил меня он, – а поезжай по чародейкам, как договаривались.

– А Илюша? – встревожилась я. – Вдруг в пути встречу?

– Что ж я, по-твоему, дурак? – с укоризной молвил кот. – Чай, предупредил Лешего, в какую сторону гостя незваного выпроводить. Он сейчас далече от тех мест будет.

– Слушай, – вспомнила я, – а Чернослав что же, тоже богатырь?

– Еще какой. Что ни день, то новый подвиг. Где чудо-юдо поганое обезглавит, где дитятку из горящей избы спасет. Ты думаешь, почему его Илья вспомнил? Это ж его первый соперник за славу.

– Значит, парень привык везде быть первым, – понимающе хмыкнула я, – и в жены ему царевну подавай. А Василесе такой муж, который целыми днями подвиги на свою голову ищет, понятное дело, не нужен.

– Ты ласы-то заканчивай точить, – поторопил меня кот. – В путь-дорогу собирайся.

– А как я попаду, куда надо? – обеспокоилась я. – Как дорогу найду? Вдруг в пути кто пристанет?

– Что ж с тобой делать? – вздохнул кот. – Придется проследить, чтоб никто не пристал.

– Как? – встрепелась избушка. – Меня одну оставляете?

– А ты двери-то запри и не пускай кого ни попадя, – посоветовал Варфоломей. И, подумав, добавил: – А если Лутоня явится, то сразу с крыльца спускай да ускорения своим футбольным ударом прибавь.

– Боюсь, это его не остановит, – насмешливо чирикнула избушка. – Надежнее сделать ноги.

– Гляди у меня, попрыгунья! – погрозил кот. – Умчишься к Горынычевой горе, как тебя искать будем?

– Что ты в самом деле, – стушевалась избушка, – всего-то и было один разок!

– Натерпелась, бедная, – посочувствовала я. – Кто же тебя так напугал?

– Яга с Варфоломеюшкой отлучились, а я задремала, – поделилась избушка. – А Соловей, разбойник окаянный, Как подкрадется, как засвистит под боком. Ну я и сиганула... Опомнилась, уже когда на другом конце Лукоморья была.

– Хорошо еще, Горыныч тебя заприметил и слетал за Нами, – проворчал кот. – А то мы с Ягусей уже к Лешему на ночлег хотели проситься. Леший вошел в наше положение, хоть и серчал страшно. Избушка-то, когда по лесу неслась, Только деревьев на дрова поломала, сколько кустарников на хворост извела – не счесть. Не говоря уж о цветах с грибами.

Избушка виновато молчала.

– И как же вы потом? – заинтересовалась я.

– Как-как! – Кот дернул хвостом. – У Горыныча в гостях заночевали, а наутро погнали избушку домой. Ужо она нас растрясла, пока на место добралась!

– Зато хоть белый свет повидали, – чирикнула в свое оправдание избушка.

– Молчи уж, курица, – добродушно шикнул Варфоломей. – Али тебе напомнить, как по пути нас простой люд осаждал? Как же, диво дивное, чудо чудное – Баба-яга на выезде! Спешите видеть, торопитесь посетить! Насилу оторвались.

– Ну так оторвались же, – несмело прокудахтала избушка. – Меня еще ноги не подводили.

– Ноги-то у тебя безотказные, – признал Варфоломей. – А вот с мозгами беда. Поэтому мы тебя с собой и не берем, – заключил он и поторопил меня. – Ты почему еще не готова?

– А что нужно? – растерялась я.

Кот в раздражении закатил глаза.

– Ты что же, в таком виде собралась в село идти?

– А что, – с опаской поинтересовалась я, – мне Ягой надо переодеваться? Ты же сам сказал, что я туда пойду под видом девицы.

– Сказал, – качнул головой кот. – Так, чай, девицы в таком виде не ходят!

Я оглядела свой сарафан, похоже, чересчур современный по лукоморским меркам.

– И во что же мне переодеваться?

– Пошли, бесприданница, – проворчал кот и повел меня в горницу, к большому

сундуку. – Откидывай и смотри!

Я не без труда подняла тяжелую крышку и с азартом шопоголика принялась перерывать домотканую одежду. Но вскоре вынуждена была признать: одежда Василисы мне велика, хотя кот и сокрушался, что за время жизни в избушке царевна убавилась в теле.

Кот перебежал к другому сундуку.

– Здесь погляди.

Внутри в беспорядке лежали рубахи, штаны и мужская одежда. Похоже, это тут Ив подбирал себе одежду утром. Кот подтвердил мои догадки.

– Это сменная одежда для гостей. Посмотри, на дне должно быть что-то женское.

На дне сундука я раскопала приятную на ощупь белую сорочку и прикинула себе по росту. В самый раз, всего-то чуть повыше щиколоток. Нашелся и верхний сарафан – из красной плотной ткани с незатейливой вышивкой по краю подола. Вся одежда была на тоненькую и невысокую фигуру – в самый раз для меня.

Варфоломей тактично удалился на крыльцо, предоставив мне возможность переодеться. Я без труда вошла в сорочку, а вот с сарафаном пришлось попотеть. Шили его явно на плоскую персону, без учета верхних «девяноста». И если вторые «девяноста» вполне вольготно чувствовали себя в расширяющейся книзу юбке, то первым явно не хватало места. Изрядно провозившись, я изловчилась натянуть сарафан, но дышать уже в нем не могла. Оглянувшись по сторонам, пока никто не видит, схватила ножик и сделала надрезы по бокам под рукавами. Так-то лучше! За неимением зеркала, оглядела себя в обновке снизу вверх. Не прет-а-порте, конечно, но для сельской местности сойдет! Будь моя воля, я бы еще и подол укоротила до мини. Но, боюсь, местные меня не поймут, а Варфоломей выцарапает глаза за порчу имущества. Интересно, на кого ж это шили-то?

Вернулся с крыльца кот, скользнул по мне оценивающим взглядом, хмыкнул:

– Вот и сгодились твои удобства. Вполне сойдешь за бедную сиротку.

– Почему это за бедную? – возмутилась я. – По-моему, очень даже ничего.

Кот многозначительно промолчал.

– погоди, – заподозрила я, – уж не хочешь ли ты сказать, что это Яга шила для девочек-подростков? Тех самых гонимых падчериц, вроде Хаврошечки и Настеньки, которых отводили в лес и бросали на погибель?

Это объясняет и отсутствие объема в груди, и маленький размер одежды.

– Премудрость твоя не знает краев. – Кот насмешливо склонил голову, подтверждая мою гипотезу. – Только девочек голодом морили, а ты сама себя до такой хворобы довела.

– И ничего это не хвороба! – горячо запротестовала я. – В моем мире все такие. А кто потолще, те сутками с тренажеров не слезают и годами на диетах сидят, лишь бы сбросить лишний вес.

– Страшный мир, – совершенно искренне посочувствовал кот. – В бабьем-то теле – самая краса! А в тебе одни кожа да кости.

– Варфоломей! – возмутилась я.

– Впрочем, для бедной сиротки в самую пору, – смиростивился он и с неодобрением уставился на мои босоножки. – Лапти по размеру подбери в сундуке.

Я послушно выудила со дна пару поменьше.

– Что, и лапти Яга плела? – с уважением спросила я, примеряя русские народные тапки. С размером с первого раза не угадала, но на третий удалось выбрать более-менее подходящую пару.

– А как же, – с теплотой отозвался кот. – Баба-яга на все руки мастер была. – Ленточку еще возьми, – посоветовал он, кивнув на сундук. – Косу заплети, как честная девица.

Я выудила из тряпья алую ленточку в тон сарафану и продолжила перерывать шмотье.

– Ты чего копаешься? – окликнул Варфоломей.

– Вторую ищу. Я две заплету, мне так больше идет.

Кот неодобрительно зашипел.

– Две косы только замужние плетут, а девицам одна коса полагается.

– Спасибо за консультацию, – вздохнула я, закрывая крышку сундука. – Что ж, придется уважать ваши традиции.

Кот подсказал, как правильно заплести косу, как завязать ленточку, после чего обошел вокруг меня с видом инспектора, принимающего техосмотр.

– Порядок, – вынес он вердикт. – Подол, правда, коротковат, но для сиротки сойдет. Подумают, что мачеха тебе нового платья жалеет. Вот и ходишь в том, из которого уже выросла. Опять же голодом тебя морит...

– Варфоломей!!!

– А что я? – искренне поразился кот. – Сама себя до измождения довела.

– Ты мне лучше скажи, разве мне выгодно бедной сироткой притворяться? – спросила я.

Признаться, я рассчитывала посетить чародеек под видом купеческой дочки и расположить к себе солидным статусом и звонкой монетой. Слова кота разрушили мои надежды, и я сомневалась, что сиротке удастся втереться в доверие к местным ворожейкам и выпытать их секреты.

– Еще как! – убежденно кивнул Варфоломей. – Забава – сама сирота, от злой мачехи натерпелась, так что тебя примет со всей душой. Да и другие завсегда примут, накормят. А за сытным обедом и разговор по душам сложится.

– Ладно, – успокоилась я. Тем более что быть бедной сироткой мне уже не привыкать. Леший свидетель! – Лаптей-то мне хватит? – с опаской спросила я, вспомнив, что Мне предстоит пеший тур через Лукоморье, о масштабах которого я не имела ни малейшего представления. – Или пару-тройку пар на смену брать?

Кот насмешливо встопорщил усы.

– Железную клюку и каменную просвиру не забудь.

– Это зачем? – с испугом выдавила я.

– Клюку – стереть, просвиру – изглодать, – все тем же тоном просветил Варфоломей.

– Может, ты мне скатерку дашь? – взмолилась я.

Ломать зубы о какую-то просвиру в мои планы не входило. Это, может, местные Василисы да Марьи, отправляясь за пропавшим суженым, зубов не жалеют, а мне своих жалко. Выращивать зубы магией я пока не научилась, а московские стоматологи за свою зубоврачебную магию сдерут будь здоров!

– Ты что, жрать идешь? – нагрубил в ответ кот. – Забыла уже, за чем в путь-дорогу отправляешься?

– Я привыкла путешествовать с комфортом, – надулась я. – Поездом или самолетом, с завтраками и обедами на борту.

– Ври, да не завирайся, – сердито оборвал меня Варфоломей. – Где это видано, чтобы ковер-самолет одновременно и скатертью-самобранкой был!

– Так есть все-таки ковер-самолет! – обрадовалась я и с надеждой уставилась на него.

– Ковра не дам, – разочаровал меня кот. – Его Иван-царевич еще не вернул.

– И не дождешься, – усмехнулась я. – Такая корова нужна самому.

– Нечего на добрых людей напраслину возводить! – осудил меня кот. – Мало ли, какие на то причины. Полвека еще не срок.

– А, ну конечно, – покивала головой я, почти восхищаясь пройдохой-царевичем.

– На ступе полетим, – с торжеством в голосе объявил Варфоломей, нагнав на меня паники.

Водитель из меня был еще тот! С машинками на аттракционах в парке развлечений я управлялась с трудом, на двухколесном велосипеде ездить так и не научилась, за руль машины меня вообще заманить было невозможно.

– Ты поведешь? – с надеждой спросила я у Варфоломея.

Кот посмотрел на меня снизу вверх, с высоты своего роста, и насмешливо сощурился.

– Боюсь метлу из лап выронить. Так что придется положиться на твои руки-крюки.

– Я бы на твоём месте побоялась, – честно предупредила я.

– Мы можем пойти пешком, – спокойно ответил кот. – Здесь недалеко, всего-то день пути до Чаруево.

– Целый день? – ужаснулась я и позволила себе усомниться. – А ты сказал, что Илюша уже успел до деревни добраться. При том, что она еще дальше находится.

– У Илюши – Конек-Горбунок, – насмешливо просветил кот. – Он куда хочешь вмиг домчит. Еще вопросы?

– Так вот ты какой, Конек-Горбунок, – завороченно пробормотала я, вспомнив тщедушного рыжего коняшку. – А я думала, на нем Иван-дурак ездит.

– Ездил раньше один дурак, – усмехнулся кот. – Но на то он и дурак, что теперь пешком ходит. А Илья на волшебном коне Лукоморье бороздит. Ну что, пошли?

– Нет уж! – Я поежилась, вспомнив зловещую атмосферу леса. Еще неизвестно, что хуже: с ветерком прокатиться на ступе или весь день топтать между напряженно застывшими деревьями. – Полетели!

Кот довольно кивнул и провел меня в сени, махнув хвостом на темный угол.

– Вон она.

Немудрено, что я не заметила ступу Бабы-яги раньше. Судя по оплетшей угол паутине, ступа уже многие годы не использовалась по назначению, а служила неприкосновенной резиденцией окрестным паукам, которые вели натуральное хозяйство, собирая в сети неосмотрительных мух.

– Василиса на ней никогда не летала? – с опаской заикнулась я.

– Василисе летать было некуда, – ободряюще произнес кот. – Ей и так от гостей проходу не было. В избе дел невпроворот.

Хорошо еще, сейчас избушку Яги не осаждают толпы страждущих. Можно сказать, сплетни о кровожадности Бабы-яги мне даже на руку сыграли. А то бы пришлось рядиться старухой и привечать всяких царевичей, лутонюшек и терешечек. Готовить, мыть, стирать, убирать. Не изба, а отель пять звезд!

Углядев в другом углу метлу, я вооружилась ею и стряхнула со ступы кружева паутины. По полу брызнули потревоженные пауки, я с визгом отпрыгнула в сторону. Кот осуждающе проворчал:

– Если ты пауков боишься, то при виде медведя, поди на месте помрешь от страха.

– Я только пауков боюсь до дрожи, – возразила я. – А медведя я видела, как тебя сейчас.

В памяти всплыла оскаленная медвежья морда, смрад из желтозубой пасти, острые когти, раздражающие мышцы, и невыносимая боль, от которой темнеет в глазах... Медведь-людоед, встретившийся мне в vessалийском лесу, нанес мне смертельную рану, но прежде, чем потерять сознание, усилием воли я превратила его в безобидного плюшевого мишку. До этого случая я не верила, что могу творить чудеса, но перед лицом смертельной опасности магия пробудилась. Вот только, если бы не Ив, я бы все равно не выжила. Рана от медвежьих лап была слишком серьезной. Такой серьезной, что даже Ив не смог ее залечить, смог только взять на себя. Я очнулась в порванной рубаше, пропитанной кровью, но на месте раны не было ни царапины. А рядом лежал Ив, умирая от раны, нанесенной мне медведем. Его одежда была цела, но плечо и рука были изодраны в клочья. Я не вспомню всего, что я бормотала над его телом, пытаюсь исцелить, залечить, воскресить. Все было словно в тумане, я не могла представить жизни без него и сочиняла будущее, в котором мы будем вместе, в надежде, что настоящее сжалится и не отпустит Ива, не даст ему стать прошлым. И магия, проснувшись во мне, оказалась сильнее, чем можно было мечтать. Она залатала раны рыцаря, окончательно убедив меня в собственных силах.

Варфоломей этого не знал. На его глазах я не совершила ни одного мало-мальского чуда. Поэтому кот лишь насмешливо сощурился, глядя на меня снизу вверх:

– И что, ноги спасли?

Я покачала головой:

– Чудо!

Уточнять кот не стал. Прыгнул в ступу, разогнав затаившихся там пауков, и, выбравшись обратно, с чувством выполненного долга доложил:

– Чисто!

Я с сомнением посмотрела на ступу. И что с ней делать? Забираться внутрь, разгоняться и вылетать в открытую дверь?

– Давай ее во двор, – разрешил мои сомнения Варфоломей.

Еще раз внимательно оглядев ступу на предмет пауков, я все-таки решилась обхватить ее и попробовала приподнять. Да, богатырши из меня не вышло. Чуть оторвав ступу от пола, я с грохотом обрушила ее обратно, едва не отдавив хвост суетившемуся под ногами коту.

– Кто ж так делает? – сокрушенно воскликнул он.

Я виновато отвела глаза и, поморщившись, выдернула из ладони впившуюся щепку. Надо было Ива напрямь перед отъездом. Не девичье это дело – ступы тягать!

– Метелку-то в руки возьми, – прикрикнул кот. – Да в бок легонько подтолкни и вели: «Сама пошла!»

– Разыгрываешь? – Я с обидой взглянула на него.

– Слушай меня – не пропадешь! – Варфоломей был сама серьезность.

Я взяла метлу, несмело тронула ступу, пробормотала волшебные слова. Ступа отозвалась душераздирающим скрежетом и качнулась из стороны в сторону, словно разминаясь после долгого простоя. После чего легко заскользила по полу, перепрыгнула порожек и устремилась на крыльцо.

– Встань посередине двора! – прикрикнул кот, припуская следом.

Ступа стояла во дворе и, наклонившись к крыльцу, приглашала взобраться на борт. Кот потерялся о порог.

– Ну избушка, прощай. Веди себя хорошо, не скучай, гостей не пускай, скоро вернемся!

И, сбежав по ступеням, он запрыгнул в ступу, наклонившуюся почти горизонтально к крыльцу, и обернулся ко мне.

– Ну чего ты там? Не бойсь, полетели. Я Иву обещал, что с твоей головы волос не упадет. Я за тебя в ответе и рисковать тобой не буду.

Я невольно подалась вперед.

– Ив взял с тебя такое обещание? Он за меня волновался?

– А то как же? – искренне удивился кот. – Чай, ты ему не чужая. Хотя, – помолчав, осуждающе добавил он, – ты, его как чужого проводила. Так что, летим? Метелку только не забудь.

Я схватила метлу и сбежала с крыльца, запрыгнув в наклонившуюся ступу и потеснив вжавшегося Варфоломея. Помахав рукой избушке, оттолкнулась от земли метлой и, как научил кот, прокричала название села, куда лежал наш путь.

– Да потише, – прибавила я от себя.

Ступа медленно оторвалась от земли... и пробкой шампанского выстрелила в облака.

На таких лихих аттракционах даже в Луна-парке не катают! Я визжала, кот, вздыбив шерсть, жался к моим ногам. Как только метлу не выронила – сама себе поражаюсь. Полет напоминал показательные выступления по воздухоплаванию. Ступа сперва бороздила небо зигзагами, подобно мячику для пинг-понга, потом, дав нам отдышаться, плавно заскользила по волнистой линии, словно была лыжником в Куршевеле.

– Варфоломей, – окликнула я кота, – а что это за Чаруево такое? Там что, одни волшебники живут?

А что, есть же в Америке городок, где живут одни пенсионеры. А в скольких городах есть китайские, индийские районы! Почему бы в Лукоморье не найтись деревушке, сплошь заселенной волшебниками? Наверное, там по улицам самодвижущиеся телеги ездят, дрова из леса уже нарубленными прикатываются, и, стоит только подойти к колодцу, ведра уже полными выскакивают. А еще там круглый год лето и солнце, даже в январе, когда все Лукоморье снегом занесено.

– Скажешь тоже, – охладил мои фантазии кот. – На все село одна Забава из чаровников и сыщется.

– Село в честь нее назвали? – с уважением спросила я. А Забава-то не так проста, как Варфоломей описывает.

– Велика честь! – фыркнул кот и пустился в объяснения: – На месте села раньше лес был, в лесной избушке кудесница жила, Агафья. Народ прознал о ее чудесах и повалил в избу. Скоро просителей стало так много, что изба их уже не вмещала, народ стал за забором на ночлег устраиваться. Постепенно лес повырубили, избушек вокруг дома Агафьи настроили, появилась деревня – Чаруево. Волшебницы на свете уже нет давно, а деревенька со временем в целое село разрослась.

– А Забава к этой Агафье отношение имеет? – поинтересовалась я, гадая, уж не дальняя внучка ли она волшебнице. Вот уж некстати это было бы! Поди, от знаменитой прабабки передался ей какой-нибудь сильный артефакт и, в случае чего, с Забавой так просто не сладишь.

– Никакого, – успокоил меня Варфоломей.

– Это тебе тоже кошечки твои рассказали? – с улыбкой уточнила я.

Кот самодовольно встопорщил усы.

– А то кто же!

– Наверное, волнуешься?

– Почему? – не понял он.

– Давно ведь в селе не был?

– Да уж года три как.

– С тех пор, поди, уже не только сыновья с дочками, но и внуки твои народились, – объяснила я.

Варфоломей встревоженно вздыбил шерсть и надолго погрузился в молчание, видимо, подсчитывал, сколько деток успели народить ему случайные подружки, и сколько внучат за три года могли настрогать эти детки.

Да и для Забавы три года даром не прошли. Вдруг она за это время успела существенно продвинуться в своих магических опытах и теперь может составить достойную конкуренцию Василисе? О себе, в силу временной волшебной нетрудоспособности, молчу.

Не успели мы с котом вздохнуть с облегчением и насладиться полетом, как ненормальная ступа понеслась стрелой над самой кромкой леса. Наверное, если смотреть с земли, зрелище было впечатляющим, но, находясь в «кабине пилота», я не чаяла сойти на землю.

– Она всегда так лихачит? – вопила я, стараясь перекрыть ветер.

– Это она кочевряжится, хозяйку в тебе не признает, проверяет, – орал в ответ кот. – У Яги летала тише воды ниже травы, каждому движению метелки повиновалась.

– Как же мне с ней сладить? – выла я, уворачиваясь от летящего прямо по курсу голубя.

– Не знаа-ю, – мяучил кот. – Но сделай же что-нибудь!

Ступа, чувствуя безнаказанность, стала стремительно набирать высоту. Зеленое море леса на глазах сужалось в квадратик, со всех сторон зажатый игрушечными полями и деревеньками с домами размером со спичечные коробки.

– А ну тихо! – взревела я, вдарив метлой по боку ступы. – На дрова пуцу!

Ступа зависла в воздухе. Мы с котом настороженно переглянулись.

– Получило... – обрадованно начал Варфоломей, но тут ступа камнем рухнула вниз. – О-о-о! – заголосил он. – Штошшштывторишшшь!!!

Посадка была жесткой. Ступа вывалила нас на пригорке, у подножия которого расстиралось село, и штопором ввинтилась в облака.

– Хорошо хоть до места доставила, – проворчал кот, глядя вниз.

С пригорка село Чаруево, прямоугольное по форме, напоминало щедро накрытый стол, со всех сторон окруженный зеленой скатертью полей. В самом центре, словно высокий пышный каравай, возвышалось красивое деревянное строение. Его обступали крыши домов,

выкрашенные в желтый цвет и похожие на треугольники сыра. Жмущиеся к ним сараи с высоты – что горбушки хлеба. Разбитые вокруг домов огороды – будто пучки петрушки и укропа, разложенные заботливой хозяйкой. По трем сторонам от села – засеянные поля, на которых трудились маленькие фигурки в светлых рубашках. С четвертой стороны – луг, словно нарисованный кистью импрессионистов – столько в зеленом море травы разноцветных мазков: синих, сиреневых, желтых, розовых, белых. Ветерок ворошил цветочный ковер, и тот казался размытым, нечетким. Цветы обтекали бело-черные и бежевые овалы, рассыпанные по полю, словно горсть бусин. Это коровы паслись на лугу под чутким руководством пастуха – маленькой белой точки, застывшей на краю луга. И с ароматом луговых трав ветер доносил нежные звуки свирели. Благодать! Я еще не успела спуститься в село, а уже была очарована его безмятежной идиллией.

Судя по всему, Чаруево не бедствует. Да и в разгар дня на полях полно народу – а с такими трудолюбивыми жителями голод селу не грозит. Да и злыдни здесь не приживутся. Я поехала, вспомнив коварную нечисть, доведшую до полной разрухи когда-то преуспевавшую vessалийскую деревню. Стоило одному из крестьян опустить руки и облениться, как за печкой тут же поселился вредный бесенок, а вскоре и всю деревню охватила эпидемия безделья. Надеюсь, после того как мы с Ивом изловили всех злыдней до единого да сплывили их окрестным русалкам под видом домашних зверьков, деревня восстановилась от разрухи и снова стала образцовой.

Мы спустились с пригорка к полю, вызвав любопытство местных. Селяне отрывались от работы, и я приветственно махала им рукой. Поравнявшись с девушкой в белом платке, которая рыхлила землю у дороги, я спросила, как найти Забаву, в душе волнуясь, как она воспримет это имя? А ну как замахнется мотыгой и разразится руганью в адрес злой ведьмы, которая увела у нее жениха или уморила корову? Но та солнечно улыбнулась и сказала, что дом Забавы я найду сразу – он один в селе о двух этажах.

– Разжирела девка, – хмыкнул у моих ног кот. – Раньше-то в маленькой избушке с родителями жила.

Мы ступили за ограду, и я разочарованно вздохнула. На первый взгляд в Чаруево не было ничего волшебного или необычного. Никаких самодвижущихся телег, выпрыгивающих из колодцев ведер, шагающих из лесу дров, которые я себе нафантазировала, видно не было. Самое обычное село. Добротные дома, цветущие огороды, пыльная улица со следами коровьих копыт, утки и курицы, щиплющие травку у заборов. При виде незнакомого кота птицы насторожились, но Варфоломей прошагал мимо, не удостоив их своим драгоценным вниманием, и пернатые снова принялись обрывать травку.

Забава жила в настоящем тереме. Это его с высоты пригорка я приняла за румяный пышный каравай. Резное деревянное великолепие возвышалось над крышами домишек и было видно из любой точки села, так как располагалось прямоком по центру.

– Надо же, – подтвердил мою догадку кот, – терем-то отстроила на месте избушки Агафьи!

Приплясывая от любопытства, Варфоломей подтолкнул меня к высоким воротам, и я стукнула по двери железной колотушкой в виде груши. Ждали мы долго, стучали раз пять. Наконец в смотровом окошечке показалась недовольная физиономия рябого мужика.

– Закрыты мы, приходите вечером! – грозно рявкнул он, оглядев меня цепким взглядом профессионального секьюрити. Ощущения такие, как будто я только что не прошла фейс-контроль в самый модный клуб Москвы. И вообще, что значит «закрыты»?!

– Мне Забава нужна, – не стусевалась я.

– Забава всем нужна, – ухмыльнулся секьюрити. – Приходи вечером, будет тебе Забава.

– Я до вечера ждать не могу, мне срочно надо, – разозлилась я.

– Смотрины? – понимающе хмыкнул мужик и как-то оттаял. – Что ж заранее не договорилась-то?

Я непонимающе переглянулась с Варфоломеем. Что еще за смотрины? Кастинг невест для Ивана-царевича, что ли, здесь проводят?

– Да, без Забавы тебе не обойтись, девонька, – приговаривал тем временем сторож, открывая засов. – Забава тебе вмиг поможет лебедушкой стать, а то что за дела – кожа да кости! – Пропустив меня во двор, мужик извернулся и заглянул за спину: – И коса уж больно тонка! – тоном профессионального сводника заключил он. – Такой красой жениха не очаруешь.

– А какой же очаруешь? – не сдержалась я.

Мужик мечтательно закатил глаза и описал руками нечто похожее на огромный шар.

– Ну ты погоди тут, я хозяйку позову!

И он умчался внутрь теремка, оставив нас с котом во дворе, в котором кипела работа. Порхали ведра, переворачивались корыта, взмывало из тазиков белье, звенел топорик, нарубая дрова. Мы проводили взглядом спину мужика и только сейчас смогли внимательней разглядеть дворик. Разглядели. Варфоломей от переполнявших его чувств плюхнулся на задницу, подмяв под себя пышный хвост, и в онемении переводил взгляд с поленицы на корыта. Было отчего онеметь! Во дворе ни одного человека, но при этом все двигалось, шумело, булькало, кипело.

Умница Забава организовала на своем дворе подобие прачечной. В котле грелась вода. Большую пузатую бочку ведра самостоятельно наполняли колодезной водой. Между ними стояли три корыта с бельем. Ведра выливали в них горячую и холодную воду, смешивая до нужной температуры. Грязное белье, сложенное в больших корзинах поблизости, поочередно взмывало вверх, чтобы пройти все три стадии стирки: замачивание в одном корыте, интенсивную мойку в мыльной воде второго корыта и полоскание в чистой воде третьего корыта. Затем белье взмывало вверх, скручивалось, словно его выжимали невидимые руки богатыря, и плавно скользило по воздуху, перемещаясь за угол терема. Наверное, там располагалась сушилка.

Пока я в восхищении следила за процессом, шустрый Варфоломей умудрился обежать весь двор и теперь тянул меня к деревянному домику у забора, в котором что-то методично гудело.

– Яна, только посмотри-и-и!

Внутри, в два ряда, от одного края до другого, стояли прялки и ткацкие машинки. У первых стремительно уменьшались белые ватные шапки кудели, на глазах превращаясь в нити. На машинках лихо сновало долото, собирая пряди в рубахи и полотенца.

– Ничего себе! – вырвалось у меня.

– Глазам не могу поверить! – промяукал кот. – Девицам приданое прясть начинают с самого рождения, чтобы к свадьбе достойное содержимое собрать. А в этом чудо-сарая за день богатое приданое соткать можно!

– Вот ты где! – раздался за спиной звонкий женский голос.

Я оглянулась, чтобы разглядеть Забаву, и невольно зажмурилась. В сарае царил полумрак, а дверной проем, где застыла чародейка, казался окном солнечного света. Забава сделала шаг вперед, и ее пышный силуэт заслонил нестерпимое сияние. Но разглядеть ее все равно было трудно из-за сумрака.

– Гаврила, как всегда, напутал? – спросила она. – Сказал, что тебе к смотринам нужно подготовиться, а ты за приданым явилась? Дай-ка я на тебя погляжу!

Забава обошла меня вокруг и одобрительно заключила:

– Вижу, девица ты работающая. Мы с тобой договоримся!

В кои-то веки моя худоба рекомендацией послужила.

– И во сколько приданое обойдется? – с любопытством спросила я.

– Как обычно. Год работы с твоей куделью, три – если кудель моя.

Вот оно что! Забава таким образом прислугу нанимает. Приходишь к ней со своим материалом, нанимаешься в услужение на год и по окончании получаешь сотканное приданое, на пошив которого ушли бы годы. А если ты так бедна, что и кудель купить не на что, то придется вкалывать на хозяйку все три года. Вот только интересно, зачем ей служанки, если вопросы стирки и прядения с шитьем она уже решила магией. Наверняка у

нее и полы сами моются, и еда сама готовится.

Я решила придерживаться версии с приданым. Прикинусь деревенской простачкой, и не надо ломать голову, как поглядеть, что в тереме творится, да выведать, что у Забавы на душе. Конечно, на роль разведчика куда больше сгодился бы Ив. С его-то даром читать мысли он бы за минуту просканировал чародейку на предмет коварных дум, а мне придется постараться, чтобы ее разговорить. Как новую работницу Забава меня проведет по всему дому, познакомит с хозяйством. А если задам ей несколько вопросов, то ничего подозрительного в том, что простодушная служанка проявляет любопытство к своей хозяйке, не будет. Варфоломей уже усвистал на поиски всезнающих кошечек, но кошки могут и не знать всего того, что творится в доме и о чем мечтает хозяйка. А я получу информацию из первых рук и увижу все своими собственными глазами.

– Так что, есть у тебя кудель? – окликнула чародейка.

– Есть, – кивнула я.

– Тогда по рукам! – обрадовалась Забава. – Мне как раз помощница нужна. Груша на днях замуж выходит, а ты вместо нее будешь. Тебе еще повезло, что все так удачно сложилось!

Забава бочком вышла из сарая на свет, я шагнула следом и наконец-то смогла рассмотреть свою нанимательницу. Пышность ее тела объяснялась выпирающим животиком. Чародейка вот-вот должна была родить (искренне надеюсь, эта радость не приключится с ней прямо сейчас и меня не нанимают исполнять роль повитухи!). А женщина на сносях вряд ли станет устраивать подлянки Бабе-яге и увлекаться вредным колдовством. Красивое, круглое, с румяными Щечками, лицо Забавы так и сияло радостью и довольством. И видно было, что ей нет никакого дела до хитроумных интриг и борьбы за магическое первенство, все ее мысли занимает будущий ребенок.

– Ты из какой деревни-то? – спросила меня Забава.

– Из Голодранкино, – брякнула я, вспомнив название реальной российской деревни. Однажды к нам в гости приехали дальние-предальные родственники – Москву посмотреть, и задержались почти на месяц. С тех пор название их родной деревни крепко запало мне в память.

На лице Забавы отразилось недоумение:

– Это где ж такая? Никогда не слыхала.

Я неопределенно махнула рукой, в душе волнуясь, что так бездарно прокололась. Но Забава уже широко улыбалась:

– Голодранкино, говоришь? Небось небогато живете? с приданым туго?

Я закивала головой, изображая бедную бесприданницу.

– Братишки-сестрички есть у тебя? С ребятишками умеешь управляться?

– А то ж! – заверила я. – Еще как справлюсь. У меня их восемь было!

Могла бы хоть пятнадцать назвать. Когда Забава родит, меня уже здесь и след простынет.

Чародейка радостно улыбнулась и положила руки на живот:

– Пока столько и не надо. У меня всего двое. Луша и Павлуша!

Позади меня раздался топот, и во двор вбежали две девушки, держа на руках двух карапузов.

– Вот они, мои птенчики, – ласково проворковала молодая мать.

– Луша кушать хочет! – заверещала одна.

– Павлуша купаться просит! – пробасила вторая.

– Ах вы мои ласточки! – Забава чуть не прослезилась от умиления.

В следующий миг кроха Луша была приложена к необъятной материнской груди, а Павлушу по велению Забавы няня усадила в тазик с водой, натасканной на наших глазах ведрами и нагретой чародейкой до нужной температуры одним щелчком пальцев.

– Мама, буль-буль! – завопил мальчуган.

Забава с улыбкой махнула рукой, и вода забурлила, как в джакузи. Малыш завопил от

восторга так, что у меня заложило уши, а где-то на заднем дворе жалобно взывала собака.

Пока мать занималась детьми, я расспросила скучающую няню Луши о том, как именно ее хозяйка помогает девицам подготовиться к смотринам. Няня оживилась. Она и оказалась той Грушей, которая на днях выходит замуж. А не так давно прошли смотрины, к которым Забава подготовила ее в лучшем виде. Выяснилось, что в одной из многочисленных построек находится подобие салона красоты, где Забава своими магическими методами делает из последних замухрышек настоящих царевен. Вымачивает косоньки в особом отваре, от него волосы становятся светлей и в три раза гуще. Втирает в щеки волшебный сок, от которого на щечках расцветает румянец и не сходит аж три года. Более сложные декоративные изменения, которые значительно украшают девицу, укорачивая чересчур длинный нос или уменьшая торчащие ушки, длятся не больше суток. Но этого хватает, чтобы произвести впечатление на жениха и сватов. «А потом только и надо, что не подпускать жениха близко до свадьбы, и все будет хорошо», – с горящими глазами поведала мне лупоглазая и тонкогубая Груша, своей фигурой полностью оправдывающая свое имя. На месте бюста у нее была плоская равнина, зато бедра в объёме были с большую бочку, в которой стиралось белье. Я мысленно посочувствовала ее жениху: тот-то, поди, уверен, что под венец ведет Василису Прекрасную с очами, как у Одри Хепберн, губами, как у Анджелины Джоли, и гитарообразной фигуркой. Недаром мужики потом удивляются, что до свадьбы все невесты – Василисы, а после свадьбы – бабки-ёжки.

– Да ты не бойся, – ободрила меня Груша, – работка непыльная, всего-то и хлопот что за детишками следить. По хозяйству и делать-то ничего не придется. Даже пеленки стирать не надо. Стирка, вишь, сама делается. В сарае самопрялки стоят. Пыль да грязь тряпки-самотерки да метла-самочистка убирают.

– А котел-самовар есть? – любопытствовала я. Хоть я и не собиралась здесь задерживаться, но стало интересно, еда в тереме тоже чудесным образом готовится?

– Повариха у нас обыкновенная, – поведала Груша, приглушив голос. – Забава пока не наловчилась в этой ворожке. Три печки уже спалила, пока хотела их научить, чтобы сами по себе пекли, два раза чуть пожар не устроила. Как-то раз заперлась на кухне – хотела, чтобы пироги сами по себе сготовились: тесто само замесилось, потом раскаталось и в пирожки слепилось.

Как я понимаю Забаву, я бы тоже от такого заклинания не отказалась, когда вредный кот заставил меня пироги печь!

– Да только, – Груша злорадно хохотнула, – выбежала оттуда вся с ног до головы в тесте. И все стены тестом были заляпаны – тряпки-самотерки потом три дня их отмывали. А нож-саморез так вообще как-то из кухни вырвался и чуть Гаврилу не зарезал. Хорошо, в забор со всей силы вонзился да и застрял там, пока Забава его не вынула да не переломила.

Да, а работка-то в тереме небезопасная. Если бы я и впрямь вздумала наниматься к Забаве, непременно бы страховку от несчастных случаев в соцпакет внесла.

– И еще посуду мыть приходится, – добавила Груша. – Тазик-судомой пока не работает. Мыть-то моет, только всю посуду колотит. Хотя на днях Забава его запускала – уже лучше. Раньше всю посуду бил, а сейчас – только половину.

– Прогресс! – скептически оценила я.

– Как-как? – Груша вытаращила глаза, услышав незнакомое словечко.

Но тут Забава отняла от груди Лушу, и няне пришлось вернуться к своим прямым обязанностям, так и не обогатив своего лексикона.

Хозяйка склонилась над тазиком, в котором плескался сын, а ко мне подлетел Варфоломей.

– Вот что я узнал, – деловито доложил он. – Вскоре после того, как я в последний раз здесь был, Забава вышла замуж за сына богатого купца из соседнего села. Молодые поженились по любви, отстроили терем на месте развалившейся избушки Агафьи, вскоре Забава забрюхатела и все свое волшебство сосредоточила на обустройстве быта.

– Это я вижу, – хмыкнула я. Забава и без стиральных машин, пылесосов и памперсов в

Лукоморье хорошо устроилась. Пока ей еще не удалось соорудить магический аналог посудомоечной машины и микроволновой печи, но, чувствую, за этим дело не станет. Пройдет еще несколько лет, и терем Забавы будет напичкан хозяйственной магией, как современная квартира – бытовой техникой. Уверена, хозяйка додумается и до фена-самодува, и до зубной щетки-самочистки, и до радионяни. А там, глядишь, и телевидение с Интернетом в Лукоморье придут.

– Дура девка, – неодобрительно покачал головой Варфоломей. – Так бездумно чудеса тратить! А ведь была такая гордячка, все мир хотела изменить, великой волшебницей стать. И к чему пришла? Тьфу, – скривился он, – домашняя клуша.

– Ты потише возмущайся-то, – предостерегла я. – А то как бы тебя в самопечке не запекли.

Варфоломей испуганно поежился.

– Не трясись, – хихикнула я, – самопечка пока на стадии разработки.

– А ты бы, поди, от такой не отказалась, – проворчал он.

– Уж, конечно, не отказалась бы!

– Когда ж ты поймешь, Яна, что волшебство – это не игрушки, а большая ответственность? Не всякому оно дается, и спрос с волшебников особый. А, – кот с досадой махнул лапой, – что тебе говорить. Это Яга Василису уму-разуму учила да научила, а тебе хоть на голове кол теши! На голове густо, а в голове пусто.

– Ну не такая уж я и пропащая, – смутилась я.

– Пропащая не пропащая, а с Забавой одного поля ягода, – сощурился он. – Погляди вокруг. Это же твое будущее.

Я обиженно вскинулась:

– Нет, я, конечно, отдаю должное Забаве, которая нашла достойную замену стиральному машинке и прочим радостям хозяйки, но как-то это все... слишком мелко, чтобы тратить на это волшебство.

– А кто готовую еду наколдовывать пытался? – мяукнул кот. – Не помнишь, что ли, из-за чего с Иваном поссорилась? В чужом глазу соринку видишь, а в своем бревна не замечаешь!

Признав его правоту, я виновато отвела глаза и поспешила перевести разговор.

– Слушай, а откуда у Забавы столько магии на все эти штуки?

– Ты что, не поняла? – Кот укоризненно посмотрел на меня. – Не просто же так молодые себе тут терем отгрохали! Даже я чувствую, что здесь каждая пядь земли волшебством пропитана.

Настроение мигом испортилось. Даже кот что-то чувствует, а я не чувствую ничегошеньки!

– Поди, Забава ощущала прилив силы в этом месте, раз поселиться здесь надумала, – рассудил Варфоломей.

– А на что они живут? – поспешила сменить тему я. – У нее муж, говоришь, богатый?

– Было богатство, да все в терем сплыло, – ухмыльнулся кот. – А живут они теперь забавами Забавы.

– Это как? – удивленно моргнула я.

Но только Варфоломей раскрыл рот, как меня окликнула сама хозяйка. Кот сиганул под крыльцо, а мне пришлось идти к чародейке, гадая, о каких таких забавах идет речь.

– Тебя как звать-то? – спросила Забава.

– Я... – начала было я, но тут же поправилась, вспомнив о словах кота: – Аня.

Варфоломей предупредил, что нездешнее имя Яна привлечет лишнее внимание, и советовал назваться Аней. Что ж, мне не привыкать откликаться на чужие имена. Была Селеной, была Мирандой, побуду и Аней.

– Что ж, Аня, пойдем, покажу тебе дом, – хозяйка направилась к крылечку, – да расскажу, что к чему.

К терему Забавы так и напрашивалась приставка «евро». Забава с гордостью

показывала мне полы с подогревом в горницах малышей, лучины и масляные светильники, которые вспыхивали в полутемном коридоре при нашем приближении и гасли за спиной, холодильные деревянные сундуки в кухне, изнутри покрытые железом и инеем.

В кухне Забава задержалась, отдавая распоряжения поварихе. А я во все глаза разглядывала скалку, которая сама раскатывала тесто в тончайшее полотно, да ложку, увлеченно взбивавшую что-то в деревянном тазике. Вокруг тазаика наматывала круги тряпка, моментально убирая брызги. Да поварихе тут и делать-то ничего не приходится! Однако круглолицая женщина в белом платке, стоящая ко мне вполоборота, отнюдь не выглядела счастливой и довольной. В разговоре с хозяйкой она все время вздрагивала и с опаской оглядывалась то на скалку, то на ложку.

– Что, Устинья, опять шалят? – расстроено спросила Забава.

Повариха шумно вздохнула и, покосившись на меня, что-то тихо зашептала. А я только сейчас заметила, что под ее правым глазом синевой налился фингал. Вряд ли ее хозяйка поколачивает. Уж скорее скалка, взбрыкнув, засветила поварихе в глаз.

– Аня, подожди за дверью, – властно велела Забава, и мне пришлось выметаться из теплой кухни в темный сырой коридор.

Интересно, о чем они там секретничают? Но хорошее родительское воспитание вкупе с университетским образованием не дали мне опуститься до банального подслушивания. Однако, побродив по коридору взад-вперед, я не удержалась от любопытства и заглянула в соседнюю с кухней комнату, из-за двери которой доносился какой-то странный шум. Не успела я толком разглядеть, куда попала, как мне на лоб шмякнулось что-то мокрое и принялось надраивать кожу, пуская в глаза мыльную пену. Я завопила и выскочила обратно, чуть не сбив кого-то с ног. Мокрое тем временем спустилось вниз и принялось намыливать мне шею, следующим шагом, очевидно, собираясь меня удушить. Но свершиться злодейству не дали: кто-то сорвал с меня удавку, подвел к ведру с водой.

Когда я отплевалась, умылась и расклеила глаза, напротив, смущенно алея, стояла Забава, вытирая о подол мокрые руки.

– Аня, будь осторожна! В тереме много волшебной утвари, и иногда она ведет себя, – она покосилась на тряпку, лежавшую у стены кухни, – непредсказуемо.

– Что это было? – выдавила я.

– Это тряпка-самотерка, – отводя глаза, призналась Забава. – Их там много, они котлы надраивают.

– И мою голову она с котлом перепутала? – догадалась я и не сдержала смехок.

Забава густо покраснела:

– С ними еще не все гладко.

Понятно, магические штуки еще на стадии разработки. Но ведь предупреждать надо! Хотя бы бересту какую на дверь повесили, мол, не влезай, намылят!

Больше за закрытые двери я не совалась, шла следом за хозяйкой. Но за очередным поворотом коридора чуть не получила черенком по лбу.

– Метла-самоочистка, – запоздало представила нас Забава, озабоченно глядя вслед метле, которая увлеченно гнала пыль к лестнице, и пробормотала: – Надо бы ее тоже доработать.

Чего только еще я не увидела в доме волшебницы! И перины, которые взбивались сами по себе. Одна, правда, так усердствовала, что разошлась по швам, и утиный пух снежными хлопьями разлетелся по горнице. И колыбели малышей, которые качались сами собой. Надеюсь, с ними никаких сюрпризов не случается. А то страшно представить, какие американские горки они могут устроить бедным Луше и Павлуше. В углах многих комнат стояли бешено крутящиеся деревянные пропеллеры на ножках, выполнявшие роль вентилятора. Не говоря уж о таких мелочах, как занавески, которые раскрывались и закрывались по мановению руки.

Для полноты картины не хватало только лестницы-эскалатора или лифта на второй этаж. Но озвучить эту идею в присутствии Забавы я не решилась. И то и другое – средства

повышенной опасности. Пока чародейка их до ума доведет, не одна няня себе ногу сломит, а то и шею. Пусть уж пешочком ходят, по старинке.

Проведя меня по второму этажу, Забава собралась во двор – для экскурсии по хозяйственным постройкам. Но не успели мы дойти до лестницы, как меня постигло очередное потрясение: навстречу нам по коридору шел человек-невидимка. Рубаха и штаны словно парили в воздухе, обтекая прозрачное тело. Но это оказался не невидимка, и не привидение, и даже не Карлсон, который решил пошалить.

Просто-напросто чистая одежда следовала из сушки напрямиком в комнату хозяина. Кстати, мужа Забавы мне повидать еще не довелось.

На заднем дворе терема моим глазам предстала диковинная картина. Большая, выше меня ростом, белая тарелка вертикально стояла на деревянном помосте, упираясь дном в стену сарая.

– Что это? – удивилась я.

– Это – мое главное изобретение, – просияла хозяйка. – Сама вечером увидишь! Народ со всего села соберется, тогда и начнем.

Забава провела меня по сараям, а я в процессе экскурсии то так, то этак старалась выпытать у нее интересующие меня ответы. Правда, больше для успокоения души. Так как с первого взгляда было понятно, что после замужества планы и мечты Забавы претерпели значительные и, судя по всему, необратимые изменения, и теперь ее больше всего на свете заботит, сколько яиц дадут куры, и меньше всего волнует, кто получит неофициальный титул самой могущественной чародейки Лукоморья.

– Ох и кудесница ты, хозяйка! – восхищалась я. – Я такого отродясь не видывала.

Забава смеялась и довольно поводила полными плечами.

– Поди, саму Ягу в чародействе превзошла! – закинула удочку я.

– У нее своя ворожба, у меня – своя, – улыбалась Забава.

– Да куда уж старухе с такой чаровницей тягаться! – лестила я. – Уж ты-то всяко ее сильнее!

– Да разве ж это важно? – отмахивалась Забава.

– Ягу-то всяк знает, а ты в безвестности прозябаешь, – поддразнивала я.

– Пустое это все. Молодая была, мечтала Ягу обойти, а теперь даже смешно от своей глупости, – призналась она и с нежностью добавила: – Луша и Павлуша – вот мои лучшие чудеса.

– Ты уж их, хозяйка, береги пуще зеницы ока! – посоветовала я. – Яга-то, говорят, озверела на старости лет, младенцев воровать стала.

Забава вздрогнула и побледнела. Пухлые ладошки невольно сжались в кулаки, и волшебница пригрозила:

– Пусть только попробует! Если кто моих деток обидит со свету сживу!

Я не стала больше пугать любящую мамашу. И так было ясно: Забава по-настоящему испугалась моих слов. Значит слухи о Бабе-яге – не ее рук дело. Она их уже слышала раньше от кого-то другого и приняла за правду, поэтому бьется в волнении материнское сердце, схлынул с щек румянец, дрожат при мысли о возможной беде руки.

Больше делать в тереме было нечего. Но и уйти я не могла: Варфоломей куда-то запропастился. А день уже близился к закату, наводя на мысль, что заночевать в тереме все же придется. Не возвращаться же в лес на ночь глядя. А ночевать под березкой – приятного мало. Если волк не сожрет, то комары уж точно не пощадят.

От нечего делать я послонялась по двору и по терему. Жизнь кипела, магия лезла из всех щелей, но я ее совершенно не чувствовала. Только видела, как носятся туда-сюда ведра с водой, пританцовывает метла, спускаясь с крыльца во двор, да рубит дрова труженик-топорик. Вещи в тереме Забавы жили своей собственной жизнью, и смотреть на это было и странно, и страшновато. А ну как в один момент налаженное хозяйство выйдет из-под контроля? Брр, не хотела бы я тогда попасться на пути разбушевавшейся скалке, а уж тем более – топору!

Тем временем потянулись с полей крестьяне, село наполнилось шумом голосов и радостным возбуждением, как в предвкушении какого-то праздника. Я вспомнила про забавы, о которых обещал рассказать кот, и отправилась на его поиски. Первым делом заглянула в кухню, в надежде, что Варфоломей очаровывает повариху, зарабатывая себе плошку молока. Но кота на кухне не оказалось, а в глазах поварихи Устиньи плескался такой дикий ужас, что я решила задержаться.

Бедной женщине необходимо было поделиться наболевшим. Затравленно поглядывая на движущиеся скалки, ложки, поварешки, она горестно всхлипнула:

– Как же я их боюсь! Каждый день будто на раскаленных углях провожу. Того и гляди, полыхнет. Уж лучше бы я валилась от усталости, но сама бы все это делала!

Я с сочувствием взглянула на нее:

– А почему Забава служанок тебе в помощь не наймет?

– Что ты! – замахала руками повариха. – Она же ревнивая, как кошка. Ой!

Она зажала рот пухлой ладошкой.

– Да ты не бойся, – успокоила я. – Я не из болтливых.

Устинья с сомнением посмотрела на меня, но желание выговориться все-таки пересилило боязнь поссориться с хозяйкой.

– Желающих в услужение пойти много. Кто за кусок хлеба, кто за помощь волшебную готов спину гнуть от зари до зари. Да только хозяйка дюже ревнивая! Ревнует Игната своего ко всем мало-мальски привлекательным молодкам, – зашептала она. – Оттого и придумывает диковины волшебные, чтобы в хозяйстве меньше рук требовалось.

Вот оно что! Вовсе не в лени Забавы и не в ее пристрастии к комфорту причина появления всех этих тряпок-самотерок и скалок-самокаталок. Все дело в желании оградить молодого мужа от соблазнов в лице румяных прачек и круглобоких поломоек. Наверное, сперва Забава настояла, чтобы терем отгрохали и высоким забором обнесли, чтобы муженька держать подальше от юных селянок. А когда выяснилось, что в таком огромном хозяйстве без помощников не обойтись, пришлось срочно решать проблему магическими средствами.

– А коли не обойтись без работниц, – продолжила Устинья, – то берет в услужение кого постарше да пострашнее, на кого Игнат не прельстится.

А ведь и правда, сама повариха уже в годах, няньки – девахи молодые, но такие, что ни на одну без слез не взглянешь.

– Как же она меня на работу приняла? – удивленно бросила я и осеклась под сочувствующим взглядом поварихи. Пора бы мне уже привыкнуть, что на красавицу я в нынешних краях никак не тяну. Килограмм пятьдесят не дотягиваю. То-то привратник принял меня за дурнушку которой срочно требуется волшебное потолстение в преддверии смотрин, да и Забава безо всяких вопросов зачислила меня в штат, ни на мгновение не заподозрив во мне соперницу.

Устинья тем временем засуетилась у печи, вытащила пяток горячих пышных караваев. У меня при виде них аж слюнки потекли. Завтрак-то был еще утром, а дело уже к вечеру. Четыре каравая женщина отложила в сторону, на красивое расшитое полотенце, а пятый поделила пополам, сбегала в погреб за кувшином молока и предложила разделить с ней трапезу, что я с удовольствием и сделала.

– Кушай, кушай! – с умилением приговаривала Устинья. – Уж я тебя откормлю, доченька, знатная невеста станешь! Ой! – Она закрыла рот рукой. Похоже, дошло, что как только я достигну лукоморских канонов красоты и стану знатной невестой, Забава сей же час выставит меня за дверь безо всякого выходного пособия, и повариха опять лишится слушательницы и собеседницы.

– А что, Игнат дает повод для ревности? – продолжила прерванный разговор я.

– Если бы он еще давал, – Устинья всплеснула руками, – то небось ни меня, ни Груши с Дусей, ни тебя здесь не было бы.

Ну хотя бы от приставаний хозяина, пока я тут, отбиваться не придется.

– А где он сам? – полюбопытствовала я.

– Уехал в соседнее село родителей проведать.

Я поразились:

– Как же его Отелла... то есть Забава отпустила?

Не удивлюсь, если Игнат не доедет до родителей, а проведет время на сеновале с какой-нибудь прекрасной селянкой. Такой строгий надзор и беспочвенная ревность жены сами толкают к греху.

– Поехала бы с ним, как всегда, да тяжелая слишком, – пояснила повариха. – Не ровен час, повитуху звать придется. Но про мужа она завсегда все знает, даже когда он далече.

Устинья покосилась на дверь и, наклонившись ко мне, зашептала:

– Есть у нее ниточка волшебная. Она ее Игнату в рубаху зашила. И по ней в сей же миг узнает, если он с другой кралей время проводит.

С ума сойти! Суперсовременные средства шпионажа в отсталом Лукоморье! Да Забава зарывает свой талант в землю, сосредоточившись на создании самоскачущих скалок.

– А Игнату про то известно?

– Да откуда ж? – всплеснула руками повариха. – Ведать не ведает, соколик.

– А ты-то откуда знаешь? – с недоверием спросила я.

– Мне ли не знать. – Она качнула головой. – Только Игнат за порог, как Забавушка ко мне и слезы горькие льет. Сперва страдала, голубушка, а потом нашла средство и со мной своей радостью поделилась... А-а-а-а! – вдруг заверещала она, с ужасом глядя мне за спину, и нырнула под стол.

Что еще за Годзилла там нарисовалась? Я повернулась и увидела скалку, возомнившую себя палицей. Раскачиваясь в воздухе, она бешеными зигзагами неслась ко мне. Голова в испуге вжалась в плечи, но рука сработала безотказно. Я удивленно моргнула, глядя на слабо трепыхающуюся в крепко сжатом кулаке скалку. Перстенок Ива подмигнул мне рубиновым глазком.

– Как ты это сделала? – поразились повариха, вылезая из-под стола.

– Похоже, сработал инстинкт самосохранения, – протянула я, поправляя кольцо на пальце. Кажется, в его охранных свойствах я не ошиблась.

– Наверное, этот ин... инстинкт – очень сильный оберег! – с уважением выговорила Устинья. – У какой ворожейки брала? Мне бы такой тоже пригодился.

– Он мне по наследству перешел, – сочинила я. – А кто его создал, не знаю.

– Жаль, – протянула она, потирая фингал. – Уж я бы за такой денег не пожалела.

Оставив женщину вести борьбу со скалками и сковород, ками, я продолжила поиски кота. Обход терема ничего не дал. Чего и следовало ожидать: вряд ли проказник предастся любовным ухаживаниям в доме! Уж скорее его надо искать под забором или у сарая. Я выбежала на крыльцо и замерла. Двор был полон народу, ступени терема были уставлены кринками, мешочками и туесками.

В терем стекались люди. На загорелых лицах пахарей и их жен лихорадочным блеском горели глаза. Такие лица я видела у поклонниц на концерте «Иванушек», у футбольных фанатов перед началом матча на чемпионате мира, у бабулек, покидающих ежедневную вахту у подъезда ради просмотра очередной серии «Бедной Насти». Селяне входили во двор, приближались к крыльцу, оставляли на ступенях свои подношения: кувшины, полные молока, корзинки с овощами, грибами и ягодами, тряпичные мешочки, видимо, с крупой. Оживленно переговариваясь, они уверенно огибали терем и скрывались на заднем дворе.

– Груша! – спросила я у нянечки, выбежавшей из дома. – Что тут происходит?

– Так вечерняя забава скоро, – не выказала ни малейшего удивления та, – народ собирается.

– И часто такие забавы случаются?

– Да почти каждый день. Народ это дело любит, за уши не оттянешь, – охотно поведала няня. – Да я бы и сама не отказалась, но сегодня моя очередь за детишками присматривать. У нас с Дусей уговор, – пояснила она. – Один день она на забаву ходит, а я в это время за Лушей и Павлушей гляжу, а на следующий день наоборот. А по возвращении рассказываем,

что на этот раз интересного было. Только мне все время не везет. – На бесхитростном лице Груши отразилось искреннее сожаление. – Как Дуся идет, так непременно мордобой да ругань, а как я – так тишь да гладь и рассказать не о чем!

– Груша! – окликнул няню раскатистый голос хозяйки.

– Ох, иду-иду! – спохватилась деваха и умчалась по делам.

Забава, выйдя на крыльцо, с довольным видом оглядела подношения селян, глянула на меня сверху вниз и улыбнулась:

– Что, Аня, собрался народ?

– Собрался, – продолжая пребывать в недоумении, кивнула я.

– Тогда идем, не будем заставлять ждать. – Она спустилась с крыльца. – Настала пора для блюда. Слышала о нем?

Я мотнула головой.

– Странно. – Чародейка разочарованно наклонила голову. – На него и с соседних деревень народ собирается. Хотя из твоего Голодранкино вроде пока никто не появлялся.

Во все времена, будь то Древний Рим, современная Москва или сказочное Лукоморье, народ жаждал хлеба и зрелищ. В роли хлеба мог выступать и традиционный каравай, и запеченный кабанчик, и многоярусный торт, и километровый блин, изготовленный специально для Книги рекордов Гиннесса. В роли зрелища наших предков вполне устраивали гладиаторские и богатырские бои, современники предпочитают различные реалити-шоу и футбольные чемпионаты.

При виде Забавы, входящей во двор, народ, рассеявшийся на бревнах, заметно оживился. Кто-то затопал, кто-то заулюлюкал, кто-то заливисто хохотнул. А Забава хлопнула в ладоши, и на белой глади гигантского блюда, как на экране телевизора, ожил корабль с парусами, покачивающийся на якоре у берега моря. Изображение покачнулось, фыркнуло, Чихнуло и показало девочку лет двенадцати. Она смотрела в блюдо, наклонившись, как над колодцем, и словно чего-то ждала, давая возможность себя разглядеть. Лицо усеяно веснушками, глаза голубые, хоть и лукавые, как у бесенка, брови белесые, волосы платком повязаны.

Забава опустила на бочку у сарая и звонко выкрикнула:

– Мы тебя слушаем, Агаша!

Агаша обрадованно кивнула, отчего тоненькая русая косица упала через плечо и теперь, наматывая круги, маятником болталась в самом центре блюда, и затараторила:

– Последние новости из самого центра Златограда. в полдень в порт Златограда прибыл корабль из Бухляндии. Встретить заморских купцов выбежал весь город. Народу было – не протолкнуться!

– Ты по существу давай! – выкрикнул какой-то мужик. – Бока кому-нибудь набили?

Девочка смущенно вспыхнула и поспешила возразить:

– Встреча купцов прошла в спокойной, дружелюбной обстановке! Никто не пострадал.

– Как, совсем никто? – разочарованно вздохнула какая-то баба в первом ряду.

Агаша быстро поправилась:

– Дворовому псу отдавали хвост, а тот, ошалев, покусал жену кузнеца.

– Вот это дело! – одобрительно загудела кровожадная публика. – Дальше рассказывай, чего купцы заморские привезли?

Глаза Агаши загорелись, и она затрещала:

– Ткани парчовые, златом и серебром тканые, ковры мягкие с птицами дивными и узорами чудными, чаши драгоценные из золота и серебра, бочки с винами хмельными, ящики со сладостями невиданными и яблоками диковинными с кожицей мягкой, что бархат.

В руке Агаши появился персик.

– А на вкус они сочные, мягкие, что мед!

Девочка поднесла персик ко рту и жадно вгрызлась в мякоть, так что сок брызнул.

– Ням-м-м! – блаженно промычала она. – Вкуснотища!

Селяне, исходя слюной, смотрели еще минуту, как Агаша кушала персик. После чего

девочка подмигнула и задорно сказала:

– Будете в Златограде, спрашивайте заморские яблоки в лавке купца Скоробогатова, третий дом по левую сторону от городского базара.

Я удивленно моргнула: ничего себе, реклама в чистом виде! Не удивлюсь, если этот купец отвалил ушлой девчонке ящик персиков, чтобы она его товар всем нахваливала.

– Мама, хочу! – заголосила тем временем первая жертва рекламы, босоногая белокурая малышка.

– И я, и я! – вторили ей голоса детей.

– Складно рассказывает девка, – крикнул дородный мужик в белой нарядной рубахе. – Кто у нас наемни в Златоград собирается? Ты, что ль, Панкрат? Привези моим пацанятам яблок заморских.

– И мне, и мне, и нам! – завопили дети и бабы.

– Тише вы! – прикрикнула на них суровая старуха в красном платке. – Дайте дальше поглядеть.

Зрители примолкли, и Агаша продолжила:

– Из других товаров интерес представляют зеркальца с перламутровыми ручками, пуговицы из перламутра, ракушечника, солнечного и лунного камня, ожерелья из застывших звезд. А вот туфли попортились в дороге, совсем измялись, так что носа теперь кверху торчат, как птичий клюв!

Я улыбнулась. Да уж, местным попробуй докажи, что загнутые носы на восточной обуви – самый шик-блеск и что так и задумано. Придется заморским купцам или по дешевке туфли распродавать, или везти их назад, поражаясь неразвитости вкуса лукоморцев.

– Также купцы привезли с собой мешки с разноцветной пудрой, – доложила Агаша, – красной и рыжей. Попробовала я одной щеки натереть и расчихалась – мочи нету! Заморские купцы увидели – и хохочут, и хохочут. Потом толмач ихний мне говорит, что это какое-то тили-тили, его не в щеки втирать, а есть надо. Я, доверчивая душа, попробовала на вкус и вся исплевалась. Горечь невиданная!

Я подавила смехок. Не тили-тили, а чили. Купцы перец привезли, а девочка, толком не разобравшись, сперва румяниться им вздумала, а потом в чистом виде слопала, вместо того чтобы щепоточку на котелок добавить.

– Ну ничего, – Агаша воинственно погрозила костлявым кулачком, – я им еще эту насмешку надо мной припомню!

– Спасибо, Агаша, – усмехнулась Забава и уже занесла руку, чтобы, видимо, «выключить» канал, как девочка подпрыгнула и вскрикнула:

– Стойте-стойте, я ведь самого главного не рассказала Зверей-то каких чудных привезли: коня крохотулечного, что наш горбунок, только с ушами, как у зайца. Поди, волшебный! А еще лошадь страшенную, о двух горбах.

– Бреешь! – выкрикнули со двора.

– Не верите – сами гляньте! – обиделась Агаша и исчезла с блюда. Изображение перевернулось и отразило двор, на котором стояли привязанные ослик и верблюд.

Не успели селяне поохать от удивления, как в тарелке вновь появилась Агаша.

– Убедился, Фома неверующий! – Она показала язык. – Но самое главное, – девочка выдержала эффектную паузу, нагнетая интригу, – жар-птица!

– Что за диво? – удивился дородный селянин.

– Диво, как хороша, – протараторила Агаша, – перышки жаром так и пышут, так и пышут. На голове – корона, а хвост – что ковер расписной.

– Поглядеть бы! – выкрикнули из толпы.

– А это сейчас, – засуетилась девочка. – Жар-птицу в отдельном сарае держат. А сторож-то наш, Тихон, так он втихаря от купцов народ поглазеть пускает.

Изображение в тарелке всколыхнулось, и некоторое время мы наблюдали подол сарафана Агаши. Видимо, тарелка все-таки совмещала в себе функции не только телевизора, но и видеокамеры.

– Что за обращение с волшебным блюдцем! – заворчала Забава. – Сколько раз говорила беречь как зеницу ока! Она за лето уже шесть штук расколотила, и это опять не бережет!

Наконец Агаша дошла до места. Блюдце, которое она по диагонали зажала под мышкой, передало изображение, и в большой тарелке Забавы крупным планом нарисовался сизый от пьянства нос сторожа. Мужик огляделся по сторонам, взял у девочки монетку и отпер засов. К Агаше подскочил мальчик чуть постарше ее самой с корзиной, накрытой платком, и попытался юркнуть внутрь.

– Не положено! – рявкнул сторож.

– Он со мной, – возразила Агаша.

– Тогда проходи! – Тихон посторонился, пропуская мальчика. Но, когда Агаша попробовала войти, вновь загородил дверь.

– А ты погодь! – хитро ухмыльнулся он. – Уплочено-то за одного.

– Дядька Тихон, – в голосе Агаши прорезался металл, – ты со мной не шути! А не то ослаблю тебя на всю округу. Ты меня знаешь, за мной не заржавеет!

Тихон испуганно клюнул носом и торопливо пропустил девочку. Блюдце сделалось серым – в сарае было темно.

– Погодьте, – громко зашептала Агаша. – Степка с собой свечу принес, сейчас зажгу и покажу вам ее, жар-птицу.

– Что ж это за жар-птица такая, от которой в сарае никакого свету нету? Брехня! – раскатиисто рявкнул один мужик.

– Чай, жар-птица должна полыхать пуще ста свечей, – поддакнула его соседка.

– Погодьте-погодьте, – заволновалась Агаша, и изображение в блюдце всколыхнулось. – Я уже сейчас, уже зажигаю. Степашка, а ну помоги! Чего стоишь как чурбан! А сразу после жар-птицы я вам расскажу последние новости из царского терема. Напоследок самое интересное поберегла. Там такое случилось, такое!

Я наострила уши: шут с ней, с жар-птицей, хотя посмотреть, конечно, любопытно! Скорей бы услышать, что там у царя стряслось. Вдруг о Василисе что скажут?

Тарелочка полыхнула огнем и через мгновение показала выхваченную из темноты птицу с хохолком на голове.

– Корона! – вскрикнули дети.

– Царь-птица! – ахнули бабы.

«Павлин», – разочарованно вздохнула я. Даже не редкий белый, а самый обыкновенный, сине-зеленый. Интересно только, как ушлая Агаша заставит павлина распустить хвост. Я слышала, он только при виде самки его демонстрирует.

– Сейчас-сейчас, я вам ее во всей красе покажу! – пообещала девочка и зашептала: – Степашка, курицу вытаскивай!

Отражение в блюдце опять заплесало, а потом раздалось взволнованное кудахтанье курицы и восторженный клекот павлина, а следом за ним – словно шорох раскрываемого веера. «Ай да Агаша, – восхитилась я, – все продумала!»

– Держи-держи ее, Степашка! – ажиотированно вскричала Агаша и направила на павлина блюдечко. Большая тарелка во дворе Забавы отразила многократно увеличенный шикарный павлиний хвост, мерцающий и переливающийся в свете свечи.

– Вот это красота! – восхищенно заохали бабы.

– Жар-птица, как есть жар-птица! – признали мужики.

Агаша тем временем затараторила:

– Сама птица предназначена в подарок царю-батюшке. Но получить перышко жар-птицы может любой желающий. За сегодня она уже одно обронила, и его купил богатырь Ставр в подарок своей невесте, Акулине Федотовне. Царский подарок! – Она в восхищении прицокнула. – Торопитесь! Число жар-перьев ограничено!

Павлин тем временем восторженно клекотал и надвигался на «корреспондентов», желая воссоединиться с курицей. Бедняга, как его припекло!

– Степка, прячь курицу, прячь, – зашептала Агаша. – Да пошли уже, хорош,

насмотрелись!

– Гляди-ка, жар-птица перо обронила! – вскрикнул мальчик и метнулся вперед. – Я подберу!

– Куда? – взвыла Агаша, но было уже поздно.

Судя по тому, как заплесало изображение, и по крикам, доносящимся из сарая, Степашка выронил корзину, курица бросилась наутек, павлин помчался вдогонку. Последнее, что мы услышали, был истошный вопль Агаши: «Ой, мамочки!», после чего изображение описало траекторию падающей тарелки и окончательно пропало.

– Седьмое расколотила! – горестно запричитала Забава. – Вот криворукая девка! Теперь вестей из Златограда не ждите.

Я мысленно обругала растяпу Агашу. С волшебным блюдцем разбилась вдребезги и моя надежда узнать что-то о Василисе и происходящем в царском тереме. Что за невезение?

Народ тем временем погалдел, обсуждая увиденное, и потребовал:

– Дальше показывай! Пущай Сидор говорит!

Забава встрепенулась и щелкнула пальцами. Я отпрянула назад – из блюда прямо на меня взирали водянистые глаза знакомого сплетника Сидора – и поспешила укрыться за широкой спиной Забавы. Не хватало мне обличения с криками: «Ведьма! Упыриха! Русалка окаянная!»

Впрочем, от Сидора ничего хорошего все равно ждать не приходится. Похоже, я догадываюсь, откуда растут ноги у лживых слухов о Бабе-яге, которыми напичканы селяне. Как бы и на мою долю не перепало!

Тем временем Сидор, не догадываясь, что на него уже смотрят, скорчил страшную рожу, растянув губы и обнажив зубы, после чего потер зубы пальцем. Потом поплевал на ладони, пригладил лохматую голову и принялся любовно поглаживать скудную бороденку.

Селяне так и покатались со смеху.

– С Сидором связь через волшебное зеркальце, мы его видим, а он нас нет, – с улыбкой пояснила мне Забава, – вот иногда и застаем, как он прихорашивается.

Она повысила голос:

– Сидор, голубчик!

Мужик в этот момент как раз любовно расчесывал редкую бороду пятерней и от неожиданности едва не попал себе в глаз да чуть не выронил зеркало. Изображение дрогнуло, поколебалось, и тарелка вновь показала гадливую физиономию сплетника, которая сочилась нетерпением, как блин – маслом.

– Приветствую, почтенная публика! – провыл Сидор. – Надеюсь, ваши ребятишки сейчас рядом с вами, ибо страшные злодеяния по-прежнему вершатся в Лукоморье.

Селяне встревоженно замерли. Бабы прижали к себе детей. Что-что, а нагнетать обстановку Сидор умел.

– То тут то там несчастные матери недосчитываются своих кровиночек.

Забава взволнованно заерзала на бочке, огляделась по сторонам и заметила вторую няньку.

– Дуся, – рявкнула она, – ты что тут делаешь? А ну марш в детскую и глаз с малышей не спускай!

Дуся подпрыгнула на месте как мячик и понеслась в терем. Забава, поглаживая большой живот, вновь уставилась в блюдо, где Сидор продолжал вдохновенно сгущать краски и чернить и так порядком подпорченную репутацию Бабы-яги.

– Намедни в деревне Огрызково ушла в лес по грибы и не вернулась домой маленькая Машенька, – скорбно сообщил Сидор. – В селе Лютиково тоже беда. Прямо с поля, на котором работали родители, украли младенца.

Бабы взволнованно заохали.

– Ишь чего делается!

– И это лишь вести с соседних сел и деревень, – подвел печальный итог Сидор. – Сколько таких младенчиков пропало по всему Лукоморью, только Яге проклятой ведомо.

У моих ног протяжно мяукнул Варфоломей.

– Явился не запыхавшись, – прошипела я, приседая на корточки и делая вид, что поправляю лапоть. – Видишь, чего делается?

– Да уж вижу, – тихонько мякнул он и гневно сощурил глаза. – Уж я ему, супостату, глаза теперь точно выцарапаю!

– Толку-то от этого, – фыркнула я. – Он и слепой такого вранья языком намолотит, что вовек Яге не отбелиться.

– Но я этого просто так не оставлю! – пригрозил кот и грозно задрал морду, глядя на блюдце, в котором продолжал распинаться лживый Сидор.

– Баба-яга – вот корень всех бед, – вещал он.

– На вилы ее – и всего делов! – выкрикнул какой-то мужик с лицом настолько заросшим бородой, что и глаз было не разглядеть.

– Увы, – тем временем горестно вздохнул Сидор, – остановить злодейку пока не удастся. Отцы пропавших детей и просто отважные герои, которые равнодушны к чужой беде, каждый день отправляются на поиски избушки Бабы-яги, чтобы расквитаться с ведьмой и спасти детишек, коли те еще живы. Но либо возвращаются несолоно хлебавши, либо не возвращаются вовсе.

Бабы, не выпуская из рук детей, испуганно вцепились и в мужей, словно боясь, что те тоже уйдут искать Ягу и сгинут.

– Берегите своих родных! Баба-яга может наведаться в любую деревню, в любой дом. Ведь она перемещается по небу на ступе и для нее нет преград и расстояний, высоких лесов и непроходимых болот, – вконец заставлял народ Сидор. – Вся надежда на нашего доблестного богатыря Чернослава. Он уже избавил Лукоморье от таких злых колдунов, как Косогляд, Добромир и Троян, одолел злых ведьм Будияру и Светозару.

– Интересно, – промышлял у ног Варфоломей, – это с каких пор Светозар и Добромир злыми колдунами сделались? Всю жизнь они людям верой и правдой служили.

– А Троян, – усмехнулась я, – злой колдун? А то знаю я одного такого в нашем мире.

– Тоже колдун? – спросил кот.

– Скорее дух. Так что, сильно он злой у вас?

– Не знаю, никогда про него не слыхал. Вот Косогляд – тот подлец порядочный.

Сидор тем временем продолжал разливаться соловьем о славных деяниях Чернослава, напоминал подробности последних подвигов и призывал народ упасть богатырю в ноги и молить о спасении от бесчинств Бабы-яги.

– Так и сделаем! – тряхнул бородой солидный селянин, похожий на старосту. – Завтра же и напишем прошение богатырю!

Надо же, удивилась я, как Сидор Чернослава-то нахваливает. Так непривычно слышать от него добрые слова, особенно на фоне вранья о Бабе-яге. Был бы Чернослав волшебником, я бы решила, что он и есть тот самый кудесник, который вздумал имя Яги ослабить, а себя – прославить. Но поскольку Василисин жених всего лишь богатырь, симпатию к нему Сидора остается объяснить только профессиональным интересом. Благодаря подвигам Чернослава у болтуна всегда есть свежие новости.

Блюдечко погасло, а селяне взволнованно загалдели:

– Совсем распоясалась Яга!

– Да что ж такое делается-то, бабоньки!

– Одна надежда на Чернослава...

– Скорей бы уж он Ягу присмирил!

– С Чернославом-то не пропадем, он богатырь славный.

– Он всегда всюду помогает, добрая душа!

Когда обсуждение поутихло, жадные до зрелищ селяне снова с надеждой уставились на Забаву – что еще новенького им покажут?

К моему удивлению, выпуск лукоморских новостей на этом не закончился. Забава умудрилась набрать репортеров по всему царству, и теперь на тарелочке возник... Колобок.

Большой хлебный шар с пронзительными угольками-глазками и вмятиной на месте рта. Пыльный и изрядно раскрошившийся.

– Пока некоторые сыры катаются в масле, – затараторил он, – я, особый гонец Колобок, с опасностью для жизни веду дневной и ночной дозор вокруг замка Кощея. Вот уже неделю катаюсь я вокруг да около высоких стен, затаиваюсь в канавах, залегаю на холмах. Солнце сушит меня безжалостными лучами, роса размягчает мою хрустящую корочку, вороны с голубями пытаются оторвать от меня вкусный кусочек, но меня так просто не остановишь! И вот что мне удалось узнать за эти дни: таинственный и ужасный Кошей живет в замке уединенно, гостей не любит и не приветствует. За время моего дозора к воротам поодиночке подъезжали четыре богатыря. Трое вызывали Кощея на смертный бой, но ворота так и не открылись. Каждый из богатырей покрутился у ворот, погрозил Кошеем палицей, пострадал осадой, но ненадолго их хватило на палящем зное да на сильном ветру. Вскоре и след их простыл, и только я, отважный Колобок, остался нести свою нелегкую, полную опасностей службу. Но одному герою все же удалось прорвать оборону Кощея и проникнуть в замок. Несся он по дороге к замку, будто бы не видя преград на своем пути. И ворота дрогнули перед лицом храбреца и раскрылись. Хорош собой был всадник, по виду – настоящий царевич. Но налицо мне неизвестный. Никак, из заморского царства-государства.

– Эх ты, особый гонец! – с досадой крикнул кто-то из публики. – Хоть бы расспросил, кто таков, откуда?

– Да, поди, он в кустах в то время сидел и трясся от страха, – ехидно заметила какая-то баба.

– Неправда! – оскорбленно взвился Колобок. – Я не успел на дорогу выкатиться, как царевич мимо промчался, даже меня не заметил.

– Точно, в кустах отсиживался! – загоготал какой-то детина.

– А пока я до ворот докатился, они перед самым моим носом захлопнулись, – не поддаваясь на провокации, продолжил Колобок и, сияя торжеством, добавил: – Но я успел разглядеть его, Кощея!

Публика так и ахнула.

– Неужто? Да каков же он?

– Да говори уж, балабол, не томи, – прикрикнула на Колобка Забава.

– Кошей царевича во дворе встретил, – доложил Колобок. – Царевич только за ворота въехал, а Кошей уже коршуном ему навстречу спешит, загубить торопится. Сам из себя старый, иссохшийся, худой, длинный да нескладный. Борода до пояса, на голове – ни волоса. Зато на лбу обруч медный, что царская корона.

– Ишь ты, чего удумал! – протянул кто-то из сельчан.

– На лицо страшный-престрашный, – продолжил Колобок. – Очи огнем злобным горят, под глазами чернота, вместо щек – впадины. Как будто и не человек он вовсе, а мертвец ходячий.

– Царевича жалко, – тоненько всхлипнула какая-то впечатлительная девица с алой лентой в косе. – Жив ли?

– Два дня уж прошло, – шумно вздохнул Колобок, – а ворота больше не открывались. Царевич так и не возвратился. Но я продолжаю нести свой еженощный и ежедневный дозор, и, как только появятся какие-то вести, вы узнаете их первыми!

Специальный агент Колобок с репортажем из замка Кощея исчез с тарелочки.

– Ну что, люди добрые, – громко окликнула хозяйка, – хороша ли сегодня забава?

– Ох хороша, хороша! – одобрительно загалдели собравшиеся.

– Только мало! – выкрикнул какой-то ненасытный зевака.

– Русалок давай! – потребовал какой-то парень, чем вызвал недовольный рев почтенных матерей семейства.

– Ишь охальник, чего удумал, на девок голых пялиться! – заохали кумушки. А их мужья, заметно оживившиеся при окрике паренька, вынуждены были прятать улыбки в кудлатые бороды и степенно кивать головой, внешне соглашаясь с позицией жен.

– Что ж, – прищурилась Забава, – покажу вам тогда напоследок то, чего вы никогда в своей жизни не видывали.

Она щелкнула пальцами, и в блюдце вспыхнуло закатное солнце. Да так ярко, что многие с криком зажмурились, а когда отняли руки от глаз, то увидели верхушки деревьев, крыши домов, синие ленты рек – Лукоморье с высоты птичьего полета. Мне такой вид был не в диковинку. При мысли о недавней жесткой посадке, которую устроила нам строптивая ступа, я машинально потеряла бок. А вот селяне восхищенно захохали и так и подались вперед, расталкивая друг друга локтями.

– Гляди-ка, это, никак, наше село!

– А вон Егоров дом!

– А вон наша изба!

– Маманя, гляди, наша Буренка!

– Бабоньки, красота-то какая!

– И почему люди не летают, как птицы?

Изображение переместилось в сторону, побежали на экране поля, луга и деревни.

– Вот Неелово, – зашептались зрители, узнавая знакомые места. – А вон Костокрызово.

– А вон, кажись, Хвалево, у меня батя оттуда родом.

– Глядите, Удальцово! У нас там сват живет.

– Брешешь! Оно в другой стороне. Это ж Лиходеево!

– А вон Муходоево!

Изображение моргнуло, и местность изменилась. Лес рассекала широкая дорога, по которой двигались люди, а в стороне возвышался большой деревянный город, обнесенный высокой стеной.

– Златоград! – восхищенно выдохнули селяне. – Красота-то какая!

На блюдце сверкнули позолоченные башенки теремов, и я взволнованно подалась вперед. Что же там случилось в царском тереме, о чем не успела рассказать Агаша? И с чем придется столкнуться Иву, когда завтра он прибудет в город?

Вдруг по земле забегали люди, на крепостную стену высыпали лучники, устремив в небо пики стрел. Изображение сделало лихой вираж, ушло в сторону от города и набрало скорость: леса, реки, озера, поля, деревни слились в один поток. Кто-то вскрикнул, у кого-то закружилась голова, люди встревоженно зароптали.

– Что же это такое?

– А теперь поглядите, чьими глазами вы смотрели на наше царство, – довольно ухмыльнулась Забава и сделала пасс рукой.

Изображение покачнулось, словно невидимая камера ушла в сторону, и блюдце отобразило трехглавого Змея Горыныча, кружащего над лесом и пышущего огнем.

Селяне потрясенно охнули.

– Жив, жив, Горилка! – охнула какая-то баба.

– А чего ему станется? – ответил ей мужской бас.

– Так Илья-богатырь еще по весне хвастался, что головы-то ему отрубил!

– Как отрубил, так и выросли, – хохотнул другой мужик. – Илья соврет, недорого возьмет.

Забава щелкнула пальцами и словно включила звук. Во дворик ворвался свист ветра, рассекаемого мощными кожистыми крыльями, и взволнованный гомон голосов:

– Р-разбойники! – грозно орал первый. – Сразу стрелять! Спалю!

– И ведь мы чего? – оскорбленно вторил ему второй тихий голос. – Мы ничего, просто мимо пролетали.

– Я лечу, словно легкое белое перышко, на двух крылышках у земли, – отвлеченно цитировал третий, звонкий голос.

– Спят! – прикрикнул на него первый голос. – Зенки-то раскрой да на себя глянь. Какое перышко? Какое белое? Седина вон уже проклевывается, а ты все стихи шкандыбаешь. Тьфу, за что мне такое наказание?

– Седина в бороде, бес в ребро, – вставил свое слово второй голос.

– Я, может, образно выражаюсь! – обиженно возразил звонкий голос. – И бороды у меня нет.

– Правильно, нет. Иначе ты б ее давно спалил, дурила. Но ребро-то есть! – загоготал первый. – А ну, кто избушке Бабки-ежкиной стих писал и замуж звал?

– Так то ж по пьяни было! – засмущался третий голос.

– Зря отказался, – крикнул первый. – Представь только, какие б у нас детки пошли – летающие избушки с тремя крышами. Ха-ха-ха! – загоготал он.

– Хо-хо-хо, – вторил ему второй.

И вот уже люди во дворике заткнули уши от громоподобного хохота, который доносился из блюдечка.

Забава поспешила отключить звук, и тарелка показала Змея, который рухнул на холм и содрогался от смеха. Все так и прильнули к экрану, стремясь разглядеть Горыныча в подробностях. Заохали бабы:

– Вот же страшилище какое! Только гляньте, какие лапы!

– А крылья-то, крылья!

– А морды до чего отвратные!

И ничего не отвратные, не согласилась с ними я. Феликс, мой ручной дракончик, который в Вессалии остался, конечно, посимпатичнее будет. Но и Змей хорош: настоящий дракон, золотая чешуя искрится на закатном солнце. – Урод! – выразила всеобщее мнение сельчан какая-то баба.

И тут Горыныч, словно что-то почуяв, замер, вытянул все три головы, и три пары глаз уставились на зрителей, как будто Змей и в самом деле всех видел.

– Ой, мамочки! – заголосила какая-то девчонка.

Горыныч облизнулся и дыхнул огнем прямо в центр блюда. Зрители испуганно отхлынули в стороны, словно боясь, что на них прольется пламя. Кто-то из мужиков от удивления крепко выругался, кто-то из детишек заплакал. Все вскочили на ноги и заматались по двору, не обращая внимания на то, что изображение Горыныча уже исчезло, сменившись успокаивающим видом лесного озера.

Пока выдворили вон всех гостей, пока занесли в дом все подношения, пока помогли поварихе разместить припасы в погребе и кухонных сундуках, уже и ночь наступила. Няньки ушли спать наверх, а меня, как еще не успевшую заступить на службу, разместили на ночлег в каморке по соседству с поварихой. Каморка была нежилой и служила хранилищем вещей. Но мне нашлось неплохое местечко на скамье у стены. Заботливая Устинья притащила мне ворох тряпья, чтобы спалось мягче. Не перина, конечно, но и я не принцесса на горошине. Прежде чем лечь спать, я попросила у нее кружку парного молока и миску для Варфоломея. После массового телесеанса кот опять куда-то пропал, но на случай, когда он появится, я наполню миску.

Проснувшись я от шумного чавканья.

– Варфоломей, – спросонок проворчала я, приподнимаясь на лавке, – вернулся, гуляка. Где тебя носило все это время?

Из темного угла, в котором я поставила блюдо, на меня смотрели округлившиеся желтые глаза.

– Так молочко для Варфоломея? – дрожа, прозвенел тоненький незнакомый голосок. – Прости, хозяйка, я все выпил.

– А ты кто такой будешь? – удивилась я, впотьмах шаря по деревянной стене в поисках выключателя. Заноза, которая вонзилась в ладонь, мигом привела меня в чувство и вернула в лукоморскую реальность, где вместо электричества – свечи да лучины.

– Я Клепа, – прошелестел незваный гость и подсказал: – Лучина на столике.

С третьей попытки я кое-как зажгла источник света и смогла разглядеть гостя. На полу, переминаясь с лаптя на лапоть, стоял вихрастый мужичок в подпоясанной рубахе и

шароварах. Ростом он доходил мне до колена.

– Прости, что разбудил, хозяйка, – повинулся он. – Оголодал дюже, вот и обрадовался, что хоть кто-то обо мне вспомнил. Да, как оказалось, зря.

– Так ты домовой? – ахнула я.

Мужичонка кивнул.

– Аз есмь. Так ты, – он покосился на пустое блюдо, – не сердишься на меня?

– Да что ты! – успокоила его я. – Кушай на здоровье. Может, еще принести?

Домовой, поколебавшись, бросил взгляд на блюдо и решительно помотал головой.

– Я сейчас! – Я нашарила лапти. – Ты только никуда не уходи!

До чуланчика, где в холодильном сундуке хранилось молоко, мне надо было пройти всего четыре комнатки. На цыпочках, стараясь ни скрипеть половицами, я миновала две двери, как вдруг третья распахнулась, меня схватили в охапку сильные мужские руки и втащили в комнатку.

– Дусенька, – взволнованно прогудел в ухо мужской голос, – пришла, голубушка!

– Какая я тебе Дусенька? Глаза-то разуй! – шикнула я, пытаюсь высвободиться, и, глянув по сторонам, поняла, что попала как раз в тот чулан, в котором днем начищали посуду тряпки-самотерки. Сейчас ряды посуды стояли на полках, а тряпок не было видно.

– Грушенька, – залезбизил захватчик, – прости дурака, не признал! Ты ж ведь такая недотрога, я уж не ждал, не надеялся!

– Нашел Грушу! – зашипела я, шаря рукой по поверхности ближайшей полки. Авось отыщу тряпку да отхожу нахала как следует. – А ну пусти!

– Устинья, – обмер от восторга мужик, – неужто ты?

– Да тебе, похоже, все равно, кто придет! – возмутилась я за весь женский род и, нащупав еще влажную тряпку, издала радостный вопль. Мужик расценил мой возглас как сигнал к действию и крепко прижал к себе, распустив руки.

Наказание за этакую вольность последовало незамедлительно. Я с удовольствием шлепнула его тряпкой по голове. Тряпка словно очнулась от забытья, вырвалась из моих пальцев и принялась с азартом натирать мужику голову. Тот замычал, замотал головой, а я быстро выскочила за дверь, нырнула в кухню, где мирно дремали капризные скалки, и юркнула в продовольственный чуланчик. Пошарив впотьмах, нашла запечатанную кринку с молоком и мешочек сухарей. Хорошо, что сама вечером крестьянские дары сюда заносила, вот и помню, что где лежит.

Выглянув за дверь, убедилась, что коридор пуст, и двинулась в обратный путь. У чуланчика, куда меня пытался затащить мужик, замедлила шаг, прислушалась. Судя по доносящимся оттуда звукам возни и тихому мату мужика, борьба продолжалась и тряпка не сдавалась без боя. И только боязнь мужика перебудить весь дом и необходимость объясняться с хозяйкой заставляла его сцепить зубы и молча бороться со взбесившейся самотеркой. Я быстро прошмыгнула к себе и закрыла дверь.

При виде еды глаза Клепы радостно сверкнули. Я наполнила блюдо молоком, развязала мешочек и положила на пол к его ногам. По размеру мешок почти не уступал росту домовенка.

– Это все мне? – не поверил он и, сложив руки на груди, поднял на меня полные благодарности глаза. – Да это ж... Мне теперь... до зимы хватит!

– Тебя здесь совсем не кормят? – спросила я, глядя, как Клепа жадно опустошает второе блюдо молока.

– Да кто ж про меня помнит? – горестно вздохнул домовой. – Хозяйка на одном волшебстве помешалась. Раньше ж ведь как? – хрустя сухариком, рассуждал он. – Домовой был всему голова. За порядком в доме следил, за тем, чтобы дом в упадок не приходил. Мне хозяин корочку хлеба да миску молочка, а уж я ему завсегда украдкой подскажу, где в избе какие неполадки: где крыша протекает, где пот прогнивает. Он мигом эту беду подлатает, и стоит изба дальше, крепче крепкого. А теперь что? – Клепа шмыгнул носом и размочил сухарик в молоке. – Нет в доме порядку, ворожба одна. Я от голоду сохну, и терем вместе со

мной в упадок приходит. А Забава, вместо того чтобы меня уважить, все новые диковины выдумывает, чтобы избу в порядке содержать. Эх, знала бы моя прежняя хозяйка, как новая ее силушку растрачивать станет... – Клепа склонил вихрастую голову и вдруг громко закашлялся, поняв, что сказал лишнего.

– Забава что, сгубила Агафью, чтобы завладеть ее силой? – ужаснулась я.

– Что ты! – Клепа так рьяно замахал руками, что выронил сухарик, и тот, сделав кульбит в воздухе, укатился под лавку. Домовенок кинулся за ним и, чихая и отмахиваясь от паутины, выполз обратно. – Я у тебя теперь за порядком тут следить буду, – пообещал он. – Всех пауков отсель выгоню, станешь жить в чистоте и порядке.

– Спасибо, – улыбнулась я, – да только я тут не задержусь.

– Как так? – удивился он. – Ты же новая нянька! Я потому и подумал, что молоко для меня – решил, ты дружбу со мной завести хочешь, чтобы в новом доме тебе справно жилось.

– Ладно, – решила я, – расскажу. Ты ведь меня не выдашь?

И я коротко поведала домовому, как кто-то распускает лживые слухи о Бабе-яге, а мы с котом пытаемся выяснить, кто за этим стоит.

– Вот и пришли сюда разузнать, что к чему.

– Забава тут ни при чем, – убежденно заявил тот. – Все новости о Бабе-яге от Сидора-сплетника исходят. Народ его собирается слушать у блюдечка волшебного, а потом вся деревня гудит да имя Яги склоняет. Но я, – он взглянул на меня снизу вверх, – в это никогда не верил. Так и знай!

– Спасибо, Клепа, – улыбнулась я.

– Жаль, что ты не останешься, – вздохнул он и бросил взгляд на мешочек с сухарями. – Мы бы с тобой подружились!

– Не горюй! – приободрила его я. – Я поварихе накажу, чтобы тебя не забывали. У нее сердце доброе, она для тебя никогда молочка с хлебом не пожалеет. А ты, может, поможешь ей управиться со скалками волшебными, чтобы не били ее?

– Кабы я мог, – затосковал Клепа. – Мое дело – порядок в избе. А диковины волшебные меня не слушаются. Самому не раз от них доставалось. – Он машинально потер бок. – Ох, не одобряю я это дело. Знала бы моя прежняя хозяйка! – Он осекся, глядя на меня, и махнул рукой: – А, слухай, как все было. Ты ко мне с душой, и я тебе всю правду расскажу. Диковины-то волшебные не по милости Забавы служат, а токмо благодаря силе моей прежней хозяйки, Агафьи.

– Как так? – заинтересовалась я.

– А вот так! – прищурился домовый. – Был у Агафьи самоцвет один заветный, светоч то бишь. Уж не знаю, от кого он ей достался, только Агафья берегла его как зеницу ока. В том самоцвете сила большая была, и множилась она с каждым добрым делом Агафьи. Сам камушек красный, а внутри – будто костер полыхает, красота такая, что глаз не отвести! Агафья говаривала, что в том светоче память о всех ее добрых делах содержится. И всякий раз, как она исцеляла больного или наставляла заблудившего на путь истинный, камушек вспыхивал все ярче. Агафья верила, что, когда ее не станет, светоч начнет людям помогать вместо нее и его жара еще на много добрых дел хватит. Хозяйка мечтала самоцвет в надежные руки отдать, когда придет ее час с белым светом проститься. Да только слишком высока была ответственность! Ведь если бы светоч попал в злые руки, много бед с его силой натворить можно было. Так и не нашла никого, умерла во сне. А самоцвет остался надежно спрятанным в подполе. Никто о нем знать не знал, ведать не ведал, кроме меня. А я, когда после смерти Агафьи туда спустился, чуть не ослеп. Уж больно ярко горел самоцвет! Как будто тысяча солнц в нем была заключена! И ведь послужил еще он людям. Свечения его хоть и не видно было на земле, да люди все равно чуяли исходящую из земли благодать. И даже после смерти Агафьи продолжали приходить к ее дому, подношения оставляли.

Взгляд Клепы сделался мечтательным – судя по всему то время было сытным. Все дары домовенок утаскивал к себе и жил припеваючи, не зная горя и голода.

– И самоцвет исцелял больных. Пусть и не так успешно, как это делала сама Агафья, но

легкие больные выздоравливали. А те, кто тяжело недужил, чувствовали облегчение, побывав здесь, и постепенно шли на поправку. Так было до первой зимы. А потом выпал снег, укрыл землю-матушку, и самоцвет перестал чудеса творить. Замело метелью дорожку, – Клепа загрустил, – закончились припасы в погребе. Думал, помру с голоду, вместе с домом, который без обогрева совсем отсырел, обваливаться стал. Да соседка домовая спас от смерти лютой: когда горбушку хлеба принесет, когда миску сметанки добудет. Так и перезимовал. А по весне народ опять потянулся, самоцвет снова исцелять хворых стал. Так и жил я один-одинешенек. Летом меня народ подкармливал, зимой – соседка. Дом с каждым годом гнил, обваливался. А я диву давался: я ведь вместе с домом хворать должен, а не было того! Как будто самоцвет мне силу жизненную давал. Посижу рядышком, полюбуюсь, как в нем огонь сияет, и сил прибавляется. Я даже решил, что самоцвет меня своим хранителем выбрал и оберегает от гибели.

А потом изба окончательно развалилась, и вот тут уж мне худо сделалось. Какой домовый без дома? А от моей избы только погребок и остался. Спустился я туда, где самоцвет спрятан, и уж было помирать собрался. Долго ли, коротко ли я там просидел, не знаю. Как вдруг засвистела пила, застучали молотки. Глядь – на месте Агафьиной избышки новую строят. Да какую! Не изба, целый терем! Ну думаю, заживу теперь пуще прежнего, пузо наем!.. А оно вишь как обернулось-то...

Клепа тоскливо вздохнул и через дырку на рубахе почесал впалый живот.

– Так, значит, Забава использует волшебство самоцвета? – уточнила я.

– Так и есть, – кивнул домовый. – Ее-то силушки на все эти диковины ненадолго бы хватило. А самоцвет всю ворожбу, которая в тереме творится, своей силой питает и тускнеет с каждым днем. – Он горестно покачал головой. – Знала бы Агафья, на что свет ее добрых дел тратится! На баловство, на игрушки, на забавы пустые...

– А Забава о самоцвете знает? – спросила я.

– Да откуда ей знать? Баба думает, что сама ворожкой сильна. Однако ж подметила, что вблизи развалюхи Агафьи ее силушка растет. Потому и терем свой решила на этом самом месте поставить. Да только недолго ей баловаться осталось, – мрачно заметил домовый, – жар светоча с каждым днем угасает. Не ровен час, совсем потухнет, и тогда Забаве только на себя рассчитывать придется. Эх, этот бы самоцвет да в хорошие руки! Еще осталась в нем силушка, чтобы добро творить. Вот уж Агафья бы порадовалась!

Клепа окинул меня долгим, пронизательным взглядом, как будто заглянул в самую душу, и качнул головой.

– Вижу, есть в тебе способность к ворожбе. Да только ты ее тоже себе в угоду используешь. Хотел сперва тебе самоцвет отдать. Но не могу. Растратишь его, как Забава.

– Я не Забава, – обиделась я. – И вообще я и не прошу твой самоцвет. Сдался он мне больно!

Клепа в задумчивости сунул сухарик за щеку и захрустел. Я зевнула во весь рот.

– Ой, – спохватился он. – Заговорил я тебя! Ночь-полночь на дворе давно. Спи, хозяйка. Спасибо за доброту твою.

Я погасила лучину и вытянулась на лавке, проследив взглядом, как Клепа тащит в угол мешочек с сухарями.

– Спокойной ночи, хозяйка, – прошептал домовый, и на глаза словно накинули черную шаль.

– Даже молочка бедному котику не оставила! – ворчал наутро Варфоломей, прохаживаясь перед пустой миской.

Кринка с молоком исчезла вместе с мешочком сухарей, что вызывало вопрос: а был ли домовенок? Или все это мне приснилось – и вихрастый Клепа, и поход впотьмах на кухню, и мужик, поджидавший то ли Грушу, то ли Дусю на ночное свидание, и рассказ домовенка про самоцвет, питающий магию Забавы? А может, все это сон, выдумка моего подсознания, которое сочинило красивую сказку, чтобы объяснить происходящее в тереме?

– А нечего было шастать неизвестно где, – оборвала его причитания я. – Что, всех деревенских муток осчастливил?

– Между прочим, – с обидой возразил кот, – я не для себя старался, я за дело радел.

– И много нарадел? – Я заинтересованно свесилась с лавки.

– Немного, – угрюмо признался Варфоломей. – Кошки в тереме не задерживаются – бегут. То тряпка за ними в погоню помчится и гоняет по всему двору, то метла бока намнет, то ведро самоходное обольет с ушей до хвоста. Одно спасение от них – за ворота выскочить. Туда ни одна из дикунов не суется.

– А твоя подружка что же, самоубийца? Та, рыжая, которая на крыльце сидела, когда мы сюда пришли?

Варфоломей с укоризной глянул на меня, покачал головой.

– Все-то тебе хиханьки да хаханьки. Белочка сюда лечиться приходила!

– Да знаю я, – перебила я, – тоже мне новости!

– Откуда? – поразился кот.

Я поведала ему о приходе домовенка и об источнике магии, который сокрыт в подполе терема.

– Я так и знал! – мяукнул Варфоломей, выслушав меня до конца, и неодобрительно покачал головой: – Эх, Забава, Забава, некому тебя уму-разуму поучить, а своим не обзавелась. Бывает и простота хуже воровства. А тут вон оно как все обернулось: то волшебство, которое Агафья своей добротой накопила да мечтала людям вернуть сторицей, Забава для себя одной захапала и растратила почти подчистую.

– И что делать будем? – спросила я, заплетая косу.

– А что мы можем поделать? – Кот стукнул хвостом по лавке и спрыгнул вниз. – Была бы у тебя голова на плечах, домовый тебе бы самоцвет передал. Глядишь, и ворожба бы к тебе вернулась, и ты бы продолжила дело Агафьи, помогла людям.

– А у меня что же, горшок на плечах? – с вызовом спросила я.

– Горшок не горшок, – прищурился он, – а толку от твоей ворожбы другим мало. Отобрать у Забавы источник и отдать тебе – все равно что шило на мыло поменять.

Первая попавшаяся под руку тряпка полетела в кота, но тот успел отпрыгнуть в сторону.

– Ага, правда глаза колет! – мяукнул он. – Давай, бей бедного незащитного котика! К тому же голодного и полностью обессиленного.

– Когда ж ты успел обессилеть-то? – усмехнулась я, сдувая со лба упавшую светлую прядку. – Пока всех сельских кошек навещал?

– Я, между прочим, производил опрос кошачьего населения, – с достоинством парировал Варфоломей.

– Лучше бы ты домового для начала опросил!

– Так он мне и показался, – фыркнул кот. – Не всякому такая честь выпадает.

– Значит, все-таки честь? – уточнила я.

– А то сама не знаешь! Уважила его, блюдечко с молоком поставила – вот он и явился.

– Вообще-то это я для тебя поставила, – смущенно призналась я.

Варфоломей красноречиво посмотрел на меня и встопорщил усы.

– Беру свои слова обратно. Думал, в кои-то веки ты разумность проявила. А оказывается, то дело везения.

– Ты мне про домовых ничего не рассказывал! – возмущенно возразила я. – Откуда мне было знать? И вообще Что-то я в избушке Яги домового не заметила!

– Быка-то я и не заметил, – проворчал Варфоломей.

– Так он что, есть? – поразилась я.

– Бык? – насмешливо прищурился он.

– Домовой!

– И есть и нет, – уклончиво ответил несносный кот.

– Варфик! – взмолилась я.

– Ну ладно, ладно, – смиловился он, – рассказываю. Давным-давно, когда Яга жила еще в обычной избе, был у нее домовый. Да такой, что еще многих предков Яги помнил, которые издавна в той избе жили. Случилось так, что прежняя изба сгорела, Яга наняла работников новую строить. А как построила, пришла на место пожарища и давай домового в новый дом звать. А тот возьми и заартачься, мол, стар я стал, никуда не хочу, останусь здесь помирать. Яге очень не хотелось с домовым расставаться – как-никак, много поколений семьи с ним бок о бок прожили. Думала она всю ночь и весь день, а на следующее утро пришла да и предложила ему такое, от чего тот мигом умирать раздумал и с ней пошел.

– И где же он есть? – удивилась я. – В подполе где сидит?

Кот пригладил лапкой манишку, распушил усы, сверкнул глазами.

– Только не говори, что ты – это он! – Я ахнула от внезапной догадки.

Варфоломей прошелся из угла в угол, нагнетая интригу, и наконец молвил:

– Я – это не он, я – только его часть.

– В смысле? – потрясенно спросила я.

– Домовой пожаловался Яге, что тело его вконец одряхлело, а душа устала быть привязанной к дому, рассказал о своей мечте повидать мир, и Яга нашла решение, которое его устроило. Она взяла душу домового и разделила ее на две части. Одну часть вселила в саму избушку, чтобы всегда в доме была.

– Ничего себе! – выпалила я. – А вторую?

– Тебе сказать или сама догадаешься? – Глаза кота насмешливо вспыхнули.

– Неужели вторая вселилась в тебя? – Я подпрыгнула на месте.

– Вторая – это и есть я, – поправил он. – Избушке досталась та часть души, которая радела за благополучие и достаток в доме. В кошачье тело вселилась та, которая рвалась на свободу и мечтала посмотреть мир.

– погоди, – я тряхнула головой, – но если избушка ожила за счет половины души домового, почему она ведет себя...

– Как женщина? – продолжил за меня кот. – Очень просто. В каждой душе есть бабье и мужицкое начало. Бабье досталось избушке, мужицкое – мне.

– Теперь понятно, почему избушка такая заботливая, а ты такой гулящий, – заметила я. – А кошачье?

– А от кошачьего никуда не деться. – Варфоломей выгнул спину. – Яга ведь не вынула душу из кота, она лишь подселила к ней душу домового. Так что я наполовину кот, наполовину домовый.

– Ничего себе! – вырвалось у меня. – А ты не жалеешь, что так все получилось?

Варфоломей стукнул хвостом, распушился, как шар, и мяукнул:

– Я самый необычный домовый на свете. У меня есть дом, и в то же время я могу уходить от него довольно далеко и повидать мир. Другой судьбы я себе и не желаю.

– А как же Клепа? – вдруг удивилась я. – Почему он не показался тебе, разве он не чувствует в тебе своего?

– Хм-мрр, – проурчал Варфоломей. – Вдали от дома я в большей степени становлюсь котом, нежели домовым. Да и другим домовым и в голову прийти не может, чтобы в кошачьем теле жила душа домового. И мне раскрывать себя нет нужды.

– Но ведь ты мог бы расспросить местных домовых и узнать немало интересного, – возразила я.

– Зачем? – Варфоломей задрал хвост трубой. – Когда у меня есть кошки. О происходящем в доме кошки осведомлены не меньше самого домового и поведают об этом с большой охотой. Тогда как из домового обычно сведения о хозяевах не вытащишь – тайна семьи, понимаешь ли! Да что там, сам такой, – вполне с человеческой мимикой ухмыльнулся кот. – К тому же от кошек куда больше проку.

– Да уж, – не удержалась от ухмылки я.

– Они ведь не только в доме живут, но и на улице гуляют, – невозмутимо продолжил Варфоломей. – А значит знают куда больше, чем домовые, которые привязаны к дому.

– Правда твоя, – признала я.

– Ну хватит болтать, – спохватился он. – Пора подкрепиться да в дорогу отправляться.

Терем уже потихоньку оживал. Поскрипывали двери и половицы, агукали проснувшиеся малыши, нет-нет да доносился грохот посуды из кухни. Но звучный голос Забавы еще не разносился по всему дому и двору, отдавая распоряжения прислуге. Тряпки-самотерки и ведра-водоносы еще тихонько дремали перед началом новой трудовой смены. Так что терем выглядел обычным жилищем обычной сельской семьи.

Заглянув на кухню, я предупредила Устинью о домовом и попросила оставлять ему мисочку молока и хлеба. Услышав, что домовый все это время голодал, повариха расстроенно всплеснула руками, чуть не выронив ухват с горшком каши, который она вытаскивала из печи.

– Да как же так! Я-то ведь думала, Забава о том заботится. Она ж тут хозяйка! Как же теперь вину-то свою загладить? – Она сокрушенно покачала головой.

Я поспешила успокоить ее, что домовый зла не держит. А повариха пообещала кормить его отборными сливками и караваем из печи. Так что за продовольственное обеспечение Клепы можно было быть спокойной. Во всяком случае, пока Устинья работает в тереме.

От каши, предложенной поварихой, мы с котом отказываться не стали и, наскоро позавтракав, распрощались с доброй женщиной.

– К обеду супу горохового наварю, приходи! – провожала меня Устинья, с опаской поглядывая на начинающие пробуждаться скалки-ведра-котелки.

Не дожидаясь, пока какая-нибудь из диковин захочет поиграть в салки, мы с котом предусмотрительно выскочили за дверь. И, воспользовавшись тем, что Забава еще не встала, а слуги были заняты своими утренними делами я никому не было дела до новой няньки, мы с Варфоломеем шмыгнули к воротам и выскочили на улицу. И, сошедшись во мнении, что нам здесь делать нечего, покинули село.

Выйдя за ограду, огляделись по сторонам, раздумывая, как добираться до Замышляевки, и тут из-за куста бочком выдвинулась ступа и бросилась нам в ноги, выронив метелку.

Я в задумчивости подняла метлу.

– Рискнем?

Вместо ответа Варфоломей запрыгнул в ступу и недовольно мяукнул:

– Скоро ты там? Не хватало еще, чтобы все село сбегалось посмотреть на наш отлет!

Ужаснувшись такой перспективе, я запрыгнула «на борт» и взмахнула метлой.

– В Замышляевку!

Часть третья БАБА-ЯГА В ТЫЛУ ВРАГА

Первое время ступа строила из себя пайнюку, летела чуть выше кромки леса и повиновалась малейшему движению помела. Но вскоре кот забеспокоился:

– Кажись, Замышляевка в другой стороне!

– Ты куда нас везешь? – Я строго стукнула ступу метлой по боку. – Сказано, в Замышляевку, значит, в Замышляевку!

Ступа на мгновение зависла, а потом пробкой выстрелила в небо. Несколько минут нас трясло, подбрасывало, шатало из стороны в сторону, потом ступе надоело, и она зависла, запутавшись в облаке.

– Кот, ты тут?

– Да тут я!

– Ты живой?

– Не знаю, надолго ли...

– Что делать-то?

И тут ступа дернулась и на большой скорости понеслась вниз. Земля стремительно

приближалась. Уже можно было разглядеть верхушки деревьев, узкую ленту реки, опоясывающую границу леса, и спины коров, пасущихся у опушки. Я в панике махала метлой, пытаюсь замедлить падение. Кот истошно матерился.

Ступа уверенно пикировала напрямик на коровье стадо. Буренки, не чуя подвоха с неба, флегматично жевали траву и не думали разбегаться. В трех метрах от земли ступа резко перевернулась и вывалила нас на землю, как хозяйка – мусор из ведра, и скрылась с места преступления, будто провинившийся водитель.

Если прошлая посадка была жесткой, то эту можно было смело назвать крушением.

Каждая косточка ныла, ладони и колени содрались в кровь, в рот набились земля и трава. Я сердито выплюнула цветок клевера и подняла голову, сразу же поняв, что с клевером я так поступила зря. Не простят. Три одинаково рыжих коровы, выпучив глаза, тарасились на меня, посмевающую не только покуситься на их законный кусок поля, но и пренебречь угощением, выплюнув ароматный и сочный цветок. Из-за головы одной из буренок выглядывал взволнованный Варфоломей. Коту повезло: он умудрился приземлиться на мягкую коровью шкуру. Вероятно, стремясь удержаться, мгновением позже он выпустил когти, потому что буренка протрубила: «Му-у-у!» и стала на дыбы.

Я поспешно откатилась в сторону и увидела только стремительно уносящуюся прочь рыжую спину коровы. Впившийся клещом Варфоломей мотался на коровьей шее черным мячиком и утробно выл. Корова со скоростью арабского жеребца мчалась в сторону леса, высоко подбрасывая копыта и пытаясь избавиться от наездника. Опомнившись, я подхватила метлу, которую выронила во время аварийного приземления, и понеслась на выручку коту.

Надо отдать должное буренке: в ее роду явно были спринтеры. Догнать ее оказалось не так просто. Я, запыхавшись, неслась по полю мимо ошалевших коров, а особенно непонятливых, преградивших путь, отгоняла метлой. На мое счастье, коровы, одуревшие от полуденного зноя, в большинстве своем скучковавшись по краям поляны, пребывали в спячке и под ноги не лезли. А те, что были на ногах, уже успели шарахнуться в стороны, когда лихая буренка с котом в седле прокладывала себе путь через поле.

Я уже совсем запыхалась и в отчаянии остановилась, глядя на стремительно приближавшуюся к лесу корову. В лесу мне ее не догнать. Вся надежда на Лешего, который выручит Варфоломея из беды. Вдруг корова затормозила, резко развернулась и понеслась прямо на меня. Те две сотни метров, которые оказались не по силам мне, бешеная собака, пардон, буренка, одолевала за считанные мгновения. Расстояние между нами стремительно сокращалось. Корова локомотивом мчалась прямо по курсу с явным желанием меня затоптать. Я испуганно шарахнулась в сторону, но тут до меня донесся истошный вопль кота:

– Я-а-а-ана, помоги-и-и-и!

Не раздумывая, я шагнула обратно и, выставив вперед метлу, мужественно преградила путь взбесившейся буренке. Тут же стала понятна и причина крутого изменения маршрута коровы. Со стороны леса, вопя матом и обещая повыдергивать Зорьке ноги, неся бородастый мужичок и угрожающе щелкал хлыстом в воздухе. Вероятно, пастух прилег вздремнуть в тени леса и не видел, как мы свалились на головы вверенным его заботам коровам. Но от утробного рева буренки мужик пробудился, взялся за хлыст и помчался корове наперерез.

Убоявшись расправы, блудная Зорька мчалась обратно к стаду и, казалось, даже не видела меня на своем пути. Дрогнув, я замахала метлой, призывая корову остановиться. Не знаю, что на нее подействовало больше, демонстрация метлы в действии или моя угроза повыдергивать ей не только ноги, но и рога, но корова резко затормозила, ее пышный зад занесло в сторону, и, словно грузный самосвал, она принялась неловко разворачиваться назад. Пользуясь моментом, Варфоломей кубарем скатился на землю и, клубком одолев несколько шагов, разделявшие нас, спрятался за мою юбку.

Тем временем пастух призвал распоясавшуюся буренку к порядку, та остановилась и задрожала всем телом, словно заглохший «Запорожец», который нервно пытается завести потерявший терпение хозяин.

– Что это с ней? – мяукнул снизу Варфоломей.

– Бензин кончился, – выпалила я.

– А мне кажется, она... – несмело начал кот.

Но тут из-за буренки выступил пастух с хлыстом, и нам стало не до разговоров. Опухший со сна, злой, что его потревожили, раскрасневшийся от бега, мужик тяжело дышал и, набычившись, смотрел на меня исподлобья.

– День добрый, – миролюбиво поздоровалась я.

У мужика дернулся кадык, как будто он проглотил ком травы.

– Вот и свиделись, – процедил он. – Давненько мечтал ознакомиться, так сказать, лично.

Он чуть наклонил голову, как бык на корриде, и попер на меня с явным желанием вздеть на рога.

Варфоломей тревожно мяукнул. Я попятилась.

– Вы меня с кем-то путаете!

– Да неужто? – не поверил пастух, продолжая напирать и гневно посверкивать глазками. – Скажешь, не ты вчера с невесту увела?!

– Да зачем мне чужая невеста?! – поразилась я.

– Не скажи! – Мужик погрозил пальцем и перечислил, будто бы нахваливая товар: – Она у меня справная: ладная, кругленькая. Одно загляденье!

– Верю-верю! – быстро согласилась я. – Но даже не уговаривайте. Меня невесты не интересуют. Я, знаете ли, больше по женихам!

– Ага! – вскричал он и обвиняюще ткнул в меня пальцем. – Вот ты и созналась, лиходейка! А ну отвечай, куды жениха дела?

– Стыдно с вашей стороны девице такие вопросы задавать, – укорила его я. Какое ему дело до моего Ива?

– А ну сказывай, где жених! – завопил пастух, бешено вращая глазами.

– В город едет, – от неожиданности сдала Ива я. Кстати, должен бы уже и доехать!

– Женишок мой! – сокрушенно взвыл мужик и мелко затряс бородой. – Я всегда говорил, что ему самое лучшее место при царском дворе. Такого красавца во всем Лукоморье не сыщешь.

«Да он бредит!» – поняла я, глядя в мутные глаза пастуха. Похоже, перед тем как провалиться в сон, он изрядно накачался самогоном, а теперь несет всякую ересь, обвиняя меня в хищении чужих невест и женихов. Как бы незаметно слинять? Я покрепче перехватила метлу и, настороженно поглядывая на хлыст в руке пастуха, попятилась назад.

– Куды?! – Хлыст угрожающе рассек воздух. – А ну сказывай, кому жениха запрдала! Да вертай взад мою незабудку с ромашкой!

– Вы мне незабудок с ромашками не дарили, – возрази, ла я, соображая, как бы заговорить невменяемому мужику зубы да добежать до ближайшего леска. Вот влипла-то! С хлыстом пастух и пьяный играючи управляется, а у меня никаких навыков владения боем метлой. Так что исход нашего поединка заранее предрешен.

– Ясен пень, не дарил! – Лицо пастуха перекосила злобная гримаса. – Ты их у меня украла, пока я спал!

Он осекся и воровато огляделся по сторонам, не слышит ли кто. Но в поле были мы одни, поэтому недобросовестный пастух приободрился и продолжил наступать на меня:

– А ну говори, куда сметанку умыкнула?!

Я поспешно перевела стрелки на кота.

– Сметанку – это с него спрашивайте!

– Как же с него спросишь? – Пастух удивленно округлил глаза. – Разве ж бессловесная скотина ответит?

«Ответит, – злорадно подумала я, – еще так ответит, что у тебя уши завянут. Тут-то мы и воспользуемся твоим замешательством и сиганем в сторону леса». Но, вопреки моим чаяниям, «бессловесная скотина» изображала немоту и лишь жалостливо таращила глазищи,

видимо, в надежде загипнотизировать и усыпить рьяного пастуха.

Пастух не усыплялся. Поднял глаза на меня и требовательно спросил:

– Иде моя сметанка?

– Он ее съел, – мстительно сказала я.

Мужик схватился за сердце и чуть не выронил хлыст.

– Как? Всю?!

– Да чего там было той сметанки-то, – копируя кошачьи интонации, ответила я. – Даже досыта не наестся.

– И куда ж только поместилось? – ахнул пастух и со злобой уставился на кота. – Ах ты, пройдоха, ах злодей!

– Котика моего не обижайте! – Я закрыла кота подолом.

И тут пастух поднял на меня глаза, и я дрогнула. Горячка окончательно завладела мужиком. Убьет, и рука не дрогнет.

– Убью-у-у! – в подтверждение моих слов взвыл он. – За сметанку, за ромашку, за забывудку...

– Недорого же вы цените человеческую жизнь! – попыталась охолонить его я.

– Да за твою, воровская шкура, жизнь, – с ненавистью выдавил пастух, – я бы и одну свою корову не отдал, а тут речь о десятке идет! Али скажешь, Пеструха с Рыжухой – не твоих рук дело? – Он, набычившись, двинулся на меня. – А Муся и Галка? А Беяна? Да за одного Жениха тебе ноги оторвать мало. Мой лучший племенной бык, кормилец мой, поилец!

Так вот в похищении какого жениха меня обвиняют! Я прыснула со смеху, не в силах сдержаться.

– Што-о-о? – Пастух налился краской. – И тебе еще хватает наглости смеяться мне в лицо? Мне, Соловью?!

Он с шумом втянул в себя воздух и вдруг свистнул. Да так, что на небо налетела грозная туча, деревья встревоженно зароптали, трава ковром прильнула к земле, коровы испуганно сбились в стадо, а буренка-спринтер, стоящая за спиной пастуха, затряслась пуще прежнего. В лицо ударил холодный порыв ветра, пахло скошенной травой, словно по ней прошли косою, и свежими коровьими лепешками. Даже Варфоломей шерстяным ковриком вжался в землю. Лишь на меня художественный свист не произвел особого впечатления. Подумаешь, я Витаса слушала на концерте на стадионе, сидя рядом с колонкой. И ничего, даже не оглохла. А свист пастуха не идет ни в какое сравнение с усиленным мощной стереосистемой воем модного певуна. Так, жалкий плагиат!

На пастуха было больно смотреть. Наверное, так выглядит суперстар мирового масштаба, снизошедший с Олимпа, Чтобы осчастливить своим пением посетителей дома культуры деревни Гадюкино, и вместо рукоплесканий и криков «браво» после выступления услышавший гробовое молчание, а после раскатистый окрик: «А наш Петрович под гармонь поет лучше!»

– Как? – просипел он. – И ты стоишь как ни в чем не бывало?

– Мне похлопать? – вежливо поинтересовалась я.

– Ты ничего не чувствуешь? – поразился пастух, глядя на меня округлившимися глазами.

– Вообще есть кое-что, – призналась я, с беспокойством поглядывая на кота. Судя по тому, как он тряс головой и переводил осоловевший взор с меня на пастуха, Варфоломей временно оглох и не слышал ничего из того, что мы говорили.

– Что? – с надеждой воззрился на меня мужик. – Говори!

Ну он сам напросился!

– Фальшивите изрядно, – оценила его старания я. – Тройка вам по свисту.

Мужик начал наливаясь краской:

– Меня, Соловья-разбойника, учить?!

Тут уж настала пора мне удивляться:

– Вы – Соловей?

– Соловей! – гордо тряхнул бородой пастух.

– Разбойник? – еще более недоверчиво уточнила я.

– Разбойник! – Он еще с большей гордостью задрал нос. Но тут же спохватился и добавил: – Это в прошлом. Ныне я добропорядочный пастух.

– Какой же вы добропорядочный, если у вас коровы пропадают? – упрекнула я.

Соловей встrepенулcя и впилcя в меня глазами.

– Отдай по-хорошему! А иначе придется по-плохому.

– По-плохому я уже слышала, – хмыкнула я, заставив его покраснеть от злости. – А по-хорошему я бы и рада, да не могу.

– Отдай по-хорошему, – заладил он. – А я никому не скажу, что тебя за руку поймал. Скажу, коровы сами вернулись, и тебя не выдам.

– Да вы что! – оскорбилась я. – Я с коровами дела не имею! Хоть они Женихи, хоть Невесты, хоть Сметанки. Я добропорядочная... крестьянка! – Я с достоинством оперлась на метлу.

– Добропорядочная, значит? – нехорошо ухмыльнулся Соловей. – А что же ты делаешь в чистом поле с метлой в руках?

Наблюдательный ты мой, заметил! А действительно, я в задумчивости повертела метлу в руках, что я тут делаю?

– Я к бабушке иду, – вывернулась я. – Метлу ей в подарок несу.

– А я тебе так скажу, – сощурился он. – Ты – неуловимый коровий вор. Ай да хитро придумано! – Он хлопнул себя рукой по колену. – Мы-то все на мужика валили, а девицу в злодействах и не подозревали.

Вот попала, так попала! Ступа выбрала самое подходящее место и время, чтобы скинуть нас в эпицентр коровьего стада.

– На поле ты не просто так очутилась, – продолжал приободренный моим молчанием Соловей. – До ближайшей дороги отсюда идти и идти. Путники сюда не заходят.

– Я заблудилась, – вставила в свое оправдание я. Что ж за невезение такое! Кого из лукоморских жителей ни встречу, все меня в чем-то обвиняют: Сидор и сотоварищи – в принадлежности к нежити, Соловей – в похищении коров.

– А метла тебе вот зачем, – не слушая меня, продолжил свою складную обвинительную речь Соловей. – Чтобы корову от стада отогнать и в лес завести!

– Вы еще скажите – волкам на съедение, – укорила я.

– Может, и волкам. А может, – он сурово уставился на Варфоломея, – и котам! Где это видано, чтобы кот целую корову съел и не лопнул? Только ведьминому коту такое под силу. Вон как на кота Бабы-яги похож! Только твой облезлый да мелковат, а тот пушистей да поболее будет.

Варфоломей от удивления вытаращил глаза.

– Да ты и сама ведьма, – продолжал Соловей, – свалилась среди белого дня прямо с неба, на метле прилетела. Вот зачем метла-то тебе?

Ну положим, с метлой – это только догадки. И как мы свалились из ступы, он тоже не видел, иначе сразу бы прибежал предъявить претензию о парковке в неположенном месте.

Я угрожающе тряхнула метелкой и вкрадчиво произнесла:

– А не боишься, что я тебя заколдую за дерзость твою?

– Никому еще не удавалось Соловья-разбойника зачаровать! – горделиво ответил он.

– Но ведь никому еще и не удавалось против Соловья-разбойника выстоять, так? – заметила я, заставив его понервничать.

– Я и говорю, ведьма ты! – вспыхнул герой сказок. – Никто, никогда... Как тебе это удалось?!

Я повела плечом.

– Я в своей жизни еще и не такое слышала.

– Это где же? – с ревностью в голосе осведомился Соловей.

– Есть в дальних краях один, Шура-потешник. От его свиста у людей волосы дыбом встают.

– Эка невидаль! – с превосходством ухмыльнулся Соловей. – Я тоже так могу!

– Деревья к земле пригибаются...

– Я тоже так могу!

– У домов крыши сносит...

– И это мне по силам!

– Волки замертво падают...

– Это я тоже могу! – твердил свистун, но с каждой моей фразой его уверенность таяла на глазах.

– Медведи в ужасе улепетывают...

– Я тоже так могу.

– Рота солда... то есть войско витязей ложится...

– Я тоже так могу! – Соловей окончательно приуныл, но признаваться в том, что уступает в силе свиста неведомому противнику, не собирался.

– Реки из берегов выходят, в горах обвалы случаются, земля дрожит, целые деревни рушатся, – закончила картину апокалипсиса я.

Судя по убитому виду Соловья, тот спешно соображал, где бы затаиться, когда могучий потешник доберется до Лукоморья.

– А далеко он живет? – с опаской поинтересовался он.

Я наугад махнула рукой.

– В сапогах-скороходах – рукой подать.

Соловей совсем помрачнел и с недоверием процедил:

– Что-то я про такого не слышал никогда. Поди, брешешь!

– Может, и брешу! – не стала спорить я. – Только когда сойдешься с ним на кривой дорожке, передавай привет от Яны Самозвановой. Авось пощадит по старой дружбе.

Соловей взглянул на меня с невольным уважением, покачал головой.

– И не стыдно тебе? Дружья у тебя какие! А ты коров ворует!

– Снова здорово! Нужны мне твои коровы! – Я возмутилась и подозрительно прищурилась. – Может, ты их сам продаешь потихоньку?

– Я?! – ахнул Соловей. Да так искренне, что версия о его причастности к делу таинственного исчезновения коров сразу отпала.

– Вот и мне обидно, – поспешила успокоить его я, – что на меня ни с того ни с сего напраслину возводят. А почему ты так уверен, что вор – человек, а не пронырливый волк?

Соловей глянул на меня, как на полоумную.

– Я ж не овец пасу! И не курятник стерегу. Какому волку по зубам целая корова?

Я в смущении отвела глаза. Действительно, чего взять с городской девочки.

– Ну а видел его, вора-то?

– Кабы я его видел, уж не упустил бы! – Он погрозил увесистым кулаком.

– Рада была поболтать, да пора прощаться. – Я нетерпеливо взмахнула метлой. – Мне к бабушке пора. Скажи, где Замышляевка, да и пойду я.

– Замышляевка, говоришь? – загоготал Соловей. – Да до нее еще день пути!

Ну ступа! Куда ж ты нас забросила-то, злодейка?

– А поблизости здесь что?

– Ближайшее село наше, Большие Бобры.

Я приуныла. Такого пункта назначения в нашем маршрутном листе не значилось. Я еще раз помянула ступу недобрым словом. Ладно, надо сперва с пастухом распрощаться, а уже потом с котом обсудить, что дальше делать.

– И куда это ты собралась? – Соловей недобро сощурился. – Неужели думаешь, я тебя живой отпущу после того, как ты супротив моего свисту выстояла?

Глядя в осоловевшие глаза разбойника, я с ужасом поняла, что он не шутит.

– А не боишься с ведьмой сразиться? – попыталась застрашать его я.

– Мне теперь все равно житья не будет, – с мрачной решимостью сказал тот. – Или я тебя одолею, или ты всем разболтаешь, что Соловей-де уже никуда не годится.

– Возьмешь грех на душу? – воззвала к совести я.

– У меня за душой и не такие грехи имеются, – ощерился он. И сейчас в нем уже не осталось ничего от того сонного сердитого пастуха, который с гомоном гнал отбившуюся от стада корову, с горечью перечислял имена пропавших буренок и пытался уличить меня в их воровстве. Словно маска спала – черты лица хищно заострились, в глазах засверкал блеск стали. На месте бесхитростного крестьянина стоял жестокий разбойник. Я с содроганием поняла, что, когда Соловей уверял, будто бы ему по плечу снести крыши с жилищ и свистом убить волка, он не шутил.

– А как же новая жизнь, добропорядочный пастух? – поддела я, крепче перехватывая метлу и готовясь при первом удобном случае пустить ее в дело. Говорят, в руках шаолиньских монахов любое подручное средство становится мощным оружием, будь то простое ведро, игла или даже листок бумаги. А у меня целая метла имеется, авось не пропаду!

Соловей криво ухмыльнулся и быстрее молнии бросился ко мне. Сильные ладони схватили воздух – за мгновение до этого я успела отскочить в сторону. Да еще и метлу ему под ноги подставила, так что он на землю свалился.

– Варфоломей, бежи-и-и-им! – заорала я, со всех сил припуская в сторону леса. Только бы до леса добраться, а там, надеюсь, Леший заступится: исхлещет разбойника еловыми ветками, запутает ноги дубовыми корнями, уведет ложной дорогой, а нас с котом спрячет.

Соловей, видя, что добыча улепetyвает, засвистел. Солнце опять закрыла туча, трава вжалась в землю, лес заволновался, застонал. Мне эти спецэффекты по барабану, лишь бы до леса добраться. Но Варфоломей... Я обернулась набегу и резко затормозила. Кот ковриком распластался по земле, прижал уши и жалобно мяукал. А позади него, стремительно сокращая расстояние между нами, бежал Соловей-разбойник. Схватить кота на руки и скрыться в лесу я уже не успею. Значит, будем драться!

Я крепче перехватила метлу и опустила глаза, стараясь не смотреть в перекошенное от злости лицо разбойника. Как раз вовремя, чтобы заметить, как напряженно сжались кулаки, как метнулась вверх рука. Хрясь! Сильный кулак рассек воздух в сантиметре от моей щеки. Бум! Я успела отклониться, отскочила Соловья за спину и что было сил вдарила черенком метлы по спине. Соловей охнул, согнулся пополам и рухнул на землю. Но только для того, чтобы поднять с земли тяжелый булыжник и развернуться ко мне. Я попятилась. Разбойник с ухмылкой поигрывал камнем. Варфоломей успел оклематься и задиристо выкрикивал:

– А ну врежь ему! Это мы еще поглядим, кто кого!

Соловья разговорчивость кота, казалось, совсем не удивила. Он надвигался на меня, как кот на мышь. То лениво делая шаг, то рывком срываясь с места и останавливаясь в шаге от меня. Игра его забавляла. Казалось, он засиделся в пастухах и теперь упивается каждым мгновением схватки, с наслаждением вспоминает свои разбойничьи навыки.

Бешеными зигзагами мы бороздили поле, каждый миг пытаясь подловить друг друга, застать врасплох, усыпить бдительность, сбить с ног. Каждая секунда стекала мне за шиворот холодным потом и разгоралась пожаром в лихорадочно блестящих желтых глазах Соловья. Они гипнотизировали, как глаза змеи, убеждали в моей беспомощности, призывали смириться с поражением, сдаться победителю. Поэтому я старалась смотреть не в змеиные глаза и не на звериный оскал, а на неопрятную щетину, на бородавку на щеке, на выпирающий кадык, на масляное пятно на несвежей рубашке, которые убеждали меня в том, что мой враг – живой человек, а не безжалостная машина для убийства.

Прыжок, попытка уйти в сторону, вздох облегчения – получилось. Метла замедляла скорость, сковывала движения, саднила ладони, впиваясь занозами, но выпустить ее было равносильно поражению. Так у меня есть хоть какое-то орудие в руках. Жаль, что я не шаолиньский монах. Уж ему-то достаточно было бы метлой раз взмахнуть, чтобы заставить врага в ужасе улепetyвать прочь. А что, если попробовать?

В следующий раз, когда рука с камнем прошила воздух в сантиметре от моей головы, я пригнулась и, выставив метлу черенком, сильно ткнула Соловья в живот. Тот заголосил и согнулся пополам. Но только затем, чтобы усыпить мою бдительность и, стремительно выбросив руку, вырвать у меня метлу.

Я отпрыгнула назад, споткнулась о камень и навзничь упала на землю, сильно ударившись головой. В глазах потемнело и уже не рассвело – мгновение спустя надо мной склонилась косматая голова Соловья.

– Попалась, голубка! – присвистнул он и пришил меня метлой к земле, как коллекционер – бабочку.

Ну же, в отчаянии молила я, ты же волшебная метла, из комплекта со ступой. Вырвись из его рук, ударь в грудь, сбей с ног, надавай тумаков, прогони прочь. Но метла, в отличие от ступы, собственным мнением не обладала и была послушной тому, в чьих руках оказалась. Извернувшись всем телом, я попробовала стряхнуть метлу, откатиться в сторону, но не тут-то было. Соловей, упиваясь моей беспомощностью, еще сильнее вдавил метлу мне в бок. Мой стон послужил для него сладостной музыкой, даже оскал приобрел подобие улыбки.

– Ну что, ласточка, свистнуть тебе на прощание на ушко? Авось выбьет из тебя дух-то? – Соловей склонился надо мной, собираясь привести угрозу в исполнение. Но тут сбоку выстрелил черный комок шерсти, и разбойник отшатнулся в сторону и завопил от боли.

Отодрать Варфоломея, клещом впившегося в шею, оказалось непростой задачей для матерого разбойника. Кот, бесстрашно мотаясь на шее, еще и лапы в ход пускал, оставляло на одной, то на другой щеке Соловья кровавые бороздки, и вгрызался ему в пальцы, и хлестал хвостом, и устрашающе мяукал – прямо настоящий бойцовский кот. Соловей вопил благим матом, обзывал кота ведьминым отродьем, но, видимо от шока, не догадывался свистнуть. Иначе оглушенная тушка Варфоломея тут же ударилась бы оземь. Пользуясь моментом, я подхватила с земли камень, о который споткнулась, и подскочила к разбойнику, намереваясь оглушить его, звезданув по макушке. Сделать это оказалось не так просто: тот вертелся на месте и дергал всеми частями тела сразу, словно его током било. Пришлось юлой покрутиться вокруг него, чтобы выбрать удобный момент. Бац! Не думала, что удар о человеческую голову может быть таким глухим. Я озадаченно наморщила лоб, глядя на распростертое тело Соловья у ног. Варфоломей, вошедший в раж, продолжал скакать на поверженном противнике и вопить: «Вот тебе! Получай! И один кот в поле воин!»

– Верю-верю, – окликнула его я, призывая проявить милость к павшему. И, переводя взгляд с окрасившегося красным камнем на бесчувственного мужика, с опаской спросила: – Он живой?

Варфоломей нехотя прервал свои боевые пляски и приник ухом к груди разбойника.

– Дышит, – успокоил он, поднял на меня полыхающие огнем глаза и азартно предложил: – Добьем?

– Не будем брать грех на душу, – поспешно открестилась я. – Пошли скорей отсюда, пока он не очухался.

– Какой же это грех? – горячо возразил кот. – Избавить царство от такого лиходея – подвиг.

– Подвиги оставим богатырям. А то Чернославу с Ильей будет нечем заняться. – Я подхватила с земли метлу и поторопила кота. – Идем скорей!

– А если богатырь не поспеет и этот злодей уже успеет набедокурить? – не сдавался тот.

Я схватила спорщика свободной рукой и припустила в сторону леса.

– Эй! – вдруг завопил кот, выворачивая шею. – Гляди! Корову уводят!

Я обернулась и в удивлении вытаращила глаза, отдавая дань восхищения выдумке коровьего вора. По самому краю поля, у леса, мелкими перебежками передвигался стог свежескошенного сена. Коровы, успевшие изрядно проредить поле, с интересом подтягивались к ароматному пахучему стогу. Из стога, отряхиваясь, вылез мелкий мужичонка и размахивая букетом ромашек в руке, стал завлекать ближайшую к нему корову.

Та двинулась за ромашками, как мышь за дудочкой.

– А ведь ему не поздоровится, – смекнул кот. – Соловей-то его теперь голыми руками придушит.

– И то верно. – Я развернулась и бросилась туда, откуда ушлый мужичонка только что увел в лес рыжую корову.

– Куда? – вскрикнул Варфоломей.

– Надо его предупредить, – пояснила я на бегу. – И потом, он нам поможет выйти к деревне.

– Ну-ну, – ухмыльнулся кот, – попробуй догони!

Перед тем как нырнуть в лес, я обернулась на поле. Соловей уже очнулся и неловко поднялся с земли. К счастью для нас, он стоял спиной и не мог видеть, в какой стороне леса мы скрылись. Я прибавила шагу и постаралась не терять из виду маячащую впереди щуплую фигурку. Кот скатился с моих рук и теперь скакал рядом, не отставая ни на шаг. Мужичок, заметив погоню, перепугался, бросил буренку и сиганул вглубь леса.

– Уйдет! – сокрушенно заметил кот.

– Никуда не денется, – успокоила его я. – Ты только не отставай!

На наше счастье, беглец свернул в березовую рощу, которая была довольно редкой. А мужик, потерявший в процессе погони свою шапку, теперь семафорил рыжей макушкой, не давая потерять себя из виду.

Березовая роща промелькнула сплошным белым пятном, и мы очутились в темной, дремучей части леса. Рыжая макушка маяком мелькнула далеко впереди, и мы, перепрыгивая через корявые корни, устремились следом.

– Где он? – неожиданно проорал Варфоломей. – Ты его видишь?

Я, прищурившись, взгляделась вдаль. Рыжий вор пропал! Я резко остановилась и призвала к тишине кота, стремясь по звуку удаляющихся шагов и хрусту потревоженных веток определить, в какую сторону свернул мужик.

Тишина свалилась на нас звуконепроницаемым коконом, будто разом лишив слуха. Ни шороха листьев, ни хруста ветки, ни крика птицы. Тишина абсолютная, мертвая, пугающая, от которой тревожно сжалось сердце. Как будто мы переступили недозволённую грань между миром живых и загробным миром. Даже Варфоломей встопорщил шерсть и с беспокойством поднял на меня голову.

Все мое существо вопило: «Надо бежать отсюда!» Бежать, пока не случилось непоправимое. Вернуться в нарядную березовую рощу, оглохнуть от птичьего щебета, умыться солнечным светом, смыть с себя липкую паутину страха.

Но тут откуда-то впереди донесся жалобный стон, и мы с котом тревожно переглянулись.

– Похоже, наш знакомый попал в беду, – я шепотом озвучила свои предположения.

Варфоломей прижал уши, стукнул хвостом по земле, сметая сухую прошлогоднюю листву, мякнул:

– Не нравится мне здесь, Яна. Давай отсюда выбираться.

– Но что здесь может случиться? – неуверенно возразила я. – Это же владения Лешего. А он наш друг.

– Леший не может находиться повсюду одновременно, – возразил кот. – Да и в лесу бывают такие места, куда лучше не соваться. Идем.

Стон повторился – жалобный, безнадежный, отчаянный, глухой. И больше ни звука – ни звериного рыка, ни хруста веток под ногами, ни крика о помощи.

Решившись, я двинулась на голос.

– Куда? – зашипел Варфоломей, обегая меня спереди.

– Только посмотрим, не нужна ли наша помощь.

Осторожно, стараясь не зацепиться за крючковатые корни, выступающие из земли, словно толстые змеи, мы шаг за шагом углублялись в чащобу, осматриваясь по сторонам и стараясь не пропустить ничего необычного. Стоны больше не повторялись. Коровий вор,

если это и впрямь был он, предпочел затаиться и не выдать свое присутствие.

Вдруг Варфоломей, обогнавший меня, перепрыгнул очередную корягу и исчез. Я с беспокойством шагнула вперед, но меня остановил громкий вопль:

– Я-ана, сто-о-й! Тут я-ама!

Перегнувшись через корягу, я увидела глубокую яму, по отвесному краю которой, цепляясь за выступающие из земли корни, карабкался кот, а на дне сидел... наш старый знакомый, Кузьма.

– Ба! Да никак это и есть знаменитый на всю округу коровий вор?

Мальчишка на удивление не стушевался, а радостно выпучил глаза:

– Ты правда обо мне слышала?

– Соловей рассказывал.

– А, – Кузьма насупился, – так ты с ним заодно! Чего еще ожидать от людоедкиной дочки.

Варфоломей, которому оставалось рукой подать до верха, завис и обернулся на узника ямы:

– Ты как Бабу-ягу назвал? Вот я сейчас тебе! – Он гневно рассек когтями воздух.

Схватив кота за шкурку, я вытянула его наверх и укорила:

– Давай еще подерись.

– А чего он обзывается? – вздыбил шерсть тот.

– Эй, – окликнула я Кузьму. – Ты там цел?

– Благодарствую, не развалился, – буркнул он в ответ.

– А чего стонал так жалостливо?

– Мужчины не стонут, – оскорбленно возразил мальчишка.

– Ну да, – не поверила я, оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь вроде веревки. – Кто же тогда воздух сотрясал? Дерево?

– Давай-давай, обзывайся, – огрызнулся Кузьма.

– Ты вообще хочешь, чтобы я тебя вытащила или как?

– Мне и тут хорошо. – Мальчишка демонстративно расселся на заваленной листьями земле. Яма была ловушкой для животного, замаскированной настилом, до того как в нее угодил Кузьма. Странно, какому охотнику пришло в голову устраивать западню в такой дремучей и мрачной части леса.

Не найдя ничего, похожего на веревку, и отбросив мысль о том, чтобы разорвать на тряпочки сарафан и связать веревку из них, я опустила в яму метлу. Да уж. Даже если Кузьма поднимет руку и подпрыгнет, до метлы ему не достать.

Я присела на корягу и задумалась. Как не хватает магии! В иные времена достаточно было бы щелкнуть пальцами, чтобы в руки свалилась прочная веревка, а то и сразу веревочная лесенка. Или я бы наколдовала батут на дне ловушки, и мальчишка кузнечиком выпрыгнул наверх. А что делать сейчас? Без магии, без веревки, без помощи рыцаря? А ведь будь рядом Ив, он придумал бы, как вызволить Кузьму и без чудес.

А что, если... Поднявшись, я попробовала вытащить корягу из земли. Пришлось попытеть – коряга оказалась тяжелой. Но все-таки удалось сдвинуть ее с места. Размеры ямы позволяли сбросить корягу вниз, не расплющив при этом Кузьму.

– Эй, – предупредила я. – А ну-ка возмись в стеночку, я тебе ступеньку сброшу.

– Щас! – донеслось из-под земли. – И не подумаю!

Но стоило мне сдвинуть корягу к краю ямы, как Кузьма переменял свое мнение, и Варфоломей, руководивший операцией, дал знак: порядок, можно сбрасывать! Поднатужившись, я столкнула корягу в яму и с беспокойством наклонилась: цел ли узник? Кузьма отфыркивался от поднятой пыли, отряхивался от листьев. Коряга вонзилась в землю по диагонали в шаге от мальчишки и образовала наклонный мостик между дном и стенкой ямы. Удачно я ее сбросила!

Кузьма побегал вокруг коряги, потверже вбил ее в землю, укрепил и осторожно взгромоздился, проверяя на прочность.

– Порядок!

Мальчишка вскарабкался на высокий край, ухватился за спущенную метлу, и через пару минут, за которые я потеряла порядка 1000 калорий, операция по спасению была завершена. Пленник выбрался из ловушки.

Но радовались мы недолго. Земля содрогнулась, корни взрыли почву, взметнувшись плетями, и совсем близко раздался нечеловеческий, леденящий душу стон.

– Это не я, – выдавил Кузьма, в испуге озираясь по сторонам.

Я похолодела. Это не Кузьма стонал, оказавшись в ловушке, не он звал нас на помощь. А нечто непонятное, обитающее в этой темной, как ночь, части леса, заманило нас в самую гущу чащобы.

Варфоломей испуганно зашипел и встопорщил шерсть, глядя куда-то вбок. Я обернулась и обомлела. Деревья, вырывая корни из земли, сбивались друг к дружке и, неуклюже двигая лапами-корнями, по-паучьи двигались к нам.

– Варфоломей, что это?

– Не знаю! – тревожно провыл кот. – Но лучше нам отсюда убираться.

– Поздно, – глухо сказал Кузьма за моей спиной.

Я обернулась и дрогнула. Отовсюду – сзади, с боков – на нас плотным забором, без единого зазора между стволами, наступали ожившие деревья. У самых близких к нам были видны дупла, похожие на раскрытые в плаче рты, и из них доносились эти безысходные, отчаянные стоны.

– Что вам нужно? – закричала я, и деревья неожиданно замерли, словно наткнулись на невидимую преграду. Но только на мгновение. А потом они расступились, и на полянку, переваливаясь на корнях, как осьминог, выполз пенек. Казалось, неумелый резчик по дереву пытался придать ему человеческий облик. И теперь на месте глаз зияли гнилые провалы, обструганный сучок напоминал вздернутый нос, узкая щель рта была прорезана в коре словно кинжалом. По бокам, как антенны, торчали две поганки.

Мы, сбившись в кучу, молча разглядывали эту пародию на человека. Вдруг нос-сучок дернулся, будто принюхиваясь, а щель рта задвигалась, и из нее, словно монетки, которые бросают в игровой автомат, посыпались слова:

– Люди. Двое. Хорошо. Начнем!

– Что начнем? – На этот раз сдали нервы у Кузьмы, и его тонкий голос пилой разрезал сгустившийся воздух.

– Возрождение, возрождение, возрождение, – зашептали деревья на разные голоса. Были здесь и грозный мужской бас, и тоненький голос ребенка, и нежный девичий голос. И вот уже показалось, что кряжистый дуб когда-то был коренастым увальнем, побег ели – кучерявым мальчуганом, а гибкая ива – красавицей-невестой. В ветвях чудились руки, в листьях – локоны волос, в коре – контуры глаз и бровей.

– Возрождение, – изрек пенек и неуклюже двинулся к нам.

– Да кто вы такие? – выкрикнула я.

– Я-на, – промычал кот, путаясь у меня в ногах, – не хочу тебя пугать, но, кажется, это деревья-призраки.

– Бреешь, – побелев, выдохнул Кузьма. – Это все выдумки. Нет никаких призраков!

– Мы лю-уди! – провыл лес, качнув кроны окруживших нас деревьев.

Этот нечеловеческий вой ледяной клешней схватил сердце, и мне стало нечем дышать.

– Да что же это, – растерянно причитал Кузьма, беспомощно озираясь по сторонам. – Не может быть, быть того не может.

– Варфоломей, что все это значит? – взвизгнула я, отшатнувшись от гибкой ветви-плети, полоснувшей меня по лицу.

– Говорят, что души людей, погибших в лесу, не нашли упокоения и стали деревьями в заколдованном лесу, – тревожно промяукал кот. – И если кто из людей попадет в этот лес, то живым уже не уйдет – превратится в дерево. А душа одного из деревьев-призраков возродится, и он вновь станет человеком и сможет вернуться в свой дом.

Теперь уже деревья были совсем близко, тянули к нам ветви, стремились прижаться листьями, ощупать, опутать, не дать уйти. Пенек медленно кружил вокруг нас, казалось, только он один сдерживает натиск деревьев. Но стоит ему дать команду, как они тут же сомкнут смертельные объятия, раздавят, сломают, выжмут из нас жизнь до последней капли крови.

– Кузьма! – Я тряхнула ословевшего мальчишку за плечи. – Мы им не сдадимся, слышишь!

В глазах паренька через край плескалось отчаяние: поняв, что преимущество в силе и числе на стороне деревьев он сразу сдался и теперь ждал неотвратимой гибели.

– Кузьма! – рывкнула я и саданула его кулаком по лицу.

Боль и кровь привели мальчишку в чувство. Он мигом подобрался и бросился на меня.

– Вот и хорошо, вот и молодец! – Я увернулась от его кулаков. – А теперь оглянись и быстро соображай, как нам спастись. У тебя случайно нет с собой топора?

– Зачем это?

– Дурень! Деревья боятся топора и пилы. Мы бы их тут сейчас в щепки покрошили.

– У меня только нож.

– Да, ножом ты только вырежешь: «Здесь был Кузя».

– Чего? – не понял Кузьма.

– Вытаскивай свой нож и постарайся срезать побольше веток, вонзай его в кору, вдруг их это остановит. Может, у них есть какое-то уязвимое место.

Кузя взмахнул острием, и на землю упало несколько веток. По ушам ударил пронзительный стон. Пенек, накручивающий круги вокруг нас, бросился к Кузьме и сбил с ног. Я кинулась Кузе на выручку и крикнула:

– Хватай пень с другой стороны!

Судя по всему, пень здесь – главный, а значит, захватив его в заложники, можно попробовать договориться с остальными.

Кузьма подхватил пень за корни со своей стороны, я – со своей. Пень верещал, брыкался, царапался, но нам все-таки удалось поднять его. Ох и тяжелый, зараза! Даром что трухлявый!

– Теперь что? – пропыхтел Кузьма, едва удерживая корявого пленника.

– Теперь бы размахнуться... как следует... да бросить его... в болото, – пропыхтела в ответ я.

Тут пенек умудрился подскочить вверх, в прыжке развернулся, ударил Кузьму корнями в грудь, а меня ткнул сучком-носом в шею, пробороздив кожу до крови. Разжав руки, мы с напарником разлетелись в разные стороны, и нас тут же накрыли ветви ближайших деревьев.

Ветки и листья ощупывали лицо и тело, спутывали волосы, пробирались под одежду, обдирали кожу, забивали нос и рот, не давая дышать. Это был конец. Перед глазами колыхались листья, в ушах шумел ветер, ноги вращались в землю. Я уже чувствовала, как высыхает кожа, превращаясь в кору, как зудят руки, и через кожу пробиваются почки-листья, по жилам бежит березовый сок, а пряди волос становятся пушистыми сережками. Но тут что-то тяжелое разбило мою коленку, и что-то мягкое и живое прижалось к ногам.

– Я-на, Я-на, очнись! – раздался оглушительный вопль. – Возьми это, действуй!

Слабой рукой я нащупала кожаный мешочек с какими-то железками внутри, больно поранившими колено. Дернула завязки – на ладонь выпали два странных кусочка металла и обрывок веревки, но разглядеть их толком я не успела – выронила из пальцев, сделавшихся деревянными.

– Я-на! – возопил кот. – Не спать! Пожар! Огонь!

Слово «пожар» подействовало на меня отвращающе. Откуда-то появились силы взбрыкнуть, разорвать паутину ветвей, опутавших меня коконом, схватить с земли непонятные железки и поднести их к глазам. Да это же огниво! Откуда оно взялось в глухом лесу? Но все вопросы после, сперва надо вырвать вторую руку, которую оплела цепкая осина, и попытаться добыть огонь... Длинный язык пламени на конце веревки-трута прожжет

сумрак ветвистого плена, лизнул листья и жадно набросился на ветви. Деревья, удерживающие меня, отдернули ветви, отпрянули в стороны, и я повалилась на землю, глухо кашляя. Но стоило труту погаснуть, как деревья вновь сомкнули кроны надо мной. Отломав у одного из них сухую ветвь, я снова чиркнула огнем. Посыпались искры, я схватила загоревшуюся ветку и взмахнула ей, как факелом. Огонь обжигал пальцы, но спасительное пламя заставило моих противников отступить.

– Кузьма! – проорала я, поднимаясь с земли и размахивая горячей веткой. – Ты где?

Деревья за моей спиной настороженно шептались и качали ветвями, норовя погасить огонь.

– Он там! – пропищал у ног Варфоломей, указывая на нагромождение деревьев по левую сторону от меня.

У меня сердце оборвалось: казалось, там перевернулся грузовик со срубленными деревьями, и сложно было представить, что человек, оказавшийся под ними, мог уцелеть. Я подскочила к куче и ткнула в центр нее горящую ветвь. Видно, одно из деревьев оказалось совсем сухим, потому что огонек весело затанцевал внутри свалки, и вот уже дорожка пламени пронеслась по всему стволу, превратив его в большой факел. Я едва успела выдернуть руку, как деревья бросились врассыпную, чуть не затоптав меня. Объятый огнем клен заметался по поляне, разбрасывая смертельное пламя по ветвям соседей. И вот уже воздух наполнили треск огня и едкая горечь дыма.

Деревья, уже не замечая ничего вокруг, в панике носились по поляне, с грохотом сталкивались друг с другом, так что летели на землю ветви и ломались пополам стволы, а потом с грохотом рушились на землю. Варфоломей теннисным мячиком скакал между стволами, норовившими превратить его в блин. Да и мне пришлось изрядно повилить, чтобы не попасть меж двух бревен и добраться до лежащего на земле Кузьмы. Когда до мальчишки, не подающего признаков жизни, оставалось несколько шагов, я услышала за спиной ужасный грохот. Большой кряжистый дуб, охваченный пламенем, накренился и медленно заваливался на землю, грозя навсегда погresti под своими пудовыми ветвями Кузю. Я бросилась к пареньку и успела оттащить его в сторону раньше, чем дуб с грохотом обрушился, лизнув меня по спине языком пламени.

Упав на землю, я сбила огонь и огляделась по сторонам. За моей спиной бушевало пожарище. Деревья, которые еще могли двигаться, убегали прочь, тряся опаленными ветвями. Те, которые пожирал огонь, катались по земле и рассыпались в поленья. Упавший дуб, чуть не раздавивший Кузьму, теперь служил нам надежной преградой. Я отыскала взглядом Варфоломея, забившегося под большой камень неподалеку, и, убедившись, что с котом все в порядке, нащупала пульс Кузьмы. Паренек был жив. Еще несколько минут понадобилось на то, чтобы привести его в чувство. Пожар за спиной разгорался все сильнее, и Варфоломей тревожно крутился возле камня, призывая торопиться. Кузьма едва стоял на ногах, но вид приближающегося пламени, жадно пожиравшего деревья-призраки, придал ему сил и ускорения. Дым пожарища щипал глаза, языки пламени, казалось, лижут задники лаптей, мы, не разбирая дороги, неслись среди деревьев, которые твердо вросли корнями в землю и с молчаливой скорбью ожидали приближения гибели. Варфоломей черным мячиком скакал впереди, указывая дорогу.

Все закончилось в одно мгновение. Мы по инерции еще бежали, но легкие уже вдохнули свежий воздух без примеси дыма, ноги увязли в высокой свежей траве, и только налипшие на лапти пожухлые листья напоминали о том, что мы только что были в горящем лесу.

Варфоломей удивленно затормозил. Кузьма повалился лицом в зеленую траву. Я обернулась, увидела за спиной зеленое полотно леса и тут же оглохла от птичьего щебета.

– Зачарованный лес, – выдохнул запыхавшийся кот, – мы его миновали.

– Но где же он? – Я настороженно вглядывалась в зеленые макушки деревьев, в прозрачное голубое небо над ними и не находила ни отблесков бушующего пламени, ни серых облаков дыма.

– Где-то там, – дернул хвостом кот, – спрятанный от людей.

Я вытерла пот со лба и без сил упала на землю рядом с Кузьмой. Похоже, зачарованный лес находится в другом измерении, и мы только что благополучно оттуда выбрались.

Чумазая рожица Кузьмы поднялась над травой, и мальчик робко улыбнулся:

– Неужели все обошлось?

– А теперь мне кто-нибудь расскажет, откуда взялось огниво? – Я внимательно взглянула на кота.

– Это ты у него спроси, – проворчал Варфоломей, махнув хвостом в сторону Кузьмы.

– А чего я? – удивился мальчик.

– Спроси-спроси у этого дурня, почему он огниво прятал, вместо того чтобы сразу там все подпалить, – вздыбил шерсть кот.

– Огниво? – Кузьма удивленно округлил глаза.

– Кожанный мешочек с двумя железками и трутом внутри, – подсказала я.

– Так это же я у Соловья свистнул! – сообразив, о чем речь, просиял Кузя. – Еще вчерась.

– Молодец, что свистнул, – рявкнул Варфоломей. – Чего молчал-то?

– Так ведь это... – Кузьма смущенно захлопал рыжими ресницами. – Я ж не знал, для чего оно!

Кот закатил глаза.

– Я ведь решил, что это кошель с деньгами, – признался Кузя. – А потом, когда дома-то его открыл, смотрю – железки какие-то, веревочка. Хотел сразу выбросить, потом думаю: «Нетушки, раз Соловей эту диковину на поясе в мешочке привязанной держал, значит, какая-то ценность в ней есть». Я уж ее и так, и эдак крутил, все гадал, что к чему. А оно вон чего, оказывается...

Он сконфуженно почесал вихрастую голову, выудил из шевелюры дубовый лист и с отвращением отбросил его. Мы молча переглянулись и отвели глаза. Каждый из нас успел почувствовать, каково это – быть деревом. Еще немного, и мы бы навек остались в зачарованном лесу.

– Варфоломей, спасибо, – хрипло выдохнула я. – Если бы не ты...

– Да чего уж там, – добродушно проворчал кот. – Как пенек вас раскидал в разные стороны, так у Кузьмы-то огниво и выпало да ровно посередке меж вами упало. Я его сразу узнал, да только где уж мне с огнем управиться? – Он развел лапками. – Вот и подкатил к твоим ногам. Да звал тебя, звал, пока эти бревна треклятые тебя своими ветками щупали.

– Ну что, предлагаю двигаться дальше. – Хоть мы и выбрались из зачарованного леса, но, честно говоря, от этих мест мне до сих пор не по себе.

– Поддерживаю! – вскочил на ноги Кузьма.

– Только в порядок себя сперва приведи, вон чумазый какой, – посоветовала я, поднимаясь следом.

– На себя погляди, царевна, – фыркнул мальчишка. – На лбу царапина, щеки в саже.

– Яна, – тихонько мяукнул Варфоломей у меня из-за спины, – есть еще кое-что.

– Что, у меня хвост вырос?

– Наоборот, – скорбно потупил глаза кот.

– Что наоборот? – поразилась я, оглядываясь на спину.

– Твоя коса, – мяукнул он.

Но я уже держала в руках кончик изрядно обгоревшей косы. Пламя целиком сожрало алую ленту и укоротило косу на целую ладонь. Опаленные светлые волосы паклей рассыпались в ладонях. Зато сарафан, за который я волновалась, цел.

– Не горюй, – Варфоломей ободряюще потерся о ноги, – до свадьбы отрастет!

– Держи вот! – Кузьма, смущаясь, протянул кусок тесьмы, который срезал с края рубахи. – Подвяжешь.

Я быстро заплела остатки косы, закрепила Кузиной тесемкой, дала команду двигаться и только сейчас поняла, что не знаю, куда теперь лежит наш путь.

- Нам в Замышляевку надо, – подсказал Варфоломей.
- Так это же соседняя деревня с нашим Муходоево! – обрадовался Кузьма.
- С вашим чем-чем? – поперхнулась я. – Вы там что, мух едите?
- Не едим, а доим! – вспыхнул Кузьма, но тут же осекся. – То есть...

Договорить он уже не смог – я расхохоталась, кот со смеху повалился на траву и задрывал всеми лапами. Спустя мгновение к нам присоединился и сам Кузьма.

- Нет, ну правда, – сквозь смех восклицал он, – ничего смешного тут нет.
- Абсолютно ничего смешного! – Я нашла в себе силы с серьезным видом выговорить эту фразу и тут же снова покатила со смеху. Видимо, давал о себе знать пережитый стресс.

Нахохотавшись на год вперед, мы еще раз сверили маршрут и отправились в путь.

– Замышляевка от нас не близко, – объяснял Кузьма по дороге. – Деревня наша чуть на отшибе стоит, до Замышляевки, почитай, почти полдня топать.

- А до Муходоево сколько идти? – подпрыгнул на кочке Варфоломей.
- Ежели через лес, то скоро б уже были. Но как я понимаю...
- Правильно понимаешь! – воскликнула я. – В этот лес я больше ни ногой.
- Надо же, сколько тут ходил, никогда в зачарованный лес не попадал! – признался Кузьма. – Всякое было – и волки, и медведь. Но чтобы деревья-призраки!

- Так сколько в обход идти? – напомнил кот.
- Да почти полдня, – «обрадовал» нас Кузьма.

Мы с котом переглянулись и вздохнули.

- Ничего-ничего, – приободрил меня он. – Может, ступа вскорости появится.
- Если появится, я ее на дрова пущу, – пригрозила я.
- Только давай не сразу. – Варфоломей умоляюще прижал лапку к груди. – Давай сперва до избушки доберемся?

– Уговорил, – кивнула я. – До тех пор пусть живет. Ой! – вскрикнула я. – Метла-то там осталась!

Кузьма, поевшись, обернулся на зачарованный лес и сглотнул. Возвращаться за метлой никому не хотелось.

– Не дрожи, – успокоил меня кот. – Это только ступа волшебная, а метла к ней любая подойдет.

Вздохнув с облегчением, мы продолжили путь.

- Кузьма, – окликнула я нашего провожатого, – ты зачем коров воровал?
- Много ты понимаешь, – надулся мальчишка. – В Больших Бобрах богатеи живут, в каждом дворе не меньше пяти коров держат. Все им – и сливочки, и молочко, и творожок, и сметанка. А в Муходоево – одна голытьба. Летом грибами с ягодами кормятся, а в остальное время лапу сосут. А им, может, тоже молочка хочется! – Он с вызовом глянул на меня.

– Так ты что же, – смекнула я, – коров у богатых угоняешь и беднякам отдаешь?

Кузьма горделиво вздернул нос. Вот же Робин Гуд местного разлива!

– Ну ладно, с этим понятно. А вот обязательно было коров из стада Соловья-разбойника красть?

– А сама как думаешь? Что за честь у обычного пастуха корову увести? В пастухи ж кто обычно идет: или мальчишка малый, или калека сухорукий, или дурачок деревенский – все те, кто на другие крестьянские работы не годны. Сладить с ними много ума и силы не надо. А вот попробуй-ка корову у самого Соловья-разбойника увести! Ведь он если свистнет, то мало не покажется.

Кузьма сиял, осознавая опасность, которой подвергался все это время.

– Понятно, любовь к подвигам в тебе неискоренима, – хмыкнула я. – В следующий раз, похоже, придется вытаскивать тебя из пасти Горыныча или вылавливать из омута Водяного... Только я ведь могу и не оказаться поблизости.

– Подумаешь, – обиженно шмыгнул носом Кузьма. – Никто тебя и не просил меня из ямы вытаскивать. Сам бы как-нибудь выбрался.

Интересно, а Соловья-то разбойника что в пастухи привело? Уж явно не желание иметь

домик в деревне и быть ближе к природе. У разбойника явно есть свой интерес к богатому селу.

– А давно Соловей пастухом работает? – полюбопытствовала я.

– Да всего с начала лета, – просветил Кузьма и хвастливо добавил: – А я за то время уже восемь коров увел!

– Знаю, Соловей плакался. А скажи-ка мне, Кузьма, – я пристально уставилась на него, – ради кого ты так стараешься? Что за девица тебя на подвиги толкает?

Мальчишка залился краской и сердито возразил:

– Вот еще выдумала! Нету никакой девицы.

– Что, неужели ни одной, самой захудалой, коровенки ей не подарил? – изумилась я.

– Да я ей самую лучшую привел! – выпалил он и осекся.

– Ну и как? – усмехнулась я. – Оценила? Свадьба скоро?

– Как только прогремят мои подвиги на все Лукоморье, так сразу сыграем! – шмыгнул носом он.

– А не слишком ли ты молод для свадьбы? – усомнилась я.

– Много ты понимаешь! – Кузьма обиженно выпятил губу. – Я уже взрослый мужчина! – И, перехватив мой насмешливый взгляд, добавил: – Не веришь? Вот гляди, у меня и борода имеется!

Я с удивлением уставилась на вздернутый подбородок. Хм, может, попросить лупу?

– Да вот же, вот! – чуть не заплакал Кузьма, нащупав пару светлых, почти прозрачных щетинок. Так сразу и не разглядишь. Но, судя по тому, что щетинки достигли длины в полпальца, каждая из них возвращается Кузей с трепетом, холится и лелеется. – Ну видишь?!

– Вижу-вижу, – успокоила я и ободряюще добавила: – Знатная будет борода!

Кузьма польщенно выпятил подбородок, любовно пригладив зачатки будущей роскошной бороды.

– А без подвигов ты своей Маше не нужен? – спросила я.

– Она Фрося! – возразил он и в очередной раз насупился, поняв, что проговорился.

– Да ладно тебе дуться-то! Расскажи лучше про невесту свою. Все дорогу скоротаем.

– Она самая красивая, – расцвел Кузьма, перечисляя достоинства своей зазнобы, – самая добрая, самая ласковая, самая ясноглазая.

– Такая завидная невеста – и еще не замужем? – удивилась я. – Или она еще из колыбели не выросла?

– Много ты понимаешь, – оскорбился он. – Сватаются-то к ней многие, да она всем отказывает.

– Разборчивая невеста, – понимающе кивнула я. – И что, только героя ждет?

Кузьма кивнул.

– Проезжал как-то через нашу деревню Чернослав. Фрося его увидела да и сказала, что за такого богатыря бы замуж пошла.

– А сам Чернослав что же? – усмехнулась я.

– Что Чернослав, – проворчал Кузьма. – Он, по обыкновению, на подвиги спешил – в Лихоборах как раз упырь объявился, ему не до жениховства было.

– А ты с тех пор решил, что путь к сердцу Фроси лежит через подвиги?

– Вот увидишь, – он убежденно тряхнул головой, – стану знаменитым на все Лукоморье, как Чернослав, и Фрося меня полюбит.

– Любят не за это, дурачок.

– Много ты понимаешь! – нахохлился Кузя. – Я, может, много чего умею. Со мной Фрося как за каменной стеной будет. Да я за нее, если надо, жизнь отдам!

Я глянула на раскрасневшегося мальчишку и поняла, что он не шутит. С него станет. Или расшибется, ища подвигов, или в горящую избу за своей Фросей войдет.

– Скоро там твоя деревня-то? – переводя дух от быстрой ходьбы, спросила я.

– К вечеру будем.

– К вечеру?! – простонала я. – А поближе деревни нету? Мне бы только коня достать.

Хотя и конем обзавестись – задача не из легких. На покупку коня для Ива пара золотых нашлась, а вот для нас – уже нет. Варфоломей перед отъездом наскреб по сусекам несколько медных монеток и, смущаясь, пояснил, что Бабу-ягу благодарят обычно продуктами, а не деньгами. Купить коня на наш капитал вряд ли получится. На то, чтобы легко заработать мешочек золотых магией, изгоняя какого-нибудь местного хороняку, как в Вессалии, тоже рассчитывать не приходилось. Неужели коня красть придется. Подумаю об этом, когда дойдем до деревни. Ох как некстати взбрыкнула ступа!

– Нету тут ничего, – отозвался Кузя. – Большие Бобры на отшибе стоят. До нашей деревни полдня пути. И это я тебя еще короткой дорогой веду, какую не всякий знает, – заметил он и тихонько добавил: – Оно и хорошо, что деревни далеко. Никто не прознает, куда коровы делись.

Солнце медленно двигалось к закату, мы наматывали версты по лесу, делая привалы то на живописной цветочной полянке, то у зарослей малины, то у чистого прохладного родника. Варфоломей, не привыкший к таким дальним походам, порядком устал. Мне то и дело приходилось брать кота на руки, чтобы тот немного передохнул и поберег лапы. Тогда он оживал и принимался сыпать смешными историями. Кузьма не отставал и рассказывал свои. А я предпочитала помалкивать, чтобы не сболтнуть лишнего. Хватит с меня и того, что Кузя считает меня дочкой Бабы-яги. Не хватало еще выдать, что я гостья из будущего.

В пути я не раз ловила на себе взгляды Кузьмы. Мальчишка как будто хотел что-то у меня спросить, да все не решался.

– Ну что? – не выдержала я. – Раскрыть тебе семейные тайны Бабы-яги?

Кузьма смутился.

– А я что? Я ничего.

– Нет уж, говори! Хватит в молчанку играть.

Он помялся и спросил:

– Ты же дочь Бабы-яги... Можешь узнать, что обо мне Фрося думает? Есть ли у меня надежда?

Я призадумалась. Ночевать все равно где-то придется. Если попадем в деревню к закату, не отправляться же в путь, на ночь глядя. Почему бы не остановиться на ночлег у этой Фроси? Хозяйка она, по словам Кузи, опрятная, трудолюбивая, готовит вкусно. А за ужином можно осторожно и расспросить, как ей кандидатура Кузьмы. Может, она уже влюблена без памяти и только и ждет, что он к ней посватается? А этот дурень сватов не засылает, все надеется подвиг совершить, бороду до пояса отрастить. Жалко мне его, ведь влипнет куда-нибудь! А что, поработаю-ка свахой, авось что и сложится. И Кузьме счастье, и мне радость, что малец под ногами путаться не будет.

– Ладно, – кивнула я. – Остановлюсь у Фроси на ночлег и все узнаю. Возьмет она меня с котом?

Кузьма просиял и закивал:

– Возьмет, она всегда гостям рада.

– Но с одним условием! – добавила я. – О том, что я дочь Бабы-яги, молчок. Иначе пеняй на себя.

– Охота мне языком молоть, – с задетым видом проворчал Кузя. – Буду молчать как рыба.

– Вот и по рукам, – заключила я.

Спустя час мы спускались с заросшего полынью пригорка к небольшой деревеньке, за оградой которой паслось восемь угнанных у Соловья коров, две белых и шесть рыжих.

Сразу за оградой нам встретились две смешливые девчушки, чуть помладше Кузьмы, которые стрельнули глазками в сторону моего спутника, с любопытством оглядели меня и как будто не заметили кота. «Вот какие невесты-то подрастают», – подумала я, украдкой взглянув на Кузьму. Но тот девчонок даже взглядом не удостоил, быстро шагнул по улочке к дому своей возлюбленной. А я, едва поспевая за ним, с любопытством экскурсанта вертела

головой.

Бревенчатые домики с любопытством выглядывали из-за некрашенных заборов и, казалось, провожали нас окошками-глазами. В них не было ничего сказочного: дома крепко вросли в землю, выпускали в небо дымок из печной трубы, и трудно было представить, чтобы они с кудахтаньем вскочили на куриные ножки и отправились гулять по лесу, как избушка Бабы-яги. Но мне теперь каждый домик представлялся живым существом, которое с радостью распахивает дверцу при виде вернувшихся хозяев, на ночь захлопывает веки-ставенки, а поутру раскрывает их, пробуждаясь с первыми солнечными лучами.

Дом в конце улицы, у калитки которого остановился Кузьма, был не таким. Вопреки уверениям Кузи, этот дом не ждал гостей. Он настороженно шурился мутными окошками и припадал на один бок, как дряхлый калека. На его крыше не вертелся любовно выточенный из дерева петушок, а из смотрящей вбок трубы не вился дымок. Из-под черепицы топорщилась солома, между бревен торчала пакля, делая дом похожим на выставившего иглы ежа. Я глянула себе под ноги, чтобы обменяться взглядами с Варфоломеем, но тот бросил меня и походкой завязатого ловеласа устремился за миниатюрной белой кошечкой, нырнувшей за забор. Следом, с трудом протиснув свое упитанное тельце между досками, скрылся из виду и Варфоломей.

Что ж, придется разбираться самой. Если бы не обещание, данное Кузьме, я бы не стала ждать, пока он взломает калитку, явно не желающую пускать нас во двор, а попросилась бы переночевать в любой другой из всех уютных домиков.

Калитка открылась со скрежетом, как будто собачья пасть клацнула. Я даже обернулась в поисках Барбоса, выскочившего из своей будки, но двор был пуст. Лишь вдалеке углу у забора сидела ворона и деловито копошилась в мусорной куче.

– Надо подмазать, – прокомментировал Кузьма душераздирающий скрежет и, словно оправдываясь за возлюбленную, добавил: – Мужика-то в доме нет. Фрося с бабкой живет. Где уж за всем хозяйством уследить!

Я с опаской покосилась на прогнившее местами крыльцо, ожидая увидеть хозяйку под стать дому – косую, косматую, в засаленном переднике и с недобрый прищуром. Но на крылечке показалась миловидная худенькая девушка в опрятном сарафане, которая тепло улыбнулась и махнула нам рукой.

– Здравствуй, Фрося! – расцвел Кузьма. – А я тебе гостью привел. В лесу встретил, заблудилась девица. Пустишь на ночлег до завтра?

– Отчего же не пустить? – тонюсеньким голоском Дюймовочки проговорила Фрося. – С радостью. Сейчас теста намешу, пирогов напеку.

– Да что вы! – замахала руками я. – Не надо беспокоиться!

– Какое же это беспокойство? – мягко, но вместе с тем решительно возразила Фрося. – Гость в доме – радость хозяйке. Пойдем в избу. И ты, Кузьма, заходи на пироги.

– С грибами? – уточнил Кузьма, поедая Фросю глазами.

– С подберезовиками, – заалев, кивнула та.

– Непременно зайду!

Фрося провела меня через темные сырые сени в довольно опрятную комнатку. Я с одобрением оглядела наведенный порядок: белые вышитые занавески на окнах, чистые половички – даже жалко вставать на них пыльными с дороги лаптями. Что ж, похоже, Кузьма был прав, хваля Фросю за трудолюбие и хозяйственность. Снаружи, там, где требовалась мужская рука, дом выглядел не ахти, зато внутри, где заведовала хозяйка, все сияло чистотой и радовало глаз уютом. Только печь была завалена старыми лохмотьями, как будто, спешно наводя порядок, хозяйка сгрудила туда весь хлам.

Я вздрогнула: куча зашевелилась, откуда-то, будто из-под ватного одеяла, донесся слабый, но полный мучения стон. Я обернулась на Фросю и опешила: показалось, что ее глаза полыхают ненавистью, а мягкий рот скривился в жестокую гримасу. Моргнула – наваждение прошло, как рябь на воде. Лицо Фроси и впрямь исказила гримаса, но не ненависти – жалости. В голосе прозвучало истинное сочувствие:

– Бабулечка, как ты, родная?

Девушка шагнула к печи и любовно погладила рукой по тряпью. Она что-то успокаивающе прошептала, и голос ее был нежен и убаюкивал. Даже у меня сомкнулись глаза, и я зевнула, вспомнив о том, что весь день провела на ногах. Хорошо бы сразу лечь спать. Но Фрося была непреклонна.

– Нет-нет, – отойдя от печи, возразила она. – Я понимаю, как ты устала с дороги. Но что за сон, когда в животе пусто? Даже не думай, – она решительно достала мешочек муки и лукошко, полное грибов, – не прощу себе, если ты голодной спать ляжешь. Как я потом Кузьме в глаза буду глядеть? Если хочешь, приляг, вздремни. Я разбужу, как пироги поспеют.

Фрося вынула из сундука сшитое из заплаток покрывало, застелила лавку у окна, положила в изголовье свернутую овчину. Я с наслаждением вытянулась на лавке, поглядела как сноровисто Фрося месит тесто и лепит пироги, заключила – хорошая жена Кузьме достанется. Осталось только уговорить невесту. Но пока немножко передохну и наберусь сил. Прежде чем закрыть глаза, я бросила взгляд на печь: тряпье лежало неподвижно. Видимо, ласковые речи внучки и впрямь подействовали на бабушку как снотворное.

Снилось мне, что я на хлебном комбинате. Аромат свежеевыпеченного хлеба щекочет ноздри, румяные щечки булок так и манят надкусить хрустящий бочок, аппетитные ряды караваев гордо выезжают из печи, щеголяя пышными поджаренными шапками. Облизываясь, иду вдоль конвейера, по которому движутся противни с хлебом, впереди – дородный пекарь в белоснежном высоком колпаке колдует над очередным кулинарным шедевром.

Подхожу ближе. Стол усыпан мукой, словно песчаный пляж. А посреди этого белоснежного ковра возвышается идеально ровный белый ком. Умелые руки пекаря то тут, то там касаются хлебного шара, оставляя после себя вмятинку-глаз, впалость-ямочку, выпуклую надбровную дугу. С каждым движением пекаря шар приобретает человеческие черты, и вот уже потешно мигают глаза, сходятся на переносице брови, морщится аккуратный курносый нос. А руки пекаря лепят губы – последний штрих на мучном полотне.

– Колобок! – ласково шепчет пекарь, отходит на шаг и, любуясь на свое творение, умильно складывает на груди испачканные мукой руки.

Колобок крутится вокруг своей оси и вдруг пружинкой подскакивает в воздух, мгновение – и он уже катится по полу, собирая на свежее тесто мусор и сминая изящно вылепленные пекарем черты.

– Колобок! – надрывно зовет пекарь.

Хлебный шар поворачивается. Теперь он выглядит как творение неумелого ребенка. Смятые бока, расплюснутый в свиной пяточок нос, искривившийся рот, один уголок которого смотрит вверх, а другой – вниз. Прилепившаяся к уголку губ полоска бумаги выглядит как папироска.

– Свободу колобкам! – сипит колобок и сплевывает бумажку. – Братцы, хорош отсиживаться в печи! Я покажу вам свободу!

Караваи и булочки заинтересованно подскакивают на противнях.

– Мы покорим мир! – продолжает призывать колобок. – Настанет эпоха колобков! Люди станут заглядывать к нам в рот, а не мы к ним!

Хлебные овалы, круги и кирпичики сыплются на пол, стекаются к колобку. И вот уже весь пол покрыт хлебом.

– Ржаные – направо, пшеничные – налево, – командует колобок. И, поворачиваясь к нам, приказывает своей армии: – Взять их!

Хлебобулочный поток лавиной устремляется к нам. Пекарь в ужасе вскакивает на усыпанный мукой стол и остервенело отбивается колпаком от карабкающихся булок. А я распахиваю подлетевшие ко мне караваи, но колобок-зачинщик подкатывается ко мне футбольным мячом и сбивает с ног. Вот уже булки и караваи покрывают меня теплым

хрустящим саваном, забивают рот, а глаза залепляет шматок липкого теста...

– Аня! Аня! Да проснись же!

Я с трудом продираю глаза и вижу склонившуюся надо мной Фросю. Почему она зовет меня Аней? А, ну да, таким именем представил меня Кузьма. Кузя слышал, как Варфоломей называл меня Яной, но тот же Варфоломей потом втолковал ему, что это только послышалось, на самом деле я Аня.

– Что, дурной сон? – Фрося с беспокойством глянула на меня и успокаивающе добавила: – Я же говорила, не стоит ложиться спать голодной. Самые сладкие сны – после домашней стряпни. Вставай, я уже пирогов напекла.

От воздуха, пропитанного одуряющим ароматом выпечки, меня затошнило. Вот откуда мои сны про хлебокомбинат. Ноздри вдыхали аромат пекущихся пирогов, а мозги сочиняли триллер о взбунтовавшихся булках. Срочно захотелось на свежий воздух.

– Жарко тут. Пойду проветрюсь на крылечко.

– Конечно, иди! – кивнула Фрося. – И Кузьму кликни, пусть приходит.

Выходя, я бросила взгляд на печь и вздрогнула. Из глубины тряпья на меня пристально смотрели воспаленные старческие глаза, до краев наполненные болью и безысходностью.

Не успела я выйти за калитку, как из-за соседнего забора сиганул взъерошенный Варфоломей. По ту сторону надрывно орал одноглазый полосатый кот. Белая кошка лениво развалилась на крылечке и делала вид, что разборки кавалеров ее не касаются. Ситуация напоминала анекдотическую «возвращается муж из командировки».

– Что, застукали? – посочувствовала я Варфоломею, убедившись, что поблизости никого нет и никто не будет шокирован моей беседой с говорящим котом.

Тот поднял на меня несчастные глаза:

– Ну почему, как у меня любовь с первого взгляда, так у нее – облезлый кот?! Чем я хуже?

– И много у тебя таких любовей? – не сдержала усмешки я.

– В каждой деревне, – с достоинством ответил Варфоломей, вылизывая манишку и высокомерно поглядывая на полосатого кота, который затаился по ту сторону забора и не сводил с чужака настороженного глаза.

– Я заметила. И наверняка не по одной. Пойдешь со мной или останешься нервировать соперника?

Варфоломей лениво потянулся и, с удовольствием проследив, как напрягся одноглазый, засеменил рядом.

– Я, может, единственную ищю! – пылко сказал кот. – Чтоб на всю жизнь.

– Любовь одна, – усмехнулась я. – Меняются лишь объекты.

Кот поднял на меня восхищенный взгляд.

– Как ты сказала? Ведь так и есть. А кошки мячуют «гуляка»! Но что я могу с собой поделать, если одна другой краше?

– В моем мире тебя бы кастрировали, – сказала я и осеклась.

– Это как? – озадачился кот и, заподозрив неладное, уточнил: – Это что-то нехорошее?

– Лучше тебе этого не знать.

– Нет, скажи!

– Не скажу!

– Скажи!

– Не скажу.

– Скажи, спать не буду!

– Если скажу, точно спать не будешь.

– Скаж-жи-и-и-и-и-и! – протяжно заканючил кот, заставив меня поморщиться.

– Ну ладно, только потом не говори, что я тебя не предупреждала.

– Говори!

– И сразу говорю: я этого не одобряю!

– Рассказывай!

– Так вот...

От моего рассказа у Варфоломея в жилах кровь застыла, шерсть дыбом встала, глаза округлились, как два блюдца.

– Бреш-шешь! – выдавил он, ошеломленно тряся ушами, словно желая вытрясти из них кошмарные слова.

Я изобразила скорбную гримасу, выражая соболезнования всем миллионам кастрированных котов в моем мире.

– И они это терпят?! Я бы хозяину морду разодрал, а после в омуте утопился! – трагически провозгласил Варфоломей и, покачав головой, посочувствовал: – Твой мир злой, Яна. Как ты могла в нем жить?

– Почему могла? – возразила я. – Надеюсь, что еще буду жить.

– И ты вернешься туда, где с котами учиняют такое зверство? – Варфоломей посмотрел на меня, как на врага всего кошачьего народа.

– Такова цивилизация, – заметила в оправдание своего мира я, проходя мимо ветхого, прогнившего от старости и кое-где обвалившегося забора. Впереди не было ни души. Начинало смеркаться, и все крестьяне уже разошлись по домам. Сейчас окна-глазики подмигивали светом лучин, а из труб валил дымок – хозяйки колдовали у печей, готовя сытный ужин. И пусть деревенские слишком бедны для того, чтобы позволить себе жаркое из мяса и жирный творог, как их ближайшие соседи из деревни Большие Бобры, я была уверена, что хозяйка каждого дома расстарается, чтобы накормить домочадцев вкуснейшей кашей, ароматными соленьями или пышными пирогами.

– Таков конец света, – возразил кот и замер с поднятой лапой, зачарованно уставившись в дыру забора.

Заглянув туда, я увидела вросший в землю низенький домишко, который дребезжал и пыхтел, как паровоз, весело выпуская дымок из печи. Позади дома, у забора, женщина в платке доила белую корову. Интересно, это Невеста или Беляна? На крылечке, созывая гостей, вылизывалась трехцветная кошка. Варфоломей мигом сделал стойку и рванул знакомиться с красоткой. Та заинтересованно замерла, склонив голову и разглядывая кавалера. Все, Варфоломей для меня потерян. Если у кошки не сыщется ревнивый кавалер, то можно быть уверенной в том, где проведет эту ночь любвеобильный усатый брюнет.

– Не подскажите, где Кузьма живет? – окликнула я доярку.

Женщина махнула рукой, указывая направление.

На завалинке у дома Кузьмы сидели три девчонки и лузгали семечки, вынимая их прямо из подсолнечника, росшего у забора.

– Здесь Кузьма живет? – спросила у них я.

Самая старшая, девочка лет десяти, вылупилась на меня светло-голубыми, как у Кузи, глазами:

– Ты, что ли, Аня будешь?

– Ну я.

Девчонки скатились со скамьи и хором завопили:

– Тили-тили тесто, жених и невеста! Тили-тили тесто, к Кузьме пришла невеста!

– Тише вы, балаболки! – Из-за забора показалась усталая женщина в съехавшем на затылок платке. – Чего раскричались?

– Мама, – захлебываясь от восторга, доложила старшенькая, – к Кузьке невеста пришла.

Женщина свесилась через забор и оценивающе оглядела меня с головы до ног. Я не осталась в долгу, отметив, что Кузя явно пошел в более симпатичного отца, тогда как его матушка напоминала ожившего мопса – и широким, словно приплюснутым, лицом, и маленькими, будто бы утопленными в лице, глазками, и по-бульдोजьи обвислыми щеками, и

шеей, собиравшейся складками над проймой домашнего платья, и цепким взглядом. Так вот ты какая, Кузькина мать! Видимо, осмотр женщину удовлетворил, потому что она поспешно распахнула калитку, едва не снеся ее с петель, и выскочила на улицу, широко раскрыв объятия:

– Аннушка, дочка!

Я испуганно попятилась. Но мать Кузьмы в один прыжок подскочила ко мне и прижала к необъятной груди. Ее цепкие объятия пахли кислой капустой и немывтым телом. В следующий миг сильные руки ухватили меня под мышки и уволокли во двор.

– Заходи, заходи, Аннушка, смотри, как живем! Вот изба наша – еще мой батя строил, каждую досочку сам строгал. – Кузина мать, судя по всему, решила устроить мне обзорную экскурсию по семейной «усадьбе» и повела вокруг избы. – Конечно, не царские палаты, но в тесноте, да не в обиде. Есть и погребок для солений. Любишь огурчики соленые? Сама солишь? Конечно, солишь, как без этого! Зимой-то как хорошо груздей соленых или помидорчиков отведать. – Баба тараторила, не давая мне вставить ни слова. Сама задавала вопросы, сама отвечала, и без перехода перескакивала на другую тему: – Печка у нас справная, завсегда теплом обогреет, не бойсь, зимой не замерзнешь.

– А Кузьма где? – Я все-таки умудрилась вклинить в ее фонтан красноречия.

– Скоро будет! Соседка позвала дров наколоть, а взамен сметанки свежей пообещала.

Надо будет попросить у него плошку сметаны для Варфоломея. А пока...

– Я попозже зайду...

Но пятерня Кузькиной матери цепко схватила меня за локоть:

– Да куда же? Я же еще не все показала. Вот огорожок наш, – приговаривала баба, энергично таща меня вдоль грядок, тесно засаженных ботвой. – Вот картошечка, вот морковочка, вот капуста, вот репка, вот свеколочка. Свеколочка какая в этом году уродилась, слаще сахару! Любишь свеколочку, Аннушка? – не дожидаясь моего ответа, она наклонилась к грядке и, дернув за ботву, вытащила из земли свеклу и сунула мне в руки. – Кушай, доченька. Ишь какая худющая! Работящая, поди! Али родители тебя не кормят? – Она неожиданно притормозила и пристально глянула на меня. – Родители-то у тебя есть?

– Есть, – кивнула я, чувствуя себя обвиняемой на допросе у строгого прокурора.

– Да ты кушай, кушай!

Я с сомнением скосила глаза на грязную, в комьях земли, свеклу. За кого меня здесь принимают?

– Оба? – тем временем требовательно осведомилась баба. – И мамка, и батька?

– Оба, – кивнула я, заметив за соседским забором упитанную хавронью, которая с явным гастрономическим интересом поглядывала на свеклу в моих руках.

– Вот и ладненько, – лицо хозяйки прояснилось, – сват и сваха, значит. Промышляют чем или хозяйство ведут?

Свинка тем временем уже поравнялась с забором и просунула пяточек между досками, жадно принюхиваясь к свекле. Осталось только подловить момент!

– Мама – по хозяйству, папа – промышляет. – Воспользовавшись тем, что Кузькина мать наклонилась к грядке, чтобы подвязать огурцы, я убрала руку за спину и протянула свеклу голодной хавронье. За спиной душераздирающе чавкнуло, в руке заметно полегчало.

Кузькина мать, вздрогнув, разогнулась и с подозрением уставилась на меня. Я пару раз жевнула и облизнулась.

– Свеколка у вас – объедение!

– Ты уже всю съела? – поразились она.

Вместо ответа я вынула руку из-за спины и продемонстрировала все, что осталось от щедрого угощения, – ботву.

– Однако, – протянула баба, – гораздо же ты поешь... – Но, спохватившись, продолжила играть роль гостеприимной хозяйки и любезно предложила: – Еще хочешь?

– Спасибо, – поспешно отказалась я. – Наелась досыта.

Ответ мой Кузькину мать успокоил, и она снова вернулась к прерванному допросу.

– Батя-то твой чем промышляет?

Так и подмывало ответить «разбоем и грабежом», но я постаралась соблюсти любезность и сказала:

– Ремонт.

– Чем? – Собеседница вылупила глаза.

Я, быстро поправившись, постаралась перевести на доступный ей язык:

– Починкой домов.

– Вот радость-то, Аннушка! – возликовала Кузькина мать и затараторила: – Нам как раз рабочие руки нужны. Изба обветшала совсем. Крышу и полы перестелить надобно, окна законопатить, ставни поменять, печь укрепить, крыльцо исправить. Кузьма один не справляется. – Она с надеждой уставилась на меня.

– Да, дел невпроворот, – посочувствовала я, не распознав ее коварного маневра. – Без мастера не обойтись.

Кузькина мать с радостным воплем сжала меня в своих кисломолочных объятиях.

– Аннушка! Я так и знала, что твой батя нам поможет.

– Мой батя?!

Воображение мигом нарисовало, как папа, работающий прорабом, подгоняет к забору Кузино дома «газельку» со стройматериалами и начинает выгружать паркетную доску, виниловые обои с подсолнухами, потолочную лепнину, пластиковые стеновые панели. Бригада рабочих, вооружившись новейшими инструментами, приступает к работе. Окна меняют на стеклопакеты, печь – на камин, при входе ставят стальную дверь, на крыше закрепляют спутниковую тарелку. На полы стелют паркет, стены оклеивают обоями, потолок украшают лепниной. Евроизба готова. Но это еще не все. На заднем дворе сантехник пыхтит в деревянном скворечнике, устанавливая сияющий белоснежный унитаз. Принимай работу, хозяйка!

– Так что, – Кузькина мать клещом впила мне в локоть, – сделает?

– Сделает-сделает, – пообещала я, лишь бы назойливая тетка отвязалась.

– Да и как не сделать, – успокоившись, расплылась в улыбке та, – для дочурки же расстарается.

– В смысле? – не поняла я.

– А как же?! – удивилась Кузькина мать. – Одной же семьей жить станем.

– С кем? – дрогнула я.

– Ты с Кузьмой да мы с дочами, – просветила меня предприимчивая мама Кузи. – В тесноте, да не в обиде.

– Как это? – Я опешила. – Я – с Кузьмой?!

– Как-как! – всплеснула руками та. – Как все хорошие люди! Ясное дело, сперва сватов зашлем...

– Тили-тили тесто! – взвыли за забором Кузькины сестрицы. – Жених и невеста!

– ...приданое выторгуем, – продолжила мечтать их мама, – потом свадебку сыграем, всей деревней погуляем.

– А Кузьма как, не против? – отмерла я, озираясь по сторонам.

Где же этого дурня носит, пока за него дочку Бабы-яги сватают? А, ну да, мама же не в курсе моего происхождения, с точки зрения Кузьмы, потому такая каша и заварилась...

– Да что ты, Аннушка! – Будущая свекровь всплеснула руками и горячо заверила: – Он в тебе души не чает! Только о тебе и толкует. Люба ты ему, уж поверь моему материнскому чутью.

– А я слышала, он по Фросе сохнет, – возразила я.

Кузина мать скривилась, словно проглотила ложку дегтя.

– Враки! Фрося ему не пара.

– А я? – И дернул же меня черт за язык!

– То ли дело ты, – залебезила баба, – красавица моя, умница, помощница!

– Кто помощница? – Я поперхнулась комплиментом.

– Уж мы-то с тобой заживем любовно! – Она мечтательно закатила глаза. – Ты не слушай, что говорят, будто две хозяйки в одной избе не уживутся. Я тебе все уступлю – и стряпню, и стирку, и прядение, и хозяйство, и огород. Делай сама, как твоей душеньке угодно!

Я восхитилась наглости тетки: открыто сообщать будущей невестке, что навесит на нее все заботы по хозяйству, и при этом выставить себя обделенной не всякому дано. Вот повезет кому-то со свекровушкой!

– Лишь бы вам с Кузенькой жилось справно, – продолжила распинаться баба. – А мы уж с дочками потеснимся, а мы уж как-нибудь привыкнем...

Только сейчас до меня дошло, с какой целью мне показывали огород и хозяйство. Так сказать, сразу вводили будущую рабу в курс дела, и указывали объем работ. И свеклой не так просто угостили: это была проверка на неприхотливость в еде и прожорливость. Оба теста я, на свою беду, сдала на «отлично». Так что теперь придется изрядно постараться, чтобы расстроить матримониальные планы Кузиной мамы. Ее, конечно, понять можно. Дочки еще не доросли, чтобы стать полноправными помощницами, работы полно и по дому, и по хозяйству. Поэтому женщина ждет не дождется, когда старший сын женится и приведет в дом работницу. Атак как Кузьма целыми днями слоняется по полям, по лесам в поисках подвигов и обзаводиться супругой не спешит, его мать решила взять инициативу в свои руки.

– Кузьма-то у меня парень видный, ладный, – бубнила баба. – Любая девица за него замуж пойти будет рада. Повезло тебе, дочура!

– Тили-тили тесто! – взвыли за забором Кузькины сестрицы. – Жених и невеста!

– Что тут происходит? – недоуменно спросил Кузьма входя на двор.

– Твоя мама почти уговорила меня выйти за тебя замуж! – обрадовала его я.

– Мама! – Парень посерел и чуть не выронил из рук кувшин со сметаной. Знала бы мать, что сватает его за дочь Бабы-яги! Но, давши слово, держись, и Кузьма не выдал моего секрета...

– Сынок! – Баба чуть не прослезилась от умиления. – Мы с Аннушкой так подружились. Осталось только о свадьбе договориться!

– Вот и ладушки! – отмер Кузя и, подойдя к матери, вручил ей кувшин. Та с любопытством сунула нос и недовольно надулась:

– Что так мало? Вечно Петровна жадничает.

– Неси-неси в дом, – поторопил ее Кузьма.

– Пойдем, Аннушка! – Баба приглашающе махнула огрубелой рукой.

– Мы с Аннушкой огурчиков пока наберем! – отмазал меня «жених».

И, дождавшись, пока мамаша с дочками скроется в избе, мы сиганули за ворота.

В избе Фроси одуряюще пахло пирогами. Но если на Кузьму запах подействовал опьяняюще и он рванул к столу с намерением слопать всю гору пирогов, которую выложила на деревянное блюдо его любимая, то я снова вспомнила хлебный кошмар и поняла, что не смогу проглотить ни кусочка. Чтобы не обижать хозяйку, я села за стол, выразила восхищение стряпней, взяла румяный пирожок, бросила взгляд на печь. Куча тряпья лежала неподвижно.

– А бабушка с нами не поужинает? – поинтересовалась я.

Фрося печально качнула головой:

– Нездоровится бабулечке. Я ее уже покормила, она только заснула... Кузя, еще пирожок? Аня, да ты кушай, кушай!

Кузьма уже смолотил три штуки, а я все держала пирог в руках.

– Аня! – Фрося протянула Кузьме еще один пирожок и повернулась ко мне: – А ты что же не ешь?

Если бы дело происходило в моем мире, достаточно было бы сказать волшебное слово «диета», и тогда даже самая радушная хозяйка не стала бы проявлять настойчивость. Но это

Лукоморье. Здесь голодают только от бедности, а отнюдь не для соблюдения фигуры.

Пришлось откусить кусочек и восхититься кулинарным талантом хозяйки.

– Кушай-кушай! – расцвела та.

– А можно молочка?

– Конечно! – засуетилась Фрося и потянулась за кувшином. – Только-только надоила! Молоко Буренка дает жирное, душистое.

Кузьма, набивший щеки пирогами, бросил на меня торжествующий взгляд. Прежде чем войти в дом Фроси, он провел меня к покосившейся сараюшке у забора и показал белую в черных пятнах корову – свой подарок.

А я, воспользовавшись тем, что хозяйка отвернулась к кувшину, а Кузьма с увлечением выбирал следующий румяный пирог, выплюнула хлебный кусочек и бросила его под лавку.

Взяв деревянную кружку, доверху полную молока, я, под предлогом того, что в горнице сильно натоплено, вышла из-за стола с недоеденным пирожком в руках и отправилась на крыльцо. Там, убедившись, что никто не видит, я искрошила теплый пирожок и выбросила крошки за забор. А молоко с удовольствием выпила, признав, что натуральная продукция Буренки не идет ни в какое сравнение с широко разрекламированным «Домиком в деревне».

В небе уже всюю полыхали звезды. Задрав голову, я попыталась отыскать знакомые созвездия и взгрустнула. В последний раз мы считали звезды вместе с Ивом на теплом, не остывшем после жаркого дня, белом песке райского острова. Как он там сейчас? Судя по расчетам Варфоломея, Ив уже должен добраться до Златограда. Вот будет здорово, если он уже сегодня найдет Василису и отправится с ней обратно. Скорей бы уж вернуть законную Бабу-ягу и сбежать из этого мира, который гасит мою магию. К хорошему привыкаешь быстро. И, привыкнув к тому, что любое мое желание мгновенно исполняется по моему велению, по моему хотению, было трудно смириться с обратным. Хотя сегодня я могла бы собой гордиться: дважды за день я подвергалась смертельной опасности, и оба раза выбралась сухой из воды без всякого волшебства.

Кузьма в гостях засиделся недолго и едва не зашиб меня дверью, вывалившись на крыльцо. От пирогов парня порядком разморило. Он ословело взглянул на меня, зевнул, пожелал спокойной ночи и обещал зайти утром, чтобы отвести в соседнюю деревню за конем. Фрося пошла проводить его до калитки. А я, почувствовав, что озябла, юркнула в жаркое, натопленное нутро дома.

Стоило войти в комнату, как тряпье на печи взволнованно всколыхнулось. Я вздрогнула, услышав трескучий старушечий голос:

– Аня... подойди... быстрее...

Сморщенная, в пигментных пятнах, рука неожиданно цепко схватила меня за плечо, воспаленные глаза лихорадочно заблестели.

– Это я Фрося, я, я! – глухо зарокотала сумасшедшая старуха, глотая слова. – Не она, не она... Ведьма, ведьма... Украла... Старая... Околдовала...

Скрипнула входная дверь. Старуха испуганно оттолкнула меня:

– Иди... Ничего не говори... Берегись! – И забилась в тряпье.

Когда Фрося вошла в горницу, я уже сидела за столом и наливала в кружку молока. От меня не укрылся взволнованный взгляд, который она бросила в сторону печи. Но я не придавала ему особого значения: внучка волнуется о больной бабушке, что тут такого? А бабушка-то еще и ку-ку, на старости лет умом тронулась.

Фрося еще раз предложила мне пирогов. От горки осталось всего ничего – Кузьма постарался на славу.

– Для тебя оставила, – уговаривала хозяйка, – а то бы Кузьма и эти умял.

Но я вежливо, но решительно отказалась, еще раз поблагодарив за угощение и заметив, что теперь, на полный желудок, меня так и клонит в сон. Фрося покраснелась от похвалы и, спохватившись, укорила себя за то, что держит меня на ногах. Я помогла ей убрать со стола и, пожелав спокойной ночи, в блаженстве растянулась на лавке, которая показалась

мягчайшей периной на свете.

Эх, не бывать мне принцессой на горошине! За время путешествий по другим мирам где я только не спала: и в замке под бархатным балдахином, и в лесу под открытым небом, и в стогу сена в сарае, по соседству с коровами, и на камне в подводной пещере, и в шалаше на пляже – и никогда не мучилась из-за жесткости ложа, так как за день успевала отмахать немало километров и пережить множество приключений, после которых отрубалась мгновенно, лишь только коснувшись головой подушки или ее подобия.

Лес звенел птичьими голосами. Казалось, все пернатые подхватили затянутую каким-нибудь дроздом песню, и теперь многоголосый хор гремел на всю округу. Молоденькие побеги пританцовывали, переплетаясь друг с другом тонкими ветвями. Красотки рябины задорно трясли оранжевыми гроздьями, яблоньки плавно покачивались из стороны в сторону, стараясь не уронить ни одного сочного яблочка. Но трудно было устоять перед заразительной птичьей трелью – и сыпались на землю рябиновые ягодки, зеленые яблоки, желтобокие груши. Даже солидные дубы не могли противиться этой зажигательной мелодии и нет-нет да и тряхнут кроной, как старики, решившие вспомнить молодость и пуститься в пляс на потеху молодежи.

В воздухе было разлито счастье. Оно скатывалось за шиворот смешливой щекоткой, смешинками запрыгивало в рот, розовыми очками покрывало глаза, солнечным теплым зайчиком согревало сердце. Невозможно стоять на месте, невозможно молчать, невозможно остаться равнодушным. Я, приплясывая, бежала по лесу, касаясь поднятой рукой веток деревьев, перепрыгивала через белые ожерелья ромашек и грибные шляпки, во весь голос распевала звонкое «ла-ла-ла-ла-ла».

– Все равно поймаю! – несло мне вслед.

Я оборачивалась, посылая Иву воздушный поцелуй и бежала дальше.

Но вдруг птичья песня оборвалась на высокой ноте, я споткнулась словно о невидимый барьер, а позади раздался треск и глухой стон. В напряженной, тревожной тишине я бросилась назад. И чуть не свалилась в глубокую яму, на дне которой корчился Ив.

– Держись! Я помогу!

Яма слишком глубока, края отвесные и ровные, без единого выступа – даже уцепиться не за что. Без веревки не обойтись.

– Я сбегая в деревню!

Разворачиваюсь и бегу. Но каждый шаг дается все тяжелее. К ногам будто привесили пудовые гири. Спину словно нагроулили мешком песка. Сгорбившись, замедляю шаг и еле-еле ковыляю по дорожке. Куда делись розовые очки и солнечный зайчик, греющий сердце? На душе – тоска и безысходность, в глаза словно насыпали песка, из-за пленки слез все видится мутным и бесформенным. Не заметив, натыкаюсь на деревья, спотыкаюсь о коряги.

– Бабушка, тебе помочь?

– Бабушка? – возмущаюсь я, но изо рта вырывается хриплое воронье карканье.

Поворачиваюсь на голос, шурю и не без труда узнаю Кузьму с ворохом хвороста в руках.

– Кузя!

– Ты меня знаешь? – удивляется он. – Что-то я тебя не припомню.

– Ты что, шутишь? – Каждое слово царапает горло, как еж, и получается хриплым, трескучим. – Это же я, Яна!

– Яна? – Мальчишеский хохот громом прокатывается по верхушкам тревожно притихших деревьев. – Вот насмешила-то. Яна – девчонка молодая, а ты – старуха древняя.

Деревья за его спиной расступаются, и я вижу гладь речного озера. Бросаюсь вперед, с трудом передвигая ногами. Отталкиваю в сторону смеющегося Кузьму. Останавливаюсь на берегу, наклоняюсь над водой. Из воды на меня смотрит сгорбленная сморщенная старуха с перекошенным лицом, похожим на печеное яблоко, с косматыми седыми волосами. А в ее глазах та же смертельная тоска и безысходность, что в глазах Фросиной бабушки... Вдруг

озерная гладь начинает бурлить, и старуха выскакивает из воды, вцепляется мне в шею не по-старушечьи сильными цепкими пальцами и тащит за собой в омут.

Сон обрывается внезапно, словно с глаз сорвали повязку, словно в кинотеатре включили свет. Я задыхаюсь от сильных пальцев, стиснувших шею, и в тусклом свете лучины вижу перед собой совершенно безумные глаза.

– Фрося! – хриплю я и не могу шевельнуться.

С печи доносится жалобный плач старухи.

Фрося хищно нависает надо мной, прижимая к лавке и бормоча какое-то неизвестное заклинание, в котором я вычленяю отдельные фразы: «юности цвет», «старости лет», «годы молодые», «хворь прочь», «кудри шелковые», «голос медовый».

Гляжу в безумные глаза Фроси и в ужасе понимаю: старуха не обманула. Старая ведьма черным колдовством поменялась телом с девушкой и теперь хочет проделать то же со мной. Но зачем ей второе тело? Или колдовства недостаточно, чтобы сохранять молодость, и приходится все время пополнять «источник» новыми вливаниями?

Вырываюсь из всех сил, рывком вскакиваю с лавки, отталкивая ведьму прочь. Та визжит, прижимает к лицу руки, а когда отнимает их, я вздрагиваю. На меня смотрит старуха с печи. Только в ее лице не осталось ничего жалкого, вызывающего сочувствие. Глаза так и полыхают ненавистью, белая щель в бешенстве искривленного рта – словно прорезь на маске. Вот такая ты настоящая, ведьма! Жуткое зрелище – старушечье лицо и девичье тело. Жеваное лицо на гладкой белой шее. Я прервала ритуал, и что-то пошло не так. Я быстро оглядела руки, потрогала лицо, дернула себя за косу. Повезло! Со мной она ничего сделать не успела, да еще и колдовство, направленное на Фросю, частично разрушилось.

С печи доносятся уже тоненькие всхлипы девушки. Кажется, Фрося не поняла, что произошло. Да и как понять когда ведьма стоит к ней спиной, а бедняжка кутается в лохмотья по-прежнему старческими, в морщинах, руками. Только голос звучит по-девичьи тонко, подсказывая, что к Фросе вернулось ее лицо и ее голосовые связи.

Ведьма в бешенстве. Она ошеломлена, но уже вот-вот справится с собой и нанесет удар. В ее руках – магия. Черная, древняя, сильная, помноженная на силу ненависти. У меня – ничего против нее. Панически перебираю в уме заклинания, с надеждой прислушиваюсь к себе, ожидая хотя бы искорки проснувшейся магии. Ничего. Тишина, ночь, безнадежность. Под полом скребется мышь, на душе – кошки.

– Думаешь, сможешь остановить меня?

От вкрадчивого голоса ведьмы я вздрагиваю, вспоминая, как именно этот хриплый, шершавый голос вырывался во сне из моих губ. Неужели сон был пророческим? Неужели это – мое будущее? Так просто я не сдамся!

Ведьма хохочет, вскидывает руки, тянет ко мне гладкие, белые пальцы и начинает выкрикивать слова прерванного заклинания:

– Молодость твоя станет моя! Красота твоя перейдет на меня! Старость моя пусть захватит тебя! – Каждая фраза – крик ликования, уверенность в своей победе.

Ох, зря ты так, бабуса. Нельзя недооценивать противника. Даже если силе магии он может противопоставить только... ловкость ног. Рывком бросаюсь вперед и сбиваю ведьму с ног. Вцепившись друг другу в волосы, катимся по полу, вопя и визжа. Как бы мне сейчас пригодилась помощь Варфоломея! Но блудный котяра дрыхнет под теплым пушистым боком трехцветной деревенской красотки и знать не знает, какой опасности я сейчас подвергаюсь.

По пути натыкаемся на стол, лучина падает, и избу озаряет вспышка – пламя лужей растекается по поверхности стола. От неожиданности разнимаем руки, вскакиваем с пола. Ведьма с воем бросается к столу, где огонь жадно попирает веники из сухих трав, приготовленные для ритуала. Не теряя момента, толкаю ее в спину. Ведьма падает лицом в огонь, язычки пламени стремительно избегают по седым космам. Избу оглашает звериный вой. Пока ослепленная ведьма мечется по избе, натыкаясь на лавки и сундуки, и пытается

сбить пламя, подбегаю к печи и встряхиваю Фросю за плечи. Вздрагиваю, глядя в юное лицо, выглядывающее из груди смрадного тряпья.

– Фрося, – шепчу ей, – что она сделала, когда стала тобой?

Девичьи глаза испуганно таращатся на меня. Воеет и громыхает за спиной ведьма.

– Да говори же! – срываюсь на крик. – Мне нужно знать! Только так ее можно одолеть! Только сделав то же самое с точностью до наоборот!

Почуввав неладное, ведьма бежит на голос. Она сбила пламя, сунув голову в кадку с водой и перевернув ее на пол. Теперь мокрое дерево чавкает под ногами, а пламя, спускаясь по ножкам стола вниз, с шипением гаснет. Пожара не будет. Ведьма трясет головой, трет рукой глаза и приближается. Вооружившись подвернувшимся под руку ухватом, пытаюсь сбить ее с ног.

Но ведьма уже не так легкомысленна, как раньше. Легкомысленна я, потому что слишком поздно понимаю, что ее слепота наигранна. Она ловко выбивает ухват из моих рук. Мгновение – и я пригвождена к стене, моя шея в тисках ухвата. Нас разделяет только длина черенка, и с того конца на меня с яростью пялится жуткое старушечье лицо. Уже не печеное яблоко, а оплавленный воск. Волосы на лбу и висках сгорели, обнажив череп с натянутой обожженной кожей. Щеки покрыты волдырями, и ведьма хрипит от ярости и от боли. Всем весом наваливается на ухват, будто хочет вмять меня в бревенчатую стену, замуровать заживо. «Она и замурует», – с ужасом понимаю я. Замурует в этом искаленном огнем и магией теле, и мое собственное лицо с чужими злыми глазами рассмеется мне в глаза, и мои собственные руки брезгливо оттолкнут Фросино тело с лицом старухи, в которое отныне и на веки вечные будет заключена моя душа.

Я завертелась ужом, пытаюсь освободиться, но железные тиски одним ударом выбили из меня дыхание и сильней вжали в стену.

– Что ж, – шипит ведьма, одной рукой крепко держа ухват и дуя на другую, обожженную, руку, – придется взять и твое тело, а не только молодость. Жаль. – Цепкий взгляд ощупывает меня, как новое платье в магазине. – Это мне больше по нраву. У Фроси волос густой, длинный, не чета твоему. Да и телесами уж больно ты тоща. Но ничего, за этим не станет. Раздобрею на пирогах.

Я коченею от ужаса. Она не только рассматривает мое тело, как платье, она уже продумывает, как его подогнать под свои мерки.

– Ничего у тебя не выйдет, – бодрясь изо всех сил, хриплю я. – Травки-то твои сгорели. А без них никак!

– Много ты смыслишь, дура деревенская, – криво усмехается ведьма. – Травки были нужны, чтобы молодость из тебя выгнать. Тогда бы тело твое само собой состарилось. А теперь мне все равно другого пути нет, как твое тело забрать. Для этого мне и одного заговора хватит.

– Дура-то я дура, – соглашаюсь я. – Да только есть кому за меня вступить. Будь уверена, тебя разыщут и так с тебя спросят, что мало не покажется.

– Это кто ж с меня спросит? – Ведьма хохочет. – Яга, что ли, бабка старая, подруженька заклятая? Так она меня уж давно схоронила. Тело мое прежнее, старое, уж давно в земле сгнило. Да только кто ж знает, что похоронена не я, а Лукерья, падчерица моя треклятая.

– Так ты не одну девицу сгубила? – похолодев, спрашиваю я.

– Сколько их было за эти годы, уж и считать не берусь! – Ведьма в усмешке обнажает гнилые зубы. – Заклинание-то хорошо, да хватает его только от одного лета до другого. Год минул, и краса девичья начинает угасать, а тело старится в считанные дни. Вот и приходится новый обряд проводить.

– Сколько ж ты живешь на свете? – хриплю я.

– Да уж двести лет в обед, не меньше! – торжествующе скалится ведьма.

Двести лет, сотни погубленных душ. И я стану одной из них, не остановлю эту тварь, не сотру ее с лица земли? Как бы не так!

Но тиски держат крепко, а ведьме не терпится завладеть новым телом, и она начинает шептать уже знакомые слова заклинания. Если я не могу шевельнуться и помешать провести обряд, вцепившись ей в космы, то это можно сделать и по-другому.

– Девушки бывают разные: черные, белые, красные, – во весь голос затягиваю я песню-прилипалу. – Но всем одинаково хочется на чем-нибудь заморочиться!

От неожиданности ведьма чуть не роняет прихват, но я рано радуюсь – ее выдержке можно позавидовать.

– Ты не могла бы заткнуть пасть? – злобно шипит она, прерывая заклинание.

– Песне ты не скажешь «до свиданья»! – воодушевленная, распеваю я. – Песня не расстанется с тобой! Через годы, через расстоянья, на любой дороге, в стороне любой...

Ведьма испепеляет меня взглядом и, стараясь не слушать, возобновляет заклинание. Но попробуй повтори все слова, когда в двух шагах надрывается певица да притом специально чудовищно фальшивит. Ведьма ругается благим матом и начинает заговор заново.

– Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер в мае... – душевно вывожу я.

– Замолчи-и-и-и! – визжит ведьма и нажимает на ухват с явным желанием меня придушить. Но железные дуги плотно застряли в бревнах и не могут углубиться больше. И хоть я по-прежнему в плену и шею крепко держат полоски металла, распевать во весь голос мне это не мешает.

– Хали-гали, пара-трупер, нам с тобою было супер! Пара-трупер, хали-гали, мы с тобой всю ночь летали!

Ведьма воет от бешенства:

– И не надейся меня сбить!

– Потому что нельзя, потому что нельзя, потому что нельзя быть на свете красивой такой...

– Я все равно заберу твое тело! – беснуется она.

– Нет, я не понял, что ты имела в виду! Нет, все понятно что ты имела в виду, но что конкретно, что ты имела в виду... – невозмутимо напеваю я.

– Ну все, ты меня разозлила, – шипит ведьма. – Не хотела тратить силу, но придется.

– Что ты имела в виду, что ты имела в виду, что ты имела... – продолжаю голосить я.

Она выбрасывает вперед руку, что-то бормочет, и мои губы приклеиваются друг к другу, запирая внутри неспетые песни.

Ведьма торжествует и начинает выкрикивать слова заговора. На этот раз ей уже ничто не может помешать. С последним словом моя душа покинет тело, уступив место двухсотлетней паразитке, которая разрушит его за какой-то год жизни, а потом бросит, как ветхую одежду, и присвоит себе новое молодое тело.

От безнадежности судорогой сводит живот. А может, это уже душа готовится оставить тело? Нет рядом никого, кто может помешать старой ведьме. Ни верного Ива, который ищет Василису в Златограде, ни бесстрашного Варфоломея – будь он здесь, расцарапал бы ведьме глаза, ни наивного Кузьмы, который дрыхнет, наевшись ведьминых пирогов и не подозревая о том, что настоящая Фрося корчится в старушечьем теле в куче лохмотьев на печи. Никто не остановит ведьму, а она шепчет все быстрее, нетерпеливо приближая последние слова заклинания, и я нутром понимаю, что от обмена телами нас разделяют какие-то несколько слов.

– Юности цвет вместо старости лет. – Она шепчет знакомые слова. – Годы молодые станут моими. Хворь, уйди прочь, юной стану в эту ночь.

Получается, это и есть заключительная часть заклинания. Когда я проснулась от кошмара, я прервала заклинание на этом самом месте, не дав ведьме молвить последние колдовские слова.

– Беру себе твои кудри шелковые, – быстро бормочет ведьма, – твой голос медовый, твой румянец алый, твой стан статный.

Она переводит дух и с торжеством смотрит на меня. В ее глазах я вижу приговор. Всего

несколько слов – и я уже перестану быть собой. К глазам подступают слезы, но я только выше вздергиваю подбородок и с вызовом смотрю в лихорадочно горящие глаза ведьмы.

– Отдаю тебе свои годы древние, свои хвори вредные, свои очи мутные, свое тело ветхое, – с торжеством шепчет она.

Я замираю от напряжения: всего несколько слов – и заклинание будет завершено. Но я вижу то, чего не видит ведьма. В темноте с печи неловко соскальзывает старушечья фигура и, припадая на одну ногу, быстро приближается к ведьме.

– Так стань же ты мною, а я буду тобою! – Хриплый торжествующий крик обрывается на высокой ноте. Фрося в старушечьем теле находит в себе силы рывком повернуть к себе ведьму и вцепляется в нее. Завязывается борьба, и два силуэта, натываясь на стены и лавки, танцуют смертельное танго в полной тьме.

Я с силой цепляюсь за ухват и отталкиваю древко. Свобода! Растираю затекшее горло и быстро ощупываю лицо. Мое!

В волнении смотрю на сцепившихся ведьму и Фросю. Что же теперь будет? Судя по торжествующей интонации, ведьма произнесла все слова заклинания, но вмешалась Фрося и нарушила контакт между нами, разорвав энергетический канал, и, тем самым заменив меня, оттянула огонь на себя. Внезапно фигуры сливаются в единое целое. Секунда – и молодая женщина отталкивает от себя старуху. Та ударяется о печь и беззвучно сползает на пол.

Бедная Фрося! Она пожертвовала собой ради моего спасения. И теперь я просто обязана раздавить эту ведьму.

Я подхватываю с пола ухват и, выставив его вперед, с криком бросаюсь на ведьму.

Та с испуганным визгом отпрыгивает в сторону и бормочет за моей спиной:

– Аня, это я, я, Фрося, Фрося! Все кончилось, кончилось, кончилось...

И эта испуганная интонация, эти взволнованные повторы слов убеждают меня в том, что случилось чудо, и колдовство разрушилось.

Не выпуская ухвата из рук, наклоняюсь над старой ведьмой.

– Она не дышит...

– Что с ней? – взволнованно вскрикивает Фрося.

– Мертва.

– В прошлую весну я осиротела, – начала свой рассказ Фрося, отводя глаза от тела на полу, – а осенью ко мне старушка на постой попросилась, ночку переночевать. Я, конечно, пустила. Сама легла на лавке, гостью на печи положила. Просыпаюсь утром на печи – все тело ломит, глаза слезятся. Понять ничего не успела, как меня мой голос окликает:

– Проснулась, старая?

Я глаза протерла, гляжу – а за столом я сама сижу, косоньку заплетаю.

– Знатные косы отрастила, – говорю «я», – любо-дорого посмотреть.

Я головой трясусь, думаю, сон недобрый снится. А голова как загудит, что я чуть с печи не упала.

– Тихо, бабуля, – слышу свой насмешливый голос, – привыкай. Старость не радость.

– Выходит, она тебя чем-то опоила? – предположила я.

– Я тоже так думала. А вчера убедилась. Как ты заснула, она пироги стала стряпать, мешочек травы из сундука достала да похвасталась, что с тобой собирается учинить. А в мешочке сон-трава была. Чтобы ты спала крепко и помешать ей не могла.

– То-то она так настойчиво мне пироги предлагала, а потом обрадовалась, когда я сказала, что после сытной еды меня в сон клонит!

– Да как же ты проснулась? – удивилась Фрося.

Я рассказала ей, как раскрошила булочку у забора. Про колобковый кошмар умолчала, но отметила, что сон послужил мне предупреждением. Если бы не он, смела бы пироги за милую душу и проснулась бы уже старухой.

– А Кузьме с пирогов плохо не станет? – встревожилась я. – Он же целую гору слопал.

– Не бойся, – успокоила меня Фрося, – ведьма не во все пироги сон-траву сыпала. И

ему подкладывала обычные.

– Но парочка сонных ему все-таки перепала, – заметила я, вспомнив, как широко зевал Кузьма, уходя от Фроси, и тихо спросила: – Как же ты жила все это время?

– Все тело ломило, – тихо призналась девушка. – Казалось, каждая косточка болит. А она смеялась, глядя на мои страдания. Моя хвороба ее забавляла. Ей было радостно оттого, что она обманула старость и теперь я мучаюсь за нее.

– Я удивляюсь, почему она вообще тебя не... – Я осеклась и отвела глаза.

– Не убила? – горько продолжила Фрося. – А перед кем бы она тогда хвасталась своими злодеяниями? С деревенскими-то она не больно общалась. Да и знала, что я ее не выдам. Если в избу кто-то приходил, я никогда не оставалась с ним наедине, она всегда была рядом, следила, чтобы я не сболтнула лишнего, и показывала, как заботится обо мне. Когда она уходила, закрывала дом на замок, а я была так слаба, что все равно не смогла бы бежать. А соседям она сказала, что я ее бабка, и все этому поверили.

– Скажи лучше, как тебе удалось колдовство разрушить?

– Это тебя благодарить нужно.

– Меня? – поразила я и обрадовалась. Неужели в последний миг моя магия проснулась и остановила колдовство?

– Ты же мне сказала, что разрушить колдовство можно, если сделать то же самое, только наоборот, – пояснила Фрося. – Когда я увидела, что она начала читать заговор, поняла, что это моя надежда на спасение. Ведьма собиралась проделать с тобой то же, что и со мной. Я и подумала что если помешать ей в последний миг, то я и новому колдовству не дам совершиться, и старое, каким она меня околдовала, разрушу.

– Но откуда же ты знала, что она сделала с тобой, – усомнилась я, – если ведьма тебя опоила, и ты проснулась уже старухой?

– Я не знала, – призналась Фрося, – но после того как она меня околдовала, я часто видела сны. Страшные, недобрые. Будто сперва я – это я, Фрося. А потом появляется старая ведьма, тянет ко мне руки, лезет целоваться. Глядь – а напротив уже мое лицо смеется надо мной, а я старуха древняя. Часто мне эти сны снились. Я стала думать, что ведьмин поцелуй – часть обряда.

– Обмен душами, – ахнула я, вспоминая известный афоризм. – Кто-то из поэтов писал, что при поцелуе влюбленные обмениваются душами.

– А ведьма так выпивала чужую молодость, – печально заключила Фрося.

Меня передернуло, когда я вспомнила старое ведьмино лицо на молодом Фросином теле.

– Ты ее... целовала?!

– Я только губы приблизила, как она стала уворачиваться от меня. Тут-то я и поняла, что права. А что мне оставалось делать?! – Голос девушки сорвался. – Я бы хоть жабу поцеловала, если бы мне кто сказал, что это вернет мою молодость.

– И все получилось?

– Сама видишь. В тот же миг я в своем теле очутилась. А ведьма вновь старухой обратилась.

Выходит, моя магия тут ни при чем. Фрося сама совершила чудо, одолев ведьму ее же оружием.

– Что ж, – пробормотала я. – Главное, что все позади.

Девушка молча подошла к печи и, сняв лоскутное покрывало, накрыла им мертвую старуху. Ночь постепенно отступала, и за окошком начинало светлеть. Сев на лавку, мы с Фросей потихоньку разговаривали, не сводя глаз с черной неподвижной кучи у печи.

– Странно, что соседи не почуяли неладное, – удивлялась я, – когда ведьма заняла твое место.

– Чему удивляться? После смерти батюшки с матушкой я все горевала, с соседями не зналась. Только Кузьма один ко мне заходил.

– И даже он не догадался! – поразила я.

– А чего ему догадываться? – Фрося горько усмехнулась. – Я его никогда за порог не пускала. А ведьма-то привечать стала: то пирогов напечет, то по грибы с собой позовет. Потом, смеясь, мне рассказывала, как Кузьма в нее влюблен, что вот-вот сватов зашлет. А она этим пользовалась в своих целях и все куда-то его посылала.

– В каких целях? – насторожилась я.

– Почему мне знать? Она мне не рассказывала. Только смеялась, что влюбленный дурак ради нее лоб расшибет.

– А тебе, – я глянула на Фросю, – Кузьма совсем не нравится?

Та зарделась и отвела глаза:

– Что сейчас о том говорить?

– Так ведь любит он тебя давно, жениться хочет.

– Не меня он любит – ведьму проклятую! – неожиданно зло возразила она.

– Так он же не знает ничего, – убеждала я. – Видит, что его привечают, и радуется!

– И не надо ему знать! – испуганно вскрикнула Фрося.

Неудивительно, что она не хочет, чтобы Кузьма понял, кем все это время была настоящая Фрося.

– Значит, никому не расскажем, что здесь произошло? – спросила я.

– Никому! – с мольбой поддержала Фрося.

– А с ней как быть? – Я покосилась на мертвую ведьму.

– Скажем, умерла бабушка от старости. Похороним по-людски.

Фрося уже совсем оправилась от потрясения, и в ее голосе прорезались деловые нотки. А что, хозяйка из нее выйдет хорошая! Нелегко только ей с Кузькиной мамой придется.

– Хорошо, – согласилась я. – Только ты мне сейчас скажешь, что ты думаешь о Кузьме.

Фрося смущенно потупилась:

– Раньше я на него и глядеть не хотела, думала, дитя совсем, молоко на губах не обсохло, а туда же – жениться! Чтобы его отвадить, даже сказала как-то в шутку, что выйду замуж только за богатыря, о подвигах которого все Лукоморье знать будет. Куда Кузе до богатыря-то? Думала, обидится и глядеть в мою сторону перестанет. Он и впрямь стал пропадать куда-то, но, когда в деревне был, не упускал возможности за околицей меня подкараулить. Ох и злилась я на него! Но когда ведьма его привечать начала, я его по-другому узнала. Они же за столом сидели, разговаривали, а я на печи лежала да все слышала и видела. Видела, с какой лаской он на нее смотрит. И так мне горько было, ведь смотрел он на мое лицо, а восхищался другой, ведьмой проклятой. И разговоры их слышала, речи ласковые Кузины одной отрадой мне были. Закрою глаза, слышу голос его сладкий и представляю, что это он мне говорит. Поняла я тогда, что хороший он парень, с добрым сердцем, с душой отзывчивой, с руками золотыми. Трудолюбивый да хозяйственный. Какого еще мужа желать?

Я удовлетворенно потерла руки:

– Значит, согласна за него пойти?

– А ты что же, – она насмешливо взглянула на меня, – сватаешь?

Я смутилась. Откуда мне знать все традиции сватовства? Там, поди, тонкостей больше, чем в китайской церемонии.

– Ладно уж, – улыбнулась Фрося. – Родни у меня нет, сватать меня не у кого. Пусть сам приходит – поговорим.

– По рукам! – обрадовалась я.

– Только приданое у меня небогатое, – приуныла девушка. – В нашей деревне и побогаче невесты есть.

– Тебя он одну любит, а не приданое, – успокоила ее я.

– Меня ли? – усомнилась она. – Мы же с ним за все время редко когда словечком обмолвились. А как ведьма ему голову крутила, так я не смогу.

– Ничего, – ободрила я. – Скажу ему, что ты после смерти родителей все оправиться не могла. Сперва горевала, потом затосковала одна-одинешенька и стала его привечать.

– Стыд-то какой! – Фрося густо покраснела, а рассветные лучи солнца еще ярче выцветали ее румянец. – Незамужняя девица холостого парня в гостях принимает! Как же я Кузьме в глаза-то буду смотреть?

– Но ведь ведьма себе ничего постыдного не позволяла? – уточнила я, припоминая, что Кузьма всегда отзывался о возлюбленной с уважением и не позволял себе никаких пошлых намеков.

– Нет, – замотала головой Фрося. – Она боялась, что о ней судачить начнут, а ей это ни к чему.

– Скажу ему, что ты его сперва как младшего братца воспринимала, вот и вела себя вольно. А теперь полюбила и изменилась к нему отношением.

– Ой! – Фрося испуганно закрыла рот ладошкой. – Так и скажешь – полюбила? Стыд-то какой!

– В любви ничего постыдного нет, – возразила я. – Но так уж и быть, не буду его радовать раньше времени. Сама сообщишь ему эту приятную новость.

– После свадьбы! – смущенно добавила Фрося.

– Дело твое, – не стала спорить я.

Скрипнула дверь, в сенях раздался грохот, и мы испуганно покосились на порог.

– Я-а-а-на! – В горницу с воплем ввалился Варфоломей. – Я тут такое узнал, такое! Оказывается, Фрося... – Он выпустил когти и зашипел на девушку. – А ну немедленно отойти от нее, ведьма проклятая!

Фрося при виде говорящего кота вскочила с лавки и схватилась за сердце.

– Ты, как всегда, вовремя! – упрекнула его я. – И не обзывайся на Фросю. Она – это уже она.

– Так он правда говорит? – пролепетала девушка. – Это мне не чудится?

– К несчастью, не чудится, – усмехнулась я и указала нервно озирающемуся коту на пол у печи: – А ведьма вон.

Он вздыбил шерсть, настороженно принюхался и вытаращился на меня круглыми глазами.

– Как это вы ее?

– Она сама, – невинно ответила я.

Кот недоверчиво наклонил голову, но ничего не сказал.

– А как ты узнал про ведьму? – запоздало удивилась я. – Я думала, ты загулял.

– И ничего я не загулял, – с достоинством возразил он. – Я завел новое знакомство.

– Ах, извини! Когда ждать его плодов – четырехцветных котят?

Варфоломей не удостоил меня взглядом и сообщил:

– Между прочим, Мурка мне обо всем и рассказала. Любопытная она кошка, как-то к Фросе в избу тайком шнырнула, пока ведьма во двор выходила. И слышала, как ведьма над Фросей потешается и признается, что ее молодость себе присвоила. Тут-то Мурка и смекнула, что бабка и есть Фрося, а Фрося – ведьма лютая, перепугалась и при первой возможности украдкой из избы сиганула.

– Если б все кошки могли говорить, как ты! – сокрушенно заметила Фрося. – Меня бы уже давно выручили!

– И что тогда? – возразил кот. – Ведьму в твоём теле на вилы бы подняли, а ты бы так и померла в её теле от старости.

Фрося задрожала и, как подкошенная, плюхнулась на лавку.

– Зачем девчонку пугаешь? – упрекнула я Варфоломея. – Фрось, все будет хорошо. Сосватаем тебя за Кузьму в лучшем виде.

– Вот и ладненько, – обрадовался кот, пристально взглянув на невесту и убедившись, что та совсем не против. – Кузьма парень достойный, с ним не пропадёшь!

– Рано об этом загадывать, – возразила Фрося. – Сперва старуху схоронить надобно.

Мы посвятили кота в нашу договоренность, и тот одобрил решение Фроси не разглашать истории с ведьмой.

– И то верно, – кивнул он. – Ни к чему эти бабские разговоры, охи да ахи. Тебе, Фрося, опосля них не отмыться. Да и Кузьме ни к чему про то знать. Умерла старушка, а у тебя новая жизнь начинается. Конечно, со свадебкой повременить придется. Но зато Кузьму получше узнаешь, да и он тебя, настоящую.

Вскоре и Кузьма объявился. Посерел лицом, узнав о смерти Фросиной бабушки, выразил свои соболезнования и готовность помочь. Глядя на взволнованную Фросю и не сводящего с нее глаз Кузьму, мы с Варфоломеем почувствовали себя лишними и, обменявшись тихими замечаниями, сошлись во мнении, что Фрося и Кузьма составят хорошую пару. Настрадавшаяся от козней ведьмы Фрося достойна семейного счастья, да и Кузьма доказал ей свою преданность и не устанет доказывать ее впредь. Пускай даже в ущерб другим обещаниям.

Смущаясь и виновато переминаясь, Кузьма отвел меня к окну и сказал, что не сможет бросить Фросю в ее беде и отвести меня в соседнюю деревню.

– Хочешь, я с тобой сестрицу отправлю? – предложил он. – Она доведет, тут совсем недалече.

– Не надо, – поспешно открестилась я, вспомнив душераздирающие вопли «тили-тили тесто» и невольно посочувствовав Фросе, которой теперь придется выслушивать их на законных основаниях. – Мы сами дорогу найдем. Ты только объясни, куда идти.

– Да тут недалече, – обрадовался он. – До леска дойдете, а там все напрямик да напрямик.

Я так и не решилась спросить Кузьму, что за поручения давала ему ведьма. Ведь тогда бы пришлось выдать Фросю. Распрощавшись с женихом и невестой, мы вышли на крыльцо. Как раз вовремя, чтобы заметить знакомый летающий объект, приземлившийся у края леса.

Мы с котом переглянулись, и я окликнула Кузьму, который гремел чем-то в сених:

– Кузь, где бы мне метелку взять?

Парень сбегал к сараюшке, в которой скучала корова, и притащил оттуда изрядно потрепанное помело.

– Это же Фросино? – замаялась я.

– Бери-бери! Что я, Фросе новую метлу не справлю? Сегодня же в лесу хвороста наберу да сделаю.

Поблагодарив его, мы отправились искать в лесу блудную ступу.

Сознавая свою провинность, ступка прятаться не стала, встретила нас на лесной тропинке и наклонилась, предлагая взойти на борт.

– Может, лучше пешком? – засомневалась я, вспомнив о последней поездке и особенно об аварийной посадке.

– Залазь давай! – Кот уже сидел в ступе. – Ступка кочевряжиться больше не будет. Правда, ступка?

– Ну гляди, ты обещал!

Я взгромоздилась в летательный аппарат и взмахнула помелом, задавая маршрут:

– В Замышляевку!

В ушах засвистел ветер, и ступа вспорхнула над кромкой леса. Я уже приготовилась к очередной порции воздушных аттракционов, но ступа вела себя на удивление пайнкой – летела ровно, на одной высоте, с вполне комфортной скоростью – и вскоре доставила нас к пункту назначения.

Часть четвертая **СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ БАБА-ЯГА**

Трудно было поверить, что в доме кто-то живет. Забор покосился и местами обвалился. Крыша была засыпана сгнившими листьями. Из трубы не вился дымок. Ставни, когда-то узорчатые, поблекли и где отвалились, где покосились. Бревенчатые стены почернели от времени, из щелей торчала пакля, которую деловито таскали два воробья. Крыльца у избы не

было. Рядом с входной дверью, прислоненная к стене, стояла перевернутая бочка. Встав на нее, можно было допрыгнуть до порога. Пахло плесенью, старым деревом и сыростью. Во всем чувствовались разрушение и упадок.

– М-да уж, – промычал Варфоломей, задрав голову и проводив взглядом воробья, уносящего в клюве кусочек пакли. – Год назад все еще было не так плачевно.

– А она вообще жива? – с опаской спросила я, поглядывая на мутные окошки, в которых не отражалось ни огонька свечи.

– Сейчас и узнаем.

Кот обежал избу вокруг и вернулся, неся в зубах придушенную мышь.

– Мышей здесь видимо-невидимо! – довольно сообщил он, кладя трофей у моих ног.

Я поспешно взлетела на бочку у крыльца и замолотила кулаком в дверь, запоздало сообразив, что так и не придумала, чего бы такого напелсти Стеше, чтобы ее разговорить. На мое счастье, дверь не открывалась и из избы не донеслось ни звука, который мог бы рассказать о том, что в доме есть люди.

– Никого нет, – с облегчением доложила я Варфоломею, но на землю спускаться не стала, решив дожидаться пока тот доглодает свой завтрак.

Огляделась по сторонам, заметила висящее под крышей осиное гнездо, повернулась к дому спиной и всмотрелась в дорожку за околицей: не покажется ли хозяйка этого мертвого дома. Интересно, как она выглядит? Почему-то представлялась высокая фигура в черном плаще с капюшоном, скрывающим лицо, и косой в руке. И от этого хотелось еще быстрее выскочить за околицу, вдохнуть свежего, а не пропитанного тленом воздуха, и почувствовать себя живой.

Изба за моей спиной тревожно заскрипела бревнами, надрывно всхлипнула половица, заскрежетала, открываясь, дверь. Варфоломей от потрясения выронил изо рта мышь. С самыми худшими предчувствиями я обернулась и обмерла.

Лучше бы хозяйка надела свой капюшон! С белой маски лица на меня взирали два черных, будто выжженных пожарищем, провала глаз. И это лицо никак не могло принадлежать живому человеку.

Я вскрикнула, не удержала равновесия и рухнула на землю вместе с бочкой, придавив замешкавшегося кота. Душераздирающий кошачий вопль огласил окрестности.

Спиной чувствуя мертвый взгляд черных пожарищ глаз, я поторопилась подняться на ноги, уже продумывая, как схвачу орущего Варфоломея за шкирку и опрометью брошусь за ворота. Но лодыжка взорвалась такой страшной болью, что перед глазами взметнулось марево, и я, как подкошенная, упала на землю. Когда боль чуть утихла, я почувствовала, что по щеке вороньим крылом скользнула грубая ткань, а в ноздри забился запах сырой земли. Открыв глаза, я увидела заляпанный грязью подол черной юбки и где-то высоко над ним две черных звезды, загородившие солнце и внимательно смотрящие на меня. Пушистый комок метнулся ко мне сбоку, уткнулся под руку, отчаянно мяуча. Черные звезды качнулись, в глаза брызнуло солнце, и я снова зажмурилась.

– Встать можешь? – озабоченно прозвучал тихий шелест. Показалось, ветер шевельнул прошлогодние листья на крыше дома. Что за глупость – отвечать ветру.

– Встать можешь? – настойчивее прошелестел ветер совсем рядом, и ледяная ладонь обожгла холодом мою руку.

– Могла бы – давно бы встала, – проскулила я, отдергивая ладонь.

Зря. Тут же льдом сковало пульсирующую болью лодыжку, нога отнялась, и я закричала.

– Тише-тише, – зашептал ветер. – И сейчас больно?

– Я не чувствую ногу, – пробормотала я, жмурясь сквозь пелену слез.

– А так?

Ледяные оковы исчезли, и лодыжку вновь накрыло пожаром боли. Я вскрикнула, ветер прошелестел:

– Потерпи, сейчас.

Я вытерла рукой слезы и взглянула в лицо ветру. У него были черные ямы глаз на снежной скатерти лица.

– Я тебя вылечу. – На белой маске проступили черные контуры губ, приоткрывшие голубоватые льдинки зубов. – Только мне нужно что-то...

Снова порыв ветра, снова черное крыло по лицу, снова запах сырой земли, снова глаза-звезды закрыли солнце.

– ...что-то живое, – доносится тихо сверху.

Фигура в черном делает шаг в сторону, коршуном бросается на землю и возвращается ко мне. В ногтях с черной каймой трепыхается серая мышка.

– Мое, – обиженно бурчит Варфоломей под боком.

Но сверху уже сыплется колючий снег непонятных слов, снежинки ложатся на травмированную лодыжку обезболивающими лоскутками, пронзительно пищит мышь, неумолимо сжимается белая ладонь с черными ногтями. Кажется, я слышу, как ломается каждая косточка в хрупком мышинном тельце, а боль в лодыжке постепенно отступает. Когда мышь перестает пищать и сильная рука прижимает к моей ноге еще теплое тельце, боль уходит. Я отдергиваю ногу. Жалко мышь, и противно от прикосновения жесткой шерстки. И с удивлением понимаю, что лодыжка больше не болит. Чтобы убедиться, поднимаюсь на ноги, шевелю ступней, дотрагиваюсь до того места, где еще недавно жила боль. Кожа еще красная, но нога в порядке. Ничто не помешает моему дальнейшему путешествию по Лукоморью. Ничто, кроме черных провалов глаз на белой маске неживого лица.

– Не болит? – На маске проступает подобие беспокойства.

– Порядок, – хрипло отвечаю я и добавляю: – Спасибо.

– Спасибо в суму не положишь. – Маска умеет усмехаться. – Была б ты мужиком, попросила бы тебя крыльцо починить в благодарность за лечение.

– Было б у тебя крыльцо, лечение бы не понадобилось, – не остаюсь в долгу я.

Маска устремляет на меня черные бездны глаз, и внезапно уголки черных губ расползаются в стороны. От улыбки маска сминается пергаментом, с щеки отлетает кусочек белой штукатурки, обнажая розоватую, в россыпи веснушек, кожу. Из глаз уходит чернота, сужаясь до черной точки, и они уже не провалы пожарищ – голубые проруби.

– Ты чего пришла-то? – спрашивают черные губы. И теперь я вижу: маска – лишь слой густой белой извести, на которой черным угольком закрашены белесые брови, очерчены черные овалы век, прорисована черная щель губ.

Передо мной Стеша, хозяйка мертвого дома, невеста погибшего жениха.

Бывшая целительница, посвятившая себя магии смерти. Но навыки прошлого чародейства остались. И напрасно Варфоломей утверждал, что теперь Стеша перешла на сторону зла. Не посмеялась она надо мной, не поиздевалась. Вылечила подвернувшуюся ногу и только потом спохватилась об оплате. «Вот только как вылечила, – напомнил внутренний голос, – отобрав жизнь у маленькой мышки...» Ворожба Стеши – созидание, построенное на разрушении. За мое здоровье заплачено чужой жизнью. И страшно представить, чья жизнь будет поставлена на кон, когда речь пойдет о более серьезных повреждениях, чем растяжение сустава.

– Поговорить надо, – облизнув пересохшие губы, проговорила я.

– Раз поговорить, то пошли в дом.

Стеша нашла откатившуюся бочку, прислонила ее к крыльцу и оторвалась от земли, взметнув черные лоскуты-крылья. На мгновение показалось, воспарила над землей. Не удивлюсь, если под юбкой у нее не ноги, а вороньи лапы. Словно услышав мои слова, ветер взметнул подол чуть выше, и моему взгляду предстали задники обыкновенных лаптей, пусть и изрядно изгвазданных в сырой земле. Где она ее находит только? Дождя не было, не иначе как по болотам шастала.

– Идешь? Или сперва плотника покличешь, чтобы крыльцо справил? – насмешливо обернулась хозяйка.

Вид лаптей Стеши как-то сразу придал ей человечности, и я, перестав опасаться

странной чародейки, но памятуя об осторожности (вряд ли Стеша станет лечить меня второй раз по доброте душевной, если меня угораздит навернуться с бочки), взгромоздилась на бочку и шагнула вслед за хозяйкой в темные сени.

В избе пахло сыростью, гнилым деревом и прелой шерстью. Половицы скрипом отзывались на каждый шаг, и казалось, стонет сам дом, состарившийся, одряхлевший и уже не получающий достаточного ухода и заботы. У порога я споткнулась о брошенные в беспорядке растоптанные лапти. Один из них я умудрилась запульнуть аж в центр горницы. Стеша полоснула меня суровым взглядом, подхватила лапоть и, осторожно отряхнув от пыли, так, словно это был не старенький разношенный лапоть, размером с лыжу, а драгоценная хрустальная туфелька, по которой ее может найти принц, поставила его у стены. Затем взяла второй такой же и опустила рядом.

Горница не радовала глаз ни жаром поленьев, потрескивающих в печи, ни умелой вышивкой на настенных полотенцах, ни румяным караваем на столе. Стены были голы, стол был завален пучками трав, но не сухих, а подгнивших. Печь и вовсе обвалилась с одного угла. Такого упадка даже в домах, захваченных злыднями, не было! Я украдкой огляделась в поисках вредного бесенка, но никого не нашла. Да и странно было бы, если бы в избе чародейки поселилась нечисть.

Между тем разруха и беспорядок виделись во всем: и в сваленном в углу тряпье, и в разбросанных по избе вещах. Приглядевшись, я поняла, что все они – мужские. Высовывается из-под лавки одинокий лапоть – не иначе как сорок пятого размера, сброшена впопыхах льняная рубаша на грубый деревянный сундук у стены, подпирают печь огромные валенки. Казалось, неряха хозяин второпях собирался в дорогу, да и побросал все вещи где ни попадя. Вот только откуда ж ему взяться-то? Жених Стеши давно умер, и отца у сироты нет в живых. Не иначе как сведения Варфоломея устарели, и Стеша успела оправиться от гибели жениха и завести нового кавалера – неопрятного, толстолапого и безрукого. Хоть бы печь починил!

– Как же ты зимой-то согреваешься? – вырвалось у меня.

Стеша не сразу поняла, о чем речь, а потом махнула рукой.

– Печь по весне обвалилась, когда в ней особой надобности уже не было.

«Вот почему в доме так сыро», – поежилась я. Несколько месяцев комнаты не обогревались, и влага въелась в дерево, изгрызла его до гнили. Но хозяйке, похоже, до этого нет никакого дела. А как же горячая еда? Чем Стеша питается? Сырыми грибами да сухими корешками?

– А как же ближайшая зима? – заикнулась я.

Даже при теплой московской зиме без батарей не выживешь. А в Лукоморье, поди, зимы суровые, как нынче в Сибири.

Стеша повернула голову и глянула на меня с таким недоумением, словно наступление зимы было столь далеким событием, что и думать о нем еще не следовало. Потом глаза ее полыхнули черным, стирая голубую радужку и вновь становясь черными пропастями на выбеленном лице.

– До зимы как-нибудь все устроится, – с отчаянной решимостью промолвила она и, отвернувшись к столу, смела в сторону пахнущие гнильцой пучки трав.

– Каменщика бы надо позвать, – посоветовала я, продолжая коситься на разрушенную печь.

– Так я и позову, – хрипло пробормотала Стеша, – позову. Вдруг придет, а?

Она повернулась ко мне и впилась в меня взглядом, от которого сделалось не по себе.

– Конечно, придет! – убежденно пробормотала я.

– А если не захочет? – Она испытующе глянула на меня.

– Чего ж не захотеть-то? – недоуменно возразила я. – Ты только пообещай ему вознаграждение хорошее, он мигом примчится.

Стеша потрянула головой, и из ее горла вырвался вороний крик. Я невольно отшатнулась, Варфоломей прижался к моим ногам, а чародейка несколько раз дернулась

всем телом, продолжая хрипло каркать. Невозможно было опознать в этом жутком крикестоне женский смех, но тем не менее Стеша смеялась. Захлебнувшись последним «кар-р-р», она подняла голову и кивнула мне, предлагая садиться на лавку.

Сделать это было непросто: из-под лавки торчали лапти и отклеившиеся пасти старых сапог, которые, казалось, только и ждут, чтобы схватить зазевавшегося гостя за пятку и откусить полноги. Да и сама скамья была завалена грудой тряпья. Пришлось изрядно повозиться, прежде чем отвоевать себе местечко среди груды этого винтажного барахла. Усевшись, я сразу же расчихалась от пыли, и кружева паутины, то там, то тут опутавшие тряпье, потревоженные, всколыхнулись вверх, а крупный черный паук взлетел по стене к потолку. Приглядевшись, я заметила среди вещей потемневший от времени кушак и изъеденные молью рубахи и с дрожью поняла, что если и был в этой избе хозяин, то он явно не появлялся дома несколько лет. Догадка, которая осенила меня следом, скатилась за шиворот лавиной мурашек. Похоже, Стеша окружила себя вещами погибшего жениха, создав спасительную иллюзию того, что тот лишь вышел на время, оставив в избе все свои вещи, но совсем скоро вернется. Неужели она до сих пор в это верит? «Верит», – вдруг поняла я. Поэтому так неприязненно взглянула на меня, когда я споткнулась о лапти у порога. Поэтому с такой непонятной мне заботой отряхнула их и аккуратно поставила у стены.

– Так что за дело тебя ко мне привело? – Она смахнула со стола сгнившие листья и корешки и села напротив.

Вряд ли хозяйка порадуетса расспросам о своем погибшем женихе. Поэтому, вспомнив о словах Варфоломея и о том, что нынче Стеша промышляет порчей, я не нашла ничего лучшего, как выпалить:

– Мачеху извести хочу. Житья никакого от нее нет!

– Мачеху, говоришь? – Стеша в задумчивости потерла поверхность стола, оттирая прилипший листик. – А ты твердо решила?

Две черные пропасти глаз обволокли меня сумраком, и я вздрогнула всем телом.

– Боязно? – усмехнулась она.

– Сыро у тебя, – не выдала волнения я.

Чародейка удовлетворенно прикрыла глаза, и стал заметен неровный угольный контур по краешку век. Это придало мне уверенности. Стоило только увидеть что-то земное во внешности хозяйки, как она переставала казаться порождением тьмы и представлялась обычной сельской девицей с неумело намалеванной физиономией.

– Так что, – поторопила я, – поможешь?

– Помогу, – помолчав, ответила она. – Приноси прядь волос мачехи, лоскут платья и корову приведи.

– А корову зачем? – облизнув губы, спросила я.

– А корову – чтобы меня отблагодарить.

– А, – кивнула я, – понятно.

Я растерянно расправила сарафан. Вот и все, судьба выдуманной мачехи решена, и жизнь ее оценена в одну буренку. А я ни на шаг не продвинулась в своем расследовании того, имеет ли Стеша отношение к черному пиару Бабы-яги.

– Это еще не все? – подала голос Стеша. – Еще кого-то извести хочешь? Может, у тебя коров много?

– Не, – затрясла головой я, – только одна.

– Тогда нечего тебе тут рассиживаться. Это только Любава два приворота по цене одного делает, – усмехнулась она. – На порчи такие правила не распространяются.

Надо же, подивилась я, современный маркетинг в древнем Лукоморье! Ох, хитра Любава. «А что, если, – у меня даже во рту пересохло от такой мысли, – что, если она тоже переселенка, как и я?» Ведь встретила же я в Вессалии своего современника Степана, который попал туда из моего мира, только несколькими годами раньше. И столкнулась же я в подводном царстве с Антуаном, магом-французом из моего мира и времени. Не говоря уж о

поп-звездочке Полине, которая провалилась во временной портал и теперь живет на древнегреческом побережье под видом Афродиты.

– К Любаве мне тоже надо, – откликнулась я, – говорят, она на любовные дела мастерица.

– Да уж, мастерица она знатная. – На белом лбу Стеши прорезались две отчетливые складки, черные губы вытянулись в щель.

«А ведь она Любаву не любит», – поняла я. Вот только в чем здесь причина? По магии они не конкурентки. Неужели им приходилось соперничать за любовь погибшего охотника?

– Неужто обманули? – простодушно вылупила глаза я.

– Вот что, – Стеша подняла на меня тяжелый взгляд, – ты к Любаве не суйся. А к корове захвати еще и курочку. Я тебе такой приворот сделаю, что вовек никто не съест. Поняла?

– Поняла, – часто закивала я, – вот спасибоочки!

– Спасибо мне скажешь, когда твоя мачеха в сырую землю ляжет, – криво усмехнулась она. – И после того, как суженый твой тебя замуж возьмет. Ну все, ступай. Не задерживай меня.

Глаза Стеши вновь затопила черная бездна, и она склонилась над пучками гниющих трав и лихорадочно забормотала:

– Надобно дело одно до конца довести. Авось получится. А если опять неудача, то разыщу Бабу-ягу да в ноги ей упаду.

Мы с котом настороженно переглянулись.

– Бабу-ягу? – переспросила я.

– Раньше-то она меня из избушки прогнала, – продолжала бормотать Стеша, перебирая пучки трав, – и слушать не стала. А нынче, говорят, переменилась Яга. Про добро забыла, ко злу обратилась, младенчиков ест. Чай, договоримся. Я ей мальчонку соседского, а она мне – водицы живой, чтобы Ефимушку оживить.

Меня передернуло от подобной перспективы, а Стеша неожиданно подняла голову и впиалась в меня черными, без ободка, глазами:

– Как думаешь, даст?

– А ты думаешь, это поможет? – осторожно спросила я. – Ефима-то твоего давно на свете нет. Поди, одни кости в земле остались.

Стеша отшатнулась и схватилась за сердце, словно мысль об этом ей и в голову не приходила. Затем затрясла головой, будто отгоняя от себя страшные видения, и убежденно забормотала:

– Так на то она и живая вода. Живая-живая. Чтоб из единой косточки можно было человека оживить.

Из горла Стеши снова вырвался хохот, похожий на воронье карканье, и мне сделалось по-настоящему жутко.

– А если не даст? – с дрожью спросила я.

Стеша осеклась и непонимающе взглянула на меня.

– Как не даст? – Ее губы дрогнули, лицо исказила гримаса ненависти. – Не даст?! Да я ее... Да я ей! – Голос ее сорвался на крик, и показалось, ветер просвистел в стылой печной трубе.

Мы с котом попятились к порогу.

– Ступай, – махнула рукой Стеша. – Не задерживай меня. Авось все получится, авось, авось... – как заклинание повторила она, склоняясь над травами.

– Как в могиле побывали, – тревожно мяукнул Варфоломей, когда мы удалились на значительное расстояние от дома Стеши.

– Точно, – кивнула я, с наслаждением подставляя лицо полуденному солнцу и лоя губами теплые лучи и запах свежескошенной травы.

– И что ты думаешь?

– А что тут думать? К слухам о Бабе-яге она отношения не имеет – сам слышал, она в них верит и надеется выменять на младенца живую воду. – Я содрогнулась.

– Но дела творит черные, недобрые, – заметил Варфоломей. – Вернется Василиса, непременно ей скажу, пусть разберется, поучит уму-разуму.

– Что, на добро ее закодирует? – недоверчиво усмехнулась я, вспоминая свою собственную сестрицу. Чтобы избавить ту от увлечения черной магией, мне пришлось забрать себе часть ее злой натуры. Нет-нет, а характер Селены дает о себе знать. Теперь-то я знаю, что злую волшебницу можно остановить только двумя способами: или убить ее, или присвоить себе часть ее черной магии. Только не факт, что после этого ведьма станет доброй феей. А вот Варфоломею, похоже, это невдомек.

– Василиса что-нибудь придумает! – убежденно ответил он.

«Ну-ну, – я передернула плечами. – Пусть с этим разбирается Василиса». Я ни за что не рискну впустить в себя ту беспросветную тьму, которая поселилась в глазах и в сердце Стеши. Что-то подсказывало мне, что вместе с тьмой в душу хлынет смертельный холод, от которого не спрятаться под одеялом, не согреться у костра, не оттаять в объятиях любимого.

– Как думаешь, Ив уже добрался до Златограда? – окликнула я кота.

– Еще вчера должен был, если его ничто в пути не задержало. Скорей бы уж он Василису сыскал! – с надеждой добавил Варфоломей.

– Да уж, – проворчала я, – без Василисы тут прям конец света наступит. Немедленно и беспросветно. Спасешь Василису – спасешь Лукоморье.

Мы остановились у опрятного домика из светлого дерева, под крышей которого ворковали два белых голубка. Домик выглядел светлым и уютным, как в доброй сказке.

– А вот и изба Любавы, – объявил кот.

– А народ-то весь где? – Я в удивлении оглянулась.

Мы полдеревни прошли и не встретили никого.

– Так в поле все. День в разгаре.

– А Любава – тоже?

– Да зачем же ей в поле спину гнуть? Она знай себе отвары варит да по лесу шастает, травки собирая. А те, кто на поле трудится, ей потом все готовенькое принесут в обмен на склянку люблянки.

– Чего-чего? – удивилась я.

– Люблянка – это напиток хмельной, ейное изобретение, – объяснил кот. – Как выпьешь, так вовек от любви охмелеешь.

– Страшная штука! – ужаснулась я. – И что, с годами не выветривается?

– Зришь в корень, – подмигнул Варфоломей. – Разве ж Любаве выгодно, чтобы ее поило раз и навсегда срабатывало? Ясное дело, она бы тогда с голоду зачахла. Поэтому отварчик каждый год обновлять надобно. Вот и живет Любава припеваючи, вон какую хату себе новую справила – знатная невеста стала.

– Все до сих пор невеста? – усмехнулась я. – Что, сапожник без сапог? Никто замуж не берет?

– Я ж тебе говорил, – напомнил кот, – что Любава в Чернослава влюблена. Годы идут, а она не теряет надежды.

– Хорошо же он ее люблянкой опоил, – хмыкнула я.

– Скажешь тоже, – фыркнул Варфоломей. – Нужна она ему больно!

– Ну что, – я тронула калитку, – пойдем узнаем, уж не Любава ли на Бабу-ягу напаслину возводит?

– Только ты уж поосторожней, – предупредил кот. – Любава – девица хитрая.

– Да уж не хитрей меня! – подмигнула я и вошла на двор.

Первое, что я там увидела, был знакомый мне рыжий конек, который стоял у забора и увлеченно жевал астры, росшие на грядке. При виде меня он радостно заржал, выронив на землю недожеванный цветок. Я в испуге метнулась за калитку, чуть не раздавив кота.

– Там Илья! – округлив глаза, сообщила я, с опаской показывая на щель в заборе.

– Он тебя видел? – с беспокойством мяукнул Варфоломей.
– Нет, – я помотала головой. – Он, похоже, в избе, а конь во дворе привязанный стоит.
– Хорошо, – кивнул кот. – Как ты думаешь, что он там делает?
– Астры жрет, – живо откликнулась я.
– Да не конек, – он закатил глаза, – а Илья в доме у Любавы!
– Неужели, – я радостно ахнула, – свататься к ней пришел?
– Хорошо бы, – хмыкнул кот. – Это значит, приворотное зелье, которым ты его опоила, перестало действовать. А может, и наоборот! – Он красноречиво приподнял ухо.
– Что, наоборот? – насторожилась я.
– А того, – снизошел до пояснения кот, – что он, может, до сих пор по тебе сохнет и приехал к Любаве за ее отваром в надежде добиться от тебя взаимности.
– Кошмар! – ужаснулась я. – Варфик, с этого дня все напитки первым будешь пробовать ты. И если ты не сбрендишь от любви к Илюше, тогда и я их выпью.
– Да погоди ты, – поморщился кот. – Ничего еще не ясно.
– Как же выяснить-то?
– Пойди да спроси, – фыркнул он.
– Варфик!
– Тогда пошли подглядывать. Только тсс! Тихо!

Мы проскользнули мимо увлеченного трапезой Конька-горбунка (тот уже обглодал всю грядку с астрами и принялся за соседнюю, с ромашками) к стене дома. К счастью, окна Любавиной избышки были расположены низко и заглянуть в них не составляло никакого труда. Мы с котом обежали три окошка, прежде чем я углядела вихрастую макушку Ильи и склонившуюся к нему женскую голову.

– Они что, целуются? – прошептала я.

Варфоломей, который крутился у моих ног и не мог видеть происходящего в избе, от такого анонса подпрыгнул как теннисный мяч, и повис на подоконнике, с любопытством заглядывая внутрь.

Гость и хозяйка шевельнулись, и я разочарованно вздохнула. Они не целовались, а о чем-то переговаривались, и между ними на столе стояла склянка воды, перевязанная алой лентой.

– Люблянка, – опознал бутылочку Варфоломей. – Для тебя, похоже.

Илья тем временем отвязал от пояса тугий кошель и выложил на стол золотую монетку.

– Гляди-ка, подорожала уже! – присвистнул кот и зашептал: – Раньше Любава две серебрушки брала. А может, объегорить дурака решила. Видит же, что он последние порты отдаст, только бы отвар заполучить.

Пухлая ладошка Любавы накрыла золотой кругляш, кулачище Ильи сграбастал бутылочку с приворотным зельем. Сделка состоялась.

– Ну все, – мрачно прокомментировал кот, – теперь прячься. А не то увидит тебя Илья, одним кулаком за шкуру схватит, другим – в уста отвар вошьет, и все – побежишь под венец вперед него. И что я потом Ивану твоему скажу?

Меня передернуло от подобной перспективы, и я быстро шмыгнула за угол – подальше от крыльца, где меня мог заметить богатырь.

Вскоре затрещали сени, пропуская Илью на крыльцо. Богатырь распрощался с Любавой, взгромоздился на конька и унесся восвояси. А хозяйка, только сейчас заметившая урон, нанесенный горбунком ее цветочным грядкам, вскрикнула и сбежала с крыльца. Затаившись на заднем дворе, я слышала, как она повздыхала над погибшими цветами и поднялась в дом.

Варфоломей шмыгнул за ворота убедиться, что богатырь не вернется, а я украдкой заглянула в горницу и застала диковинную картину. Любава быстро убрала со стола кружку, из которой она потчевала Илью, смахнула крошки, сбежала к сундуку и водрузила на стол кусок бересты. Затем уселась на скамью, придвинула бересту и что-то быстро написала на ней угольком. Потом отложила уголек в сторону и принялась паять в бересту,

нетерпеливо кусая губы и словно ожидая, что на бересте проявятся зашифрованные письма. На подоконник тем временем запрыгнула белая кошка и с любопытством уставилась на меня. «Как это ее Варфоломей проглядел, – усмехнулась я. – Иначе уже давно у крыльца крутился бы и мяучил, вызывая красотку на свидание». Кошка повернула голову, и я вновь увидела Любаву. Чародейка радостно вскрикнула, склонилась над берестой и стала водить пальцем, словно читая строчки. Затем ненадолго задумалась, подняла голову к потолку, в задумчивости погрызла уголек, отчего краешек губ окрасился черным, и, наклонившись к бересте, быстро-быстро заводила угольком. Мне даже любопытно сделалось, что же такое она там пишет – любовное послание придумывает или новый рецепт приворотного зелья сочиняет.

Но тут вернулся Варфоломей, доложил, что горбунка вместе с всадником и след простыл, и я, пригибаясь у окон и стараясь не попасться на глаза хозяйке, припустила к крыльцу. Теперь мой черед нанести визит чародейке. А на случай если богатырь надумает вернуться, Варфоломей покараулит у калитки и подаст знак.

На мой стук в дверь изба отозвалась приветственным грохотом и быстрыми шагами. Дверь отворилась, явив моему взору две дыне подобных груди, тесно обтянутые красным сарафаном. Я в удивлении отступила назад и только так смогла разглядеть кудесницу любовной магии целиком. Любава была высокой, полной, явно не избалованной сельским фитнесом барышней. Материала ее платья вполне хватило бы на парашют, а сама она напоминала воздушный шар, раздутый до предела. Диссонанс в ее знатные формы вносила только коса, мышинным хвостиком смотревшаяся на фоне мощных плеч, широкой шеи и баллонообразных рук. В остальном Любава была миловидна и белокура. Так выглядела бы Барби, будь она на центнер побольше.

Пока я молча пялилась на хозяйку дома, та с не меньшим любопытством разглядывала меня.

– Знаю-знаю, что привело тебя ко мне, – с улыбкой Деда Мороза сказала Любава. Глаза ее были такой синевы что не будь мы в Лукоморье, я бы не сомневалась, что эта морская синева – заслуга контактных линз.

– Откуда? – насторожилась я. В мои планы не входило сразу выкладывать все карты.

– Я смотрю прямо в сердце, – нараспев произнесла Любава, – и вижу все печали твои.

Я промолчала, обдумывая, какие именно из моих печалей открылись чародейке, а та, ободренная моим замешательством, продолжила:

– Вижу, грусть-тоска по молодцу доброму, пригожему твое девичье сердце иссушила.

«А, это она про Ива, – успокоилась я. – А что, – я взглянула в синие глаза Любавы, взирающие на меня с материнским пониманием, – может, разузнать у нее, как там у нас сложится?»

– И не только сердце. – Любава окинула меня откровенно жалостливым взглядом и повернулась, чуть не сменя спиной дверной косяк. – Идем!

Пока я рассматривала чистенькую, убранную цветочными букетами горницу да думала, на что это она намекает, хозяйка достала из резного сундука бутыл с мутной водицей и уже знакомую склянку, завязанную алой лентой.

– Это, – она протянула склянку, – для молодца.

– Это та самая? – Я изобразила восхищение. – Люблянка?

– Она, родимая, – ласково улыбнулась Любава. На колени ей запрыгнула кошка, и хозяйка почесала ее за ушком.

– Наверное, дорогая? – закинула удочку я.

– Для тебя – две серебрушки.

– Для того, кто любит, наверное, и золотого не жалко, – будто бы невзначай заметила я.

– Да уж. – Любава фыркнула. – Вот только перед тобой богатырь являлся. Люблю – не могу, хочу, чтоб девица моей была, все на свете отдам.

Я судорожно сглотнула:

– И что?

– Брехал, – разочарованно вздохнула она. – Волшебного коня пожалел.

– Но ты ему все равно помогла?

– А как же, – усмехнулась Любава, убирая в сундук шелковый Илюшин кошель, набитый монетами. – Так помогла, что он теперь вовек меня не забудет! А это, – она придвинула ко мне бутылку с мутным содержимым, – для тебя. Быстротолст!

– Быстро что? – поразились я.

– Красота это твоя девичья, вот что! – тоном доброй феи провозгласила Любава.

– Это? – Я с сомнением покрутила бутылку и оскорбленно поинтересовалась: – А зачем мне это?

Чародейка всплеснула полными руками.

– Так красота-то девичья, она в теле! Ты на меня погляди! – Она выставила вперед свой арбузоподобный бюст и провела пудовыми руками по набитому, как барабан, животу. – Все он, быстротолст!

– Так это, – я потрясенно уставилась на ее телеса, – все магия?

– Он, он, – закивала непомерно довольная собой Любава, – быстротолст родимый. Не успеешь оглянуться – раздобреешь, как на дрожжах. И женихи в очередь за околицей выстроятся.

Она придвинула ко мне бутылочку и ласково улыбнулась. Представив себе, как от одной капли отвара меня раздует до размеров слона, я в ужасе затрясла головой. Я за естественную красоту. И скелет, изможденный диетами, и туша, раздутая магией, – это перебор.

– Нет, спасибо! Я как-нибудь сама.

– Ты замуж хочешь? – прищурилась Любава.

– Замуж? – Я отшатнулась. – Не-э-эт!

– Вот и пей... – привычно начала отвечать чародейка и вдруг в ужасе вытаращила на меня глаза: – ЧТО?!

– Замуж не пойду! – Я с решительностью отодвинула бутылку.

– Да как же, – растерянно пробормотала чародейка, – тогда зачем же...

– Зачем пожаловала? – подсказала я.

– Ага, – кивнула она, таращась на меня, как на диво дивное.

– Работу ищу, – брякнула я. – Тебе помощница не нужна?

Любава окинула меня критическим взглядом:

– А по-моему, замуж тебе, девка, надо!

– Не хочу жениться, – уперлась я, – хочу учиться!

– Чему же?

– Как это чему? Ворожбе! Ты, говорят, одна из величайших волшебниц Лукоморья... – Я глянула на довольно заалевшую Любаву, убедилась, что выбрала верный тон, и продолжила врать: – Сама Яга тебе не ровня. Вот и хочу к премудрости твоей приобщиться.

– Опоздала ты, девонька, – Любава светло улыбнулась, – не до учениц мне нынче. Я ведь скоро замуж выхожу.

– Вот радость-то! – воскликнула я, заметив за окном мелькнувшую черную тень. Белая кошка заинтересованно порхнула на подоконник и уставилась на восхищенно прильнувшего к стеклу Варфоломея. – За кого же?

Так она мне и назвала имя счастливца!

– Выйду – узнаешь. – Она лукаво улыбнулась. – И тебе тоже советую времени зря не терять. Женское счастье – оно в семье, а не в учении.

Глядя на светящееся лицо Любавы, было ясно, что ни о каких интригах и власти она и не помышляет. Засиделась чародейка в девках по лукоморским меркам, вот и радешенька, что жених на горизонте нарисовался.

– Бери, – расщедрилась она, придвигая ко мне обе бутылочки, – дарю!

Тем временем Варфоломей своими кошачьими комплиментами, видимо, успел

вскружить голову хозяйской кошечке. Потому что та, забыв обо всем на свете, метнулась с подоконника и, не заметив на своем пути ведро с тестом, стоявшее на скамье у стены, опрокинула его. Вязкая масса растеклась по бревенчатому полу, Любава с криком вскочила и, обругав уже умчавшуюся на двор проказницу, метнулась за тряпкой.

Пока чародейка, причитая, ползала по полу и собирала тесто, я не удержалась и перевернула бересту. К моему удивлению, та была совершенно пуста. Как будто бы на моих глазах Любава не выводила с усердием букву за буквой. Не успела я удивиться, как береста колыхнулась, и на ее поверхности проступили слова, которые писал невидимый мелок. Вот тут-то я и пожалела, что так легкомысленно отнеслась к занятиям по старославянскому языку в институте. Потому что надпись складывалась из смутно знакомых витиеватых символов. Как я ни напрягала память, перевести письмена так и не смогла. К тому же каждую секунду меня могла застать Любава, поэтому я поспешила положить бересту на место.

– Вот беда-то, – горестно проговорила чародейка, поднимаясь с колен. – Все тесто пропало.

– Что ж, не буду мешать. – Я встала с лавки. – Счастливо оставаться!

– погоди! – окликнул меня голос Любавы, когда я уже была в дверях. – Отвары-то забыла!

Пришлось вернуться и забрать с собой подарки, которые мне были совершенно не нужны. Но не обижать же хозяйку! Хотя я бы с большим удовольствием приняла в подарок каравай. Или кусочек сыра. Или мисочку каши. Желудок настойчиво напоминал о себе, и я досадливо поморщилась, сжимая гладкие бока бутылочек. При первом же удобном случае вручу их тому, кто в них нуждается. Или загоню по спекулятивной цене, если будет нечем расплатиться за ужин.

Однако стоило выйти за забор, как мысли о еде вылетели из моей головы.

– Варфоломей, погляди-ка, это не Сидор там впереди вышагивает?

– Какой такой Сидор? – встрепнулся кот.

Ну да, чего ожидать от Варфоломея – он-то сплетника Сидора видел один раз в жизни и то на волшебной тарелке во дворе Забавы.

Но кот уже сорвался с места, обогнал путника, повернулся к нему мордой и, выгнув спину, громко зашипел. Сидор схватил с земли камень и запустил в кота. Тот чудом успел увернуться и взлетел на забор, откуда продолжил шипеть вслед мужику.

– Варфик, ты цел? – Я подбежала к нему.

– Я-то цел, а вот этому, – кот погрозил в спину Сидору, который как раз завернул за поворот, – еще не поздоровится! Ух я ему!

Кот аж подпрыгнул на месте, не удержался на заборе и рухнул вниз, в пышные листья лопуха.

– Глаза выцарапаю! – профырчал он, выбираясь оттуда и стряхивая с уха большую жирную гусеницу.

– Это всегда успеется, – остановила его я. – Как ты думаешь, что он здесь делает?

– Живет? – предположил Варфоломей.

– Наверяд ли, – возразила я. – Сидор, Фрол и Клим из одной деревни. И Фрол, говоря о чародейке Любаве, сказал, что живет она далече от них. А теперь догадайся с трех попыток, какое дело могло увести Сидора так далеко от дома?

– Неужели за люблянкой пришел? – Кот в удивлении округлил глаза. – Да на что только этот сморчок надеется? Я уже заранее сочувствую его зазнобе.

– Не думаю, что дело в зазнобе. – Я покачала головой. – Тебе напомнить, при каких обстоятельствах мы последний раз лицезрели Сидора?

– Волшебное блюдо Забавы! – вскрикнул кот.

– Точно. Сдается мне, Сидор явился сюда за новой сплетней. И, – я глянула на солнце, клонившееся к закату, – скоро будет новый сеанс связи.

– Нельзя допустить, чтобы он опять наговорил гадостей про Бабу-ягу! – заявил Варфоломей.

– Согласна.

– Давай я нападу на него, он растеряется, а ты огреешь его по голове горшком. – Кот махнул на горшки, которые сушились на заборах у каждого дома. – А пока он опомнится, оттащим его в какой-нибудь сарай и свяжем!

– Ну и фантазия у тебя, Варфоломеюшка. Вот что, у меня есть идея получше...

Сидор, не догадываясь, что за ним наблюдают, скорчил страшную рожу, растянув губы и обнажив зубы, после чего потер зубы пальцем. Потом поплевал на ладони, пригладил лохматую голову и принялся подкручивать ус.

– Пора, – шепнула я, вылезая из-за куста с бузиной. Кот юркнул следом за мной.

Последний час мы тайком кружили за Сидором по всей деревне. Народ возвращался с полей, улицы были полны людей, и мне ничего не стоило затеряться между спешащими по воду девицами, молочницами, предлагающими соседям свежий удой, и мужиками, обсуждавшими заготовки сена и лучшую наживку для рыбалки на щуку. Сидора узнавали: кто-то, разинув рот и бросив ведра, спешил к нему, чтобы узнать последние сплетни, кто-то презрительно морщился и отворачивался, показывая, что не желает иметь с ним дела. Так или иначе, но недостатка в слушателях и осведомителях у Сидора не было. Наконец народ разошелся по домам, чтобы собраться за большим столом и плотно отужинать, а Сидор сел на завалинку напротив колодца, достал зеркальце и принялся скалиться.

– Скукота, – бормотал он, – день-деньской одно и то же. Ни одного достойного события, опять все самому выдумывать придется. Девочка Маша заблудилась в лесу, потом вышла к соседней деревне, откуда ее вернули домой на следующий день. Что может быть скучнее? – Сидор скорчил досадливую гримасу. – То ли дело девочку Машу украла злобная Баба-яга. – Он криво ухмыльнулся и закатил глаза, дав волю фантазии. – Ступу, уносившую девочку прочь, видел пастух, а мужики, рыбачившие у лесного озера, слышали ее крики о помощи, но, как ни грозили колдунье удочками, так и не смогли помочь несчастной деточке... – Сидор притворно всхлипнул, не отводя глаз от зеркала. – Родители в трауре, соседи в ужасе, народ в панике. Баба-яга – вот имя врага!

– Нет, я больше не могу это слышать, – зашипел Варфоломей у моих ног. – Я сейчас его на клочки раздеру.

– Рано, – придержала его я.

– Хорошо хоть упыриху намеренно встретил, – забубнил Сидор. – В прошлый раз не довелось рассказать, зато теперь будет чем народ потешить. Уж я-то поведаю про упыриху окаянную, с когтями в земле испачканными, с губами кровью вымазанными, что мне с попутчиками в лесу дремучем встретила. Двух богатырей загрызла – не подавилась, насили сам ноги унес!

– Вот теперь пора. – Я стиснула кулаки. – Но сперва – наш план, клочки по закоулочкам позже.

И мы выскочили из-за куста, представ взору первого сплетника Лукоморья. Сидор подслеповато прищурился, потом злобно выплюнул, вскакивая с лавки:

– Чур меня, упыриха!

– Ба, старый знакомый! – оскалилась я. – Тебя-то каким ветром сюда занесло?

– Некогда мне с тобой лясы точить, – солидно ответил Сидор, косясь на зеркальце. – Ступай своей дорогой!

В другое время он бы от меня так просто не отстал, а тут прогоняет. Видать, вот-вот Забава на связь выйдет.

– Вот об этом-то я с тобой и хотела побалакать, друг мой ситный. – Я встала напротив завалинки и уперла руки в боки. – Ты почто напраслину на Бабу-ягу возводишь?

– И ничего я не возвожу... – заикнулся Сидор.

– Молчать! – рывкнул кот, так что мужик подскочил на месте и воззрился на него со

священным ужасом. – Слышали мы твои байки, видели, как ты сквозь свое зеркало их по всему царству распространяешь.

– Говорящий кот! – оправившись от испуга, довольно вскрикнул Сидор. – Вот это диковина, вот это встреча.

Глаза сплетника загорелись, и он двинулся к коту, приговаривая:

– Из каких же ты краев, милочек? И много там таких, как ты, водится? А котята у тебя тоже говорящие? Кис-кис-кис!

Он протянул свободную руку к Варфоломею, и тот с удовольствием впился в нее зубами. Мужик взвыл и задергал ладонью, но кот не ослабил хватки и грушей повис на руке. Сидор закрутился на месте и выбросил руку, ударив кота о забор. Тушка Варфоломея с глухим звуком сползла на завалинку, но кот не пострадал – лишь злобно зыркнул глазами на зажимающего ранку Сидора и прыгнул ко мне в ноги.

– Вот что, друг мой Сидор, – задушевно пропела я. – Забудь все то, что ты только что сочинил, и послушай меня. Когда зеркальце свяжется с Забавой, ты расскажешь ей и народу чистую правду. И как Маша, которая в лесу заблудилась, домой вернулась. И как младенчик, который с поля пропал, отыскался. И как охотник из лесу возвратился. Ты о них в прошлом выпуске новостей вещал, чай, не забыл? Как-как там на самом деле-то все было?

– Ничего я рассказывать не буду, – криво ухмыльнулся Сидор. – А расскажу-ка лучше, как упыриха в Замышляевку повадилась шастать, людей кусает, – он потряс кровоточащим пальцем, – и на коров мор наводит. Нака-ся выкуси! – Сидор сложил кукиш и покрутил им перед моим носом.

От гнева у меня потемнело перед глазами, а в ушах зазвучал конский топот. Показалось, даже ветер возмутился наглости мужика – налетел откуда ни возьмись, бросил в лицо горсть дорожной пыли. Как только Сидор отплевался, а я вновь обрела способность слышать, за спиной раздался чудовищный рев:

– ЛАДУШКА!

– Илья-а! – протяжно мяукнул кот.

А Сидор кузнечиком подпрыгнул на завалинке и рванул мимо меня, размахивая зеркальцем и вопя:

– Прославленный богатырь, Расскажи о своих подвигах!

Пока я медленно поворачивалась, Илья смел назойливого репортера со своего пути и сжал меня в объятиях, восторженно восклицая:

– Ладушка моя, вот ты где! А я тебя по всему белому свету ищу. Вот счастье-то! Вовремя вспомнил, что забыл у Любавы кошель свой, да вернулся с полпути.

– А зачем ты ездил к Любаве? – втиснулся прыня Сидор.

И это был первый раз, когда я испытала благодарность за его непомерное любопытство.

– Действительно, – прохрипела я, отбрыкиваясь от рук Ильи, – что ты у Любавы делаешь?

Богатырь сконфуженно замер, ослабил хватку и, краснея, отвел глаза:

– Так ведь это... того... Сестрица попросила, вот! – вывернулся он.

Сидор козлом скакал вокруг нас и блеял:

– Это твоя невеста? А свадьба когда? А ты знаешь, что она упыриха?

– ЭТО КТО УПЫРИХА?! – взревел Илья и шагнул к Сидору. Мгновение – и мерзкий мужик мешком повис в кулачище богатыря и забормотал слова извинения.

– Да я из тебя за такие слова дух вытрясу! – угрожающе прорычал Илья и тряхнул Сидора как грушу. Тот верещал, болтался, но зеркальца из рук не выпускал.

– Стой! – вскрикнула я. – Этим дело не исправишь. Ты бы слышал, какие мерзости он о моей мамулечке рассказывает! На весь белый свет роднулечку позорит!

– Какую еще мамулечку? – пропищал Сидор. – Я твою мать знать не знаю!

– Знать не знаешь, – гневно прищурилась я, – а глупости болтаешь.

– Бабулечку-ягулечку обижать?! – рявкнул богатырь и еще раз от души тряхнул Сидора.

– Она – твоя мать? – возопил Сидор, и глаза его заблестели в предвкушении сенсации. –

У Яги есть дочь? А батя твой кто? Бросил вас, поди, с мамкою-то? Еще бы, от такой мамки кто хошь сбежит! Батя, поди, Иван-царевич был, которого Яга обманом завлекла? Или чудо-юдо болотное? То-то ты такой чернавкой уродилась!

Ответы Сидора не интересовали – он уже все сочинил сам и предвкушал, как поведает сенсационные факты благодарным зрителям. В одном только просчитался.

– МОЮ НЕВЕСТУ ОБИЖАТЬ! – взревел богатырь и занес другой кулак, намереваясь вышибить из болтуна дух.

– Илюшечка, – я повисла на кулаке, пригибая его к земле, – погоди, родненький. Мамкино имя этим не спасешь. Ты лучше выслушай меня. Видишь, у него в руке зеркальце? Оно волшебное, через него Сидор с чародейкой Забавой коннектит... то есть говорит и со всем людом, который у нее на подворье собирается.

– Иди ты, – удивился Илья.

– Так и есть! – подтвердил Сидор. Он еще не понимал, к чему я клоню, но ясно сознавал, что пока в мои планы убивать его не входит, и пуще прежнего вцепился в зеркальце, как утопающий за соломинку. – Скоро сами увидите, Забава вот-вот в зеркальце появится.

– Так вот, – я продолжила ласково увещевать богатыря, не глядя на Сидора, – попроси его, Илюшенька, чтобы он всю правду рассказал да все покле... то есть наветы с Бабы-яги снял. Пусть расскажет, что на самом деле детей никто не воровал, и к мужикам, которые в лесу пропали, Яга отношения не имеет.

– Я его попрошу! – Илья зверем глянул на Сидора. – Я его сейчас ТАК ПОПРОШУ! А ну говори немедленно!

– Зеркальце пока не показывает, – проскулил тот.

– А мы подождем, – я взяла богатыря под локоток и снизу вверх глядела на болтающегося в воздухе мужика.

– Поставь меня пока на землю, – взмолился Сидор, и его крысиные глазки блеснули хитростью. – Может статься, ожидание затянется. Чего зря утруждаться.

Рука Ильи уже двинулась вниз, но я противовесом налегла на другой локоть и велела:

– Держи-держи его! Опустись – и этот плут мигом стрекача даст. Только мы его и видели.

Сидор зыркнул на меня с такой злобой, что я только убедилась в верности своих подозрений.

– А пока, – я уперла одну руку в бок, – тренируйся давай. Повторяй за мной: Баба-яга – самая добрая волшебница Лукоморья. Ну что же ты молчишь? Илья, ну-ка развяжу ему рот.

Сидор, не дожидаясь, пока богатырь тряхнет его как грушу, торопливо проскрежетал:

– Бабаягасамаядобраяволшебницалукоморья.

– Так-то лучше, – одобрила я. – А зеркальце давай сюда, я его сама подержу... в нужном ракурсе.

Сидор протестующе затряс бородкой и не выпустил диковину из рук.

– Илюшенька, скажи Сидору «пожалуйста», – ласково улыбнулась я богатырю.

– А ну быстро отдал, – гаркнул молодец, – а то выдеру вместе с руками.

Сидор, чуть не плача, повиновался.

– Вот и умница. – Я взяла зеркальце и подняла его так, чтобы Забаве и зрителям не было видно богатырского кулака на шее специального корреспондента.

– Разучивай дальше: Баба-яга – лучший друг детей!

Сидор, прожигая меня ненавидящим взглядом, повиновался. До начала сеанса связи с волшебным блюдом он успел выучить с десятков рекламных слоганов, которые я придумывала на ходу.

– Баба-яга добрая, как мама. Баба-яга всегда на страже вашего здоровья, – послушно повторял Сидор. – Хочешь быть счастливым – спроси Бабу-ягу как. Баба-яга щедра и мудра. Баба-яга всегда думает о нас.

– Сидор, – прервал его мелодичный голос Забавы, и зеркальце полыхнуло голубым

светом, но ничего не отразило, – ты здоров?

В голосе чародейки слышалось бескрайнее удивление. Сидор вытянул голову поближе к зеркалу и изобразил мученическую мину, но тут я показала ему второй кулак богатыря, и репортер нацепил на лицо приветливый оскал.

– Здравствуй-здравствуй, Забава! Добрый вечер, почтенный люд!

– Ты чего это там про Бабу-ягу бормочешь? – спросила Забава. – Чай, умом тронулся?

– Никак нет, – бодро отозвался Сидор. – Каюсь, что долгое время вводил вас в заблуждение. Но моей вины в том нет – сам стал жертвой чудовищной лжи.

Я показала ему большой палец в знак одобрения и, привстав на цыпочки, поднесла зеркальце ближе.

– Как мне удалось разузнать, – продолжил тараторить Сидор, – вины Бабы-яги в похищениях детей и исчезновении людей нет, и тому есть совсем иное объяснение.

– Да ты что, Сидор! – недоверчиво протянула Забава. – Ты же нам сколько раз рассказывал такие истории...

– Виноват, виноват! Ты же знаешь, хозяйюшка, народ соврет – недорого возьмет, а я им и поверил да вам пересказал. Но вот намерен решил я проверить эти рассказы, и что же выясняется!

Сидор, кажется, даже забыл о том, как жалко выглядит, болтаясь в кулаке Ильи. Он расправил плечи, задрал нос и, лучась от сознания собственной важности, вкрадчиво произнес:

– Помнишь, в прошлый раз я рассказывал о младенчике, которого Яга с поля выкрала? Неправда! – вскричал он. – Сущая нелепица! Никто младенчика не похищал! Родная бабка забрала его с поля, пока родители поодаль траву косили. Не докричалась до сына с невесткой, взяла внука да домой пошла. А те хватились ребеночка да давай кричать, что Яга его выкрала. Я как раз мимо проходил, услышал и вам потом передал. А наутро узнал, как все на самом деле было.

Я не сводила глаз с Сидора – даже не похоже было, что он привирал, чтобы обелить имя Яги. Скорее всего, именно так все и случилось. Только родители вряд ли стали винить Ягу в пропаже младенца, это Сидор домыслил за них.

– Но ведь сколько еще народу пропало! – припомнила Забава. – Мужики в лес пошли и не вернулись...

– То охотник в медвежью яму угодил и просидел там три дня, покуда ребяташки за грибами не пошли да не нашли бедолагу, – поведал Сидор. И опять я была готова поклясться, что заядлый врун говорит правду.

– А вот еще кузнец в Голодранкино пропал... – раздалось из зеркальца.

– Так он напился до чертиков и в лес, на ночь глядя, убежал, да там в болоте и сгинул. Потом лапоть на берегу нашли, – развенчал очередную байку Сидор.

– А как же мужик из Неудачево? Тот, что в лес за дичью пошел и не возвратился?

– Волк загрыз, – трагически вздохнул Сидор, – охотники его потом разыскали.

«Жаль еще, – хмыкнула я, – что Сидор не знает про того кузнеца, который с дочкой мельника сбежал от постылой жены. Вот уж тут бы он разлился соловьем».

Когда вопросы Забавы и зрителей из зеркальца иссякли, а Сидор, как смог, убедил публику в невиновности Бабы-яги, чародейка молвила:

– Вот что, Сидор. Благодарствую за твою службу. И даю тебе новое задание. Немедля отправляйся к замку Кощея. А то Колобок там уже которую неделю без толку катается и ничего путного сказать не может. Уж ты-то с твоим чутьем мигом до правды докопаешься.

Сидор судорожно сглотнул и дернулся в кулаке Ильи:

– Так я ж того, этого...

– Заплачу вдвое больше, – перебила Забава.

Сидор тут же воспрянул духом и согласно потрянул бородкой:

– Сегодня же отправлюсь в путь-дорогу!

Зеркальце вновь полыхнуло голубым и погасло.

– Свободен, – кивнула я Сидору и дала команду Илье: – Отпускай!

Богатырь мои слова воспринял буквально, разжал кулак, и Сидор плюхнулся в дорожную пыль да разразился жалобами на ушибленные бока.

– И что теперь с ним? – Илья повел широким плечом.

– А это уже не наша забота. Сам слышал, Сидор к Кощею путь держит. Авось не вернется.

Сплетник, в это время любовно сдувающий пылинки с зеркальца, нервно дернул шеей и бросил на меня ненавидящий взгляд, от которого у меня разом в горле пересохло.

– Как пить охота! – сказала я, поняв, что с утра во рту не было ни маковой росинки.

– Глаза разуй, колодец позади тебя, – фыркнул кот.

– Зачем же колодец? – вдруг вскрикнул Илья и запустил руку за пазуху. – Вот, возьми! – Он протянул мне уже знакомую склянку с прозрачной водицей. Только алой ленточки, фирменного знака Любавы, на ней не было. Видно, догадался снять, чтобы не возбудить подозрений. – Родниковая водица, сам в лесу набирал, – приговаривал богатырь, настойчиво протягивая мне приворотное зелье и возбужденно блестя глазами. – Одним глоточком напьешься!

«Это точно, напьюсь», – мрачно думала я, невольно пятясь назад. А вместо похмелья будет мне вечная влюбленность в богатыря и семейная идиллия с горшками, пеленками, орущими детишками и увальнем-мужем. Быть может, я даже кудель научусь прясть и стану первой пряхой в Лукоморье. И уж конечно, и думать забуду о волшебстве, о рыцаре и о своем родном мире.

Пока я панически соображала, как бы откосить от зелья, не обидев богатыря, тот шагнул ко мне, обхватил мои ладошки своими ручищами и вложил в них бутылочку. Стекло приятно похолодило пальцы, водица плеснулась, маня сделать глоточек.

Я бросила испуганный взгляд на Варфоломея. Тот, вытаращив глаза, мотал головой: он тоже признал в бутылочке приворотное средство и предупреждал меня об опасности. Увидев, что я на него смотрю, кот принялся подпрыгивать на месте, тряссти хвостом, показывать лапой то на богатыря, то на меня, потом стал бить лапой себе в грудь и беззвучно разевать рот, как политик на демонстрации, которую смотришь по телевизору с выключенным звуком. Сидор с любопытством застыл у завалинки. Он не понимал, что происходит, но чувал важность момента и не спешил уходить, поочередно стреляя глазками то в спину богатыря, то на меня.

Как же мне выпутываться? Разбить бутылочку или разлить ее содержимое? Но что-то подсказывало, что богатырь так просто не отступится: схватит меня в охапку, довезет до дома Любавы и насильно вошьет в меня новую порцию зелья. Нужно убедить его, что зелье я выпила до капельки, а тем временем вылить его. Но как это сделать, если Илья не сводит с меня глаз? И тут я наконец-то поняла, что мне пытается сообщить кот своей пантомимой. Ну конечно же, это так просто! Ай да кот, ай да молодец!

– Спасибо, Илюшенька, – ласково проворковала я, выдергивая пробку из бутылочки и поднося ее к губам.

И тут Варфоломей взвыл и вцепился когтями в штанину Ильи. Богатырь ругнулся и отвел взгляд, и этой секунды мне хватило для того, чтобы плеснуть отравленную любовью водицу через плечо.

Я оценила самоотверженность Варфоломея и чувства Ильи ко мне. Будь на месте Варфоломея любой другой кот, Илья бы зафутболил его до самого леса, и не факт, что кот после этого бы выжил. Сейчас же богатырь машинально занес ногу, чтобы проучить вредную зверюгу, но вовремя опомнился и только с укоризной посмотрел на Варфоломея.

– Что это с твоим котом, ладушка? – посетовал он.

– Там собака проходила, – нашлась я, – вот он и испугался, бедняжка, вот и прижался к тебе, прося защиты.

Илья мигом подобрался и лихо подкрутил ус:

– Со мной, ладушка, ни тебе, ни котику, ни мамке твоей никакие напасти не страшны.

Тут его взгляд упал на пустую бутылочку в моей руке, и он весь подался вперед, ожидая немедленного приворотного эффекта. Я поспешила изобразить жгучую страсть и с придыханием промурлыкала:

– Не сомневаюсь, Илюшечка! Ты богатырь хоть куда. Второго такого во всем Лукоморье не сыщешь. Сам Чернослав тебе не чета!

Илюша совершенно растаял от такой высокой похвалы и вылупил на меня влюбленными глазами:

– Так ты пойдешь за меня замуж, ладушка?

– К-конечно, – моргнула я, выронив из рук пустую бутылочку.

К бутылочке тут же подскочил кот и укатил ее к забору, как будто опасался, что Илья насильно опойт меня оставшимися на дне каплями.

Я меж тем мучительно соображала, как бы побыстрее слинять от женишка, да так, чтобы он и на своем скоростном коньке нас с котом не догнал. Надеюсь, что богатырь не потащит меня под венец сейчас же.

– Так когда свадьбка? – подскочил к нам пронирыливый Сидор. – Уж не забудьте пригласить, на правах, так сказать, друга невесты, – он бросил взгляд на ревниво набывчившегося богатыря и поспешно добавил: – И жениха тоже!

Вот уж такого друга семьи и врагу не пожелаешь. Его только пригласи на свадебный пир – потом на все Лукоморье растреплет, что мед был с душиком, пиво разбавили, пироги недопекли, жених, опившись хмеля, упал лицом в горшок с кашей, а невеста и вовсе оказалась не первой свежести.

– Отложу все дела ради такого славного события, – протараторил Сидор и, не дождавшись ответа от насупившегося Ильи, легонько оттолкнул меня в сторону. – Позволь, душа моя, водицы напиться.

И добавил сквозь зубы так, что его услышала только я:

– А то встала столбом у самого колодца, добрым людям подступ перегородила.

Я обернулась, собираясь приструнить наглеца, но онемела. Пятясь от Ильи, я и впрямь добралась почти до колодца. От каменной кладки родника меня отделяло каких-то несколько сантиметров. И нетрудно было догадаться, что люблянка, которую я выплеснула через плечо, попала прямоком в колодец. Из которого, кстати, набирала воду вся Деревня, а в этот самый момент Сидор выуживал полное ведро, собираясь стать первым, кто отведаст заговоренной водицы.

У меня еще оставалась надежда, что приворотное зелье не долетело до колодца и разлилось по травке у подножия. Поэтому я повернулась к Сидору и с напряжением следила за тем, как он ставит ведро на край колодца, как зачерпывает воду деревянным ковшом, как подносит его ко рту и жадно прихлебывает. Богатырь, пользуясь моим оцепенением, времени зря не терял, схватил меня за руку и что-то настойчиво спрашивал, на что я отрешенно отвечала согласием, не сводя глаз с Сидора. Наконец тот опорожнил ковш, сыто крякнул, вытер усы, обернулся, наткнулся на мой взгляд и рывкнул:

– Что зенки вылупила, кулема!

У меня от сердца отлегло – промахнулась! Но тут с Сидором произошла удивительная метаморфоза: недовольно сведенные брови расправились, глазки, утонувшие в складках кожи, словно выпрыгнули наружу и пристально вонзились в меня, искривленный рот расплылся в подобии улыбки.

– Душа моя, – непривычно нежным голосом заворковал он, – посмотрела, что рублем одарила. Позволь угостить тебя водицей!

Он зачерпнул полный ковш и, пожирая меня глазами, протянул мне.

– Нет-нет, я уже напилась! – торопливо отказалась я.

– За своей невестой я сам поухаживаю, – набылчился богатырь, исподлобья взирая на хлипкого Сидора. – А за водицу спасибо!

Не успела я возразить, как Илья выдрал ковш из рук Сидора и опрокинул его в себя.

– Эх, хороша водица! – оценил он и отер со лба проступивший пот.

Прыткий Сидор тем временем не растерялся, умудрился подкатиться ко мне и облапал меня ниже спины.

– Илюша! – нажаловалась я. – Этот наглец меня ущипнул!

Богатырь не тронулся с места, только сложил руку козырьком и, глядя куда-то вдаль, ласково пробормотал:

– Ладушка...

Сидор, чувствуя свою безнаказанность, извернулся и чуть не приложился губами к моей щеке. Тьфу, гадость! Пришлось нокаутировать извращенца. Тот упал в заросли ромашки, но ничуть этому обстоятельству не огорчился, а принялся торопливо дергать цветы, собирая букет.

– Илюша! – Я настойчивей потянула богатыря за локоть, пока Сидор не вернулся. – Тут Сидор ко мне пристаёт.

Богатырь наконец-то опустил голову и взглянул на меня... как на пустое место. Глаза его были затуманены, на устах блуждала идиотская улыбка.

– Ладушка, – как загипнотизированный, повторил он. Потом смел меня в сторону, так что я едва удержалась на ногах, и зашагал вперед по улице, туда, где черным вороньим оперением взметнулось платье Стеши.

Я глазам своим не поверила, когда Илья поравнялся с чародейкой, что-то ей сказал, вежливо, но решительно отобрал коромысло, потом развернулся, и они уже вдвоем пошли к колодцу, где в полном онемении стояла я.

– Привет, Аня, – обведенные углем губы Стеши слабо шевельнулись. – За водой пришла?

Я посторонилась, пропуская богатыря к колодцу. Тот, красуясь перед чародейкой, выудил ведро с водой, перелил его в Стешино и затем наполнил второе. Стеша к демонстрации богатырской силы осталась равнодушной – даже складочка на ее выбеленном лице не шевельнулась.

Внезапно меня осенило, я схватила ковш и зачерпнула воды из ведра.

– Стеша, рассуди наш спор! Я говорю, вода хорошая, а Сидор, – я кивнула на копошащегося у ромашек мужика, – твердит, что вода испорчена.

Видя, что Стеша колеблется, я добавила:

– И собирается по всем окрестным деревням растрезвонить, что в колодец корова нагадила.

– Какая еще корова? – На белом лице чародейки отразилась тень удивления.

– Не иначе как летающая. А то как бы еще она умудрилась! – ехидно заметила я.

– У нас отродясь вода чистая была, – молвила черными губами Стеша.

Богатырь тем временем взирал на нее, как Варфоломей – на миску сливок. Да, сильна любянка, если даже ее капли на ковш воды достаточно, чтобы перебить действие приворотного зелья Василисы и влюбить богатыря в такую страшилку, как Стеша.

– Вот и рассуди! – Я настойчиво сунула ей в руки ковш. – Мы как раз ждали первого жителя, который у колодца появится.

Ничего не подозревая о моем коварном плане, Стеша взяла ковш и пригубила пару глотков.

– Да нет, вода хорошая, – сказала она.

– Точно? Ты еще испей, – попросила я, – вдруг не распробовала до конца.

Стеша послушно сделала еще два глотка.

– Хорошая вода, – убежденно ответила она и в изумлении вытаращилась мне за спину.

Вздрогнув, я обернулась. Ко мне неумолимо приближался Сидор, неся в руках огромный пук ромашек. Я с надеждой обернулась на Илюшу, но тот не сводил зачарованных глаз со Стеши, и рассчитывать на его помощь не приходилось.

– Как это мило, – заулыбалась тем временем Стеша, шагнула навстречу Сидору и буквально выдрала из его рук букет. – Мне так давно никто не дарил цветов!

Она спрятала лицо в ромашках, а когда подняла, по белым щекам, прокладывая

розовые дорожки, бежали две слезинки.

Тут Сидор, который оторопел от прыти Стеши, опомнился и вырвал букет из ее рук.

– На чужой каравай рот не разевай, уродина, – прикрикнул он. – Это я для невесты своей собрал.

И он протянул мне изрядно потрепанный букет, который я машинально взяла.

– Мою ладушку обижать? – взревел Илья. И, ткнув кулаком в лоб Сидору, отобрал у меня букет и вернул его Стеше, по лицу которой градом бежали слезы, смывая побелку.

– Ну будет тебе, ладушка, будет, – неумело успокаивал ее богатырь, пока Сидор, поскуливая, тер ушибленный лоб.

Я в потрясении взидала на разворачивающуюся перед глазами драму. Вот это любовный треугольник! Хотела, чтобы Стеша ответила взаимностью Илье и перестала хоронить себя вместе с погибшим женихом, а оно вон как все обернулось. От волнения я прижала руку к груди и вдруг нащупала стекло бутылочек, которые мне дала Любава. От неимения карманов я спрятала их за пазуху и совсем про них забыла. А ведь это выход!

Пока никто не видит, я отвернулась и достала их. Да так поторопилась, что случайно сорвала алую ленточку, обвязывавшую склянку с люблянкой, и теперь в моих руках лежали две абсолютно одинаковых бутылочки. Я в растерянности перевела взгляд с одной на другую. В сгущающихся сумерках их содержимое казалось идентичным, и было не разобрать, какая из них более прозрачная. Доверившись интуиции, я сжала одну в кулаке, а другую спрятала обратно за пазуху. Затем украдкой схватила пустой ковш, вылила в него содержимое бутылочки и сунула под нос безутешной Стеше.

– Вот, выпей скорее, успокойся!

К моему счастью, та не стала противиться, не выбила чашу из рук, опрокинув драгоценное содержимое, а послушно припала к ней губами и вылакала все до доньшка.

– Скажи ей что-нибудь в утешение! – шикнула я, ткнув богатыря в бок.

Тот что-то неловко забормотал, а я удовлетворенно улыбнулась: моя цель была достигнута. Стеша подняла глаза на говорящего и, охнув, схватилась за сердце, выронив ковш на землю. Люблянка начала действовать!!!

От любви Стеша преображалась на глазах: лицо округлилось, спина выпрямилась, подбросив кверху внушительных размеров грудь. «Надо же, я и не знала, что она у нее есть», – улыбнулась я и в следующий миг в удивлении зажала рот. Грудь Стеши росла на глазах, наливаясь, как два арбуза. Затрещала ткань, лопаюсь под натиском пышных форм. Я в изумлении перевела взгляд ниже, где складки юбки распрямлялись, очерчивая полные, растущие с каждой секундой бедра. Казалось, невидимый насос раздувает Стешу, как воздушный шарик. «Только бы не лопнула!» – ужаснулась я, и тут все прекратилось, и я смогла оценить эффективность быстротолста, который я все же умудрилась перепутать с люблянкой.

Верх сарафана висел лохмотьями, но стриптиза не случилось. Стешу спасла нательная рубашка, которая хоть и натянулась на арбузоподобной груди до предела, но, благодаря своей ширине, до конфуза не довела. Грудь подпирали округлый живот таких размеров, что я уж испугалась, что Стеша вот-вот разродится тридцатью тремя богатырями. Живот перетекал в крутые бедра, которые едва умещались в некогда сборчатой юбке Стеши. Теперь юбка сидела в обличку и только в самом низу, у лодыжек, собиралась пышной оборкой. Если оценивать эффективность быстротолста на глаз, я бы сказала, что он увеличил Стешу раза в три, а то и в четыре. И ситуацию не спасал даже черный цвет одежды, традиционно скрадывающий полноту.

Стеша трогала себя руками и в изумлении икала. Илья в восхищении уронил челюсть и теперь взидал на «ладушку», как Варфоломей – на кадушку сливок. Даже Сидор не остался равнодушным к преображению «уродины» и во все глаза пялился на Стешу. А потом подскочил на месте, ринулся к колодцу и вылакал целый ковш воды, не сводя глаз со Стеши. Вероятно, надеялся, что в один миг вырастет до размеров богатыря. Да только наглотался разбавленного приворотного зелья, и теперь всем его вниманием завладела Стеша. «Ну вот,

все и разрешилось само собой», – с облегчением выдохнула я. Пусть теперь Стеша разбирается с двумя поклонниками, это теперь не моя забота. Однако мне осталось сделать еще кое-что...

Пользуясь тем, что оба мужчины неотрывно пялились на Стешу, а она сама оглядывала себя с ног до головы, я украдкой подобрала ковш с земли и ливанула туда любянки из бутылочки. Как бы заставить теперь и ее выпить?

– С чего это я так распухла? – пролепетала Стеша, прикрыв пухлыми ладошками огромную грудь и вдавливая ее, будто надеясь, что та уменьшится в размерах.

– Ты и так была красавица, – неуклюже похвалил богатырь, – а теперь еще краше сделалась! Краше во всем Лукоморье не сыскать!

– Скажешь тоже, в Лукоморье! – гневно возразил Сидор. – Да на всем белом свете второй такой красавицы не найти!

Я скептически глянула на красавицу: побелка от слез размазалась, и теперь лицо чародейки представляло собой бело-розовый блин, на котором по-прежнему двумя коромыслами красовались подведенные углем брови. А вот угольную «помаду» Стеша от волнения съела, и теперь губы алыми маками полыхали на бледной, с разводами побелки, коже.

Стеша, все еще находившаяся под действием разбавленной любянки, с ликованием воззрилась на Сидора:

– Правда?

Слова богатыря ей были до лампочки, а вот похвала из уст Сидора стала для нее настоящим счастьем. Она даже перестала пытаться запихнуть грудь обратно, а горделиво выпятила ее.

– На тебя, моя душа, век глядел бы не дыша! – истово заверил Сидор.

Богатырь на глазах наливался краской и сжимал кулаки. Чтобы не допустить смертоубийства на почве ревности, нужно срочно действовать.

Я решительно оттеснила Сидора от Стешы и всунула ей в руки ковш с любянкой:

– Выпей-ка, а то вон как разыкалась!

– Не хочу, – не глядя на меня и заглядывая через плечо на Сидора, наотрез отказалась чародейка. – Облилась уже.

– Тогда умойся, – не сдалась я и, зачерпнув в ладонь прозрачной водицы, плеснула ей в лицо.

Стеша заморгала и открыла рот, чтобы возмутиться, а я, не теряя времени, ливанула ей воды из ковша. В конце концов, не так важно, чтобы она выпила всю порцию. Илье вон хватило и капли в ковше, чтобы пялиться на девушку взглядом мартовского кота. Даже лучше, если Стеша получит такую же, а не большую дозу зелья. Значит, они будут на равных. И если действие любянки закончится, то произойдет это почти одновременно. Тогда Илья и Стеша смогут без любовного дурмана в голове разобраться в своих чувствах. Теперь главное проследить, чтобы первым, кого она увидит, когда проморгается, был Илья.

Я сунула ковш ему в руки и шепнула:

– Помоги девушке умыться.

А сама подскочила к Сидору и, схватив его за локоть, поволокла прочь, восклицая:

– Пойдем, соколик, расскажу тебе всю правду о моем детстве и замужестве Бабы-яги. И про папочку своего расскажу, который нас с мамкой бросил. И про то, как его Леший потом проучил.

Сидор, будучи под действием любянки, все равно упирался, выворачивал шею и отбивался от меня, не желая уходить от Стешы:

– Это все, конечно, интересно. Но как-нибудь опосля!

– Или сейчас, или никогда! – рывкнула я, с отчаянием чувствуя, что силы на исходе и Сидор вот-вот вырвется и козликом поскачет к колодцу. – Все семейные тайны Бабы-яги раскрою, на все вопросы отвечу, ничего не утаю.

Видно, профессиональный интерес все-таки возобладал над любовным. А может,

Сидор хлебнул недостаточно водицы. Но, так или иначе, упираться он перестал и, жадно сверкнув глазами, велел:

– Рассказывай!

Поверив ему, я ослабила хватку. Хитроумный Сидор только этого и ждал. Вырвал руку и, развернувшись, кузнечиком понесся к колодцу, высоко подбрасывая ноги и совершая такие длинные прыжки, что даже Конек Горбунок оторвался от поедания букета ромашек, который, забытый всеми, валялся у колодца, и проводил бегуна уважительным взглядом.

Вскрикнув от досады, я ринулась в погоню. Но разве угнаться за пронырой, которого ноги кормят и к тому же подстегивает любовь? Оставалось надеяться только на то, что, пока я отвлекла Сидора, богатырь успел попасться на глаза своей «ладушке», а та, наглотавшись любянки, сменила объект обожания.

Успел. Это было заметно даже издалека. По тому, как, краснея, Стеша поглядывала на богатыря, по тому, как кокетливо поправляла косу, и по тому, как тихонько смеялась его словам. Воспрянувший духом Илья выгнул грудь дугой и ходил перед Стешей гоголем. Поникший Сидор стоял рядом с влюбленными и в отчаянии сжимал кулаки, пытаясь воззвать к ветренице. Но Стеша так на него взглянула, а богатырь так угрожающе накренился, что Сидор, не до конца растерявший разум, предпочел отскочить в сторону и замолкнуть.

Когда я подошла к колодцу, то чуть не вскрикнула от удивления: лицо Стеши, освобожденное от белой маски с черными бровями, совершенно преобразилось. Стеша оказалась весьма миловидной барышней, хоть и несколько бледной. Еще бы – панцирь побелки защищал ее от загара! По бледной коже были рассыпаны искорки веснушек, которые Стешу только красили. Светлые брови и ресницы делали ее похожей на Снегурочку. Она и была Снегурочкой все это время: жила в сыром, неотопливаемом доме, а сердце ее было сковано кусочком льда. Но уже сейчас было видно, что Снегурочка начала оттаивать. Надеюсь, богатырю хватит заботы и любви, чтобы отогреть ее окончательно. И все у этих двоих сложится самым лучшим образом. Илья и так мечтал обзавестись семейством, а Стеше новая любовь, надеюсь, поможет вернуться к прежней, доброй магии.

Влюбленные ворковали, совершенно не замечая меня, и я, смутившись тем, что подслушиваю сокровенное, отступила назад.

– Ну что, пошли? – повела плечом Стеша, показывая на стоящие на земле ведра.

– Пошли, – не отрывая от нее глаз, молвил богатырь и легко подхватил два полных ведра.

Я с некоторой тревогой посмотрела им вслед – вода-то в ведрах была уже с примесью любянки. Надеюсь, к отшельнице Стеше нечасто заглядывают соседки, и ни одна из них не попадется на глаза Илье, опорожнившему очередной ковш колодезной воды раньше, чем сама Стеша.

Кто-то громко задышал у меня над ухом, и я, вздрогнув, обернулась. Позади меня нетерпеливо пританцовывал Сидор.

– Я готов! – сообщил он, дернув козлиной бородкой.

– К чему? – Я смерила его неприязненным взглядом.

– Как к чему? – поразился он. – Ты же обещала рассказать все тайны Бабы-яги! Я жду.

– Я-то обещала, да только ты сбежал. – Я отмахнулась от сплетника и огляделась в поисках кота.

Мимо процокал Конек Горбунок, дожевывая последнюю ромашку. Влюбленный хозяин о нем позабыл, но верный конек двинулся следом.

– А как же рассказ о детстве в доме Бабы-яги? О бросившем папочке? – в отчаянии проскулил Сидор.

– Поздно, – отрезала я. – Поезд ушел.

Про поезд Сидор не понял, но общий смысл отказа уловил и крикнул с досады. После чего бросил взгляд на уходящих Илью и Стешу, махнул на меня рукой и козликом поскакал вслед за влюбленными. Однако приблизиться к ним не смел, памятуя о пудовых кулачищах

Ильи, которых ему уже довелось отвесть, и потому старался не выдать своего присутствия и то и дело прижимался к кустам и заборам.

Варфоломея я обнаружила лежащим на завалинке. При виде меня он торопливо вскочил и что-то отбросил лапой в сторону. Но я успела разглядеть изрядно пожеванный мышиный хвостик.

– Хищник-мышеед, – покачала головой я. – Когда успел?

– А что? – нахохлился кот. – Я весь день не ел. Хоть бы кто сливочек предложил!

– Молчал бы уже! – осадил его я. – Мало того, что я за весь день только парой яблок перекусила, так еще и пить хочу страшно. А единственный на всю деревню колодец заражен люблянкой!

– Тогда пойдем молочка прикупим! – нетерпеливо запрыгал кот.

– Хорошо бы и место для ночлега подыскать, – заметила я, глядя на повисшую над деревней лунную дольку.

– Гляди, что я нашел. – Варфоломей, довольно постукивая хвостом, подвинул ко мне серебряную монетку. – У сороки отобрал, пока вы тут водой поливались, – похвалился он. – Раз уж ты все дорожные зелья Любавы профукала ни за копейку, будет чем и за ночлег, и за молочко хозяев отблагодарить.

– У сороки, говоришь? – с подозрением прищурилась я.

– Ладно-ладно, – смутился он. – У Сидора из кармана выпала, пока он в кустах ромашки ползал. Что ж, пропадать добру?

– Ну хорошо, – кивнула я. – Будем считать эту монетку моральной компенсацией за испорченную репутацию Бабы-яги.

– Переведи, – взмолился кот, прижав лапку к груди.

Выслушав мое объяснение, Варфоломей фыркнул и гневно запустил когти в скамью:

– За такое безобразие он и ларцом с золотом не расплатится! Кстати, – он пристально уставился на меня, – ты что, тоже люблянки хлебнула? Что ты Илье наобещала-то с три короба?

– Когда? – удивилась я.

– А тогда, когда Стеша воду хлебала – Илья тебя спрашивал, а ты кивала.

– Так я же не слышала, что он говорит, – замялась я. – И что я ему наобещала?

– Чего только не наобещала! – насмешливо фыркнул кот. – И что замуж за него пойдешь до окончания лунного месяца, и что пироги ему станешь каждый день печь с капустой, с мясом, и что суп с куриными потрошками будешь готовить.

– Да я даже готовить его не умею! – поразилась я.

– Пришлось бы научиться, – усмехнулся кот, спрыгивая на землю. – А молодец ты, – похвалил он. – Здорово от Ильи избавилась, подсунув ему воды из колодца!

Я не стала разочаровывать его и признаваться, что это было случайностью.

– Спасибо, кстати, что отвлек его, когда он мне пузырек с зельем сунул, – поблагодарила я.

– Пустяки! – великодушно потрянул ушами кот и, прищурившись, спросил: – А в колодец люблянку ты от большого ума вылила или от недомыслия?

– А ты как думаешь? – смущенно ответила я.

– Я думаю, что теперь в Замышляевке начнется веселая жизнь, – ухмыльнулся он. – До тех пор, пока колодец полностью не обновится.

– И долго он будет обновляться?

– Как с дождями повезет.

Бросив взгляд на чернеющий в сумерках колодец, я подумала, что Сидору уже завтра будет чем разжиться для своей желтой хроники. Если только он раньше не отправится к замку Кошья, выполняя наказ Забавы. Впрочем, я почти уверена, что, пока капля любовного зелья полностью не выветрится из Сидора, Замышляевку он не покинет. Так и будет сидеть в засаде у дома Стеши и тихонько поскуливать от ревности.

Рано утром мы вышли за околицу деревни.

– Теперь куда? – спросила я кота.

– Вестимо куда, домой! – обозначил наш маршрут тот. – Пора бы уже твоему Ивану передать для нас весточку. А может, – он мечтательно закатил глаза, – он уже вернулся с Василисой и ждет нас в избушке?

– Хорошо бы, – вздохнула я, потирая бока. Все-таки ночлег на лавке, покрытой овечьей шкурой, – это не ночь в пятизвездочном отеле. Я уже так соскучилась по своему мягкому диванчику в московской квартире! Скорей бы уж закончилась моя последняя миссия – и домой.

– А как добираться домой будем? – поинтересовалась я, когда мы свернули на тропинку, ведущую к лесу. – Пешком?

Блудная ступа, доставив нас к Замышляевке, снова взбрыкнула и умчалась восвояси.

– Пешком-то долго. – Кот остановился, почесал лапой за ухом, что-то решая, и объявил: – К Лешему обратимся! Он нас своими тропками вмиг к избе выведет.

Я глянула на кромку приближающихся деревьев и вдруг ощутила непонятную тревогу. Как будто по сердцу царапнули острым когтем. С чего вдруг? Ничто не предвещало опасности. Кот, не выдавая беспокойства, вприпрыжку бежал к деревьям и, то и дело подскакивая к траве, росшей по краю тропинки, шаловливо сбивал лапой росу с цветочных шляпок. Лес был диво как хорош в лучах рассветного солнца. Хоть фотографируй его на календарь «Красоты природы» или пейзаж с него пиши. Розовое небо подпирают верхушки сосен-великанов, и лес представляется сказочным замком, обнесенным высоким забором. Забор зелен, и легко можно представить, что это не деревья стоят, сплетшись ветвями, а выюны обвивают высокие каменные стены. А кроны деревьев, растущих вдалеке, можно принять за россыпь башенок, которые высятся в центре сказочного замка.

– Замок Спящей красавицы, – заворуженно прошептала я, не сводя глаз с леса.

– Чего бормочешь? – обернулся ко мне кот.

– Да так. – Я не стала посвящать его в свои мысли. Однако чувство тревоги по мере приближения все крепло, и я невольно замедлила шаг.

Лес таил в себе неясную опасность, он пугал, несмотря на присутствие Лешего. Хотелось развернуться и бежать со всех ног обратно в деревню, забиться в сени гостеприимной хозяйки, укрыться с головой овечьей шкурой и лежать, не высывая носа наружу.

– Ты чего там замешкалась? – Варфоломей нетерпеливо тряхнул хвостом.

– Ты... – Я облизнула пересохшие губы. – Ничего не чувствуешь?

– Чувствую, что родная избушка уже близко, – усмехнулся он. – А там и печка, там и сливочки в скатерке. Догоняй!

Кот в несколько прыжков достиг леса и исчез за раскидистым кустом. Я нехотя прибавила шаг и вдруг поняла, что меня насторожило. Мертвая, абсолютная тишина, не нарушаемая ни птичьим гомоном, ни хрустом веток. Из лесу не доносилось ни звука. Пригоршня мурашек скатилась по спине, но я пересилила страх и ступила под сень деревьев.

Лес изменился, я почувствовала это сразу. Когда я в первый раз попала в лес, в пылу обиды сбежав от избушки подальше, лес заражал своим спокойствием. Теперь же в воздухе царил осязаемый дискомфорт, предчувствие чего-то недоброго, страх. Кот метнулся к моим ногам, зашипел, выгнув спину. От ближайшего дерева отделилась темная тень и я испуганно вскрикнула.

– Леший! – ошеломленно выдохнул Варфоломей. – Что случилось?

Фигура вышла из тени на свет, и я потрясенно ахнула. Невозможно было узнать в поникшем оборванце Лешего. От прежней цветущей красоты не осталось и следа, он еще больше подурнел с нашей последней встречи. Глаза потухли, кожа потускнела, губы посерели. Спутанные волосы торчали соломой и были пересыпаны сухими листьями.

Передо мной стоял человек, сломленный горем.

– Плохо выгляжу? – невесело усмехнулся Леший, и даже голос его прозвучал по-

другому: прежде звеневший ручьем, сейчас он скрипел, как сломанная ветвь.

– Сам знаешь, – не стал деликатничать Варфоломей.

Леший мутным от горя взглядом посмотрел на кота и выдохнул:

– Лес болеет.

– Вижу, – хмуро заметил кот. Судя по его тону, вид Лешего был показателем здоровья леса, и любые природные катаклизмы мгновенно отражались на внешности лесного хозяина. – Рассказывай.

– Неведомая хворь на деревья напала. И дня не проходит, чтобы вековой дуб или красавица сосна не пали, – с горечью поведал Леший.

– А в чем дело? – мрачно спросил кот.

– Гниль их изнутри разъедает. Еще вчера обходил лес – стояли деревья, глаз радовали. Сегодня иду – не видать красавицы березки! – На глазах Лешего проступили капельки росы, голос закрипел, как поверженное грозой дерево. – Бегом туда – а на полянке трухлявый пенек да прогнивший насквозь ствол. Сперва думал, обойдется, а теперь уж...

Он в отчаянии махнул рукой.

– Рассказывай с самого начала! – велел кот.

Леший пошатнулся и, нуждаясь в опоре, прислонился к клену. А затем, избегая встречаться с нами глазами, заговорил. Так пациент, который всю жизнь отличался отменным здоровьем и вдруг почувствовал себя плохо, оттягивает визит к врачу в надежде на выздоровление, а когда становится очевидным, что без лечения не справиться, приходит на консультацию, и каждое слово дается ему с трудом.

– Это началось вскоре после исчезновения Василисы. Однажды я проснулся, когда солнце уже было высоко в небе. Я был сильно удивлен: жаворонки, свившие гнездо в кроне дуба, служившего мне жилищем, не разбудили меня на рассвете своим пением. Я поднял голову и увидел, что гнездо пусто. За одну ночь исчезли и птицы и их птенцы. Это происшествие меня встревожило, но попрыгуньи птицы так непостоянны, что я не придавал этому особого значения. Следующие несколько ночей я провел под сенью клена и пробуждался под пение другого птичьего семейства, но потом снова проспал. Поднял голову – пернатых в гнезде не было. Заволновавшись, я обошел весь лес и увидел: жаворонков, соловьев, дроздов, лесных синиц, перепелок, малиновок стало меньше. Они исчезли без следа. Белки поведали, что птицы срывались со своих мест, бросали гнезда и улетали неизвестно куда. Как назло, Василиса ушла проведать своих и не могла помочь советом.

Тогда же я начал подмечать и другие тревожные признаки: стал пересыхать лесной ручей, не помог даже проливной дождь. Зато после дождя мухоморов и поганок появилось больше, чем добрых грибов. Корни побегов стали подгнивать, зато в кронах крепких деревьев появились сухие листья... Я лечил лес, как мог. Где необходимо, подсушивал или увлажнял почву, ограничивал распространение мухоморов, оберегал подосиновики и подберезовики, расчищал русло ручья от камней и веток. Все вроде бы вернулось на свои места. Лес вздохнул полной грудью, и я вздохнул вместе с ним. Тем временем в лес набегали мужики, желающие худа Бабе-яге, и я увлеченно принялся путать тропинки, уводя их по ложному пути. Как-то водил троих, среди которых один особенно гнусно отзывался о Яге. Яна подтвердит.

Я кивнула, вспомнив байки подлого Сидора.

– Чтобы проучить, вывел их к болоту, – продолжил Леший, – и встретил старого приятеля, Водяного. Тот, заскучавший в своей заводи, с радостью принял мужиков и обещал устроить им хорошую головомойку.

Я жалостливо сглотнула, вспомнив бесхитростное лицо Фрола и его мечту о женитьбе на царевне. Жалко молодца! Ушлый Сидор живет всех живых, а Фрола, поди, теперь рыбы глодают. Неспроста же Сидор хотел наврать, что упыриха загрызла двух его попутчиков – значит, Фрол и Клим и впрямь погибли, только в топи болота.

– Мужики после такого в лес больше в жизни не сунутся, – продолжил Леший, убедив меня в том, что моя скорбь по Фролу преждевременна, а Водяной – в первую очередь

шутник и затейник, а не маньяк-топильщик. – Но прежде чем за них взяться, Водяной пожаловался, что реки в последнее время мелеют, озера заболачиваются, рыба гибнет, люди воду мутят. Я мигом смекнул, что и в его угодьях творится что-то неладное, как и в моих. Не стал тревожить его раньше времени, а решил к избушке наведаться, узнать, нет ли вестей от Василисы. Достал медок, домчался до заветного малинника, где ягода самая сладкая в лесу, набрал ягоды, не удержался, попробовал одну и скривился – кислятина! Скушал еще ягодок с разных кустов – везде одно и то же. Испортился этот малинник! Я мигом к ближайшему. К счастью, там все в порядке оказалось. Ягода сладкая уродилась, я на гостинец набрал – и к избушке. Хоть Василисы на месте и нет, а не привык я с пустыми руками являться. А там уж вы знаете.

– Что ж ты не сказал тогда, зачем явился? – пожурил кот.

– А, отвлекли вы меня, развеселили, я и поддался вашему настрою, думал, чепуха все. Просто сложилось так, что птицы раньше улетели, что в лесу неурядицы были. Да и вроде бы утихло все моими стараниями.

«Вот почему Леший во время нашей первой встречи выглядел цветущим», – догадалась я. Временное затишье дало ему восстановиться, набраться сил и красоты.

– А как же слова Водяного? – сощурился кот.

– Я тогда подумал, что он краски сгущает, – понурился Леший. – И у него тоже все наладится, если он за дело возьмется да речки с озерами почистит. А теперь – сам видишь, как все сложилось.

Он склонил голову, и с взлохмаченных волос слетело несколько увядших ромашек.

– Вижу, – хмуро сказал кот. – А с Водяным что?

– Тоже худо, – вздохнул Леший. – Из рек вода уходит, озера мутнеют и зарастают камышом. Раньше такие перемены месяцами длились, а сейчас в считанные дни происходят. Было озеро кристальной чистоты – глядь, а уже болото.

– Местному Гринпису пора бить тревогу, – пробормотала я.

Леший поднял на меня мутный от горя взор.

– Что ты сказала?

– Не обращай на нее внимания, – сердито зашипел кот. – Вечно она блажит!

– Василису мне надо, – тихо прошелестел Леший. – Только она знает, как напасть победить.

– Да, без Василисы никак, – вздохнул Варфоломей.

Вот все и выяснилось. Василиса и есть местный Гринпис: за порядком следит, экологические катастрофы предотвращает.

– Иван уже отправился на поиски, – обнадежил Лешего кот.

– Знаю, я за ним приглядывал до самого Златограда, – кивнул хозяин леса. – Он позавчерашним вечером туда добрался.

Новость отозвалась теплом в сердце. С Ивом все в порядке, спасибо Лешему, который, несмотря на свое плачевное состояние, отвел от рыцаря опасность в пути. Не случилось бы чего в самом городе. И еще этот сон с Ивом, угодившим в яму! Все сны, которые я видела здесь, предупреждали об опасности: колобковый кошмар уберег от ведьминых пирожков, а во сне, в котором Ив оказался в ловушке, я спасалась от ведьмы, присвоившей мою молодость. И если видение про ведьму оказалось правдой, как бы и с рыцарем ничего не стряслось.

– Вот только вестей от него пока нет, – укрепил мое беспокойство Леший. – А ведь у нас уговор был, как он только что разузнает, то сразу через сороку передаст.

– Еще не вечер, – не выразил тревоги кот, – объявится!

– На дорогах тоже неладно, – глухо сказал Леший. – Разбойников развелось, как никогда, волки лютуют – даже огня не боятся.

– Да это не только леса и реки болеют, все Лукоморье занемогло, – в задумчивости протянул кот.

– И началось это после ухода Василисы, – тихо добавила я.

Оба – и кот, и Леший – впились в меня глазами, словно я сказала что-то сенсационное.

- Сначала Василиса исчезла... – начал Леший.
- ...потом нехорошо о Бабе-яге заговорили, – подхватил кот.
- ...потом лес занемог, – продолжил Леший.
- ...а там и на речные уголья напасть напала, – заметил Варфоломей.
- Кто-то пытается лишить всех нас силы! – выпалил Леший.
- Вашу с Водяным силу подрывает, – согласно кивнул Варфоломей, – а бабушкино честное имя чернит и людей против нее настраивает. Не ровен час, избушку подпалят!
- Знать бы, кто этот злодей! – хором воскликнули кот и Леший.
- Уж я бы ему зенки выцарапал! – вспыхливо пригрозил Варфоломей.
- Уж я бы его еловыми ветками отходил да диких пчел на него натравил, – стиснул кулаки Леший.
- Одно могу сказать точно, – вмешалась я. – Это не Забава, не Стеша и не Любава.
- Сразу все стало ясно, – пробурчал кот.
- Неужто Кощей? – предположил Леший.

Я вздрогнула. Кощей в моем списке подозреваемых значился последним, хотя Варфоломей настаивал, что Кощей как самого загадочного кудесника нужно проверять в первую очередь. В душе я надеялась, что Ив разыщет Василису раньше, чем я доберусь до конца списка, а Василиса мигом разрулит все проблемы, как и положено порядочной Бабе-яге. Пока же было ясно одно: кто-то стремится избавиться от самых влиятельных соперников, в числе которых Яга и властелины водной и лесной стихий. То ли этот кто-то не терпит конкурентов, то ли опасается, что Яга, Леший и Водяной могут помешать его грандиозным планам. А планы в этом случае могут быть только одни – подчинить себе Лукоморье, удерживая бразды правления с помощью магии.

Честно говоря, образ Кощей с ролью властелина Лукоморья у меня никак не вязался – сказывались все те же сказочные стереотипы. Кто такой Кощей? Его тихие радости – прекрасную царевну похитить, над Иваном-царевичем, явившимся невесте на выручку, поглумиться, между делом над золотом почахнуть. Ни в одной из сказок Кощей не желал «царствовать и всем владети», не считая кинофильма «Там, на неведомых тропинках», где Кощей при помощи Соловья-разбойника, Змея Горыныча и Лиха одноглазого пленил царя Берендея и партизанку Бабу-ягу, а после заседал в царском тереме, облюбовав трон. Но я в эту историю никогда не верила, потому что Баба-яга там была теткой пионера, который в итоге всех спас, а пионерия и сказочное Лукоморье в моем сознании несоединимы. Пока же наверняка я знала одно: Кощей – темная личность, и слухи о нем ходят самые мрачные. А посему заводить с ним знакомство я не спешила. Тем более после репортажа Колобка и его рассказа о лысом, старом, злобном старике.

– Может, и Кощей, – ответил кот на вопрос Лешего, почесал за ухом и, к моему облегчению, добавил: – А может, и не он.

– Возможно, я чем помогу? – встряла я.

Кот покосился на меня с сомнением, Леший поднял покрасневшие глаза с надеждой.

– Не сильна она в природной магии, – разбил его надежды бессердечный Варфоломей.

– Но я могу хотя бы посмотреть! – заупрямилась я. – Глядишь, пойму, в чем дело.

– Я покажу, – торопливо сказал Леший, цеплявшийся за любую соломинку.

Кот закатил глаза и дернул хвостом, всем своим видом выражая безнадежность моих попыток и тем самым разжигая во мне веру в победу.

– Веди, – велела я и шагнула вслед за Лешим в коридор между деревьями, которые расступались перед нами на глазах.

Вокруг стояла тревожная тишина, нарушаемая только пугливым шепотом листьев и болезненным хрустом веток. На всю округу не было слышно ни одного птичьего голоса – ни крика сойки, ни хриплого карканья вороны, ни чириканья воробья, ни пения дрозда. Даже дятел не напоминал о себе мерным стуком по дереву.

– Леший, – хриплым от страха голосом спросила я. – Почему так тихо?

Тот поднял на меня потухший взгляд.

– В этой части леса особенно неладно, птиц и зверей здесь почти не осталось. Они ушли туда, где еще мало больных деревьев и сухих трав.

Леший вдруг поморщился и схватился за сердце. Мы с котом бросились к нему:

– Что с тобой?

– Ничего, – он прислонился к ближайшему дереву, – сейчас пройдет.

А меня пронзила внезапная догадка: если здоровье леса отражается на внешности его хозяина, может, части леса – это органы тела Лешего? Какая-нибудь сосновая роща – легкие, малинник – правая рука, а дубрава, по которой мы сейчас идем, – его сердце? Тогда, если окончательно вымрет она, умрет и Леший?

– Идем, – позвал Леший, отделяясь от дерева. – Мы уже близко.

Мы шли мимо поникших берез, мимо скорбно стонающих сосен, мимо воинственно нахохлившихся кустарников. Видимых признаков болезней не было, но деревья словно предчувствовали надвигающуюся беду.

– Куда ты меня ведешь?

– Туда, с чего все началось. То дерево, которое зачало за одну ночь, было первым.

Яблоня, склонившая ветви к тропинке, словно молила отведать ее зеленое яблочко. Я ухватила за гладкий бочок, но Леший вихрем подскочил ко мне и выбил яблоко из рук.

– Не тронь!

– Ну если тебе так жалко... – насупилась я.

Леший хмуро кивнул на подножие яблони. В пожухлой траве рыжел беличий хвост. Я поежилась при виде остекленевших глаз мертвого зверька.

– Еще три дня назад эта яблоня славилась сладкими плодами, – с горечью сказал лесной хозяин. – Вчера, отведав их, заболели ежи, сегодня погибла белка. Сейчас в округе не осталось живности – напуганные зверьки бежали в другую часть леса.

Я поспешила вслед за Лешим, подальше от отравленной яблони, коварно манившей своими плодами.

– Вот здесь, – глухо сказал Леший, сворачивая на узкую тропинку, – липа цветущая росла, а сейчас...

Его голос сорвался, словно он сообщал о гибели близкого, и Леший замер перед высохшим деревом, на корявых лапах которого раскинулась пульсирующая зеленая паутина. Я вздрогнула, представив, каких размеров должен быть паук, соткавший такое.

– Что это? – спросила я у Лешего.

– Это липа, – бесцветным голосом прошелестел он. – Я помню ее, когда она была еще тоненьким побегом...

Я перебила его, побоявшись, что сейчас он пустится в воспоминания о детстве, отрочестве и юности липы с перечислением всех ее радостей и невзгод, романов с ближайшими кленами и дружбой с березками.

– Что это за паутина?

– Паутина? Где? – Леший взирал на меня с таким искренним недоумением, что я засомневалась в том, что мы видим одно и то же.

– Да вот же! – Я ткнула пальцем в сеть, которая тут же беспокойно заколыхалась и вспыхнула красным. Я ахнула: – Магия!

Леший вскинулся:

– Это точно?

– Ты разве не видишь?

– Мое чародейство особого рода. – Он качнул головой. – Я не умею распознавать порчу. Да и кому могло понадобиться губить деревья?

– Не знаю. – Я настороженно изучала сеть. – Похоже, она пьет силу из дерева.

– Ты можешь ее снять? – с мольбой спросил Леший.

Я посмотрела в его горящие надеждой глаза. Ну как ему сказать, что в Лукоморье я

отчего-то растеряла свои волшебные навыки? А вдруг все вернулось, ведь я могу видеть сеть? У меня просто должно получиться на этот раз! Это же не пустяк вроде вызова пиццы в избу, это – вопрос жизни леса и его хозяина. Даже Варфоломей говорил, что...

– Попробую, – пообещала я, подходя к дереву. Положила ладонь на потрескавшуюся кору, попыталась наладить контакт, но только заработала занозу.

– Постой! – Леший подошел к липе: – Дай мне.

Он обнял дерево и прижался к нему лбом, а я, ежась, разглядывала мечущуюся между ветвей паутину. Наконец Леший повернулся, и я быстро спросила:

– Что оно говорит?

Он с удивлением посмотрел на меня.

– Мне показалось, вы разговаривали, – в смущении призналась я. – Ты и липа.

Леший покачал головой.

– Деревья не говорят, они чувствуют – тепло солнца, свежесть дождя, прикосновение руки.

– И что она чувствовала, когда... – Я запнулась.

– Холод, – глухо ответил он. – Январский лютый холод.

– Может, Морозко шалит? – ляпнула я и осеклась под взглядом Лешего.

– Морозко – мой друг.

– Извини, – пробормотала я и поспешила перевести тему. – Так, значит, деревья не могут видеть?

– Нет.

– Как же тогда ты знаешь обо всем, что происходит в твоем лесу? Как ты можешь приглядывать за Ивом? Ты же не можешь быть повсюду.

– Я там, где я необходим. Мои глаза – сороки, сойки, перепелки, куропатки, совы, белки, зайцы, волки. Если происходит что-то необычное, что тревожит их, я это вижу. Чтобы присмотреть за кем-то, достаточно пустить птицу по его следу.

– Значит, за Ивом летит какая-то птица? – переспросила я.

– Сорока. Очень любопытная и неутомимая сорока. Да ты ее сама видела, когда мы встречались в последний раз! Так ты попробуешь?..

Я подошла к дереву и протянула руку к паутине, которая подалась мне навстречу с жадностью волка, посаженного на поводок. Лед... Показалось, он проник под кожу, заструился по венам, стремясь добраться до сердца. Я отдернула руку, но кончик паутины словно приклеился к пальцам, не желал отпускать, продолжал наполнять жилы стужей. Я потянула сильнее, задыхаясь от холода, сделала шаг назад – паутина натянулась парусом, не отпускала, зеленый краешек на глазах окрашивался красным. «Из растений оно пьет зелень, из людей – кровь!» – с ужасом поняла я.

– Помоги мне, – прохрипела я стынущими губами, обращаясь к Лешему. – Она меня затягивает. Нет, – вскрикнула я, – за руку не трогай!

Не хватало еще, чтобы мы оба увязли в высасывающей жизнь сети. Леший схватил меня за плечи и с силой отдернул назад. Паутина не выдержала, затрещала, порвалась. Мы отлетели в сторону, раздавив поганки и нарядные шляпки мухоморов, ковром стелившихся у подножия березок.

– Как ты? – Леший помог мне подняться.

– Бывало и лучше, – прокряхтела я.

– Не получилось? – глухо спросил он.

– Я попробую еще, – после заминки пообещала я.

– Нет. – Леший решительно качнул головой. – Это опасно, сама видишь.

– Но я хочу помочь!

Хранитель леса с сомнением посмотрел на меня: в нем боролись желание вылечить свои владения и нежелание подвергнуть меня опасности. Победило последнее.

– Ты уже помогла тем, что выяснила, что за напасть постигла лес, – хрипло произнес он. – Мы найдем того, кто сделал это, и заставим его снять заклятие.

Я в замешательстве кивнула, не рискнув озвучить собственные мысли. Я бы предпочла еще раз сунуть руку в кровососущую паутину, чем встретиться с тем, кто ее создал.

Леший провел меня еще по нескольким уголкам леса. На всех гибнущих деревьях висели насытившиеся сети. Масштаб катастрофы был ясен, пути преодоления – неизвестны.

Кое-где сети стелились по земле – там, где прежде была цветущая лужайка или грибная поляна. Леший, ведя меня по лесу, угодил в одну из них прежде, чем я ее заметила. Вопреки моим опасениям, паутина на него никак не отреагировала. Лишь колыхнулась и, словно обманутая в надеждах, вновь оплела землю.

Притихший Варфоломей бежал рядом со мной, боясь сделать в сторону хоть шаг и угодить в опасные пути.

Наконец Леший вывел нас на широкую тропу и махнул рукой.

– Вам сюда.

– Как? – Кот подскочил на месте. – Ты разве не выведешь нас к избушке?

Леший уныло повесил голову и с горечью признался:

– Силы нынче не те. Придется вам самим добираться.

– Так тут пара дней пути, – угрюмо заметил Варфоломей.

Леший еще больше сгорбился, и я поспешила вмешаться:

– Ничего, дойдем, не развалимся.

Леший благодарно взглянул на меня и раньше, чем я успела возразить, метнулся к ближайшему дереву и исчез.

– А-а-а... – пробормотала я, – ты нас разве не проводишь?

Остаться одной в оплетенном злой магией лесу было жутко.

– Делать ему нечего, как с нами два дня топать, – проворчал кот и нервно дернул хвостом. – Пошли, смелая ты моя.

– Ты хоть знаешь, куда идти-то?

– Не бойсь, со мной не пропадешь! – успокоил он. – Я тут все стежки-дорожки знаю.

Сначала мы бежали вприпрыжку – я надеялась, что дорога не все время проходит по лесу и скоро выведет нас к полям-лугам, потом выдохлась и догадалась спросить. Кот объяснил, что лесом путь до избушки самый короткий. А обходной, по лугам и долинам, займет вдвое больше времени.

– А его-то как раз у нас и нет, – уныло заметила я. – Скоро Ив даст о себе знать, и надо будет что-то решать с Василисой.

– Так что хорош лентяйничать, – прикрикнул на меня кот, – топай давай.

Каждый шаг давался с трудом. Казалось, к ногам привесили пудовые гири. Мерещилось, между стволами деревьев мелькают пугающие тени. Чудилось, из темных дупел деревьев следят за нами чьи-то злые глаза. Сжималось сердце: «Останешься здесь навсегда». И тогда, шарахаясь от свисающих с ветвей магических паутин, мы с котом убыстряли шаг и неслись вперед. Я – чуть не выпрыгивая из лаптей, кот – стараясь не отставать и передвигаясь длинными скачками.

К полудню мы окончательно выдохлись, проголодались и без сил повалились в траву у тропинки. На нашем пути нам не встретилось ни птицы, ни зверя, ни путника, ни озерца, ни ручейка. Как-то попалась мутная лужица, но в ней виднелся кабаньей след. И, переглянувшись с котом, мы не решились оттуда напиться.

– А что, правда в кабана можно превратиться? – спросила я у всезнающего кота.

– В кабана не в кабана, – проворчал тот, – а в свинью – так запросто.

И, насмешливо прищутив зеленые глаза, добавил:

– Как же еще назвать того, кто из грязной лужи, по которой зверь прошелся, пить вздумает?

Я вспыхнула, распрощавшись еще с одним сказочным шаблоном, и ускорила шаг. Пить хотелось невыносимо!

Долго ли, коротко ли мы шли по лесу, как вдруг кот замер с занесенной лапой и

навострил уши:

– Слыш-шишь??? – встревоженно прошипел он.

Я испуганно обернулась по сторонам. Вокруг было тихо. Деревья стояли стеной, где-то вдалеке звенел комар да посвистывал ветер, вороша макушки деревьев.

– Слыш-шишь?! – повторил кот, выгнув спину и подняв голову к небу.

– Да что случилось-то? – забеспокоилась я.

И тут ветер взвыл дурным голосом оперного тенора, посыпались сверху листья, шишки и ветки. Что-то оглушающе просвистело над головой и сбило нас с ног, раскидав по обе стороны тропинки. А когда я, вопя и ругаясь, выбралась из кустов, выдирая из косы репы, на тропинке стояла блудная ступа, а в ней покачивалась из стороны в сторону метелка.

– Вот те на! – почесал за ухом кот, выпрыгнувший из листьев лопуха.

Ступа смиренно наклонилась, приглашая садиться.

Варфоломей обернулся ко мне:

– Полетим?

– А у нас есть выход? – Я очистила подол от репьев и шагнула к ступе. Лучше пятнадцать минут ужаса в воздухе – и мы в говорливой избушке Яги, чем два дня ужаса в лесу – и стоптанные в кровь ноги.

Кот, довольный моим решением, быстренько юркнул к ступе. Я прыгнула следом, взмахнула метлой и приготовилась к худшему. Но ступа, к удивлению, плавно взмыла в воздух и, постепенно набирая скорость, поплыла над верхушками деревьев.

Полчаса полета пронеслись с ветерком, я уже даже стала наслаждаться дорогой и возрадовалась, что ступа на этот раз решила обойтись без выкрутасов. Но, как показали дальнейшие события, рано я это сделала. Прокатив нас над ромашковым покрывалом лужаек, опоясанным голубым браслетом реки, ступа неожиданно резко изменила направление и помчалась к зеленеющему у горизонта лесу. У верхушек леса ступа выровнялась, галопом пронеслась по кронам сосен и, опрокинувшись в воздухе, выронила нас в лесное озеро. Холодное, как минералка из холодильника!

Мокрые и злые, мы с котом вынырнули из воды в самом центре озера и, побив все рекорды по плаванию, выскочили на берег. Только тут мы заметили свидетелей нашего позорного падения и спортивного рекорда. На берегу стоял самый настоящий Иван-царевич – русоволосый, голубоглазый, одетый по моде русских народных сказок: в кушак, белую рубаху с обстрочкой и штаны, заправленные в красные сапоги.

Судя по настороженному виду, нашему появлению он не обрадовался. А в воде на поросшей мхом кочке сидел обнаженный мужчина с широкими плечами профессионального пловца и ослепительно-белой кожей. Его тело прикрывали только водоросли, оплетшие бедра, но незнакомца это отнюдь не смущало. Он насмешливо тарашился на нас зелеными, как мох, глазами, и приоткрыл в улыбке белые, как речной жемчуг, зубы.

– Это кто же ко мне пожаловал? – прожурчал он.

– Водяной! – мяукнул кот, встряхиваясь и обдавая меня брызгами.

– Здравсте, – опешив, выпалила я.

– Варфоломей! – Голос Водяного был подобен воде, которую переливали из одного кувшина в другой. – А это что же, получается, Яга? Ох, шалунья, – он шутливо погрозил мне пальцем, – увлечение молодильными яблоками тебя до добра не доведет. Посмотри, в кого себя превратила – в девчонку сопливую.

– Я не сопливая. – Я обиженно шмыгнула носом. – Просто воды наглotalась. И не Яга я вовсе.

– Знаю, – в голосе Водяного, как рыбка в реке, плеснулась грусть, – что не Яга. И не Василиса. Был бы кто из них, ничего бы этого не началось...

Царевич что-то тихо пробормотал Водяному и настороженно покосился на меня. Тот лишь усмехнулся.

– Не того ты боишься, Коля. Это друзья наши.

Царевич снова тихо сказал, но на этот раз я уже вытряхнула воду из уха и расслышала:

– Как знать? Ты же ее впервые видишь.

– Я-то впервые, – признал Водяной. – А вот Варфоломей уже и подружиться успел. Правда, Варфоломей?

– Это Яна, – с важностью представил меня кот. – Она вместо Василисы. – И, подумав, добавил: – Временно.

«А царевич-то хорош», – оценивающе глянула я. Высокий, статный, голубоглазый. Как какой-нибудь поп-идол, вырядившийся сказочным принцем для съемок нового клипа.

– А от Василисы что слышно? – с надеждой спросил Водяной.

– Ищем, – коротко буркнул кот, не став пересказывать вести, полученные от Ильи, но еще не подтвержденные Ивом.

– Поторопиться бы надо, – сдвинул брови Водяной. – Неладно нынче в реках и в лесу.

– А что такое? – с тревогой мяукнул кот.

– А что это с вашей ступой случилось? – перебил его царевич. – Возникли разногласия?

– Почему же? – с вызовом ответила я, выжимая косу. – Мы специально искупаться летели. Жарко сегодня, не правда ли?

– А-а-а, – насмешливо протянул царевич. – А что ж так быстро из воды выскочили? Уже накупались?

– Для первого раза достаточно, – с достоинством ответила я, разглаживая подол.

– А ты всегда в сарафане купаешься? – любезно поддержал беседу царевич.

– Конечно! – не стушевалась я. – Никогда не знаешь, где встретишь своего царевича. А я девица незамужняя. Вот ты, например, женат? – Я игриво взглянула на царевича, тот в панике отшатнулся. – Похоже, что женат, – сокрушенно вздохнула я. – И не очень удачно.

Осененная внезапной мыслью, я оглядела берег и листы кувшинок на предмет царевны-лягушки со стрелой в зубах. Вот повезло-то! Застала исторический момент: Иван-царевич сватает лягушку у Водяного! Хотя в сказке вроде бы без Водяного обошлось, да и дело было на болоте, а здесь озеро...

– Сколько за нее даешь? – любопытствовала я насчет выкупа.

– Что? – дрогнул царевич.

– Понятно, на халяву домработницу завести хочешь, – неодобрительно протянула я. – Она тебе и ковер за ночь, и озеро из глотка воды, и лебедя из костей, и прочие спецэффекты. Тиран и деспот! А впрочем, – внезапно смягчившись, я подмигнула Коле, – хочешь, поспособствую?

Будет еще этот несносный царевич меня на смех поднимать! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Вот женю его на лягушке – и буду хохотать, когда он ее целовать начнет, а она не расколдуется.

– Это как же? – Коля не смог устоять перед моим предложением.

Я победно улыбнулась:

– Цену собою.

Царевич заколебался. Я подошла к Водяному, насмешливо прислушивавшемуся к нашему разговору, и доверительно зашептала:

– Понимаю, такая волшебница нужна самому. Но, может, на озере сыщется какая-нибудь самая ненужная лягушка? Царевичу любая невеста сойдет.

– Царевичу? – насмешливо булькнул Водяной. – Это кто ж здесь царевич? Варфоломей, что ли? И на что коту лягушка?

– Лягушка мне не нужна, – подал голос кот. – Мне бы лучше рыбки.

– Ну так иди налови, – поддел его Водяной.

Кот смущенно затоптался на месте.

– Без труда не выловишь и рыбку из пруда, – мстительно сказала я, припомнив коту издевательство с пирогами.

Варфоломей с укоризной посмотрел на меня и повесил усы.

– Ладно уж, – смиловился Водяной. – Держи!

Он зачерпнул в пригоршню воды, и я с удивлением увидела в его ладони крупного карасика, которого он бросил коту. Варфоломей с урчанием накинулся на добычу и утащил ее в кусты.

– А теперь поговорим, – пророкотал Водяной, подобно водопаду.

– Но... – вскинулся было нецаревич Коля.

– Без «но», – охолонил его Водяной. – С такой бедой в одиночку не справиться.

– Что, лягушка не хочет идти замуж? – удивилась я его трагическому тону. – Хотя ее можно понять, – я бросила насмешливый взгляд на Колю, – жених-то не ахти, и не царевич, что нарушает все каноны.

– Да при чем тут лягушка? – прикрикнул на меня Водяной.

– А этот здесь, – я кивнула на Колю, – разве не царевну-лягушку сватает?

Красавчик стремительно побагровел, Водяной расхохотался.

– Умыла тебя девица, ох умыла!

– Лягушку-то покажите, – попросила я. – Страсть как охота посмотреть!

– Сказок ты наслушалась, дочка, – покачал головой Водяной. – Сама уже невеста, а все веришь.

На этот раз уже вспыхнула я, а Коля приободрился и мстительно глянул на меня. «Ничего, – мрачно подумала я, – еще посмотрим, кто кого!»

– Кстати. – Водяной склонился над водой и протянул мне метелку, которую я выронила во время падения. Я уже и забыть о ней успела. – Держи-ка.

– Спасибо, – поблагодарила я, стряхивая метлу от воды и окатив брызгами подкравшегося Варфоломея. Кот расправился с рыбой и неслышно вернулся на бережок, где и получил от меня «теплый прием» и выразил свой протест протяжным «мяу».

– Мне чужого добра не надо, – с усмешкой отвечал Водяной. – Я его всегда возвращаю.

Варфоломей отряхнулся от воды и ехидно заметил:

– Как же, как же. Видел раз, как ты за одним мужиком через весь лес несся, чтобы вернуть ему худой лапоть, который он в речку бросил. Мужик чуть не поседел.

Я прыснула, представив себе эту картину: до смерти перепуганный мужик драпает по лесу, а за ним на всех парах мчится Водяной, теряя на бегу набедренные водоросли.

– Мне чужого добра не надо, – повторил Водяной и хмуро добавил: – Ишь повадились в речки да озера всякий хлам кидать!

– Зачем же самому утруждаться? Вы русалок привлеките, – лукаво посоветовала я. – И мужикам не страх, а отрада, и для дела польза. Уж они-то речами своими ласковыми, очами туманными быстрее убедят реки беречь.

– А что, – Водяной одобрительно качнул головой, – дело молвишь. Попрыгуньи мои и так все время на берег рвутся, так пусть уж пользу своим озерам да омутам приносят. Ближе к делу, – вдруг посерьезнел он. – Мы тут с Колей о беде нашей толковали, когда ты свалилась как снег на голову. Ты ведь чародейка, дочка?

Я помрачнела:

– Раньше была. А сейчас разучилась.

– Как так? – вскинулся Водяной.

– Чародейству разучиться нельзя, – хмуро возразил Коля.

– Как здесь очутилась, так колдовать не могу, – расстроенно призналась я.

Водяной с Колей многозначительно переглянулись.

– Да что тут у вас происходит? – поразила я.

– Не ты одна силу теряешь. Из озер и рек тоже жизнь уходит. – Глаза Водяного затопила печаль. – Реки и озера мельчают, источники пересыхают, рыба гибнет, а новая почти не нарождается.

– И давно? – Варфоломей вздыбил шерсть.

– Как новый месяц родился, так и началось, – булькнул Водяной. – До того как Василиса ушла, я еще надеялся, что все уладится само собой. А три дня после ее ухода прошло, так и вовсе беда настала. Полреки разом обмелело, в одном из озер вся рыба

погибла, русалки едва спастись успели. Тут-то я и забил тревогу.

– А еще народ на Бабу-ягу ополчился, – невпопад вернул Варфоломей. – Кличут ее злодейкой и людоедкой.

– Вот беда-беда, – взволнованно покачал головой Водяной. – Со всех сторон обложили. И у Лешего неладно. Что делать-то?

– Я посмотрю тут, – пообещал Коля, хмуро косясь на меня, – может, и найду, в чем причина, да попробую все уладить.

– А ты – волшебник? – Я в изумлении уставилась на коллегу.

Коля отчего-то стушевался и отвел глаза.

– Я так просто...

– Только учусь, да? – поддела его я.

Нецаревич вскинул на меня голубые, как лед, глаза.

– Можно сказать, и так.

Протяжный стон Водяного ураганом пронесся над озером.

– Что? – хором воскликнули мы.

Водяной с похоронным видом выудил из воды мертвого карася, бросил его на берег и надломленно пробормотал:

– Из воды уходит жизнь. На глазах уходит.

Коля торопливо скинул кушак, оставшись в рубаше и штанах, выпрыгнул из сапог, закатал штанины. Я с изумлением наблюдала за этим внезапным стриптизом. Коля, не обращая на меня внимания, плюхнулся в озеро по колено и принялся водить руками над водой. Водяной замер на кочке и не сводил с парня глаз. Мы с котом переглянулись.

– Это кто? – прошептала я.

– Не знаю, – тихонько мяукнул тот. – Никогда его раньше не видел.

– Ну что? – не выдержал Водяной, подавшись вперед. – Что-то есть?

Коля ошеломленно взглянул на хозяина рек:

– Похоже, тут расставлены воронки, которые выкачивают жизнь из озера.

Водяной посерел. Кот вздыбил шерсть:

– Не может быть!

– Как в лесу, – ахнула я, вспомнив паутины.

– Я и сам поверить не могу, – потрясенно сказал Коля.

– Сумеешь их остановить? – с мольбой в голосе булькнул Водяной.

– Ты же знаешь, – нахмурился Коля, – я и сам почти без сил.

Водяной понурился.

Я с сомнением оглядела поверхность озера. Вода стелилась зеленым зеркалом, отражая небо, в котором хотелось искупаться, и ажурную рамку из сосен, его окружавшую. То там, то тут плескались рыбы, и от этого зеркало дрожало, расплываясь кругами по воде. Взгляд скользил по глади озера, а мысли уносились далеко вдаль. Как-то там Ив? Разыскал Василису? Может, уже везет ее в избушку? Или – я с тревогой крутанула ободок кольца – вляпался в какие-то неприятности, о которых намекал мне сон? Неожиданно зеркальную гладь прорезала паутина трещин, поверхность озера превратилась в февральский лед и разбилась вдребезги. Я дрогнула, глядя, как вода бурлит, словно лава, взрываясь множеством фонтанчиков около берега, а в самый центр озера безжалостным разрушительным сверлом вонзается черная бешено вращающаяся воронка.

Я глянула на кота. Тот спокойно сидел у моих ног и вылизывал лапой усы, не выражая ни малейшей тревоги. Водяной скорбной статуей застыл на кочке. Даже Коля, стоявший по колено в воде и водивший руками над мелкими фонтанчиками, казалось, не видел всего того, что вижу я. Или мне все это мерещится? Воронка, мелькнув, исчезла, фонтанчики испарились, будто и не было. Я потрясла головой, зажмурила и вновь открыла глаза, но озеро было спокойным, отражения сосен дрожали на зеленой глади воды. Что за чертовщина?! Как я ни щурила глаза, как ни всматривалась в центр озера, не смогла ничего увидеть. Я нервно покрутила перстенок. Был бы здесь Ив, уж он бы мигом разобрался в

происходящем!

Коля вскрикнул и отдернул руку, словно обжегшись. Посмотрев на встрепенувшегося Водяного, с горечью признал:

– Это сильнее, чем я думал.

Внезапно лицо обдало порывом северного ветра, я зажмурилась от горсти ледяных капель, ужаливших глаза, в ушах засвистело, как будто рядом промчался шторм.

– Яна, ты чего? – сквозь гул донесся до меня встревоженный голос кота.

Я торопливо потерла глаза, но, казалось, капельки воды застыли ледяной коркой на ресницах и склеили их. С трудом продрав глаза, я взглянула на озеро и похолодела. Фонтанчики со всех концов стягивались к Коле, сужая круг возле ничего не подозревающего парня, и танцевали вокруг него, подобно пламени огня, которое до поры до времени сдерживает невидимый властелин. Воронка ледяной глыбой вросла в центр озера, и от нее, сковывая воду, стремительно расползлся лед, приближаясь все ближе к Коле.

– Быстро на берег! – завопила я.

Парень с недоумением обернулся ко мне и не тронулся с места. Вот тормоз!!! Я с разбега влетела в озеро, клещом вцепилась ему в руку и потащила к берегу, с трудом преодолевая сопротивление воды, стремившейся задержать нас.

– Что ты делаешь? – возмутился Коля.

– Шевели ногами! – сердито проорала я, с тревогой оглядываясь. Почувствовав, что добыча ускользает, воронка разъяренным аллигатором вгрызлась в озеро, а лед змеями-зигзагами понесся к берегу. – Живо!!!

– Ты что-то видишь? – Коля, поверив мне, прибавил шаг, но шел не так быстро, как я того добивалась.

– Это что-то сейчас нас сожрет! – взвыла я, изо всех сил таща его к берегу.

Водяной взволнованно закопошился на кочке, с недоумением вглядываясь в свои владения, которые для него оставались тихой гаванью.

– Быстрее! – взвизгнула я, выталкивая Колю на берег, и тут ледяные щупальца схватили меня за лодыжку, холод сковал ногу испанским сапогом. Я хотела закричать, но легкие забились льдом, глаза покрылись прозрачной голубой коркой, а потом в них впрыснули ночь...

Откуда-то издалека, словно сквозь толщу снега, ко мне пробивались голоса.

– Что с ней? – Голос тихий, словно журчание первого весеннего ручейка. Это, кажется, Водяной.

– Яна, Яна, очнись! – протяжно вторит ему другой, с кошачьими интонациями и искренней тревогой в голосе. – Да сделай же что-нибудь!

– Я и делаю, – огрызается третий, юношески-звонкий голос. – Не путайся под ногами!

– Да это кто еще у кого путается! – возмущенно шипит кот. – Если бы ты ее послушал сразу, ничего бы не случилось.

– Сами свалились в озеро! – ворчал Коля. – Никто вас сюда не звал.

– И скажи ступе спасибо, что свалились! – горячился кот. – Если бы не Яна, сам бы сейчас стоял ледяным столбом!

– Сказал бы, да ступы нету. Где она у вас летает?

– Она ступа вольная, где хочет, там и летает. Когда хочет, тогда и возвращается.

– Разбаловали вы ее.

– Без тебя разберемся. Ты свое дело делай!

– Я и делаю!

– Только что-то толку мало.

– Тут все непросто...

– Было бы просто, и без тебя бы разобрались!

– Очень сильное заклинание, я с таким раньше не сталкивался, – растерянно бормочет Коля.

Тишина. Только чувствую, как лучики солнца пытаются пробиться сквозь лед. Какие-то разбиваются у самой поверхности, какие-то проникают чуть дальше и безнадежно застревают, какие-то чудом прокладывают узкие, как от иголки, дорожки и касаются меня, отзываясь щекоткой.

– Ничего не получается, – удрученно признает Коля.

«Получается!» – хочется крикнуть мне. Но горло забито снегом, губы – две льдинки. Ни шевельнуться, ни шепнуть.

– Может, ее поцеловать? – робко предлагает кот.

– Ни за что! – поспешно отказывается Коля.

Каков нахал, а?! Мне, положим, его поцелуй тоже сто лет сдались, оттаю – еще припомню коту его добрые советы. Но ведь Коля – тоже хорош гусь! Никакой благодарности за свое спасение. Мог бы хоть попытаться!

– А вдруг это единственное средство? – настаивает кот.

– А вдруг это опасно? – встревает Водяной. – Прикоснется к девице и сам заледенеет.

– Тогда я поцелую ее сам! – героически возвещает кот.

Тишина. Только кажется, кто-то иголкой скребет по закованным в лед ногам, пытаюсь пробить панцирь льда.

– Тебя подсадить? – В голосе Коли слышна насмешка. – Или так и будешь прыгать?

– Я сам! – оскорбленно шипит Варфоломей.

Милый, добрый Варфик! Чувствую, что сейчас расплачусь.

– Понравилось скатываться с ее коленки?

А вот Коле я еще припомню его готовность меня спасти. И зачем я полезла вызволять этого дурня? Пусть бы сейчас стоял ледяным пнем у берега, поделом бы ему было!

– Как думаете, она нас слышит? – волнуется кот.

– Вряд ли, – скептически отвечает Коля.

– Но она жива?! – паникует Варфоломей.

Над ледяной глыбой, в которую я заключена, как будто нависает что-то большое и зеленое.

– Жива, – с облегчением в голосе заключает Водяной. – Я это чувствую.

– Сделай же что-нибудь! – насаждает кот. – Лед – это твоя стихия.

– Не лед, – удрученно возражает Водяной. – А вода.

– Морозко! – хором восклицают кот и Коля.

– Да где ж его сейчас найдешь? – сомневается Водяной. – Летом он спит крепким сном.

До зимы ждать придется.

От снега першит в горле, от ледяной короны тяжелеет голова, от ледяного корсета ломит тело. Ждать до зимы я не смогу! Разобьюсь вдребезги, одни осколки останутся.

– Надо у Лешего спросить, – предлагает кот. – Они же с ним друзья. Подскажет, как найти Морозко.

– Не к добру это, – бубнит Водяной, – будить Морозко в разгар лета. А ну как он, не разобравшись со сна, зиму на все Лукоморье напустит? Поля погибнут, голод начнется.

– Нельзя этого допустить, – соглашается Коля.

«Ну так сделай что-нибудь!» – мысленно взываю я.

Коля делает. Сеть из солнечных лучиков оплетает ледяной саркофаг, капли солнца рассыпаются по льду. Тщетно. Стынут ниточки-лучи, скатываются солнечные капли, не потревожив ледяной толщи.

Кот тревожно мяукает, Коля растерянно молчит, Водяной сокрушенно вздыхает. Сильное, страшное колдовство неведомо всезнающему коту, неподвластно Колиным чарам, не по силам даже Водяному.

Тишина. Утекают минуты жизни. Стынет в жилах кровь. Сводит ледяной судорогой тело. Сознание мелькает фотовспышками. Тьма, мгновения забытья, и снова лед. Горестные завывания кота, беспомощное бормотание Коли, скорбное журчание Водяного. Тьма. Лед. Скрежет когтей, грохот кулаков, красные подтеки на голубом стекле. Тьма. Лед. Ночь.

Серебро. Солнце укатилось за горизонт, уступив место любопытной луне, и ее серебряный свет струится сквозь голубую корку, запутывается в морозных узорах, причудливыми татуировками ложится на кожу, запертую в ледяном коконе. Тишина. Не пискнет кот, не забудит Коля, не вздохнет Водяной. Меня бросили? Но нет, я чувствую их присутствие, их безнадежные взгляды, которые холодом проникают под ледяную корку. Неужели они сдались? Неужели...

– Все бесполезно, – звучит надтреснутый голос Коли. – Мы ничем не можем помочь.

– Трус! – с ненавистью шепчет кот. – Я ее не оставлю.

– Оставлять ее здесь нельзя, – соглашается Водяной. – Мало ли что.

– Я знаю, где ее можно укрыть, – после паузы говорит Коля. – Тут неподалеку есть пещера, вход в которую так просто не найти. Перенесем ее туда.

«Отлично, – мои веки смыкает сон, равнодушие сковывает разум, – всю жизнь мечтала побыть мертвой царевной». Теперь еще и в сказки попаду. А что сказочники приврут – так не беда. Хрустальный гроб звучит лучше ледяной глыбы.

– Я не позволю! – вопит кот.

– А я продолжу искать средство снять колдовство, – дрогнувшим голосом обещает Коля.

– И сколько на это уйдет – год, двадцать, сто? – огрызается кот.

Я уже почти стала льдом. Холод подкрался к самому сердцу, уже потянулся к нему своими смертельными щупальцами, еще мгновение и...

Бьется в горле запертый крик: «Ив!» Где же ты, когда так мне нужен? Умчался спасать Василису, а кто же теперь спасет меня? Жизнь утекает из меня хрустальными секундами. Нет у меня ни года, ни дня, на то чтобы ждать, пока снимут чары. Я не засыпаю зачарованным сном, как спящая царевна, я умираю, а тебя нет рядом, и ты никогда не узнаешь, что в последние мгновения я думала о тебе, вредный, невыносимый, насмешливый, любимый рыцарь. Прощай...

Заледеневшие пальцы словно сжимает теплая ладонь, ободок жара обжигает безымянный палец левой руки, раскаленным металлом пульсирует на пальце перстень Ива. Ничего не вижу сквозь ледяную корку, но в голове вспыхивает образ: рубиновый лучик лазером прошивает лед, огонек-рубин прожигает алмазную корку, и лед плавится, не в силах сопротивляться этому раскаленному жару.

– Смотри! – вопит кот.

– Вот это да! – ахает Коля.

– Ничего себе, – эхом отзывается Водяной.

Голоса морем шумят в голове, ледяные оковы тают, словно под лучами полуденного солнца, волна тепла бежит по телу, взрывая осколки льда. Еще мгновение – и падаю на траву, дрожа от холода, вспыхивая от жара. Растираю озябшие плечи, сотни ледяных осколков впиваются в ладони, но тут же с шипением тают. К коленям жметесь дрожащий меховой мяч, на плечи ложится теплый кушак. С двух сторон подхватывают две руки, влажная – Водяного, сухая – Колина. Колени подгибаются, но поднимаюсь на ноги.

– Как ты? – с тревогой восклицают три голоса одновременно.

– Мокрая как мышь. – Я ежусь от холода и вдруг чувствую, как влага мгновенно испаряется с кожи, а по жилам бешено устремляется огненная лава, купая озябшее сердце в горячем море. Еще мгновение – и сбрасываю кушак, отпускаю руки, твердо стою на ногах. Внутри меня хлещет жизнь. Да я горы сейчас сверну! Кольцо на безымянном пальце подмигивает глазком-рубином.

– Откуда оно у тебя? – выдыхает Коля.

– Это перстень ее жениха, – мурлычет у моих ног Варфоломей.

Наклонившись, чешу кота за ушком. Переволнованный за меня Варфоломей позволяет даже такие вольности. Глажу по шерстке, вливаю в кота искорку силы с благодарностью за его тревогу и заботу обо мне. Потом быстро выпрямляюсь и иду к черной глади озера. Мои опасения напрасны: озеро не напоминает каток, от ледяной кромки не

осталось и следа. В воде купаются звезды, луна серебряной тарелкой лежит в центре озера, где была смертоносная воронка.

– Яна, – встревоженно мяучит кот. – Не ходи туда больше.

– Что происходило после того, как я... заледенела?

– Лед на поверхности быстро растаял. А ты оставалась внутри льдины. Мы вытащили тебя из воды, перенесли на берег, стали пытаться расколдовать. Ты что-нибудь чувствовала?

– Кое-что, – уклончиво ответила я и вскинула руку, выпуская в центр озера сорвавшуюся с пальцев золотую нить. Нить плотно обвила серебряный лунный диск, и я дернула ее на себя. Взметнулся столп брызг, раздался громкий хлопок.

Коля ахнул. Похоже, он мог видеть то же, что и я. Отражение луны оказалось доньшком воронки, погружившейся на ночь на дно и продолжавшей пить жизнь из озера. Воронка была полной. Она неуклюже перевернулась, попыталась порвать поймавшую ее нить. Но нить на глазах сделалась толще и, повинувшись мне, стала стремительно обматывать воронку, как катушку. Воронка была сильной, удерживать ее было непросто. Я чувствовала, что магия выливается из меня с каждым мотком нити, и торопилась. Последнее усилие – и в центре озера бултыхается словно пойманная в золотую сеть тварь. Щелчок пальцев – и золотые пути стягивают ее, словно апельсин, до капли выжимая все украденные жизненные силы озера. Хлопок! И черный дым, на мгновение сложившись в знакомый силуэт, рассеивается в фиолетовых сумерках, а по поверхности озера рассыпаются золотистые искорки, очищая ее от злой магии, возвращая кристальную чистоту и природную силу. Плеск – и по всему озеру выныривают русалки. Бух – и к ним, словно гордый крейсер, важно плывет Водяной.

– Как ты это сделала? – с уважением спросил Коля, подойдя сзади.

– Просто захотела. – Я пожала плечами, показывая, что для меня это пустяк.

Ни к чему Коле знать, что последняя искорка силы покинула меня в тот миг, когда исчезла воронка. Я и сама толком не разобралась, что происходит. Вроде бы кольцо Ива в миг смертельной опасности пробудило во мне магию, помогло растопить лед, а потом и увидеть воронку и спасти озеро. Но почему силы истощились так быстро? То ли противник гораздо сильнее, то ли магия возвратилась ко мне лишь на время. И ведь как некстати я осталась без сил теперь, когда я знаю, кто навел чары на озеро, и надо как следует тряхнуть дрянную девчонку, чтобы сняла порчу с других озер, рек и леса и призналась, зачем ей это было нужно! Впрочем, – я бросила взгляд на притихшего Колю, впечатленного демонстрацией моей силы, – есть еще один маг и волшебник, которому по плечу проучить юную вредительницу. Ему-то и доверим всю грязную работу.

– Я знаю, кто это сделал, – сказала я, поворачиваясь к Коле. – Наведаемся к ней в гости?

Глаза Коли гневно вспыхнули. Что ж, Любаву ждет веселая ночь, а меня – теплая печка и мягкая подушка.

До Замышляевки мы добрались на ступе, высадились за околицей деревни и прошли по спящим улочкам до дома Любавы.

– Странно, – заметил кот, проскальзывая во двор мимо незапертой калитки. – Дома никого нет.

Несмотря на позднюю ночь, на двери избышки висел навесной замок. А колода дров, сложенная у крыльца, была рассыпана, словно хозяйка, в спешке покидая дом, споткнулась о них, да уже не было времени поправить.

Коля быстро взбежал на крыльцо, и я уже приготовилась, что он навалится плечом и выбьет дверь из косяка, но он взял замок двумя руками, что-то пошептал, и тот, тихо звякнув, открылся. Я с уважением и с завистью покосилась на парня – магия! Я уже стала забывать, как это делается.

Мы вошли в темные нетопленные сени и, спотыкаясь о домашнюю утварь, на ощупь добрались до горницы. Коля разыскал лучину, зажег. Тусклый огонек осветил комнату, я

воровато огляделась, опасаясь, что из-за печи выскочит затаившаяся в засаде Любава и задаст нам жару или на лавке обнаружится ее бездыханное тело. Но чародейки в избе не было, ни живой, ни мертвой.

Запертые ставни играли нам на руку: можно было не опасаться, что нас увидят со двора. Коля, светя себе лучиной, обходил горницу. Варфоломей, привлеченный мышиной возней, сунул нос за печку. Я подошла к столу, на котором были в беспорядке разбросаны сухие и свежие травы, и в задумчивости запустила пальцы в стебли. Куда ушла из дома чародейка на ночь глядя? Быть может, ставит очередную ловушку-паутину в лесу? Разворошив пучки трав, пальцы уткнулись в шершавый лист. Я уцепилась за его край и выудила из травы бересту. Та самая! На которой что-то угольком писала Любава, а от ее слов не осталось и следа!

– Коля, – позвала я, – погляди!

– Сейчас, – отозвался парень, громыхнув чем-то, – только воды выпью!

Я обернулась, береста выскользнула из пальцев. Коля уже зачерпнул воды в ковш и поднес к губам. Когда Любава набирала воду из колодца? Вчера, до того, как я плеснула в колодец ее фирменное зелье, или уже сегодня утром?

– НЕ ПЕЙ! – рявкнула я и, метнувшись к нему, выбила из рук ковш.

От неожиданности Коля выронил лучину из другой руки, отшатнулся, потерял равновесие, схватился, пытаясь удержаться, за край ведра и опрокинул его. Вода залила дощатый пол и погасила уроненную Колей лучину, не дав огню перекинуться на доски. Варфоломей с шипением запрыгнул на лавку и принялся яростно вылизываться. Коля тихо спросил:

– Вода была отравленная?

– Еще какая! – подтвердила я, чувствуя, как полыхают мои щеки в полной темноте. Не хватало мне еще собачьего взгляда нецаревича!

– Спасибо, – сказал Коля.

– На здоровье, – брякнула я.

Шлепая по полу мокрыми сапогами, Коля дошел до стола, нашел еще одну лучину, осветил горницу, случайно задел лежащую поверх трав бересту.

– Осторожно! – Я метнулась к столу прежде, чем Коля ее уронил, и бережно взяла в руки.

– Ты это мне хотела показать? – Коля с недоумением уставился на чистую бересту. – Я думал, там что-то написано!

– Понимаешь, какая штука... – начала объяснять я, но тут Коля потрясенно вытаращил глаза, и я увидела, как на бересте проступают непонятные письмена.

– Ничего себе! – присвистнул он.

Кот заинтересованно подтянулся к нам.

– Ты понимаешь, что тут написано? – нетерпеливо вскрикнула я.

Две пары глаз в изумлении вытаращились на меня:

– А ты разве не умеешь читать?

Наверное, я покраснела как свекла. Хорошо, что лучина светит тускло и в горнице темно.

– По-старославянски – нет, – вынуждена была признаться я.

Коля с еще большим удивлением посмотрел на меня, но от комментариев воздержался и перевел смысл строчки, проявившейся на бересте:

– Это вопрос «ты здесь?», – и добавил, недоуменно нахмутив брови: – И что теперь?

– Я знаю, знаю! – Я кинулась к столу, смела в сторону травы, отыскивала уголек, сунула ему в руку. – Пиши ответ «да».

Коля недоверчиво глянул на меня, но подчинился. Положил бересту на стол, склонился над ней и вывел угольком славянские письмена строчкой ниже под вопросом. В тот же миг буквы на бересте исчезли, словно стертые невидимым курсором, и на их месте возникли другие.

– Переводи! – Я ткнула в бок задумавшегося над строчкой Колю.
– Тут спрашивают, – опомнился он, – все ли готово для последнего обряда. Для какого обряда? – Он наморщил лоб.

– Спроси когда, – велела я.

Коля, по-прежнему недоумевая, послушно вывел на бересте вопрос.

Строки снова исчезли, мгновением позже проявился ответ.

– «Уже скоро, – прочитал Коля. – Сейчас мне, как никогда, нужна твоя помощь. Задействуй все свои силы». – Он поднял глаза. – И что это значит?

– А ты как думаешь? – тихо спросила я. – Любава – просто исполнитель. Кто-то поручил ей погубить лес и реки, выпив из них жизнь, и сейчас интересуется, все ли готово для того, чтобы довести дело до конца.

– Он нас видит? – напрягся Коля.

– Нет, – успокоила я, прикинув, что для видеосвязи неизвестный воспользовался бы волшебным блюдечком, а береста служит только для переписки. – Но мы должны его увидеть. Чтобы остановить.

Коля, сжав губы, кивнул.

– Пиши, – велела я, – что возникли неприятности. Нужно встретиться на заре в лесу... – Я запнулась, припоминая какое-нибудь приметное местечко неподалеку от деревни. Перед глазами встала высохшая липа и безутешный Леший, обнимающий ее. – У засохшей липы, – продиктовала я.

Если и Леший туда подоспеет, у нас будет одним союзником больше. Возможно, вид врага, разрушившего его лес и погубившего любимицу липу, придаст Лешему сил.

– А найдет? – отложив уголек, с сомнением спросил Коля.

– А мы с собой бересту возьмем. Заблудится – укажем путь-дорогу.

На бересте вновь возникла новая надпись, и мы склонились над столом, ударившись лбами.

– Где Любава? – хором прочитали мы.

– Ты же не умеешь читать? – удивился Коля.

– Да тут все понятно, – сама себе удивилась я, разглаживая край бересты, и вздрогнула. – Ты понимаешь, что у нас спрашивают? Тот, кто пишет, догадался, что отвечает не Любава!

Кончики пальцев опалило огнем, я отдернула руку, затрясла обожженными пальцами. По бересте разлилось пламя, хлынуло на стол, жадно вгрызлось в доски, скатилось на пол. В избе стало светло, как днем.

Коля схватил меня за руку и крикнул:

– Бежим!

Но не тут-то было. Огонь в считанные мгновения охватил бревенчатые стены, и вот уже повсюду шумело-бушевало огненное море. Нетронутым оставался только островок в центре горницы – и то только благодаря ведру воды, которое разлил недавно Коля, и влага еще не успела испариться с досок и не подпускала огонь ближе. Прижавшись спиной друг к другу, мы с Колей кружились по кругу, отчаянно выискивая путь к спасению. У ног тревожно мяукал кот. Пламя, присматриваясь к нам, постепенно подкрадывалось ближе, осушая доски и прокладывая себе дорогу.

– Сделай что-нибудь!

– Я пытаюсь, – с отчаянием в голосе прокричал Коля. – Но ничего не получается.

– Вызови дождь! Заморозь огонь! Прикажи, чтобы он расступился и пропустил нас к выходу, – выпалила я, жмурясь от яркого пламени. В моей голове проносились десятки вариантов спасительной магии, вот только мне она была не под силу. Зато сила была у Коли, и если уж его заклинания беспомощны, то пусть воспользуется моими идеями.

– Не могу! Это сильнее меня! Этот огонь, он подрывает мои силы.

– Тогда перенеси нас отсюда куда-нибудь, хотя бы за ворота!

– Я не умею!

– Попробуй!

Огонь подступал все ближе, от жара изба превратилась в баню: пот стекал по лицу, застилал глаза. Внезапно мне под ногу попался какой-то камешек, я оступилась и упала бы в пламенное море, если бы меня не подхватил Коля.

– Уголек! – Я рухнула на колени, схватила черный кусочек и, осененная внезапным решением, принялась ползать по кругу, обводя линию вокруг нас. Если уголек волшебный, как и береста, на которой он писал, возможно, он сбережет нас от пламени и не позволит ему приблизиться. От едкого дыма, который постепенно заполнял избу, начали слезиться глаза, становилось трудно дышать, но я все чертила спасительную линию. Замкнув круг и продолжая крепко сжимать уголек в руке, я поднялась в полный рост и зажмурилась от порыва ветра, ударившего в лицо. А когда открыла глаза, увидела, как пламя отбросило к стенам – будто волна отхлынула с берега.

– Спасены... – выдохнула я, уже заноса ногу над линией, чтобы броситься к сениям, но тут Коля рывком втянул меня обратно.

Я не успела возмутиться, только с ужасом смотрела на пламя, которое поднялось девятым валом, лизнуло потолок и волной цунами бросилось на нас. Это был конец. Из глаз полетели искры – это Коля резко прижал меня к плечу и развернулся, закрывая спиной. Перед глазами пронеслась вся жизнь, и почему-то прозвучал, перекрывая оглушительный треск пламени, печальный голос кота: «А когда ты умрешь, никто не вспомнит о тебе, потому что в людской памяти не останется ни одного твоего доброго дела...» И если раньше его слова показались мне глупостью – ведь я собиралась умереть столетней старушкой в своей постели и впереди были годы потенциальных добрых дел, – то сейчас они прозвучали приговором, и я крепко зажмурилась в ожидании казни. Как символично: я буду сожжена как ведьма и никто обо мне не вспомнит, потому что все волшебство, которое я творила в жизни, было направлено исключительно на меня, любимую.

– Смотри... – прошипело пламя. – Смотри!!!

И я открыла глаза, стыдясь своей слабости, отстранилась от Коли и обмерла, непонимающе глядя перед собой. Волна пламени, негодуя, билась о невидимую преграду, очерченную угольком.

– Смотри, – как замороженный, повторял Коля, голос которого я приняла за шипение огня, – ты его остановила. Мы спасены.

Но радости не было, только тоска и отчаяние. Я в недоумении посмотрела на Колю: неужели он не понимает?

– Это не спасение, – пробормотала я и закашлялась от дыма. – Это отсрочка.

– Что?

– Не сгорим, так задохнемся. Какая разница?

Варфоломей горестно мяукнул. Коля раскрыл рот, чтобы мне возразить, но вдохнул порцию дыма и глухо закашлялся, вытаращив глаза. Кажется, дошло. Граница защищала нас от огня, но пропускала дым и жар. Тепло опутывало тело, словно щупальца осьминога, делая его податливым и безвольным. Сейчас бы в ледяную прорубь – взбодриться, собраться с силами. Но куда никак.

Не спрятаться, не спастись от жара, не укрыться от дыма, не погасить огонь. Уж лучше бы я утонула в озере несколькими часами раньше и стала русалкой. Или навсегда осталась бы в Океании во время предыдущего задания магистров. Вода – прохладная, солоноватая, обтекающая кожу, – казалась сейчас отрадой. Вода – это жизнь. В ней живут миллионы разноцветных рыбок, в ней копошатся крабы и сплетают свои извилистые тела пятнистые мурены. Под толщей воды раскинулись на песчаном дне просторные тенистые пещеры и причудливые, источенные волнами, каменистые дворцы русалок. Вода – это возрождение. Даже погибшие корабли обретают здесь вторую жизнь, становясь пристанищем для подводных жителей. Вода милосерднее, добрее, чем огонь. Огонь – всегда разрушение, всегда пепел, всегда небытие. Огонь был стихией моей сестры Селены, разрушительной стихией. На пожарище новой жизни не построишь, зато наводнение, помимо разрушений,

несет обновление, насыщает почву, смывает ветхие постройки, чтобы взамен их построили новые, крепкие, радующие глаз. Из воды можно выплыть, от огня – не сбежать. Вода ласкает, успокаивает, убаюкивает. Под толщей воды сокрыт огромный, разноцветный мир. Уж лучше стать его частью, плавать бок о бок с забавными рыбками-клоунами, гонять пугливых гуппи, любоваться со стороны опасными и прекрасными крылатками, уступать дорогу важным китам, нырять наперегонки с дружелюбными дельфинами, чем...

Треск огня перекрыл рокот бушующего моря, соленая прохладная волна хлынула в губы и в уши, закрутила в кольцо, подбросила к бревенчатому потолку, вспарывая кровлю. Дом Любавы вместе со всей утварью разнесло в щепки, а мы с Колей и котом, мокрые и оглушенные, как жертвы кораблекрушения, рухнули на затопленную и покрытую обломками дерева землю. Вода смягчила приземление и стала мельчать на глазах, вытекая за забор, впитываясь в почву и оставляя на земле, припорошенной золотым песком, обитателей моря: медуз, мурен, крабов, рыб. Солнце, всходявшее над Лукоморьем, осветило масштаб катастрофы.

– Что это было? – потрясенно промычал Коля, отфыркиваясь от воды и вынимая из-за пазухи извивающуюся гуппи.

Я зацепила горсть песка и с удивлением уставилась на ладонку. Не песок это вовсе, а монетки по земле раскидало. Похоже, волной принесло не только рыб, но и часть подводного клада. Коля помог мне подняться и присвистнул, увидев монетку.

– Да, хозяйка нас с тобой не похвалит за то, что мы ее тайник разворошили.

– Это морской клад, – возразила я, провожая взглядом Варфоломея, который скакал по земле, гоняя рыбок.

– Какой клад? Монеты-то наши. Сама погляди.

Коля пнул носком сапога землю, затопленную водой, и поднял со дна горстку монет. Но тут его внимание привлекла яркая рыба, и он позабыл о богатстве, разбросанном под ногами.

Я окинула взором поблескивавшие в лучах рассветного солнца золотые кругляшки. Любава изрядно обогатилась на своих фирменных зельях. Только теперь золото, копившееся годами, за считанные минуты исчезнет в карманах ушлых соседей, которые уже вывалили на улицу. И немудрено: шуму мы наделали изрядно. Обломки дома разлетелись по соседним участкам. Встревоженные и сонные сельчане высыпали на улицу, увязли по колено в воде, загудели, разглядывая диковинных морских гадов. Ребятишки тут же рухнули в лужу, залившую полдеревни, и устроили веселую возню, вылавливая невиданных созданий. Домовитые хозяйки, не теряя времени, схватили ведра и бросились собирать самую крупную рыбу. А наиболее любопытные пробивались к дому Любавы, желая узнать подробности из первых рук, и первым несся мой старый знакомый Сидор.

– Смываемся отсюда! – Я потянула за руку Колю, который, как мальчишка, кружил по участку, разглядывая рыб.

– Что? – Он непонимающе взглянул на меня, и я с удивлением отметила, что выглядит он на редкость здоровым: глаза блестят, щеки пышут румянцем. Как будто еще несколько минут назад мы не задыхались от дыма в горячей избе, а расслаблялись в сауне. Но размышлять над этим волшебным превращением было некогда.

– Уходим! – поторопила я и потянула его назад. Туда, где раньше был задний дворик, а сейчас даже забора не осталось – все смыло волной.

Ноги вязли во влажной земле, до слез было жалко разноцветных рыбок, бивших хвостами по траве. Хорошо хоть дельфинов с китами волной не принесло. Изрядно намесив грязи, мы выбрались на дорогу, и вслед нам раздался оглушительный вопль. Я обернулась в испуге, но Коля успокаивающе положил ладонь мне на плечо:

– Погони можно не опасаться. Они нашли золото.

И правда, сельчане, добравшиеся до участка Любавы, увлеченно рухнули в лужу и шарили руками по земле, выуживая из воды монеты, набивали ими карманы и ссыпали за пазуху. До нас никому не было дела. А к ним, привлеченные любопытством, уже бежали

соседи. Ребятишки увлеченно перестреливались золотыми кругляшками, бабы при виде золота вытряхивали доверху набитые рыбой ведра и, отталкивая друг друга, плюхались в мутную воду. К обеду в деревне будут хвалиться количеством добытых монет и с гордостью показывать полученные в ожесточенном бою синяки.

Миновав совершенно пустую дорогу, мы вышли из деревни и припустили в сторону леса. Там, добравшись до первой лужайки, мы без сил рухнули в высокую траву и замолчали, переваривая последние события. Варфоломей запрыгнул на освещенную солнцем кочку и принялся яростно вылизываться. Первым не выдержал Коля. Приподнялся на локте, пожеывая травинку, и, не сводя с меня внимательного взгляда, спросил:

– И как ты это сделала?

– Я не знаю.

– Не ври, – жестко сказал Коля. – Вода разнесла дом в щепки и залила полдеревни. Такое даже мне не под силу. – Он осекся и ожесточенно сплюнул травинку.

Ах, вот в чем дело! Умыла я тебя, чародей ты наш великий?

– А что, ты самый крутой кудесник в Лукоморье? Что-то я не заметила этого, когда ты спасал нас от пожара.

Коля сжал зубы и не проронил ни слова.

– Я умею оживлять свои мысли. – Я клацнула зубами ежась в мокрой одежде. – В этом мое волшебство.

– То, которого ты лишилась? – хмыкнул Коля. – Значит, ты уже восстановила силы?

Вместо ответа я встала с земли, огляделась по сторонам и зашагала к поникшей березке, на ветвях которой пульсировала зеленая паутина. Протянула руку – и в тот же миг отдернула ее.

– И что это значит? – прозвучал позади голос Коли.

– Нет, – покачала головой я. – Не восстановила.

– Тогда как ты сделала то, что сделала?!

– Не спрашивай. Я не знаю.

– Но надо разобраться!

– Не сейчас. Нет времени. Нам надо найти Любаву.

– И где же мы будем ее искать? – скептически выгнул бровь Коля.

– А ты как думаешь? Здесь, конечно. Куда еще могла отправиться чародейка на ночь глядя? Вряд ли она расставляет свои сети днем, когда в лесу полно народу да и Леший не дремлет. Поймаем ее, как говорится, с поличным.

– А потом что? – подал голос кот.

– Попросим все исправить. Ты себя как чувствуешь? Если что, хватит сил убедить девушку покаяться в содеянном и снять порчу?

– Хватит, не волнуйся. – Коля по-молодецки потрянул мокрым чубом.

– Тогда, – меня передернуло от пробирающего холода, – может, истратишь капельку своей волшебной силушки, чтобы высушить нашу одежду?

Коля с удивлением глянул на меня, но ничего не сказал. Только провел рукой передо мной, и на меня дхнуло жаром. Я невольно отшатнулась, вспомнив раскаленное нутро избы Любавы с кружившим вокруг нас пламенем.

– Ты что? – с волнением спросил Коля.

– Порядок, – успокоила его я и, проведя ладонью по сухой одежде, сказала: – Спасибо.

– Давай-давай, издевайся, – буркнул он и отвернулся.

Видно, никак не может мне простить, что я спасла нас обоих от гибели, а он всего лишь применил мелкое бытовое заклинание. Что ж, не буду его переубеждать, сейчас его лучше оставить в покое. Вон как обиделся, даже забыл свою одежду высушить – а с его кушака целый ручей стекает.

В полной тишине мы кружили по лесу не меньше часа. Любава, может, уже давно свои ловушки понаставила и домой вернулась. Сейчас как раз ходит по развалинам и клянет нас во весь голос.

– Вот что, нам надо в деревню вернуться, – озвучивая мои предположения, произнес Коля.

– То-то Любава нам обрадуется! – заметила я.

– Обрадуется – не обрадуется, а нам без нее пути не снять. Уж лучше мы ее возле дома дождемся, чем по лесу плутать без толку.

Пришлось признать его правоту и повернуть обратно к деревне. Но Коля не стал возвращаться на проторенную дорогу, а указал на неприметную тропинку.

– Тут напрямик к деревне выйдем, – пояснил он. – И быстрее получится.

Тропинка оставляла жуткое впечатление. И так-то прогулка по лесу, окутанному злой магией, была мрачной, но тут казалось, что за каждым кустом притаилось чудовище, корни каждого дерева точат черви, а в кроне беспокойно бьется неприкаянная душа.

Однако поводов беспокоиться не было – в пределах видимости не было ни одной магической паутины. Но чем дальше мы шли, тем больше хотелось свернуть с тропинки и бежать прочь. А ощущение, что впереди мы увидим что-то страшное, все больше крепло.

– Долго еще? – не выдержала я, обходя очередное разлапистое «чудовище».

– Уже совсем близко, – пояснил Коля. – Сейчас свернем вон за той рябиной, а там напрямик всего ничего.

Обнадеженная его словами, я прибавила шаг, обогнала Колю, первой обошла рябину и так и замерла с занесенной ногой. Варфоломей вжался в землю и зашипел. Куда ни глянь, повсюду была паутина. Она опутывала деревья и траву: кружевным пологом, раскинутым от кроны к кроне, застилала небо и плотным ковром покрывала землю. Нога замерла в нескольких сантиметрах от паутины. Еще шажок – и не выбраться из смертельной ловушки, в которой уже есть одна жертва. Между деревьями по краям дороги натянут в воздухе плотный холст паутины, и на нем, окутанная, как гусеница коконом, в метре над землей, безжизненно повисла Любава. В ее лице не осталось ни кровинки, под глазами – черные провалы, словно нарисованные углем, но самое страшное – у нее нет губ.

– Ты чего столбом стоишь? – Голос Коли оглушает, и, прежде чем случится непоправимое, я оборачиваюсь и толкаю его прочь, раньше чем он столкнет меня в паутину и ступит в нее следом.

– Ты что? – обиженно вскрикнул он, но взглянул на меня и осекся.

– Иди за мной, только осторожно, – предупредила его я и подвела на два шага к паутине.

Краска схлынула с лица парня, и тот сделался такого же цвета, как Любава.

– Давай назад, – потянула его я, испугавшись, что паутина действует на него и на расстоянии.

– Я ее вижу, – прошептал он, потрясенно глядя перед собой.

– Любаву?

– Паутину!

Интересные дела. На озере ничего не видел, на поляне не видел, а сейчас прозрел. Или паутина обрела уже такую мощь, что видна и невооруженным взглядом?

– По... мо... – донесся еле слышный шелест, и паутина, растянутая между деревьев, чуть шевельнулась. – По... мо... ги... те...

И я с ужасом увидела, как белое, словно мел, лицо Любавы прорезает тонкая щель. Впечатление было таким жутким, что я не сразу поняла, что никакой щели нет, это шевельнулись губы чародейки – такие же белые, как кожа, почти незаметные на лице.

– По... мо... ги... те... – с усилием повторила она, глядя на нас с невыразимым мучением.

– Но как? – воскликнул Коля, не оставшийся равнодушным к страданиям чародейки.

– Ос... та... но... ви... те... ее, – выдохнула Любава и безвольно обвисла в паутине.

Коля выругался и принялся махать руками и бормотать что-то под нос. Я отстраненно смотрела на его старания. Уж если он не смог растопить ледяной кокон, в который угодила я, где уж ему справиться с паутиной?

– Так ты ничего не добьешься. Лучше попробуй привести ее в чувство, – посоветовала я. – Пусть расскажет, как снять чары.

Коля чего-то там забормотал, вытянул руку, и солнечный зайчик скользнул по белой щеке Любавы, а ее ресницы дрогнули. Встретившись с ней взглядом, я торопливо отвела глаза. Столько боли и отчаяния я не видела никогда в жизни.

– По... мо... – прошептала она.

– Как? – выкрикнул Коля. – Скажи как?

– Не... зна... – выдохнула Любава, и по ее щеке скатилась хрустальная слезинка.

– Кто приказал тебе делать это? – спросила я. – Кто писал тебе на бересте?

Любава метнула на меня взгляд, подобный кинжалу, и закрыла глаза.

– Идем отсюда. – Я обернулась к Коле: – Она ничего не скажет.

– Но мы не можем оставить ее здесь! – опешил он.

– Она сама угодила в свою ловушку и не знает, как из нее выбраться. А нам нужно искать способ спасти лес и реки. Идем.

– Никуда я не пойду! – заартачился парень.

Я развернулась и зашагала прочь. Вскоре за спиной послышались шаги. Я не оборачивалась, только прибавила шаг. Хотелось скорее выбраться с тропинки, ведущей к страшной паутине, которая погубила свою создательницу.

– Нет в тебе жалости, – тихо произнес Коля у меня за плечом. – И в кого ты такая злая?

Слова больно кольнули сердце. Действительно, была ли я такой раньше, до встречи с Селеной? Прежняя Яна пролила бы горькие слезы над несчастной Любавой, простив той все ее прегрешения, и испробовала бы все средства спасения, а не оставила бы ее умирать в лесу. Но после того как ко мне перешла часть темного дара Селены вместе с частицей ее души, я изменилась. И больше не плачу над теми, кто заслуживает наказания.

– В сестру, – сквозь зубы ответила я. – В свою родную сестру.

Водяной ждал нас на прежнем месте у озера. Выслушав наш отчет, он горестно повесил голову. Вдох его был подобен грохоту Ниагарского водопада.

– И что нам теперь делать? – озвучил общий вопрос Коля.

– А что нам остается? – ответила я. – Спасать лес и реки и искать Чернослава.

При упоминании экс-жениха Василисы кот ошетинился, Водяной нахмурился, а Коля удивленно воскликнул:

– Какого Чернослава? Богатыря, что ли? А он нам чем поможет?

Я покачала головой.

– Помогать он нам точно не станет. Потому что он за этим всем и стоит.

– Да ты что, Яна, – в удивлении мяукнул кот. – Такое под силу только чародею.

– А Василиса разве не сказала тебе, что ее жених – колдун? – спросила я.

Варфоломей вытаращил на меня зеленые глазищи.

– Быть того не может!

– Очень даже может.

– Да с чего ты взяла?

– Сам подумай, с чего бы волшебнице Василисе, с ее-то могуществом бояться немилого жениха, которого ей под силу одолеть? А вот от злого чародея можно и из царских палат в лесную избушку сбежать.

– Что ж ты раньше молчала? – Кот выгнул спину.

– Да я сама только что сообразила. А ведь следовало еще раньше, когда Сидор перед всем народом имя Яги чернил, а Чернослава героемставлял! Вот кому в первую очередь слухи о Яге были выгодны! На контрасте со «злодейкой» Ягой Чернослав выглядел просто рыцарем в сияющих доспехах. Только мне тогда и в голову не приходило, что Чернослав может быть магом.

– А сейчас с чего пришло? – недоверчиво сощурился кот.

– Помнишь, ты говорил, что Любава влюблена в Чернослава? Как думаешь, если бы он

попросил ее об одолжении, она бы согласилась ему помочь?

Ответом мне было молчание.

– А он не просто попросил, – продолжила я, – он посулил взять ее в жены. При нашей первой встрече она так сияла и сказала, что вскоре выходит замуж. Еще тогда стоило бы обо всем догадаться. А сегодня Любава отказалась назвать его имя. Учитывая, что она была в полушаге от смерти, вряд ли бы она стала выгораживать чужого человека.

– Или верила, что он еще спасет ее, – тихо заметил Коля.

– Не спасет, – не задумываясь, возразила я. – Ты сам видел: он велел ей задействовать все силы. Не сегодня, так завтра она бы все равно попала в свою ловушку, как только сеть вышла из-под ее контроля. Не забывай, что основной дар Любавы – любовные чары, порча – не ее профиль. И давая ей такое поручение, Чернослав не мог не знать, что оно ее погубит.

Коля ничего не ответил, только отвернулся к воде и, размахнувшись, кинул в озеро камешек. Камешек несколько раз отскочил от воды и упал на макушку вынырнувшей русалки. Русалка отыскала хулигана взглядом и погрозила ему пальцем, соблазнительно улыбнувшись и тряхнув мокрой копной волос. Коля засмутился и повернулся к озеру спиной – от греха подальше. Русалка разочарованно взмахнула хвостом и ушла под воду. Водяной насмешливо фыркнул в бороду. Коля еще больше вспыхнул и поспешил перевести тему:

– Чернослав на месте не сидит, по всему царству за подвигами гоняется. Пока мы его искать будем, лесу с реками несладко придется. Как бы тут помочь?

– Поисками Чернослава займешься ты, а по поводу леса с реками есть у меня одна идея. – Я поднялась с нагретого камушка и кивнула коту: – Варфоломей, прогуляешься со мной до Чаруево?

– До Чаруево? – удивился он. – А что там... Ну конечно! – подпрыгнул он. – Яна – ты голова!

На закате солнца, по уже сложившейся в селе традиции, народ стекался к терему Забавы, чтобы выменять овес, пшеницу или парное мясо на свежие зрелища. Юркнули в толпу и мы с котом. Чтобы не вызывать подозрений, я запаслась мешочком, плотно набитым травой. Надеюсь, Любава или слуги не станут проверять его при входе! К тому же я отнюдь не стремлюсь приобщиться к сплетням из волшебного блюда, а значит, и платить мне Любаве не за что. Мне бы только в терем пробраться, пока вся прислуга вместе с хозяйкой будет заседать на заднем дворе, да Клепу отыскать!

Благополучно миновав ворота и войдя во двор, я, следуя примеру сельчан, оставила свое скромное подношение на крыльце. Но в отличие от остальных, не стала торопиться занять место у волшебной тарелочки, а задержалась здесь. Минутой позже вернулся Варфоломей и доложил:

– Порядок! Хозяйка уже на заднем дворе. Вечерние забавы вот-вот начнутся.

Выбрав момент, когда припозднившиеся сельчане скрылись за углом, а страж у ворот отвернулся, я взлетела на крыльцо, опрокинув кринку с молоком и рассыпав корзинку с грибами. Варфоломей тут же с урчанием припал к молочной лужице, забыв про наш уговор, и я поняла, что Клепу в ближайшее время мне придется искать самой. Но попробуй найти домового в двухэтажном тереме! Это все равно что искать иголку в стогу сена. Иголку даже проще – она на одном месте находится, а домового, пока я по терему бродить буду, сто раз переместиться может. С такими мыслями я обежала первый этаж, шараясь от каждой тени, и один раз чуть не врезалась в таз, полный мыльной воды, вывернувшийся из-за угла. Логичнее всего было бы искать домовенка на кухне, где его по моей просьбе прикармливала добрая повариха, но тогда пришлось бы столкнуться и с ней. Объясняй потом, почему я пропала в первый день службы нянькой и зачем вернулась теперь!

Варфоломей куда-то запропастился, и я, ругая его за необязательность, взбежала по лестнице на второй этаж, где находилась хозяйская спальня и горницы детей и нянек. Мимо затворенных дверей детских комнат я прошмыгнула на цыпочках. Вряд ли домовенок

прячется там, а попадаться на глаза неусыпно бдящим над люльками нянькам мне было ни к чему. А вот дальше начиналась территория, совершенно мне незнакомая. Я ступила в святая святых – на хозяйскую половину, куда Забава меня в прошлый раз не водила. Здесь за каждой дверкой могли скрываться и гардеробная для хранения кокошников и сарафанов, и супружеская опочивальня, за проникновение в которую ревнивая Забава меня на месте испепелит. Но куда деваться? Приходится рисковать!

Крадучись на цыпочках, я заглянула в одну дверь, в другую – везде было пусто и тихо. Терем на время вечернего просмотра блюдечка вымер, и я, уже не робея, толкнула следующую, чуть приоткрытую, дверь и вошла в просторную горницу с четырьмя окнами и большой кроватью вдоль бревенчатой стены. А вот и хозяйская опочивальня!

Быстро оглядевшись по углам и не обнаружив домовенка и здесь, я поспешила покинуть опасную территорию – но не тут-то было. В коридоре слышались шаги, закрипели половицы, и до меня донеслись звуки возни и приглушенный смешок. Сомнений в том, куда направляется парочка, не оставалось. Ох в недобрый час я заглянула в опочивальню!

Я быстро огляделась по сторонам – как назло, ни одного шкафа, только два сундука, большой и поменьше. А если под кровать прятаться, придется там просидеть до конца свидания. Слишком далеко она от двери стоит, чтобы выбраться оттуда незамеченной. А вот большой сундук поблизости от входа вполне может послужить убежищем, да и, в случае чего, велики шансы выскочить за порог, прежде чем парочка успеет опомниться. Решившись, я дернула крышку сундука. К счастью, он оказался набитым тряпьем, а не кирпичами, и то только наполовину. Стоило мне юркнуть внутрь, оставив для обзора крошечную щелочку, как дверь со скрипом растворилась. Слышались звуки поцелуев и сбивчивые голоса.

– Боязно, – взволнованно зашептал незнакомый женский голос. – Вдруг хозяйка прознает? Она же кудесница.

– Хозяйка сейчас занята и появится не скоро, – успокоил ее на удивление знакомый мужской баритон.

Ба! Я чуть не треснулась лбом об крышку сундука и приникла к щели, ожидая, когда же парочка попадет в поле моего зрения. Да это же тот самый мужик, который меня в кладовку затащил, когда я в кухню за молочком Клепе кралась. Ну-ка, ну-ка, покажись, красавец!

Парочка еще немного повозилась на пороге, девушка еще для виду поломалась, мужчина заверил ее в любви с первого взгляда, и крепость сдалась. Горячо лобызаясь, влюбленные продвинулись в сторону супружеского ложа и, словно давая мне рассмотреть себя хорошенько, ненадолго задержались напротив сундука. Мужчина оказался высоким и плечистым молодцем с вьющимися светло-каштановыми кудрями, угольно-черными глазами и короткой бородкой, которая была ему к лицу и придавала романтический вид. Этаким мачо в русском народном варианте. Такому и в темном чулане попасться не стыдно. Девушка была бледной и блеклой – натуральная пшеничная блондинка с белесыми бровями и ресницами, которые были почти не заметны на лице. Зато губы, зацелованные пылким кавалером, уже приобрели нежно-розовый цвет. Еще немного – и заалеют красным маком.

Странно, кто бы это мог быть?

– Игнатушка... – блаженно промычала девица.

В том, что мужчина – муж Забавы, сомнений нет. Кому еще взбредет в голову выбрать для романтического свидания хозяйскую спальню? А вот девицу я раньше не видела... Ну естественно! Это ж новая нянька взамен выскочившей замуж Груши! Да, недосмотрела Забава, проводя кастинг прислуги. Новую няньку хоть красавицей и не назовешь, но в сравнении с Дусей и Грушей она кажется лебедушкой. Немудрено, что Игнат, третируемый ревнивой супругой и истосковавшийся по хорошеньким женским личикам в компании дурнушек, набросился на новенькую.

Вон как ему неймется! Игнат смел няньку в охапку, и влюбленные проскакали к супружескому ложу, на ходу выпрыгивая из лаптей и сдирая с себя одежду. Мгновением

позже рубаха Игната, сброшенная в порыве страсти, пролетела через комнату и распласталась на крышке сундука, закрыв мне обзор. «Ну и ладно, я бы и сама посмотреть не стала», – думала я, стараясь осторожно отодвинуть рубашку, и вдруг вспомнила слова поварихи: «Про мужа она всегда все знает, даже когда он в отъезде... Есть у нее ниточка волшебная. Она ее Игнату в рубашу зашила. И по ней завсегда узнает, когда он с другой кралей время проводит». От волнения я отдернула руку и не удержала другой крышку сундука. Крышка с глухим хлопком закрылась, стукнув меня по лбу. Я затаилась, как мышка, но парочка успела насторожиться и прекратила возню, а девушка испуганно вскрикнула:

– Ой, батюшки! Кто здесь?

– Да нет никого, – успокоил ее Игнат. – Крыса, поди, пробежала.

Лично меня упоминание крысы в подобных обстоятельствах заставило бы быстро вскочить с постели и сделать ноги. Но у белобрысой няньки за годы жизни в Лукоморье, видимо, выработался иммунитет на крыс. И вместо того, чтобы бежать куда подальше, она с еще большим пылом набросилась на привлекательного хозяина.

А я стала мучительно соображать: что лучше – выпрыгнуть из сундука, напугав голубков, но при этом успеть скрыться от Забавы, которая с минуты на минуту коршуном влетит сюда, или переждать бурю в сундуке, надеясь, что, пока Забава будет гонять по опочивальне любовницу мужа, меня не обнаружат? Решив рискнуть, я уже было собралась с духом, чтобы выскочить из сундука, как чертик из табакерки, как вдруг сундук подпрыгнул на добрых полметра. Это Забава, пышущая негодованием, ворвалась в горницу.

– ГДЕ ОНА?

Казалось, у меня над головой ревет бизон. Даже уши заложило, поэтому я не сразу сообразила, что значит ее «где».

– Куды полюбовницу спрятал? А ну говори, не то козленочком станешь! – бесновалась Забава.

– Все-то тебе, любушка, какие-то страсти чудятся, – с укором в голосе отвечал Игнат. – А ведь тебе волноваться вредно, милая. Себя не жалеешь, так о дитятке подумай.

– То-то ты много о нем думаешь, обжимаясь с чужой девкой, – зло расхохоталась Забава. – А ну говори, где она! Убью мерзавку!

А вот интересно, в самом деле, где же она? В комнате-то и спрятаться негде, разве что... под кроватью!

– В сундуке, – прозвучал насмешливый голос Игната, заставив меня похолодеть. – Где ж ей еще быть-то?

Рядом что-то грохнуло.

– Издеваешься? – прорычала Забава.

– Что ты, любушка! Разве ж в этом кто уместится? Ты в большом погляди, – посоветовал Игнат.

И не успела я сообразить, чем мне это грозит, как крышка сундука отлетела вверх и надо мной нависла багровая от гнева Забава.

– Ты? – проревела она, в изумлении отступая на шаг назад и хватаясь руками за огромный живот.

– Ты кто?! – ошеломленно вытаращился на меня Игнат.

– Ты только не волнуйся, – пролепетала я, вылезая из сундука и обращаясь к Забаве. – Я сейчас все объясню.

– Это лишнее, – сузив глаза, прошипела чародейка и, выкинув руку вперед, крепко схватила меня за горло. – Я так и думала, неспроста ты тогда в терем явилась и все тут выводывала-вынюхивала. Вот оно что, выходит. Искала, как к моему Игнату подобраться?!

Я хрипела и не могла выдать ни слова в свое оправдание, Забава, вопя, продолжала придумывать доказательства моей вины, Игнат крутился вокруг нас, призывая жену не волноваться и уверяя, что видит меня впервые в жизни. Забава ему не верила и продолжала кричать все громче и сжимать руку все сильнее. Вдруг она как-то глухо охнула, и хватка ослабла. Пользуясь шансом на спасение, я изо всех сил рванулась и отскочила к распахнутой

двери. Из коридора к порогу метнулся Клепа и отчаянно замахал рукой:

– Сюда!

Недолго думая я выскочила за порог.

– Повитуху! – донесся мне вслед голос Игната. – Повитуху срочно!

Следуя за Клепой, я сбежала на первый этаж и нырнула в чуланчик, на который он указал.

– Жди меня здесь! – велел он и заторопился. – А я пока велю Устинье за повитухой послать.

Вскоре запыхавшийся домовенок вернулся, вскарабкался на сундук, на который я присела, и пристально уставился на меня.

– Рассказывай, зачем к Забаве в опочивальню полезла.

– Тебя искала, – чистосердечно призналась я.

– А просто позвать не могла? – Домовой с укоризной глянул на меня. – Сама погляди, до чего хозяйку довела. Хоть бы все благополучно разрешилось.

– Да я тут ни при чем, – выпалила в свое оправдание я, – Игнат какую-то белобрысую приволок, а я просто...

– Да знаю я! – махнул рукой Клепа. – Чай, подмечаю, что в моем доме делается. Да только Забава-то тебя застала. Ох, изведет она теперь тебя. – Он покачал головой. – И слушать ничего не станет. Хорошо еще, если с дитем все обойдется. А если нет? Житья она тебе не даст.

– А вот и не изведет – силы не хватит! – выпалила я.

– Не хватит, говоришь? – Клепа пристально глянул на меня. – Куды ж она подается-то?

– Я ведь за помощью к тебе пришла. Вот какая беда с лесом и реками творится...

Я рассказала домовому про ловушки, расставленные Любавой по всему лесу и рекам, и про то, как чародейка угодила в свои же сети. Домовой, помрачнев, внимательно меня слушал и качал головой.

– И некому природу от напасти избавить, – закончила я. – Василиса пропала, у Коли сил не хватает, я вообще без капли магии. Вся надежда – на источник Агафьи. Если уж он не поможет паутину одолеть, то ничто больше не поможет.

Домовой молчал, в задумчивости хмурия брови и почесывая бороду.

– Ну что скажешь? – не выдержала я.

– Скажу, что дело темное. Непонятно, зачем это надобно Чернославу, если ты права?

– Сейчас не мотивы искать надо, а лес с реками спасать, – призвала я. – Из них каждую минуту жизнь уходит. Пока мы с тобой тут разговариваем, не одно дерево в лесу от чар погибло, не один родник пересох.

– Твоя правда, – встрепенулся Клепа. – Нельзя этого допустить.

– Так ты дашь источник Агафьи? – обрадовалась я.

– Дам, – решил домовый. – Агафья была бы рада сослужить добрую службу Лешему да Водяному. Вот только, – нахмурился он, – хватит ли на это волшебства? В источнике совсем мало света осталось.

– Будем надеяться, что хватит. Другого способа у нас все равно нет.

– Жди здесь, – велел он, спрыгивая с сундука. – Я скоро.

Клепа вернулся, таща на плече узелок. Ноша была велика для маленького домовенка, и тот успел запыхаться. Я подхватила узелок и удивилась – до чего же легкий. Торопливо развязала ситцевый платок и взяла в руки почти невесомый кусок слюды размером с кулак, подсвеченный изнутри тусклым огоньком.

– Это он? – не сдержала разочарования я.

– Видишь, во что он превратился? – горестно вздохнул домовый. – А когда-то он полыхал так, что глазам было больно глянуть. Все волшебство Забава на свои прихоти растратила.

Язычок пламени внутри камня взметнулся и подмигнул мне, как рубин на перстне Ива.
– Ничего, – ободренная этим знаком, успокоила я домового. – Надеюсь, и этого хватит.
– Уверена? – прищурился Клепа. – Ты что-нибудь чувствуешь?

Я покрутила камень в руках, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаюсь призвать магию.

– Ничего, – с разочарованием признала я.

– Хорошо, – улыбнулся домовый.

– Что ж хорошего-то? – поразила я.

– Значит, у тебя нет соблазна воспользоваться светочем в своих целях, – серьезно заметил Клепа.

– А моего честного слова тебе, значит, недостаточно? – обиделась я.

– Когда на кону такая сила, и про честь забыть можно, – серьезно заметил домовый.

– И что же теперь с ним делать? – Я в сомнениях покрутила камень в руках. Я-то надеялась, что светоч вернет мне силы, а уж я придумаю, как одолеть ловушки. Однако я по-прежнему была беспомощна, а магия была заперта в камне.

– А ничего с ним делать не надо, он сам все сделает, – подсказал Клепа. – Ты только донеси его до леса да до речек. Добрая волшба – она всегда найдет способ дурную одолеть.

– Что ж, попробую. Спасибо тебе, Клепа.

– Рано пока благодарить, – остановил меня домовый. – Вот когда уйдет напасть, тогда скажешь. Да не мне, а Агафье – ее это сила, ее добрые дела в камне собраны. Пойдем, провожу тебя до крыльца.

По терему разносились крики роженицы.

– А с ней, – я сжала светоч в узелке и подняла голову, – все в порядке будет? Ведь как только я унесу самоцвет, способности Забавы к магии ослабнут, и она не сможет помочь себе.

– Себе она завсегда поможет, – успокоил Клепа, настойчиво выпроваживая меня за порог. – А вот всякие глупости вроде тряпок-самотерок свою силу потеряют. Туда им и дорога.

На крыльце беспокойно метался Варфоломей.

– Вот ты где! – накинулся он на меня. – Ты почему без меня в терем пошла? Договаривались же!

Тут он увидел домового позади меня и округлил глаза:

– Так что, светоч у тебя?

Я показала узелок.

– Благодарю, – церемонно кивнул Варфоломей Клепе.

Тот махнул рукой и исчез.

С заднего двора донесся гул толпы.

– Все смотрят? – удивилась я. – Блюдце и без Забавы работает?

– Еще как работает! – заверил Варфоломей. – Ой, там такое показывали! Торговцы из Больших Бобров на ярмарку выехали, а сразу за селом на них разбойники напали...

Тут он запнулся и виновато отвел глаза.

– Вот где ты был, пока я Клепу по всему терему разыскивала? – укорила я. – Меня, между прочим, Забава в своей опочивальне застучала! А ты тем временем молоко лакал да глаза в блюдце пялил!

Кот с самым виноватым видом повесил мордочку и прижал ушки.

– Ладно, – смягчилась я. – Узнал хоть что полезное?

Новости из Больших Бобров навевали мысли о причастности Соловья-разбойника, который мог навести банду на местных богачей, но сейчас меня больше волновало отсутствие новостей от Ива и целебная сила светоча.

– Пока нет! – восторженно воскликнул он. – Но в самом начале Забава сказала, что в царском тереме случилось что-то невероятное. Агаша как раз разузнает подробности и расскажет о

них в конце вечера.

– Что ж, – я глянула на ворота, у которых дежурил страж, и прислушалась к крикам Забавы из терема. – Пойдем поглядим.

Не стоит обращать на себя внимание сторожа, лучше покинуть терем незамеченной в толпе селян. Да и опасаться Забавы не стоит – ей сейчас не до меня, и вряд ли она успеет разродиться до конца вечерней трансляции.

– Сидор, ты? – раздалась удивленные возгласы зрителей со двора, и мы торопливо свернули за угол. Так и есть – в блюдце красовалась донельзя довольная рожа Сидора. Какую сплетню он приготовил на этот раз? – Ты разве уже добрался до замка Кощея?

– Загадочная и небывалая трагедия задержала меня в Замышляевке, – с горящими глазами сообщил Сидор и интригуяюще умолк.

– Давай, говори уже! Не томи! – взволнованно загудела публика.

Сидор удовлетворенно кивнул и начал рассказ:

– В считанные минуты избу знаменитой на все Лукоморье чародейки Любавы охватил...

– Пожар? – ахнули зрители, пока мы с котом заняли места в последнем ряду. Бревен нам уже не хватило, пришлось стоять, зато обзор был как на ладони.

– Потоп! – огоршил публику Сидор. – Средь белого дня на глазах у соседей избу разметало в бревна огромной волной. На волне, как на гигантском коне, восседал Водяной и крушил все вокруг. На развалинах средь воды резвились русалки, смущая покой честных сельчан своим срамным видом.

Раскрыв рот, я слушала вранье Сидора и стремительно краснела, сознавая свою вину перед Водяным. Зная Сидора, нетрудно было предположить, кого обвинят в произошедшем!

– Не оставив от дома ни бревнышка, Водяной погрозил кулаком сельчанам, нырнул в воду, затопившую огород, и исчез вместе со своими хвостатыми девками, – продолжал заливать Сидор, обходя развалины дома Любавы со своим зеркальцем и показывая масштаб причиненного ущерба. – Саму Любаву на развалинах дома найти не удалось. За что Водяной ополчился на безобидную чародейку? И чего ожидать от ополоумевшего хозяина вод? Поживем – увидим! – зловеще заключил он. – А пока последние вести о нашем доблестном Чернославе, который не покладая меча ратует о нашем благополучии. Сейчас богатырь направляется к Страхоlesью, где намерен объявиться страшное чудовище о пяти головах. Несколько богатырей уже потерпели поражение в борьбе с чудищем, вся надежда на бесстрашного Чернослава! Об исходе поединка я сообщу вам позже.

Сидор отключился. Публика загалдела, обсуждая новость, но практически сразу в блюдце возникло взволнованное личико Агаши.

– Эй, вы, там? – Она дунула в блюдце и протерла его со своей стороны рукавом.

– Тута-тута, – загалдел народ. – Рассказывай, что разузнала!

Агаша кивнула и бойко залопотала:

– Тогда слушайте, что мне удалось разузнать. Вчера ночью неизвестный витязь пытался выкрасть нашу горячо любимую царевну Василису из ее покоев. Доблестная стража вовремя остановила похитителя. Сейчас он заключен в темницу, где дожидается казни.

Зрители одобрительно заголосили. Кто-то высказал желание доехать до Златограда, чтобы наблюдать казнь воочию. Остальные выражали надежду, что Агаша покажет им казнь хоть одним глазком.

– Я, конечно, сделаю все, что в моих силах, – польщенно зарделась девочка. – Но кое-что могу показать вам уже сейчас! Ни за что не поверите, где я сейчас нахожусь. На задворках царской темницы! Пришлось, конечно, поторговаться со стражниками, но оно того стоит. Сейчас вы своими глазами сможете увидеть того, кто хотел выкрасть нашу царевну. Глядите!

Зеркальце метнулось в сторону, отразило решетчатое окошко, скользнуло между прутьями решетки и показало порванную, в кровавых пятнах, рубаху и светло-русую макушку узника.

– Эй, ты! – позвала Агаша. – Слышь, богатырь!

Узник повернулся, и у меня перехватило дыхание. Кровоподтеки на родном до черточки лице, распухшие от ударов губы, рассеченная острым бровь и гордо вздернутый подбородок. Ив, глупый, ну что же ты натворил? Казалось, глаза рыцаря смотрят прямо на меня, но тот видел всего лишь пронырливую Агашу.

– Чего тебе, девочка? – Всегда звонкий голос рыцаря был глухим, как из-под пола.

– Слышь, богатырь, – деловито осведомилась Агаша, – ты почто царевну скрасть хотел? Любишь? Али Кощей злата посулил за ее возвращение?

Ив усмехнулся и отвернулся к стене.

– Пленник от объяснений отказался, – прокомментировала Агаша.

– Значит, есть что скрывать! Точно Кощей служит! – вынесли вердикт сельчане и принялись смаковать новость.

– Подробности и последние известия из царской темницы смотрите завтра, – отпартовала напоследок Агаша, и блюдце заволокла темная пелена, знаменуя конец забавы.

Сельчане, громко обсуждая увиденное, поднялись с лавок и потянулись к воротам.

Опомнилась я тогда, когда деревня осталась далеко позади и мы уже подходили к лесу.

– Яна, да Яна же! – отчаявшись дозваться меня, кот мячиком скакал передо мной. – Ну не надо так убиваться! Мы его обязательно вытащим! Вот только спасем лес и сразу полетим в Златоград! На ступе за полдня управимся!

– Какой лес? – остановившись на месте, я непонимающе глянула на него. – Ива могут казнить в любую минуту! Надо срочно отправляться в город.

– Яна, Яна, охлонись! В Лукоморье уже много лет казней не случалось. Да о таком событии за несколько дней трубить начнут, чтобы народ успел в столицу поспеть. А уж мы-то раньше всех прибудем и вытащим твоего царевича!

– Вот прям так и вытащим? – не поверила я. – Было бы это так просто, Ив бы в темнице не сидел. Я вообще поражаюсь, как он туда попал! Он же маг, он мог стражников усыпить, обездвижить, мог сам стать невидимым, переместиться за пределы терема раньше, чем они его схватят... Да мало ли способов волшебнику скрыться? А он не смог, понимаешь ты, не смог! И сбежать из темницы не может. Что же там произошло?

– Да, дело темное, – удрученно признал кот. – Но ты не вешай нос. Сегодняшняя ночь для него все равно ничего не поправит. А утро вечера мудренее. Завтра будем думать, как Ивана выручить. А сегодня пошли Лешего с Водяным спасать – им сейчас тоже несладко, и каждое мгновение на счету.

Стиснув зубы, я зашагала к лесу. Кот был прав, сейчас надо было позаботиться о других, но сердце рвалось к заточенному в царской темнице рыцарю. Пальцы сжимали узелок с источником магии, а в голове пульсировала предательская мысль: что, если светоч Агафьи – единственный шанс на спасение Ива? Как я собираюсь вытащить его из темницы, не обладая ни физической силой, ни каплей магии, ни мощными союзниками? Магии в самоцвете осталось немного: для спасения леса может и не хватить, только истрачу ее зря, а для спасения жизни Ива светоч может сыграть решающую роль.

Внезапно кот ошетинился, повернулся ко мне и прошипел:

– Даже не думай! Домовой выдал тебе самоцвет для конкретного дела, и ты не смеешь использовать его в личных целях.

– Возможно, Ив, когда окажется на свободе, сможет побороть паутину, – слабо возразила я, пристыженная его напором.

– Этого мы не знаем, – перебил меня кот, – а светоч поможет наверняка.

– Откуда такая уверенность?

– Я чувствую его силу, – заметил кот и добавил: – И ты тоже. Иначе ты бы сейчас уже была на пути к Златограду. Но ты понимаешь, что это было бы неправильно и подло по отношению к Лешему и Водяному. Это светоч не дает свернуть тебе с пути добра.

– Значит, путь добра в том, чтобы спасти мир и пожертвовать тем, кого любишь? –

вскинулась я.

– Не пожертвовать, – строго возразил кот, – а повременить с его спасением. Я тебе обещаю: мы его вытащим! Если надо будет, – помолчав, добавил он, – я Василисе в ноги упаду. Как-никак она царская дочь, и в ее силах твоего Ивана помиловать.

Слова кота придали мне надежды. В самом деле, Василиса – царская дочь. И она сейчас в тереме, откуда ее и пытался самовольно, не посоветовавшись с нами, выкрасть Ив. Вовсе не надо взрывать темницу или захватывать терем, чтобы вызволить рыцаря. Есть и более гуманные способы.

Окутанный сумерками лес выглядел менее враждебно, чем в разгар дня. Наверное, все дело в узелке со светочем, который придавал спокойствия и служил залогом успеха. Поэтому и темные скелеты деревьев, и казавшиеся чудовищами косматые кустарники показались миражом, созданным злым волшебником.

– Принесли? – От дерева впереди нас на дорогу метнулась угловатая тень. Леший за время с нашей последней встречи еще больше высох и подурнел.

– Вот. – Я подняла руку с узелком.

Леший испустил вздох облегчения и медленно направился ко мне, не сводя глаз с узелка. Казалось, надежда придавала ему силы, по капле возвращала жизнь. С каждым шагом в его внешности происходили удивительные изменения. Выравнивались глубокие морщины, залегшие вокруг рта и на лбу, оживал цвет лица, становились ясным взгляд и уверенной – походка. То ли сумерки сыграли со мной злую шутку, обезобразив Лешего, а теперь, по мере приближения, морок отступал, то ли это светоч так благотворно действовал на хозяина леса. Оставалось только надеяться на последнее!

Рука Лешего коснулась ткани, он замер, словно прислушиваясь к своим ощущениям, и вдруг улыбнулся. Так зажигательно, так тепло, так по-молодецки – точь-в-точь как во время нашей первой с ним встречи.

– Это поможет? – выдохнула я.

– Это воплощенное добро, – улыбка не сходила с лица Лешего, казалось, он грелся в невидимом сиянии светоча. – Оно одолеет любую беду.

Он потянулся к узелку, намереваясь развязать его, но вдруг убрал ладонь.

– Идем, – сказал он. – Мы откроем его там, где все началось.

Я с сомнением взглянула на него:

– Но это же далеко отсюда...

– Я знаю одну тайную тропку, – подмигнул мне Леший и, озвучив мои опасения, добавил: – Я чувствую в себе силы провести тебя по ней.

Тропинка петляла между деревьями, по сторонам от нее возникали то холм, то цветочная лужайка. Несколько шагов по березовой роще – и мы уже в сосновом бору, еще десяток шагов – и хвою под ногами сменяют попадавшие ранетки. Не успели вдохнуть яблочный аромат, как в воздухе уже запахло орехом. Еще поворот – и перед нами знакомая поляна с погибшей липой, которую я безуспешно пыталась спасти от паутины. За прошедшее время липа совсем высохла, ее листья опали, а между ветвей висела напившаяся досыта паутина. Я поежилась, глядя на ее толстые зеленые нити. Леший и вовсе почернел от горя.

– Открывай. – Его голос хрустнул надломленной веткой. Казалось, еще минута – и он сам сломается от горя.

Не медля ни мгновения, я зубами рванула узелок и освободила светоч от платка.

Язычок пламени внутри камня всколыхнулся, забился, неровные всполохи озарили самоцвет тусклым мерцанием. Я затаила дыхание – показалось, что источник рванет бомбой в моих руках.

Но ни я, ни Леший, ни кот никак не ожидали того, что случилось. Свечение внутри камня погасло, и его поверхность сделалась непроницаемо-матовой. Не веря своим глазам, я потрясла камень в надежде, что внутри снова затеплится огонек, на который мы возлагали так много ожиданий. Тщетно. Самоцвет оставался непрозрачным и стремительно остывал в

моей ладони, превращаясь в обычный булыжник. Черная магия Любавы оказалась так сильна, что осушила до дна светоч Агафьи.

– Не может быть! – горестно мяукнул Варфоломей. – Светоч погас!

Леший пошатнулся, как осужденный, узнавший, что апелляция его адвоката отклонена и смертельный приговор будет приведен в исполнение немедленно, и рухнул к подножию погибшей липы. В сгущающихся сумерках его можно было бы принять за корень, выползший из-под земли.

Я поежилась – самоцвет в моей руке сделался ледяным, как кусок айсберга, и, казалось, воздух на поляне стремительно стыл, как будто Морозко притаился за кустом и напускал январского холода. Я сложила ладони лодочкой, поднесла их к лицу и подула на светоч, чтобы согреть его.

– Что ты делаешь? – пронзительно мяукнул кот.

– Все не может закончиться... так, – пробормотала я, глядя на окаменевшую спину Лешего, распластавшегося на земле.

– Все уже кончено, – с надрывом произнес кот. – Слишком много зла вокруг, и слишком мало сил оставалось в светоче. Если бы только Забава бездумно не растрачивала его каждый день!.. – Варфоломей заскрежетал зубами, отвернулся и прыгнул к безутешному Лешему.

– Все не может так кончиться, – упрямо пробормотала я. – Добро всегда побеждает зло. И эта сказка будет со счастливым концом. Надо только верить...

Верить, потому что ничего другого не остается.

Верить и действовать. Потому что если не мы, то кто?

Я обошла распростертого на земле Лешего, в бок которого уткнулся Варфоломей, и взглянула на паутину. Высоко, не дотянуться. Но надо попытаться. Так, вон трухлявый пенек у кустов. И совсем не тяжелый. Еще чуть-чуть! Опа, вот она, моя табуреточка.

Надо только верить и не выпускать светоч из рук. Потому что он – единственное спасение. Я влезла на пенек и подпрыгнула, стараясь дотянуться до паутины. Не достала. А паутина даже не шевельнулась. Хотя в прошлый раз стоило поднести к ней руку, как она хлынула ко мне, стремясь спеленать в кокон. Отлично, пробуем дальше. Я прыгала, руки хватали воздух, пенек трещал и грозился рассыпаться в труху. Еще немного, и...

Есть! В кулаке – край паутины. Рывок – и толстая зеленая сеть падает на меня, накрывая с головой и вонзая в кожу тысячи ледяных уколов. Но я кричу не от холода – от жара. Светоч в другой руке за секунду раскаляется до маленького солнца, и я разжимаю пальцы. Паутина жадно набрасывается на меня, торопясь связать в упругий кокон. Светоч падает на землю, разбиваясь вдребезги вместе с моей надеждой на спасение. Блик света вспарывает сумерки, освещая ошеломленную морду кота и вытянувшееся в немом крике лицо Лешего. И вдруг ночь взрывается солнечным светом и ослепляет до слез. Волна жара накрывает поляну, и кажется, что, когда я протру глаза, вокруг будут тропические джунгли.

– Яна, – мяучит у ног кот, – ты только погляди, ты только погляди...

Сквозь пленку слез вижу ослепительный полдень. Второй раз на моей памяти ночь и день поменялись местами. Нечто подобное я видела в Вессалии, на Вурдалачьей пустоши, куда меня заманила сестра, желая погубить. Тогда моя родная мать-волшебница, которой я никогда не видела раньше, ценой своей жизни спасла меня от полчища нежити. Последним ее заклинанием было розовое сияние, тепло которого проникало в самое сердце, ласкало, как материнские объятия. Для упырей, окруживших меня, оно стало пламенем костра, для земли, отравленной некромантией, послужило живительным лекарством. Сейчас выброс магии был не менее мощный.

Под ноги смотреть невозможно, кажется, там полыхает пожар, и от него жарко, как на пляже. А вот если запрокинуть голову, то можно открыть глаза. Потому что кроны деревьев, густо усыпанные листвой, тенистым шатром накрывают землю. Потому что на небе нет солнца. Потому что солнце рассыпалось осколками светоча по траве. Густой, высокой, щекочущей колени. В такой траве заблудиться можно!

– Ты только погляди, – заворуженно повторяет кот. – Ай да светоч! Ай да Агафья!

Свет постепенно гаснет, как будто солнце исчезает за горизонтом. Розовое сияние последний раз обнимает крепкие стволы деревьев, подсвечивает зелень свежей листвы и радужные лепестки цветов. Лес силен и здоров. Нигде не найти ни обрывка паутины, ни засохшего деревца. Светоч смыл всю черную магию, вернув природе жизнь. Даже липа, безвозвратно погибшая липа зазеленела и нарядилась в цветочные зонтики.

– Яна, – доносится до меня ликующий голос Лешего, – как ты зажгла его? Светоч? Ведь он совсем погас?

– Добром своего сердца, – отвечает за меня кот. – Как же еще?

Последний всполох дневного света заглотила бездонная пасть ночи, вернувшей свои законные права, но лес и не думал впасть в спячку, напротив, он ожил. Ухнул неподалеку филин, зашумело дерево, потревоженное ночной птицей, треснула ветка под ногой неспящего зверя.

Из-за облака выглянула луна, обнажив самое сокровенное и высветив силуэты Лешего и липы, слившиеся в один.

Леший вел себя как возлюбленный, встретившийся с любимой после долгой разлуки: гладил золотистую кожу-кору, зарывался лицом в соцветия-локоны, вдыхал цветочный аромат, легонько касался пальчиков-листьев, крепко обнимал стан-ствол. Когда он повернулся ко мне, я замерла от его совершенной красоты, а он светился от счастья.

– Это просто чудо. – Его голос сорвался от восторга. – Она цветет как в свои лучшие дни! Ты только посмотри, какая же она красивая...

Я обошла вокруг липы, осторожно коснулась ветвей, вдохнула аромат липового цвета: дерево выглядело здоровым, и ничто не напоминало о трагедии, недавно приключившейся с ним.

– Осторожней, – с беспокойством предупредил Леший, я вздрогнула и отпустила ветку с душистыми цветами. Задумавшись, я чуть не сломала ее.

– Извини, – смутилась я, отступая на шаг назад.

Леший ничего не ответил: он смотрел на липу с благоговением рыцаря, вернувшегося из похода на край света и заставшего свою возлюбленную еще более цветущей красавицей, чем прежде. Почувствовав себя третьей лишней, я отвернулась и огляделась по сторонам. Все вокруг цвело и дышало жизнью. По соседству с липой стояли наряженные в сережки молодые березки. В траве под ними вольготно расположились подберезовики. Неподалеку стройная рябинка пестрела оранжевыми гроздьями, а величественный крепкий дуб свысока взирал на ее кокетливую красоту.

Я обернулась к Лешему, но не посмела нарушить его идиллию. Он обнимал липу, крепко прижавшись к ней и словно желая слиться с ней воедино, а липа, казалось, склонилась к нему ветви, нашептывая что-то ласковое. Я в смущении потупила глаза: показалось, что подглядела что-то интимное, сокровенное. Да уж, напрасно я любовалась красотой Лешего во время первой встречи и представляла на вкус его губы. Он не человек, а дух природы, и мир мы ощущаем совсем по-разному. Для него липа – возлюбленная, клен – лучший друг, а я для него – то же самое, что для меня какой-нибудь дуб. Я могу восхититься его мощными ветвями, его пышной листвой, отдохну в приятной тени, захвачу на память пару желудей. Но любить дуб? Желать его поцеловать? Это уже извращение.

– О чем задумалась? – окликнул меня звенящий голос Лешего.

– Да так, – смешалась я.

– Надо бы проверить, как дела у Водяного, – подал голос кот.

– Но сначала надо убедиться, что в лесу не осталось ни одной паутины, – заметила я.

– Их тут нет, – уверенно ответил Леший.

– По тебе видно, – добродушно ухмыльнулся Варфоломей. – Ты аж светишься в темноте.

И в самом деле – кожа Лешего мерцала в лунном свете, а глаза горели, как две звезды. Услышав слова кота, он улыбнулся и снова блеснул – на этот раз жемчугом зубов.

– Вашими стараниями. Я перед вами в неоплатном долгу.

– Да брось, – смущенно перебила его я. Перед глазами так и стояли два слившихся воедино силуэта – Лешего и липы. Только в тот момент я поняла, как сильно страдал Леший от болезни леса и как много для него значит благополучие его владений. – Я рада, что все хорошо.

– Яна, я тебе и Варфоломею обязан жизнью, – настаивал Леший. – И хочу отблагодарить вас чем могу...

Воображение мигом нарисовало выстроившиеся длинными рядами пни с медом, бересты с ягодами, лежащие кучками грибы и яблоки – чем еще Леший богат? И куда нам потом это богатство девать? Лучше сразу отказаться.

– Ну что ты! – быстро ответила я. – Нам ничего не надо!

Леший в замешательстве взглянул на меня. Так, как будто никогда прежде от его даров не отказывались. И более того – выпрашивали их.

– Яна-а, – тихо промышчал у ног Варфоломей. – Не отказывайся.

– Яна, я ценю твое бескорыстие, – справившись с удивлением, сказал Леший, – но позволь мне поблагодарить тебя и подарить одно...

– Не отказывайся, – проскулил кот.

Да зачем мне пень с медом?!

– Леший, не обижай нас, – еще более решительно возразила я. – Мы с котом тебе помогали, потому что по-другому не могли. И не надо нам никаких подарков!

Леший потрясенно хмыкнул:

– Что я вижу? Ты набиваешь цену? Хорошо, два...

Варфоломей тихонько взвизгнул от восторга, но я не разделяла его радости. Два пня с медом? Спасибо, нетушки.

– Обижаешь, начальник! Не надо нам ничего!

Леший, пристально смотревший на меня все это время, вдруг хлопнул себя по бокам и звонко расхохотался.

– Уговорила. Три. Только в знак моей безграничной признательности и доверия к тебе. Уверен, ты распорядишься ими разумно.

Кот у моих ног, уже не таясь, попискивал от восторга.

– Ладно, – сдалась я. – Давай свой мед.

– Что? – Брови Лешего в изумлении взлетели вверх.

– А что там у тебя тогда? – насторожилась я.

– Яблоки, конечно.

– Яблоки? – разочарованно переспросила я. Ранетки, что ли? И куда мне их? Надо бы отказаться, пока не поздно. Я уже раскрыла рот, придумывая на ходу какой-нибудь приличный повод, но Леший меня опередил.

– Волшебные яблоки из заповедной рощи, – добавил он.

– Три! – восторженно пискнул кот. – Чур, одно мне.

– Варфоломей, – выпытывала я по дороге в заповедную рощу, – что это за яблоки? Молодильные?

– И это тоже.

– Что значит «и это»?

– Это значит, балда, что в роще растут одиннадцать волшебных яблонь. И каждая из них обладает своими свойствами. Есть яблоня молодости, яблоня вечной жизни, яблоня красоты, яблоня премудрости, яблоня здоровья, яблоня силы...

– А яблока волшебства там нету? – с надеждой поинтересовалась я.

– Говорю же, балда ты! – Кот закатил глаза. – Они все волшебные.

– Да нет же! Мне нужно такое яблоко, которое мне магической силы придаст... Значит, мне нужно яблоко силы!

– Балда! Яблоко силы – оно тебя равной Илье, богатырю, сделает. Будешь бой-баба.

Оно тебе надо?

– Не надо, – загрустила я. – Но я знаю, кто бы этому яблоку очень обрадовался! Кузя!

– Думай о себе, балда, – рявкнул кот. – Такой шанс раз в жизни дается.

– Сам же говорил, что надо меньше думать о себе, а больше – о пользе для людей, – напомнила я.

– Это когда кудесничаешь, – разъяснил кот. – А волшебные яблоки всякому Кузе не даются, их заслужить надобно. Так что думай хорошенько!

– Пришли, – объявил шедший впереди Леший, остановившись перед сплошной стеной деревьев. Но не успела я удивиться, как он отодвинул в сторону ветку клена, и дразняще запахло яблоками.

Вслед за Лешим мы юркнули в коридор между деревьями, скрывающими заповедную рощу от непосвященных, и попали в сказку.

Одиннадцать яблонь образовывали большой ровный круг и росли на достаточном удалении, чтобы не мешать друг другу.

При виде нас яблони встрепенились, встряхнули тяжелые ветви, зазвенели серебристой в лунном свете листвой, приветствуя гостей.

– Пойдем, я вас познакомлю, – с нежностью произнес Леший и шагнул в круг.

Вопреки моим ожиданиям, на земле возле деревьев не было табличек с названием сорта. Да это было и не нужно. Каждая яблоня не была похожа на другую и являлась наглядной иллюстрацией своих волшебных свойств.

– Эта яблоня тебя вряд ли заинтересует. – Леший погладил кору ближайшей к нам яблони – высокой, кряжистой, с толстым стволом, за которым мог бы укрыться человек, с мощными ветвями, легко выдерживающими вес множества плодов.

Их вид меня разочаровал: и это – волшебные яблоки? Какие-то зеленые корявые яблоки из бабушкиного огорода. Ни тебе блестящей кожицы, ни идеально-ровной формы, ни аппетитного цвета. Яблоки «Голден» в магазине и то краше смотрятся.

– Это яблоня силы, – объяснил Леший. – Она дарует мощь и выносливость. Отведавший ее яблока станет величайшим богатырем в Лукоморье. Но тебе будет интереснее ее соседка. Здравствуй, красавица. – Леший ласково коснулся протянутой к нему зеленой ветки, потер желтый бочок медового яблочка. Это деревце было стройным и изящным, его кора была гладкой и золотистой, а яблочки – ровные, круглые, так и светились изнутри, будто солнце в себя впитали. – Это яблоня красоты, – представил Леший. – Девушка, отведавшая ее яблочка, станет писаной красавицей.

– А почему только девушка? – удивилась я, изучая траву под ногами. Странно, но в роще не было видно ни одного павшего яблока. Не иначе как волшебные яблоки падают только в руки заслужившего награду и только по велению Лешего. – Мужчинам их разве нельзя есть?

– Отчего же нельзя? – усмехнулся Леший. – Можно, только на моем веку желающих не находилось. Молодцы обычно выбирают яблоко силы.

Я смущенно отвернулась к следующей яблоне и замерла, не веря своим глазам. Дерево казалось сплошь вылитым из золота – от гладкого широкого ствола и ровных ветвей до каждого сверкающего листика, до каждого переливающегося яблочка. Яблок было немного – я насчитала только девять, – зато каждое из них было крупным, размером с Илюшин кулак.

– Яблоня богатства, – подойдя сзади, сказал Леший. – Тот, кто съест ее яблоко, навсегда забудет о нищете, будь он хоть последний бедняк.

Не удержавшись от соблазна, я дотронулась до золотой ветки и погладила мягкий листок – яблоня была живой, не железной.

– Берешь?

Рука сама потянулась к яблоку, но я покачала головой.

– Сначала покажи мне все.

Сейчас надо думать о том, как вытащить Ива из царской темницы. Золото – лишь один из способов. Золото способно раскрыть любые двери и закрыть глаза даже самым чутким

стражам. Но не стоит спешить с выбором – сперва ознакомимся с полным ассортиментом.

– Что ж, идем. – Леший подвел меня к яблоне, возвышавшейся над остальными. Приглядевшись, я поняла, что дерево не было высоким, а росло на небольшом бугорке, который и приподнимал его над другими яблонями. Листья его в лунном свете казались бронзовой, а разбросанные по ветвям яблоки мерцали, как медали. – Яблоня славы, – объявил Леший. – Дарует почет, уважение и известность на все Лукоморье.

– Только на Лукоморье? Дашь всемирную славу!

– Это уж как ты сама ей распорядишься. Если с умом и труда достаточно приложишь – можно и мировую завоевать.

Внезапно одно яблоко сорвалось с ветки, и бронзовый шарик покатился по траве. Тут же трава сбоку зашевелилась, зашуршала, яблочко подпрыгнуло вверх, наколотое на иголки, и стало неторопливо удаляться от нас. Ежик!

Я с удивлением повернулась к Лешему, который не обратил на маленького воришку никакого внимания.

– Ты дашь простому ежу утащить яблоко славы? – поразила я.

– А ты думаешь, отведав его, он заразится тщеславием и станет кататься по Лукоморью, купаясь в обожании публики? – усмехнулся Леший.

– Нет, но... – Я смутилась. – Нельзя же отдавать волшебные яблоки простому ежу.

– Это всего лишь яблоки. – Леший пожал плечами. – Будет жаль, если они пропадут зря. Пусть хоть ежи порадуются. Они одни могут проникнуть в заповедную рощу. Другим зверям и птицам вход сюда закрыт.

– А что, если яблоко, которое вынес отсюда еж, попадет в руки человека?

– Значит, ему сказочно повезло! – И Леший так зажигательно расхохотался, что я рассмеялась тоже.

– Ну так что, – отсмеявшись, спросил он. – Берешь яблочко?

– Заманчиво, но давай дальше. – Я с трудом оторвалась от созерцания бронзовых листьев и подошла к следующей по кругу яблоне. – Это что за фрукт?

Дерево крепко стояло на земле, его пышная листва кудрявилась зелеными локонами, а яблоки были крупными и желтыми.

– Это яблоня здоровья, – просветил Леший. – Тому, кто отведает ее яблочка, никакие недуги не страшны.

– Полезная штука! – оценила я, рассудив, что у этой яблони есть все шансы подарить мне яблочко. – А эта?

Я повернулась к совсем тоненькому деревцу, самому молодому в роще, с нежной листвой, светлой корой и десятком небольших, но спелых желто-красных яблок, наверняка сладких как мед.

– Я знаю, я знаю! – подпрыгнул Варфоломей. – Это и есть молодильная яблоня!

– А тебе почем знать? – Леший с напускной строгостью взглянул на кота. – Что-то я не припомню, чтобы ты был здесь раньше.

– Чего ж тут не знать? – возразил в свое оправдание тот. – Самая молодая яблоня из всех и есть молодильная.

– Ладно, убедил, – улыбнулся Леший.

Я обошла вокруг яблоньки, с любопытством разглядывая листья и веточки легендарного сказочного дерева. Про яблоки здоровья и славы я, допустим, только сегодня узнала, а молодильные яблоки во многих сказках предметом раздора становились. И вот они в шаге от меня, стоит только протянуть руку – и я навсегда останусь двадцатилетней, а пластические хирурги никогда не дождутся меня в качестве клиентки. Ох как заманчиво! Но разве это поможет мне спасти Ива?

Отвернувшись, я отошла к другой яблоне.

– Что ж, – подошел ко мне Леший, – я удивлен, что ты отказалась от молодильных яблок, но, не скрою, этот выбор разумней.

– Я пока ничего не выбрала, – возразила я, разглядывая невысокое, сгорбившееся

дерево, ветви которого касались земли. Листья его были изрядно поредевшей и отливали серебром, а яблоки выглядели переспевшими, как будто долгие месяцы бывали на солнце. Из всех деревьев в роще оно казалось самым старым.

– Это же...

– Яблоня вечной жизни, – подтвердил мое предположение Леший.

– Но не молодости. Поэтому оно выглядит уставшим и изможденным.

– Ты можешь взять по яблоку от каждой, – заметил Леший. – И сохранишь вечную молодость в вечной жизни.

В то время как Ив будет стареть и умрет дряхлым на моих руках, не тронутых пигментными пятнами и морщинами? Я содрогнулась от такой перспективы.

– А это что? – Я кивнула на следующую яблоню. Она выглядела цветущей и довольной жизнью. У ее ног бил родничок, питая ее корни влагой. Ее соседи были невысокими, так что ей доставалось больше солнечного света. Ее ветви были усыпаны яблоками, как новогодняя ель – стеклянными шарами.

– Это яблоня удачи, – сказал Леший.

Одно из яблок призывно сверкнуло глянцевым бочком, и, не раздумывая ни секунды, я протянула руку и сорвала его. Интересно, какова удача на вкус? Яблочный сок течет по губам, медовая сладость обволакивает рот. Мм... Это не «Голден», это куда лучше!

– Надеюсь, ты хорошо подумала?! – ошеломленно мякнул Варфоломей. – Учти, у тебя осталось всего одно яблоко. Одно я забираю себе.

– Коты ведь не едят яблок, – возразила я, с жадностью вгрызаясь в сочную мякоть яблока.

– Волшебные едят!

– И какое же ты себе выбрал? – прочавкала я, с сожалением глядя на остатки яблока. Век бы ела!

– Яблоко силы, конечно! – распушился Варфоломей. – Я стану первым котом-богатырем в Лукоморье!

– Что ж, надеюсь, от тебя будет польза, когда мы пойдем вытаскивать Ива, – заметила я, бросая в сторону огрызок.

– Вот увидишь! Я там всем задам жару! – пригрозил кот, молотя хвостом по траве.

Леший не слышал наших последних слов – он ступил к следующему дереву, кряжистому и косматому. Его ветви сплелись в запутанные узлы, а яблоки висели высоко над землей, так что до них было не дотянуться.

– Дерево премудрости, – объявил Леший.

– А почему яблоки так высоко? – спросила я, запрокинув голову.

– А ты думала, мудрость – это легко? – Леший пристально глянул на меня. – Чтобы сорвать это яблоко, придется приложить усилия.

– Не представляю, как можно до него дотянуться! – призналась я.

– Может, оно тебе не так уж и нужно? – усмехнулся Леший.

– Тогда покажи, что, по-твоему, мне пригодится. – Я шагнула к следующему дереву.

– Не думаю, что оно для тебя.

– Почему это? – Я внимательно разглядывала статное, вытянутое струной дерево, стоявшее особняком от других. Если другие яблони покачивались из стороны в сторону, то и дело касаясь друг друга листьями и сплетаясь ветвями, то эта стояла без движения, игнорируя соседство других деревьев. Да и те не смели коснуться ее густой листвы. Это дерево нельзя было назвать самым красивым или самым нарядным в роще, но мне показалось, что оно здесь главное.

– Это яблоня власти, – представил ее Леший.

Вот откуда эта обособленность дерева от других и его царская осанка и крона, своими очертаниями напоминающая зубцы короны.

– А где же ее яблоки? – Я с удивлением оглядела листву.

– Яблоко у нее только одно. – Леший легонько дунул на дерево, и ветви на миг

взметнулись плетью, показав скрытое от глаз красное как кровь яблоко. – И за него придется побороться.

Я с опаской взглянула на ветви-плети, готовые в любой момент дать жестокий отпор тому, кто покусится на единственное яблоко.

– Рискнешь? – спросил Леший.

– Не думаю.

– Я так и знал.

– А много было тех, кто рискнул и добыл его?

– Ни одного.

Заметив мое удивление, Леший пояснил:

– Обычно желания людей более просты.

– Например?

– Например, любовь. – Леший подошел к следующему дереву, и то потянулось к нему всеми ветвями, словно желая обнять. – А это, как ты понимаешь, яблоня любви. Ну-ну, красавица. – Он легонько взъерошил листву, погладил кончики ветвей и обернулся ко мне: – Иди познакомься.

Я шагнула к дереву, подняла руку, и тут же две ветви коснулись меня, взволнованно зашептавшись листвой. Листья стекли между моих пальцев шелковой рекой, и в ладонь скользнуло яблоко с нежно-розовой кожицей, словно окрашенное майским рассветом. Я не удержалась от улыбки: за яблоко власти надо побороться, ради яблока премудрости надо пораскинуть мозгами, а яблоко любви само идет в руки. Не все так просто с этими волшебными деревьями.

– Отведавший этого яблока будет счастлив в любви, – пояснил Леший, – и станет внушать симпатию всем людям. У него будет самый верный возлюбленный и все царство в друзьях.

– Искренне рада за этого счастливчика. Но я своего возлюбленного уже нашла. – Я выпустила яблоко из ладони и шагнула от дерева. – Осталось только вытащить его из царской темницы.

– Откуда? – Леший потрясенно повернулся ко мне.

– Ты не знаешь? Ну да, некогда было рассказать... Ив в царской темнице. Он хотел похитить Василису.

– Я ничего не знал об этом, – Леший печально покачал головой. – От него не было вестей с тех пор, как он покинул лес. Что ты собираешься делать?

– Бороться за свою любовь. Давай показывай дальше, что ты мне можешь для этого предложить, и не будем терять времени.

Я повернулась к следующему дереву и уткнулась взглядом в мощные ветви яблони силы.

– Я уже все показал, – сказал Леший мне в спину. – Мы обошли всю рощу.

Что же тогда остается? Взять темницу штурмом я вряд ли смогу, даже с яблоком силы. Подкуп охраны уже не казался мне хорошей идеей. Возможно, яблоко премудрости поможет разработать хитроумный план по вызволению Ива из темницы? Но у меня нет времени на составление хитроумных планов, нужно действовать быстро. Тогда что остается?..

– Леший, – окликнула я. – А если Ив съест яблоко вечной жизни, он сможет избежать казни?

Леший покачал головой.

– Увы, в этом случае яблоко бесполезно. Поможет только мертвая и живая вода.

Я отыскала глазами кота.

– Тогда быстро хватай свое яблоко силы, и идем отсюда.

– Оно уже у меня! Мне Леший достал. – Кот прижал к груди волшебное яблоко.

– Тогда не будем задерживаться.

– А как же третье яблоко? – напомнил Леший.

– Мне оно не нужно.

– Что? – взъерепенился кот. – Как это не нужно? Ты в своем уме?
– По-моему, это честно, – остановила его я. – Одно мне, одно тебе. Третье яблоко лишнее.

– Раз тебе лишнее, его возьму я! – разошелся кот.

– Варфоломей, не мелочись.

– Да такой случай раз в жизни выпадает!

– Какое яблоко тебе нужно, Варфоломей? – подал голос Леший.

– Ну, – кот запнулся, – не знаю. Сила у меня уже есть. – Он любовно погладил яблоко. – Любви тоже хватает. Красотой и премудростью не обижен. Богатство и власть мне без надобности. Добрую славу я себе сам заработаю. На здоровье не жалею, а вечной жизни мне не надо. Удачи мне на моем веку хватит, а молодость и так со мной.

– Так чего ж тебе надо, котяра? – усмехнулась я.

На мордочке Варфоломея отобразилось отчаяние: как же не взять? Ведь дают же! И не абы что дают!

– Беру яблоко богатства, – вякнул он.

– На что оно тебе? – удивленно хмыкнула я. – Загонишь по спекулятивной цене?

– Оно красивое! – Кот любовно погладил золотой бочок яблока, протянутого ему Лешим, и прижал к сердцу.

Яблони зашелестели вслед, замахали ветвями, прощаясь, и заповедная роща осталась позади. Только где-то в стороне блеснул среди травы бронзовый мячик – это ежик тащил к себе в норку волшебное яблоко.

Озеро, в котором мы с котом искупались вчера, было не узнать. Вода сияла плавленным серебром, озеро кишело русалками, и их хрустальные голоса разносились далеко по лесу.

Водяной сидел на камне и щурил глаза, с отеческой улыбкой глядя на резвящихся русалок. Увидев нас, он бросился навстречу, утопил меня в мокрых объятиях, сердечно обнялся с Лешим.

– Вижу, у тебя тоже все справно? – спросил он у него.

– К счастью, все вернулось на свои места. Благодаря Яне и Варфоломею.

– Агафью благодарите, – заметила я, – без ее светоча ничего бы не получилось.

– Добрейшей души была чародейка, – с теплотой отозвался Водяной.

– Редкий человек, – поддержал его Леший. – Видел, как светоч полыхнул? Как в полдень светло стало.

– Видали-видали, – покивал Водяной. – Мои-то девки всполошились – решили, лес горит, с берега на дно побросались. А потом такая благодать нахлынула, что разом вся вода от пагубных чар очистилась, и дышать стало легко-легко. Вон как свежая вода им в головы-то ударила! – Он с улыбкой махнул рукой на русалок. – Уже и забыл, когда мы так веселились. А я давай нырять да проверять сохнувшие речки да родники. И что ты думаешь? – Он довольно хлопнул себя по бокам. – Все очистились, везде вода прибывает. Так что земной вам поклон за спасение водного люда и водных угодий.

– Лучше рыбкой, – подсказал кот.

– Варфоломей! – укорила его я.

– Кот правильное дело говорит! Спасибо сыт не будешь, – расхохотался Водяной и что-то крикнул русалкам. Спустя мгновение на берег полетела рыба, выброшенная русалками. Кот заметался по траве, собирая добычу в кучку, которая вскоре стала с него ростом.

– Хватит тебе? – спросил Водяной.

Варфоломей не ответил: он увлеченно заглатывал рыбу.

– Хватит, – сказала за него я. – А Коля уже уехал?

– Отправился на розыски Черноты, как и порешили.

Я приуныла. Надежда заполучить в помощники Колю накрылась медным тазом. Если только...

– А он не в Златограде живет?

– Может, и в Златограде, – напустил туману Водяной, – а может, и нет.

Я вздохнула. Что ж, придется рассчитывать только на себя и на кота, слоппавшего яблоко силы. Хорошо бы он одним взмахом хвоста раскидывал вооруженных богатырей и одним чихом мог разрушить темницу.

До моего слуха донеслись странные звуки. Варфоломей громко икал от обжорства, в отчаянии глядя на ополовиненную рыбную кучку. И с собой не забрать, и в себя не влезает.

– А говорил, что меру знаешь, – упрекнула его я. – Пойдем, обжора. Полночь на дворе. А нам с утра в путь. Леший, найдешь нам место для ночлега?

Я обернулась и не увидела нашего знакомого. Странно, куда он делся? Вдруг совсем близко раздался топот ног и такое знакомое кудахтанье. Затрещали кусты, пропуская Лешего.

– Я подумал, что вы соскучились по дому, – улыбнулся он. – И вот привел по короткой тропке...

Из-за его спины, радостно кудахча, высунулась избушка.

Полночи в печной трубе шумел ветер. Это кот шепотом рассказывал избушке о наших похождениях, а та, не в силах сдержаться, взволнованно охала да вздыхала. Спала я беспокойно, в тревоге вскакивала на лавке, а потом прислушивалась к тихому голосу Варфоломея, пытаюсь унять бьющееся сердце. Мне снился Ив, сидящий в темнице, и какая-то женщина, затягивающая на его руках веревку.

На заре меня толкнул кот.

– Пора.

В печке уже весело потрескивали березовые дрова, с вечера принесенные Лешим. В котелке булькала родниковая водица – подарок от Водяного. На столе лежала пригоршня сухого липового цвета и мешочек с сухарями – это кот разворошил запасы, добыв нам заварку и закуску. Липовый чай получился на славу.

– Это с той самой липки, у которой мы вчера были, – объяснил Варфоломей. – У нее самые сладкие цветы во всем лесу. Леший нам с хозяйкой завсегда целый туесок приносит.

Напившись чаю с сухарями, я встала с лавки, а кот ускакал куда-то под пол, откуда вернулся с пыльной и свалянной меховой шапкой в зубах.

– Что это? – с дрожью спросила я, глядя на кишашую молью ветошь.

– Шапшаневидимша, – пробормотал кот, не разжимая зубов. Потом с почтением положил шапку на пол и велел: – Гляди!

Голова кота юркнула в шапку, но увидеть невидимку в действии я не успела. Раздался оглушительный чих, и шапку разорвало в клочья, а рой моли разлетелся по всей избе.

На кота было больно смотреть. Он в полном ошеломлении подскочил к меховым клочкам, повалил их лапой, пытаюсь соединить вместе. Убедившись в том, что невидимка погибла окончательно и бесповоротно, Варфоломей прижал уши и виновато промычал:

– Прости-и...

– Не кори себя, – утешила я, – ты тут ни при чем. Не одно поколение моли на этой шапке выросло, чему ж тут удивляться.

– У, проклятая! – взвился кот, грозя летающей по избе моли. – Ух, я тебя!

Скача по горнице и размахивая лапами, он принялся нещадно гонять моль. Успокоился он только тогда, когда последняя из вредительниц была выпровожена за порог.

– Как же ты теперь в царский терем попадешь? – горестно вздохнул Варфоломей, возвращаясь в горницу. – Вся надежда у меня была на шапку-невидимку.

– Ничего, авось удача, которая мне с яблоком перешла, поможет!

– Много она тебе помогла, когда шапка-невидимка в лоскуты рассыпалась, – проворчал кот.

– Так яблоко я только вчера съела, – возразила я, – а моль шапку уже несколько лет глодала. Когда ее в последний раз надевали?

Кот махнул лапой.

– А, сейчас уже и не припомню. Кажись, когда Иван-царевич на поиски жар-птицы отправился... А сколько лет с тех пор минуло, уж и не скажу. Не то десять, не то двадцать.

– Тогда моль была еще к шапке милосердна, – хмыкнула я. – Так долго ее смаковала! А вот скажи мне, ты все рассказываешь про иван-царевичей каких-то. А у царя одни дочери. Царевичи-то откуда?

– Да с соседних царств, – охотно пояснил кот. – Что ни молодец – все царевич. А там разве проверишь? Чай, у царевичей опознавательной звезды во лбу нету.

«Ага, – хмыкнула я, – и до опознавательных грамот еще не додумались». Кот смел хвостом клочки шапки-невидимки и удрученно вздохнул.

– Что ж, остается рассчитывать только на себя. Нет у нас больше никаких преимуществ.

– Ты свое яблоко-то съел, кот-богатырь? – усмехнулась я.

– Еще ночью, – признался он. – Не утерпел до утра.

– То-то твой богатырский чих шапку в клочья разорвал, – не удержалась от смеха я.

Кот обиженно надулся.

– Ладно-ладно, мир! – предложила я. – Эффект-то есть? Чувствуешь удаль в себе богатырскую?

– Увижу Сидора – пойдут клочки по закоулочкам! – пообещал кот.

– А второе-то куда дел?

– С собой возьмем. – Он кивнул на узелок, в который сложил сухарики и фляжку с родниковой водой. – Авось пригодится!

– Ну давай уже в путь-дорогу. Ступа готова?

– Стоит во дворе, только нас дожидается.

Я взяла узелок и вышла на крыльцо. Кот обещал, что ступа домчит нас до Златограда уже к полудню, значит, припасы в дороге нам не нужны. А там купим. Правда, сейчас у нас ни гроша: Баба-яга – профессия не денежная, если и благодарят, то продуктами. Поэтому мешки в кладовой набиты сухарями да зерном, а не монетами. Но я не унывала, памятуя об удаче, ставшей моей спутницей с того момента, как я стрескала волшебное яблочко. Авось она поможет найти на мостовой Златограда кошель, полный золотишка, или уломать трактирщика на миску бесплатных щей – для меня и для Ива. В том, что я вытащу его из темницы, я не сомневалась. Я же теперь везунчик!

Часть пятая ПОБЕГ ИЗ ТЕМНИЦЫ

С высоты полета ступы город, лежащий впереди, и впрямь казался золотым. Если приглядеться, становилось заметным, что золочеными были только крыши некоторых домов, именно они сияли и переливались на солнце. Как объяснил кот, это были дома богатых горожан. Крыши избушек попроще были покрашены в желтый цвет, и это создавало иллюзию золота.

На высоченном заборе, огораживающем город, прогуливались бдительные стражи. Попасть внутрь можно было через единственные ворота, и на входе гостей Златограда ожидал самый тщательный фейсконтроль, который с пристрастием проводил носатый и бородатый начальник стражи.

Очередь на вход выстроилась приличная, у ворот слышались недовольные возгласы, по толпе пополз шепоток.

– Говорят, входную плату собирают! – поделился со мной стоящий впереди мужичок в подпоясанной рубахе. – Что делается, что делается!

– И правильно, что собирают! – рывкнул вышедший из ворот щегольски одетый охотник. – А то ходят тут всякие!

– Да за что ж плату-то брать? – заохала только подошедшая круглолицая баба, опуская

на землю две корзины: в одной сидел важный белоснежный гусь, другая была доверху выложена крупными куриными яйцами.

– А вы что же, на казнь просто так посмотреть хотите? – Охотник выгнул бровь, поправил перевязь с колчаном и стрелами, висящими за спиной, и смерил неприязненным взором откормленного гуся, вероятно, расценивая его как серьезного конкурента лесным перепелкам, которых ему предстояло добыть.

– Какую казнь? – похолодев, выдавила я.

– Как? – оживилась баба. – Уже сегодня? Вот ведь повезло, поспела!

Охотник ухмыльнулся в усы.

– Ты, голубушка, раньше всех поспела! Когда казнь, еще неведомо. Сперва свадьба царской дочери.

– Когда? – в нетерпении вскрикнула баба, прижав руки к пышной груди.

– Через три дня, – насмешливо ответил охотник. – А потом уж и до казни дойдет.

У меня отлегло от сердца. Значит, время по-прежнему есть.

– За что деньги собирают? – недовольно гаркнул только подошедший коробейник. В руках он держал ящик с диковинами, который дополнительно крепился широкой алой лентой к шее торговца. Я с любопытством вытянула нос, разглядывая ассортимент предлагаемого товара: шелковые ленты, булавки, какие-то крошечные металлические коробочки и стеклянные бутылочки – похоже, местная линия косметики и парфюмерии.

– Интересуешься, барышня? – Коробейник тут же шагнул ко мне и стал выхватывать из ящика что под руку попадется и нахваливать товар.

– Нет, спасибо. – Я с сожалением покачала головой. От сувенира из Лукоморья я бы не отказалась, но только у меня нет ни единой монетки. Если только удача поможет и торговец подарит мне что-нибудь в качестве рекламы? Я с надеждой уставилась на коробейника. Но тот только хмуро глянул на меня и буркнул:

– Нету денег – неча zenки паялить!

Я с досадой потупилась, в надежде отыскать оброненную монетку. Без сувениров не помру, а вот попасть в Златоград как-то надо. А для этого нужно оплатить входной билет. Может, повезет, и я найду необходимую монетку? Увы, кроме дорожной пыли и стоптанных лаптей соседей по очереди, я ничего не углядела. Что же делать? Не могу же я своровать монету из кошелька впереди стоящего мужика, хотя кошелек и висит на поясе, а мужик как раз повернулся ко мне так, что только руку протяни – и... «Это твой шанс», – прорезался внутренний голос. «Это воровство!» – возмутилась я. «Это возможность попасть в город и спасти Ива. Это воровство во спасение». Помешкав, я уже подняла руку, как вдруг вздрогнула от грозного рыка.

– Так почему деньги за вход берут? – Коробейник снова окликнул охотника, не спешащего отправляться по своим делам.

– В самом деле почему? Всю жизнь безо всякой платы в город ходили – и на тебе! – повернулся к нему мужик с кошельком, не оставив мне никакой возможности добраться до денег.

«Проворонила ты свою удачу, тетеря! – хмыкнул внутренний голос. – Как теперь в Златоград попадешь? Уж не думаешь ли ты, что станешь юбилейной посетительницей за день и тебя пропустят бесплатно?»

– Бояре опасаются наплыва зевак в город ввиду предстоящей свадьбы и последующей за ней казни, – охотно объяснил охотник. – Вот и решено ввести входную плату, чтобы поумерить пыл ротозеев.

– Это кто тут еще ротозеи? – разъярилась баба.

– Это что еще за порядки такие? – закипел коробейник и с треском захлопнул свой ящик.

– Непорядок! – поддержала его очередь.

– Вот и я говорю! – Коробейник потряхнул ящиком и сдвинул его за плечо. – А ну, ребята, навалимся всем честным народом, не дадим себя одурачить!

То, что за этим последовало, по ощущениям можно назвать «безбилетные фанаты берут штурмом стадион, где проходит концерт «Депеш Мод». Варфоломей, завидев несущихся на нас мужиков и баб (позади уже образовалась приличная толпа), взвыл и запрыгнул мне на руки. Тут же нас с котом сплющили, едва не сбили с ног и потащили к воротам. Опомнились мы уже в центре города, когда толпа, прорвавшая оцепление, растеклась по улочкам.

– Повезло! – прокричал Варфоломей, высвобождаясь из моей хватки, спрыгнул на землю и принялся вылизываться.

Рядом горестно стонал охотник, вытряхивая из колчана обломки стрел. У мужика, в отличие от нас, день определенно не удался.

Пока кот наводил марафет, я огляделась по сторонам. Толпа вынесла нас на небольшую круглую площадь к колодцу. Площадь с четырех сторон обступали двухэтажные деревянные терема с красивыми резными ставнями и искрящимися на солнце крышами. Похоже, мы попали в элитный район Златограда – центр, близость дороги, колодец под окнами, ярмарка за углом. Впереди тянулись торговые ряды, между ними сновал разношерстный люд, и на несколько кварталов вокруг неслись зычные призывы: «Пряники медовые, мягкие, пуховые!», «В сарафанах от Лукерьи ты сплошное загляденье!», «Если на тебе берет, в женихах отбоя нет!», «Лапти от Степана любому по карману!», «С алой ленточкой в косе женихи полюбят все!».

– Пошли, – позвал меня Варфоломей, намыв усы, и направился к ярмарке.

– Туда? – Я с опаской покосилась на толпу.

– Царский терем за торговыми рядами, а обходить долго, – пояснил кот. – Если б мы были у ворот, лучше было бы по краю обойти. А раз уж нас в самую серединку протащили, пойдем напрямик через ярмарку.

Ярмарка оглушила нас разноголосым криком. Расхваливали свой товар торговцы, не упуская при этом возможности обругать продукцию конкурентов. До хрипа торговались покупатели, сбивая цену и выискивая недостатки в добротно сплетенных лаптях и червоточинки в медовых яблоках, от одного взгляда на которые рот наполнялся слюной. Неслись над толпой громогласные приветствия: горожане, завидев на другом конце ярмарки знакомого, спешили засвидетельствовать почтение. А те, кому удавалось пробиться друг к другу, заводили громкий разговор о делах, о здоровье, об урожае, о починке дома, о сватовстве и рождении детей. Две дородные бабы, встав на перекрестке рядов, создали значительную пробку, обсуждая приданое какой-то Марусечки, и сошлись во мнении, что хорошего жениха ей не светит и большее, на что она может рассчитывать, – это пьющий плотник Архипка. Судачили и о предстоящей свадьбе царевны, и о неудавшемся похищении. Отовсюду долетали обрывки разговоров:

– ...Свадебка будет знатная!

– ...Мой-то с утра на охоте – куропаток к свадебному пиру добывает. Слыхала, поди, царский указ? Всех охотников обещали за дичь щедро отблагодарить, вот все и бросились в лес на заработки...

– А моему куму заказали сто караваев испечь.

– Сто? Брешешь!

– Чтоб у меня язык отсох!..

– ...Царевна-то тоскует, убивается, из своей горницы не выходит.

– Ей ли тосковать? Жених какой видный, благородный.

– Видать, по-другому сохнет.

– Это по тому, что ль, что в темнице сидит?

– ...Как, ты ничего не знаешь? Да весь город только об этом и судачит. Слушай, как дело было. Молодец один в царскую дружину нанялся, а в ночное дежурство – шнырк в царевнину горницу да из дворца ее хотел увезти. Токмо стражники тоже не зазря хлеб едят...

Заслушавшись разговором и следуя за двумя кумушками, я и не заметила, как ряд, по которому мы шли, внезапно опустел. Яркое солнце отразилось от опустевшей мостовой, заиграло на пузатых боках начищенных самоваров, выставленных в ближайшей ко мне

лавке, и ослепило глаза. Не сбавляя шаг, я сощурилась, пытаюсь не упустить из виду двух болтушек, и чуть не сбила с ног невысокую, круглую как шар, бабу в синем сарафане, расшитом золотом.

– Простите, извините, – забормотала я, в отчаянии глядя за ее плечо.

Кумушки быстро шли вдоль ряда, стремительно удаляясь и унося с собой новости об Иве. А баба, грозно уперев руки в боки, строго смотрела на меня, и обойти ее не было никакой возможности. Широкоскулое лицо налилось кровью и пошло пятнами, так что я испугалась, что ее хватит удар, а глаза сузились до щелей, как будто тетку пчелы покусали.

– Сюда! – раздался оклик у меня за спиной, и, оглянувшись, я увидела мужичка, стоящего у какой-то лавки и размахивающего руками. – Сюда, я его нашел!

Баба еще раз с ненавистью взглянула на меня и, подвинув плечом с дороги, зашагала к мужику. Бедняга, повезло же ему с женой!

– Повезло тебе, – прозвучал рядом приглушенный голос. – Агриппина на расправу скорая. И не за такие провинности людей со свету сживала.

Оглянувшись, я увидела румяную курносую девицу, торговавшую пряниками.

– А она кто?

– Ой ты батюшки! – Курносая всплеснула руками. – Да откуда ж ты взялась, из какой такой деревни?

– Из Мухоедово, – машинально отозвалась я. – А в Златоград только сегодня пришла.

– Это где ж такая? – удивилась торговка. – Далеко?

– Пять дней пути, – наобум сказала я.

– Тогда понятно, почему про Агриппину не знаешь. Хотя, что в царском тереме делается, обычно до самых окраин известно.

– А при чем тут царский терем? – насторожилась я.

– Так Агриппина ведь чародейка царская!

– Да ну, – изобразила недоверие я, – разве ж чародейки такие бывают?

– Может, и другие бывают, – обиженно ответила курносая, – но Агриппине они точно не ровня. Она знаешь какая сильная? Сказывают, она весь царский терем от волшебства зачаровала по велению царя. Ни один колдун отныне там колдовать не может. Только шасть за ворота – и вся сила его исчезнет.

– Ни один? – напряженно переспросила я.

Так вот почему Ив так легко попался в руки стражи и не смог найти способа сбежать из темницы!

– Ни один на всем белом свете! – подтвердила торговка.

– А Агриппина?

– Только она и может. Царь за это ей каждый день кошель с золотом выдает. С тех пор, как Василису Кощей похитил, он все боялся, что злодей опять явится и других дочек умыкнет. А потом Агриппина чары против других колдунов на терем навела – и царь-батюшка спит спокойно.

– Почем пряники? – гаркнул рядом бородатый мужик.

– Три копейки! – Торговка моментально переключила свое внимание на покупателя и принялась нахваливать сладости.

А я юркнула в толпу – все, что мне было нужно, я уже услышала.

Широкая дорога, ведущая к царскому терему, была свободна. Вскоре мы уже подходили к ограде, такой же по высоте, как та, что обносила город, и еще более охраняемой. Стражников, курсировавших поверху между смотровыми башнями, было в два раза больше, и нечего было даже думать о том, чтобы проникнуть в терем незамеченными. Из-за забора выглядывали золоченые крыши, с подворья доносился дикий гвалт – терем готовился к свадьбе.

Стоять столбом у царских ворот было бы подозрительно, и мы с котом двинулись вдоль ограды.

– Рот разинь, – посоветовал кот. – Да пошире. Пусть думают, что очередные ротозеи пришли поглазеть на царский терем.

Тщательный осмотр забора утешительных результатов не принес: нигде не было ни зазора, ни шатающегося или гнилого бревнышка. Царский терем был настоящей крепостью, и я уже приуныла, думая, что так просто эту крепость не взять.

Вдруг впереди что-то хрустнуло, мелькнуло, и из куста, росшего у забора, вылезла девочка в красном сарафане и белом платочке, из-под которого торчала тощая светлая косица.

– Агаша! – вырвалось у меня.

Девочка испуганно обернулась и попятилась:

– Ты кто? Я тебя не знаю!

– Зато я знаю. Не бойся, я только хочу поговорить.

– Знаю я эти разговоры! Их потом бабкиными примочками залечивать приходится. А все потому, что некоторым правда глаза колет! – звонко выкрикнула девочка и припустила вдоль забора.

– Стой, подожди! Я тебе только добра желаю!

– Не надо мне чужого добра! – крикнула Агаша через плечо, резво перепрыгивая через камушек, лежащий на дороге.

Я уже начала выдыхаться, а девочка как ни в чем не бывало бежала вприпрыжку. Эх, сейчас бы обездвиживающее заклинание ей в спину или заговор подножки под ногу! Нелегко без чудес на свете жить. Я уже было отчаялась ее догнать, как вдруг увидела далеко впереди камень, перегораживающий дорожку. Ничего, и без чудес обойдемся!

– Агаша! – крикнула я. – У меня всего лишь известие от Забавы.

– От Забавы? – Девочка, продолжая бежать, повернула голову.

– Да, она просила тебе передать, что...

Бац! Со всего маху налетев на камень, Агаша споткнулась, запуталась в сарафане и рухнула лицом в пыль. Раздался звон стекла, и по земле рассыпались осколки. Следом послышался рев Агаши. Пока девочка ползала по земле, пытаясь собрать осколки, я смогла ее догнать.

– Ы-ы-ы! – рыдала Агаша. – Чудо-блюдец раз-би-и-и-ила!

– Да ладно тебе, – утешала я, – другое найдешь.

– У тебя есть другое? – прекратив рев, Агаша с надеждой уставилась на меня.

– Нет, но...

– Ы-ы-ы! – Девочка размазывала рукавом слезы и пыль. – Вечером заба-а-а-ва, как же я теперь к ней по-спе-е-е-ю?

– А у тебя есть срочные новости? – вцепилась в нее я.

– Еще каки-и-и-е! Только что из царского те-е-рема!

– Расскажи!

– Ы-ы-ы!

– Агаша! – Я трянула девочку за плечо. – Если ты мне расскажешь новости, я смогу передать их Забаве по волшебному блюдечку через одну знакомую волшебницу.

– Веди меня к ней! – Агаша вскочила на ноги и решительно отрянула сарафан.

– Не могу. Если я приду к ней не одна, она рассердится и меня не пустит, – плела на ходу я. – Но если ты мне все расскажешь, я попрошу ее связаться с блюдцем Забавы и передам новости.

– Я их, – всхлипнула Агаша, – с риском для жизни добывала. А ты... мои заслуги себе присвоить хочешь!

– Ну как хочешь, – я сделала вид, что ухожу. – Я же помочь хотела.

Агаша угрюмо высморкалась в рукав.

– Что Забава-то хотела?

– А? – Я удивленно обернулась.

– Ты же говорила, что Забава что-то просила мне передать? – Девочка с подозрением

установилась на меня и попятилась.

– Ах, это! – Я махнула рукой и отвернулась. – Уже неважно. Забава просила передать, что, если ты разобьешь еще одно волшебное блюдо, она больше не станет иметь с тобой дела.

– Ы-ы-ы-ы! – раздалось за спиной. – Я же ей все лето верой и правдой...

– Но знаешь. – Я повернулась к ней: – Я могу сказать, что блюдо разбила я. Попросила у тебя его посмотреть и случайно выронила. А ты ни при чем, и весь спрос с меня.

– Правда? – Агаша с надеждой установилась на меня, и мне стало стыдно перед девочкой за свой обман.

– Правда, – отводя глаза, подтвердила я.

– А ты что же, родственница ей, раз не боишься? – В голосе Агаши прорезался профессиональный интерес.

– Что-то вроде того, – уклончиво ответила я. – Так что, я пошла?

– погоди! – вскрикнула девочка, хватая меня за подол. – Так уж и быть, расскажу тебе всю правду из царского терема. – И замолчала.

– Ну не томи! – поторопила я.

Агаша вздохнула, глядя на осколки волшебного блюда и сожалея об упущенных минутах славы в вечернем эфире, и с неохотой раскрыла рот.

– Царевна Василиса, как молодца схватили, была сама не своя. Всю ночь не спала, а наутро заявила батюшке, что молодец этот – жених ее и что она любит его больше жизни, и он ее тоже. Кричала, что замуж за Чернослава не пойдет, и умоляла батюшку отпустить ее с женихом на все четыре стороны. Все никак успокоиться не могла. Пришлось Агриппине вмешаться. Царевна сразу стала тише воды, ниже травы, во всем с батюшкой согласилась, а сейчас бродит по терему как во сне, околдованная.

Сердце пропустило удар. Значит, на помощь Василисы и на помилование Ива рассчитывать не стоит. Переведя дух, Агаша продолжила:

– Но это еще не все. Чернослав, прознав про то, сегодня поутру явился в терем, заперся с царем в покоях – только крик по всему терему разносился.

– О чем спорили-то? – воскликнула я.

– Насилу узнала. Хорошо, служанка одна им медовухи приносила и услышала, о чем сыр-бор.

– Ну же! – От волнения я схватила девочку за плечо и трянула: – Говори!

– Знаешь, как нелегко было узнать? – заныла та. – Пришлось весь терем обегать, прежде чем...

– Говори уже! – в сердцах рявкнула я.

– Я узнавала, я всю грязную работу сделала, а тебе все сливки достанутся, – заканючила Агаша.

– Не хочешь моей помощи, тогда я пошла! – едва сдерживаясь, чтобы не вытрясти из нее сведения силой, я отвернулась и сделала два шага по дорожке.

– Все дело в молодце! – выкрикнула вслед Агаша.

С самыми недобрыми предчувствиями я обернулась.

– Чернослав сказал, что прощает Василисе ее увлечение, но не женится на ней, пока его соперник живой.

– Что? – ошеломленно переспросила я.

– И царь решил... – очень медленно отвечала Агаша.

– Перенести свадьбу? – перебила ее я.

– Не свадьбу. Казнь.

– Когда? – прошептала я.

– Сегодня вечером.

– Ты туда не пойдешь! – кричал кот, забегая впереди меня и путаясь под ногами, пока я быстро шагала к месту у забора, откуда появилась Агаша.

- Еще как пойду.
- Ты не можешь!
- Еще как могу.
- Я тебя не пущу!
- Это не обсуждается.
- Погубишь и себя и Ивана!
- Я должна попробовать.
- Это безумие!
- Брысь!

Варфоломей обиженно поджал хвост, а я, убедившись, что стражники, курсировавшие по ограде, далеко, нырнула в кусты и принялась ощупывать бревна в поисках тайного хода, через который Агаша попадала в терем.

– Но что ты можешь сделать? – увещевал меня кот. – Там тьма народу, там стражники, там Агриппина. Тебя увидят и схватят.

В ладонь, шарившую по абсолютно гладкой поверхности, впился сучок. Я с ликованием ощупала бревно и обнаружила зазоры между деревом. Люк! Пальцы обхватили выступ, рванули на себя. Дерево поддалось с трудом, в бревне показался круглый лаз...

На глазах уже закипали слезы, а я все ощупывала дыру в заборе и не могла поверить в то, что ничего не выйдет.

– Бесполезно, – озвучил приговор кот. – Ход для тебя слишком мал, даже пытаться не стоит. Сюда пролезала Агаша, и я сюда пролезу. Ну я пошел! Чую силушку в себе богатырскую. Ох, набью щас там всем бока!

Я за шкуру вытащила кота, уже ринувшегося в дыру, обратно.

– Молчи уж, богатырь! Куда ты против отряда стражников?

Кот обиженно надулся:

– Раз я маленький, то сразу ни на что не годен?

– Без меня ты туда не пойдешь. И это не обсуждается.

– Да? И как же ты собираешься попасть в терем? Ход для тебя слишком мал, – зарядил кот. – Даже пытаться не стоит.

– Не стоит, – согласно кивнула я.

– Правда? – непонятно чему обрадовался Варфоломей. – Мы не будем тайком пробираться в терем?

– Конечно. Я войду туда через главные ворота.

– Ты сошла с ума! – шипел кот, едва поспевая за мной, пока я шагала от царского терема обратно к ярмарке. – Тебе не одолеть Агриппину!

– Ты прав.

– Ни одному человеку ее не одолеть! – с воодушевлением продолжил кот.

– Ты прав.

– Но зато ее под силу одолеть мне, первому коту-богатырю Лукоморья! – расхрабрился он.

– Агриппине твоя богатырская сила до фонаря, – охладила его я. – Ей все равно кого на месте испепелить – кота ли, богатыря ли.

Варфоломей сник.

– Тогда что ты задумала? Может, – он покосился на узелок в моих руках, – съешь яблоко богатства и попытаемся подкупить стражу?

– А ты думаешь, не успею я выкинуть огрызок, на нас свалится куча золота? Сомневаюсь. С этими яблочками все очень непросто. И чтобы разбогатеть, самому придется хорошенько попотеть. А у нас нет времени на то, чтобы открывать купеческую лавку и ждать прибыли. Так что засунь-ка ты свое яблоко...

– Тогда, – надрывно мякнул кот, – что же ты собираешься делать?! Никому не под силу одолеть Агриппину!

- А вот тут ты ошибаешься.
- Ни одному человеку... – завел свою пластинку кот.
- Одному – да, сотне – вполне по силам.
- Да ты с ума сошла!

Агашу я заметила в самом начале рядов. Девочка прилипла к прилавку с леденцами на палочке и грызла палец, голодными глазами разглядывая сладости. Нам повезло. Еще немножко – и девочка бы затерялась в толпе, где шансы ее разыскать были бы невелики.

Солнце подмигнуло из дорожной пыли, и я подняла с земли копеечную монетку. Не бог весть что, но вполне достаточно, чтобы купить петушка на палочке.

Агаша заметила меня только тогда, когда петушок взмыл над прилавком и опустился мне в руки. Торговка спрятала монетку в передник и обернулась к подошедшей семье – бабе с мужиком в окружении пятерых румяных ребятишек.

– Это тебе. – Я протянула леденец девочке.

– Ну да, конечно. – Она недоверчиво шмыгнула носом и отвела глаза, делая вид, что ей нет никакого дела до сладости.

– Это правда тебе.

Поколебавшись, Агаша робко протянула руку, помедлила и цапнула леденец, как будто боясь, что в последний миг я пошучу над ней.

Хрум! И сахарный петушок лишился головы, а девочка зажмурилась от удовольствия, смакуя сладость. Затем приоткрыла ресницы, хитро глянула на меня:

– Ну и че надо?

– Вообще-то надо, – смущенно призналась я.

– Знаю я эти дела, – хмыкнула Агаша. – Поди, за суженым проследить надобно? Ты не бойсь, – она лукаво подмигнула, – я маленькая, юркая, меня никто не замечает – я все подмечаю. Все тебе доложу как на духу: куда ходил, с кем и все такое.

– погоди, погоди, – остановила ее я.

– Десять леденцов!

– Ты меня не так поняла.

– Ладно, пять!

– Да дело не в том...

– Три, и на меньшее не соглашусь!

– Я тебе дам тридцать, – посулила я, – только сделай все, как надо.

– У тебя их что, десять? – От удивления Агаша раскрыла рот и чуть не выронила петушок.

– Кого?

– Женихов, вестимо!

– Да нет же, жених всего один.

– Значит, шибко гулящий? – сочувствующе протянула девочка.

– Откуда ты вообще такие слова знаешь! – возмутилась я.

– Я все знаю, все подмечаю и вообще мудра не по годам, – отрекламировала себя Агаша.

– Оно и видно, – проворчала я. – А теперь слушай меня...

Дослушав до конца, Агаша удивленно хрюкнула, заглатывая остатки леденца, бросила в пыль деревянную палочку и сказала:

– Хорошо. Но леденцы вперед!

– Нет уж, – проявила твердость я. – Сначала – результат.

Слухи разнеслись по толпе, которой еще больше прибавилось с утра, со скоростью ветра. Все было еще спокойно, когда Агриппина заходила в ювелирную лавку. Но мгновением позже в толпу нырнула Агаша, и народ загудел. За полчаса, которые царская чародейка провела в лавке, все переменялось. Когда Агриппина, прикупив перламутровый ларчик для драгоценностей, вышла за порог, ступить ей уже не дали. Зеваки, забыв о

покупках, окружили ювелирную лавку. Торговцы, которые не могли побросать прилавки, с любопытством вытягивали шеи. Кумушки судачили только об одном: о несчастной любви царевны Василисы, о постылом замужестве и о том, как околдовала несчастную царевну бессердечная Агриппина. Пугливые матери уводили детишек с ярмарки, не желая участвовать в народном восстании и опасаясь последствий. А бесстрашная молодежь сбегалась на площадь, мечтая принять самое активное участие в грядущей забаве.

– И что здесь происходит? – каркнула Агриппина, обстреливая толпу колючими взглядами. – Жить надоело?

Где-то заплакал ребенок, кто-то из баб пугливо взвизгнул, но их тут же заглушили громкие мужские голоса:

– Мы тебя не боимся!

И толпа шагнула ближе. Чародейка криво ухмыльнулась:

– А стоило бы.

Народ замялся.

– Ну, – Агриппина окинула толпу смелым взглядом, – и кто первый поднимет на бабу руку? Где же этот герой?

Мужики из первых рядов отступили на шаг назад. Хорошо продуманная операция трещала на глазах. Еще минута – и люди повинятся, поклонятся ведьме в пояс и разбредутся по своим делам.

– Родненькие, да кого ж вы слушаете? – прозвучал вдруг тоненький голосок Агаши. В толпе девочки не было видно, зато слышали ее все. – Колдунью злющую, что нашу царевну околдовала? Что всю царскую семью со свету сжить хочет? Задумайтесь, люди! Сегодня она Василису заморозила, завтра – царя-батюшку с царицей, а опосля и сама на трон влезет!

Несмелые шепотки, возникшие при первых словах Агаши, к концу ее речи переросли в нарастающий гул. Лицо Агриппины дрогнуло. Она затравленным взглядом обвела толпу и сделала шаг назад, пытаясь скрыться в лавке. Но дверь за спиной оказалась заперта.

– Глянь-ка, испугалась! – злорадно выкрикнула какая-то баба.

– А ну поднажмем, честной народ! – поддержал задиристый парень.

Толпа заулюлюкала и хлынула к ведьме.

Но Агриппина не была бы Агриппиной, если бы не стала защищаться. Молния прошла напоенный солнечным светом полдень: стоном взорвались первые ряды крепких мужиков, и зачинщики повалились на землю. Заголосили бабы, бросившись к ним. Трусливые зеваки с последних рядов кинулись наутек по переулкам. И вновь ситуацию спасла Агаша.

– Врешь! – звонко выкрикнула она. – Не уйдешь! Нас много, а ты одна! А ну-ка проучим ведьму проклятую!

Откуда-то из задних рядов со свистом вылетел камень, вскользь ударив Агриппину по щеке. Колдунья покачнулась, замешкалась, и этого оказалось достаточно, чтобы людское кольцо сжалось, поглотив ведьму в негодующей толпе.

– Они же ее растерзают, – ахнула я, привстав на цыпочки и вытягивая шею. Перед началом народного бунта мы с котом предусмотрительно отошли на безопасное расстояние, заняв выгодную позицию – и лавку, в которой была Агриппина, видно, и дорога к царскому терему рядом.

– А ты что думала? – хмуро бросил кот у моих ног.

Из толпы к нам пробилась Агаша.

– Ну как, заработала я свои леденцы?

– Леденцы заработала. А пряников еще хочешь?

Агаша с сомнением оглянулась назад, где толпа увлеченно крушила ювелирную лавку, в которую заходила Агриппина. Самой колдуньи было не видеть.

– Боюсь, платья ейного теперь не добыть, – вздохнула девочка. – Поди, уже разорвали на мелкие клочья.

– Ничего, справимся. А пряники и по-другому заслужить можно.

Я наклонилась к Агаше и зашептала ей на ухо. Она на мгновение замялась, пожевала губами.

– Одна не справлюсь. Разве что Степку на помощь позову? Он от пряников тоже не отказался бы.

– А твоему Степке доверять можно? – насторожилась я.

– А то ж! Мы с ним вместе куда только не ходили. Намедни он мне жар-птицу помогал показывать.

Я вспомнила долговязого чумазого мальчишку, который притащил в сарай с павлином корзинку с курицей, и кивнула.

– По рукам!

– Только... – завела свою песнь Агаша.

– Нет уж, – отрезала я. – Сперва дело, а пряники потом!

– А если тебя поймают?

– Значит, не заработала ты на свои пряники. Уж постарайся сделать так, чтобы не поймали.

Как только Агаша скрылась между рядов, кот царапнул меня за ногу:

– А теперь поведай мне, как ты собираешься попасть в терем? План переодеться в платье Агриппины, дожидаться темноты и заявиться на царский двор под видом чародейки только что с треском провалился.

Мимо нас, уверенно расшвыривая народ, пронеслась баба с лоскутом в руках – золотое шитье на синем бархате. Платье Агриппины, в которое я собиралась переодеться и перехитрить стражу, прикрыв чем-нибудь лицо, превратилось в сотни подобных клочков.

– План не меняется, – упрямо повторила я. – Я войду в терем под видом Агриппины.

– И как же? – недоверчиво мяукнул кот.

– Встречаемся здесь через несколько минут. Ты пока проверь, что там с Агриппиной.

Варфоломей нырнул в гудящую толпу, а я юркнула за угол, в опустевший торговый ряд.

– Девонька, – кинулась ко мне торговка, изнывающая от любопытства за ближайшим прилавком с берестяными изделиями. – Расскажи, что там творится-то?

– Агриппина золотом швыряется, народ пытается задобрить. Я вон себе на целое приданое набрала. – Я тряхнула перед ней бюстом. Пусть думает, что он у меня за счет монет вырос. У торговки так и загорелись глаза. – Беги, может, тебе тоже достанется! – посоветовала я.

Позабыв обо всем на свете, торговка ломанулась через прилавок, опрокинув половину товара, и понеслась на площадь.

– Куды это она? – заголосили ее соседки.

– Да там Агриппина золотом швыряется...

Через минуту весь ряд был пуст. А я бросилась между прилавками, выискивая одежную лавку.

Когда я вернулась, кот уже нетерпеливо притоптывал на месте.

– Варфоломей! – позвала я. – Ну что там?

Кот обернулся, шарахнулся от меня и испуганно выпучил глаза:

– Я-ана?!

– Что, хорошо я замаскировалась? – Я удовлетворенно хмыкнула.

– Ты что? – вытаращился кот. – Выпила быстротолст?

– Зачем? – Я утерла пот со лба и надвинула косынку пониже. – Достаточно всего пяти платьев, надетых друг на друга.

О примотанной к животу подушке, благодаря которой и удалось добиться Агриппининой округлости, я стыдливо промолчала.

– Ты ограбила швейную лавку? – укоризненно мяукнул Варфоломей.

– Я все верну. Так как там Агриппина?

– Уходили ее до смерти – лежит не шелохнется, – доложил кот.

– Так, может, с ее смертью чары с терема спали? – обрадовалась я.

– Да только вряд ли Ив и Василиса каждый миг свою ворожбу проверяют, – осадил меня кот. – Все равно в терем идти надобно.

– Так я ж не отказываюсь. Идем!

– погоди, я сейчас.

Варфоломей вернулся через минуту, таща в зубах кровоточащий кусок мяса.

– Что это? – Я с ужасом отвела глаза. – Это все, что осталось от Агриппины...

– Дура! – рывкнул кот, выплевывая мясо к моим ногам. – Это свинина парная.

– Нашел время есть! – возмутилась я.

– Еще раз дура, – проворчал кот. – О тебе же забочусь!

– Я это есть не буду!

– А ну бери в руки без разговоров и лицо себе мажь! – гаркнул Варфоломей. – Грязью щеки изгваздала, так думаешь, уже на Агриппину стала похожа?

– А так – стану? – засомневалась я.

– А так – никто из стражи и всматриваться не станет, – заверил кот. – Рывкнешь на них погромче – и пустят как миленькие. Поди, уже слышали, что на ярмарке творится. И стражники, которые поверху ходят, видели драку на площади. Скажешь, что тебе в той драке навалили – и путь в терем открыт.

Я быстро натерла куском мяса щеки и лоб. Подумав, мазнула еще по верхнему платью. Кот, подпрыгнув, повис на рукаве, вырвав клочок.

– Так-то достовернее, – пояснил он. – А теперь бегом! Не ровен час, стража на площадь прибудет да Агриппину найдет.

– Значит, терем останется без охраны? – оживилась я.

– Не радуйся, не бывать такому. Половина стражников все равно царя охранять будет.

Мы свернули за угол и побежали по дороге, ведущей к терему. Рыжий паренек, сметавший с прилавка оставленные без присмотра подковы, испуганно шарахнулся в сторону. Подковы упали на мостовую, загремели по булыжнику.

– На счастье, – усмехнулась я.

– Ты произвела на него впечатление, – хмыкнул кот.

Бежать по жаре в пяти платьях – то еще удовольствие.

Пот лился ручьем, ноги заплетались в длинных юбках, руки не сгибались. Я чувствовала себя борцом сумо, который решил переквалифицироваться в спринтера.

– Ну что ты там копаешься? – возмущенно шипел Варфоломей, значительно опередивший меня.

– Бегу как могу, – пыхтела я.

Впереди уже показались царские ворота. Я отметила, что стражников на заборе стало меньше. Для нашего бегства из терема все складывается весьма удачно!

– С дороги, быстро! – шикнул Варфоломей, скатываясь в сторону, к ближайшему дому, последнему перед пустырем, отделявшим царскую резиденцию от жилых районов.

Я спряталась за угол, радуясь этой передышке, чтобы хоть чуть-чуть отдышаться. Вскоре по мостовой прогрохотали подковы лошадей. Из терема на городскую площадь промчался отряд всадников.

– Быстрее, – поторопил меня кот. – У нас совсем мало времени до того, как стражники найдут тело Агриппины и привезут его в терем.

Спустя несколько минут я уже молотила кулаком в царские ворота.

– Кто там? – рывкнул стражник.

– Открывай, дубина! – подражая царской чародейке, противным голосом взвизгнула я. – А то козленочком станешь!

– Сейчас-сейчас, – заволновался стражник и загромыхал засовом.

Пряча лицо, я шагнула за ворота.

Кот незамеченным скользнул во двор, а меня обступило пятеро стражников.

– Когда ж переодеться-то успела? – проявил наблюдательность один из них.
– А зачем, по-твоему, на ярмарку ходят? – прошипела я. – Обновку себе купила. А вишь, как оно вышло? Народ с ума посходил.

– Как же это они тебя так отходили? – насторожился другой страж.

– Тоже мне ведьма! – хмыкнул его сосед.

Надув щеки, я быстро вскинула голову и сощурила глаза так, чтобы было не разглядеть радужки.

– Щас я тебе покажу ведьму! А потом как выкину тебя один на один с разъяренной толпой – посмотрим, какой из тебя воин. А ну расступились!

Я с силой ткнула в грудь ближайшего стражника и рванула во двор. Первая преграда пройдена, но времени мало. Стражники могут начать сомневаться, а там вернутся их товарищи с городской площади. Надо скорей вызволять Ива с Василисой и делать отсюда ноги. Где же темница?

– Сюда! – мяукнул кот, выпрыгивая откуда-то из-под земли. – Иван здесь.

Лестница, на которую я ступила, превратилась в горку. Запутавшись в многочисленных подлогах, я стремительно скатилась вниз по ступенькам и шмякнулась на пол. Если бы не пять платьев, на мне бы живого места не осталось. А так, встала, отряхнулась – и ничего.

– Куды? – метнулся мне навстречу незамеченный страж.

Варфоломей среагировал мгновенно. Минута – и кот уже висит на голове стражника, а мужик отплясывает гопака, стремясь скинуть взбесившегося кота. Взметнулась вверх рубаха, открывая висящую на поясе связку ключей. Как удачно все складывается! А вот и тяжелая глиняная кружка с хмелем, за которой коротал службу стражник. Сгодится!

Бумс! Мужик со стоном рухнул на пол, глиняные черепки разлетелись по камням. Варфоломей встряхнулся от пролившегося на него хмеля. Я рывком содрала связку ключей с пояса стражника, подскочила к камере и споткнулась о погасшие глаза Ива, прильнувшего к решетке.

– Ив!

– Яна? – В голосе столько удивления, а глаза вспыхивают, как звезды.

– Ив, дурачок, ты меня не узнал? – Я судорожно перебирала ключи, вставляя их в замок.

– Что они с тобой сделали? – Голос Ива полон горя, дрожащие пальцы тянутся сквозь решетку к моему лицу.

– Ах это! – Я вытираю щеку. – Ерунда. Свиная кровь для маскировки.

– Так с тобой все в порядке? – Вдох облегчения.

– Конечно! А с тобой? – Так хочется его скорее обнять! Где же этот чертов ключ?

– Давайте быстрее, – ворчит кот под ногами. – Еще Василису надо найти.

Спустя целую вечность ключ входит в замок, и решетка между нами расходится в стороны, а губы наконец находят друг друга и не могут напиться досыта.

– Нашли время лобзаться! – шипит кот. – Быстрее вверх!

– Бежим скорее! – заторопилась я. – Нам еще надо вызволить Василису.

– Я узнаю, где она! – Варфоломей взлетает по лестнице и исчезает в ослепительном круге света.

– Ты колдовать можешь? – Я повернулась к Иву, снимая через голову верхнее платье.

– Что ты делаешь? – смутился он.

– Только не говори, что сейчас не время и не место. – Я переступила через сброшенное платье и принялась снимать следующее. – Потом поймешь. Ты не ответил: колдовать можешь?

– Нет, – после секундной заминки ответил он.

– Это значит только одно... Агриппина жива! – застонала я. – И как ты думаешь, куда она сейчас направляется?

Совсем рядом загромыхали ворота, донесся до нас пронзительный вопль:

– Где она?!

– Бежим! – Я схватила Ива за руку и потащила по лестнице.

– А как же Василиса?

– Сейчас мы ее не спасем, только сами погибнем. Вернемся за ней позже.

Бежать в трех платьях было проще, но все равно казалось, что мы двигаемся непозволительно медленно.

После темницы дневной свет ослепил, и мы остановились на пороге, не зная, куда направиться.

– Держите их! – пронесся по двору вибрирующий крик Агриппины. И мгновением позже косяк двери превратился в пылающий квадрат. Но мы уже неслись через двор за спасительным черным клубком, свернувшим за угол деревянного теремка поменьше, чем главный. Это Варфоломей указывал нам путь к свободе.

Прислуга, встретившаяся нам на первом дворе, бросилась врассыпную. На ходу я сорвала с себя третье платье, дернула за узел пояса, крепившего к животу пуховую подушку. Дышать и бежать стало легче! Надеюсь, Агаша со Степкой успели прокопать достаточный ход под забором, чтобы мы с Ивом смогли протиснуться сквозь него. Нечего было и думать, что им удастся незаметно пропилить ход в заборе до наших размеров. А вот подкоп в месте, с двух сторон скрытом от глаз кустами, вполне может удалиться.

На втором дворе какой-то мужик с вилами пытался перегородить нам путь, тут-то и пригодилась подушка, сбившая его с ног. На третьем по счету дворе я чуть не врезалась в зазевавшуюся девицу в красном сарафане и уже проскочила мимо, оттолкнув ее в сторону, как вдруг двор огласил вопль Варфоломея:

– ВАСИЛИСА!

Ив, бегущий позади меня, схватил девушку за руку:

– Василиса, быстрее, уходим!

Несмотря на нарастающий шум погони, я застыла на месте, во все глаза разглядывая виновницу всех наших несчастий. Если бы не отсутствующий взгляд голубых глаз, Василису можно было бы назвать настоящей русской красавицей. Повыше меня и попышней телом, круглолицая и большеглазая, с чуть вздернутым носом и белой кожей, не тронутой веснушками, с пшеничного цвета косой шириной с пудовый Илюшин кулак, доходившей ей до пояса, девушка выглядела настоящей сказочной царевной и напомнила мне Забаву из мультфильма «Летучий корабль». Если бы еще не этот ее странный взгляд... Конечно, она же зачарована!

Василиса отрешенно взглянула на Ива и выдернула руку:

– Никуда я не пойду.

– Василиса, ты что? – взвыл кот. – Уходим, скорее!

Лицо царевны тронуло подобие улыбки:

– Говорящий кот?

– Василиса, – ошеломленно мяукнул Варфоломей, – ты меня не узнаешь?

Погоня уже была совсем близко.

– Хватай ее, и побежали! – крикнул кот Иву.

Но не тут-то было. Рыцарь после темницы едва на ногах стоял, а Василиса весила как два Ива, так что донести эту ношу до забора не было никакой возможности.

– Выводи нас отсюда, – велела я коту. – Иначе мы тут все пропадем!

– А Василиса? – горестно взвыл кот.

Царевна, словно очнувшись, нараспев произнесла:

– Василиса – это я. А ты кто, мил-человек? – обратилась она к Иву.

Внезапно ее лицо передернулось, губы скривились, и она прошипела:

– Ты плохой человек, нехороший человек, ты желаешь мне зла.

– Бежим! – предчувствуя беду, прокричала я.

– СТРАЖА!!! – огласил двор вопль Василисы.

Кота как ветром смело за угол, мы помчались следом.

На наше счастье, дальше дворы были пустыми и, несмотря на погоню за спиной, под

ногами никто не путался. Мы беспрепятственно добежали до забора и нырнули в пышные кусты, в которые завел нас кот.

И тут нас поджидало разочарование. Несмотря на то что Агаша со Степкой трудолюбиво пыхтели по ту сторону забора, им удалось прокопать ход, куда могла протиснуться только мышь, но никак не человек.

– Земля очень твердая, – чуть не плача, пожаловалась Агаша. – Никак не копается!

– Копай, – шикнул на нее кот. – Поднажми!

Я в отчаянии запустила пальцы в землю и чуть не застонала: ногти как будто камень прочертили, нечего и думать, чтобы прокопать лаз руками.

Погоня приближалась, до нас доносился собачий лай и ругань Агриппины. Несколько минут – и нас обнаружат и бросят в темницу. Уже двоих.

Ив крепко обнял меня и прошептал:

– Не надо было этого делать.

– Как ты не понимаешь!..

Он ласково потрепал меня по плечу:

– Но спасибо, что пыталась.

Голоса были уже совсем близко, а ход увеличился лишь настолько, что можно было просунуть руку...

– Ив! – затормошила его я. – Это наш шанс! Чары Агриппины подавляют магию только внутри терема. За оградой они не действуют. Попробуй что-нибудь наколдовать!

Рука Ива скользнула в щель под забором, погоня вошла на двор. Собачий лай оглушил своей неотвратимостью, Агриппина сулила нам самую страшную кару, а я сжимала кулаки, чтобы у Ива все получилось.

Он повернулся ко мне, покачал головой:

– Нет, ничего не выходит. Одной руки недостаточно. Магия, она же...

– В голове! – подскочила я и зашарила руками по забору, надавливая на дерево и пытаясь нащупать люк. Дерево поддалось, и люк упал по ту сторону ограды.

– Ой! – невольно взвизгнула Агаша. Тихонько, но ее услышали.

– Они там! – взревела Агриппина, и сквозь ветки кустов мы увидели, как чародейка несется к нам, как сжимают кольцо вокруг забора стражники, как мчатся к нам сторожевые псы.

Тем временем Ив ринулся в проем в заборе и застрял в нем плечами. А через мгновение из-за забора донесся леденящий душу рык невиданного чудовища, и кусты накрыла туча.

Затравленно заскулили собаки. Испуганно попятились назад стражники. Агриппина, уже занесшая руку над кустами, так и замерла на месте.

– Что это? – испуганно заголосили бабы из прислуги, державшиеся поодаль.

– Не стой столбом, сделай же что-нибудь! – выкрикнул властный мужской голос, и, прильнув к кусту, я увидела видного бородатого мужчину в алом кафтане, с золотым обручем на голове. Запахло паленым.

В следующий миг меня рывком дернули назад, и я очутилась по ту сторону ограждения. А в деревянной стене прямо передо мной тлела обугленная по краям дыра, доходящая до самой земли.

– Бежим! – шепнул Ив. – Это задержит их, но ненадолго.

Выбравшись из кустов, я невольно подняла голову: над забором, на котором не было ни одного стражника, висело большое черное облако, очертаниями напоминавшее лазерную проекцию Кинг-Конга, благодаря которой Ив с друзьями спасли меня из замка вессалийского волшебника Ван Бола. А окрестности сотрясал рык чудовища – это Варфоломей, просунув голову в дыру в заборе, не уставал разевать пасть, наводя ужас на обитателей терема. И от его многократно усиленного магией рева даже мне хотелось бежать за тридевять земель и забиться в самую глубокую нору.

– Бегите! – обернулся он. – Я еще немножко покуражусь. Встретимся в лесу у ступы.

Наших помощников уже и след простыл. Впереди мелькали белый платок Агаши и

серая рубаха Степки, под ногами валялись брошенные лопаты. Хорошо хоть с оплатой пряниками разбираться не придется. Я обязательно отблагодарю Агашу, когда представится возможность. А пока – стремительно несущаяся земля под лаптями, ветер в лицо и рука Ива, крепко сжимающая мою. Свободны!

– Родненькие мои! – заголосила избушка, когда наша ступа приземлилась у крылечка. – Живые, невредимые! Ох, соколик мой, – вскрикнула она, когда из ступы спрыгнул Ив, – досталось тебе, горемычному! Но ничего-ничего, Василисушка тебя вылечит, краше прежнего станешь. А где же... – избушка осеклась, глядя в пустую ступу, – где же она сама?

– Не привезли мы хозяйку, – повесив голову, сообщил Варфоломей. – Не получилось на этот раз.

Избушка расстроено замахала ставенками.

– Ну будет, будет. – Кот ободряюще потерся о крылечко. – Вернем мы нашу Василису.

– Непременно вернем! – поддержал его Ив.

– А пока пойдемте думать, как это сделать, – сказала я, избегая по ступенькам.

– Охраняют терем и днем и ночью, – начал свой рассказ Ив, после того как мы с котом разожгли печь и поставили греться котелок с водой. – Пробраться туда нет никакой возможности.

– Кроме известной нам дыры в заборе, – вставила я.

– Которой уже нет, – продолжил кот. – Поди, уже давно залатали забор и подкоп засыпали. Да еще пуще охрану усилили, чтобы ни одна мышь не прошмыгнула.

– Итак, пробраться туда нет никакой возможности, – повторил Ив, прерывая нас.

– И поэтому ты устроился в стражу! – переключилась на него я.

– А что мне оставалось? – Он пожал плечами и невольно поморщился: сквозь разорванную рубаху виднелась рана на плече. – Магия за оградой не действует. А так я хотя бы получил доступ к терему и мог надеяться, что удастся сбежать с Василисой.

Я поднялась с места, подошла к печи и, не дожидаясь, пока вода закипит, зачерпнула в кружку теплой воды. Затем смочила ею чистое полотенце, которое приготовил кот, и вернулась к Иву, чтобы обтереть раны, полученные в драке со стражниками.

– Глупая затея! – буркнул кот. – Надо было хотя бы с нами посоветоваться!

– На советы не было времени, – возразил Ив, снимая по моей просьбе рубаху, – свадьбу уже назначили.

Я едва удержалась от вскрика: спину рыцаря пересекали свежие белые шрамы, как от каленого железа. Бедняга, что с ним там делали?

– А в темнице сидеть, значит, время есть? – ворчливо заметил кот, отводя глаза от запекшейся крови на груди и плечах Ива. – Вместо того чтобы Василису вызволить, тебя спасти пришлось.

– Варфоломей! – прикрикнула я, осторожно прикладывая ткань к израненной коже рыцаря. Ив еще слишком измотан, чтобы вылечить себя. Да и немало сил ушло на то, чтобы вытащить нас из терема. Ему бы отлежаться пару дней. Но сейчас для нас это непозволительная роскошь. Свадьба Василисы через два дня. А, учитывая наш побег, ее могут перенести и на более ранний срок. Надо выручать чародейку немедленно.

– Ладно-ладно, не прав, признаю.

– Я же как лучше хотел, – заметил Ив.

– А получилось, как всегда, – брякнул вредный кот.

– Варфоломей!

– Ладно-ладно, молчу. Что Василиса-то говорит?

– Во время ночного дозора я пробрался к ней в горницу, коротко поведал, что к чему. Она сначала не поверила мне, но как про тебя услышала, так разом в путь засобиравшись.

– Так она меня помнит? – подпрыгнул Варфоломей.

– Помнила, пока ее Агриппина не околдовала, – ответила за Ива я.

– А дальше что было? – поторопил рыцаря кот.

– А дальше только мы во двор вышли, как меня стража скрутила, а Василису увели. Я уже потом узнал, что на ее горницу особые охранные чары наложены и, как только Василиса ночью горницу покинет, тут же Агриппине станет известно. Она и стражу подняла.

– А днем? – спросила я. – Ведь Василиса свободно гуляет по терему.

– А днем чары действуют так, что Агриппина узнает о побеге Василисы, как только та подойдет к воротам.

– И успеет ее остановить, – нахмурился кот.

– И тут она пойдет на все, – заметила я, – потому что знает: стоит Василисе ступить за ворота, как та одолеет ее без особого труда.

– Вот бы убедить Агриппину снять чары! – размечтался кот.

– И лишиться своего единственного преимущества? – покачал головой Ив. – Никогда.

– Тогда придется брать терем штурмом, – насупился Варфоломей.

– Отличная идея! – оценила я. – Только штурмовиков-то где возьмем? Что-то я не вижу ни армии союзников, ни вывески «Охранное агентство «33 богатыря».

– Да уж, рассчитывать придется только на себя, – признал кот. – Если только...

– Если только что? – ухватила за фразу я.

– Если только Горыныча позвать. – Кот почесал за ухом и тряхнул головой. – Нет, ничего не выйдет. Забудь!

Комфортабельные апартаменты Змея Горыныча были надежно укрыты от непрошенных гостей в пещерах Скалистых гор. Огороженные дремучим лесом и непроходимыми болотами, горы обеспечивали своему жильцу безопасность, уединение и роскошный вид с вершины, где Горыныч привык любоваться закатом. Зная об этой его привычке от Варфоломея, я отправилась в путь ближе к вечеру. Хорошенько загримировавшись под Бабу-ягу, взгромоздилась в ступу, махнула метлой и...

– Ну ты, бабка, гонишь! – с восхищением воскликнула одна голова.

– Поспешешь – людей насмешишь, – укоризненно изрекла вторая.

– Летит Яга, шатается, вздыхает на ходу: «Ой, топливо кончается, сейчас я упаду», – с ехидством изрекла третья.

– Вечор добрый, Змеюшка, – прохрипела я, вываливаясь из ступы.

– Здорово, старая! – радостно приветствовала первая голова.

– А добрый ли? – засомневалась вторая.

– Явилась к нам Баба-яга, на помине легка, – коряво продекламировала третья.

– Вспоминали меня? – насторожилась я. – По какому случаю?

– Да вот, схавали мы нынче одного костлявого хмыря, – облизнулась первая голова.

– Говори за себя! – возмутилась вторая. – Я ем одну лишь травку.

Я ошарашенно взглянула на среднюю голову-вегетарианку и опустила глаза на раздувшееся пузо Змея Горыныча. Однако! Интересно, как сочетаются ее вкусовые предпочтения с одним на троих желудком?

– Травка зеленеет, солнышко садится, не мычит корова, не поет синица, – с вдохновенным видом изрекла поэтически настроенная третья голова.

– А хмырь-то нам много чего набрехать успел, – развязно продолжала первая. – Все талдычил, что Баба-яга сбрендил. Царевичей живьем обглаживает, а головы ихние на колышки вокруг хаты вешает. Лутонюшку на днях в печи испекла да отужинала.

«Уж не Сидором ли поужинал Змей?» – обмерла я, но не успела ничего спросить, как голова мне попеняла:

– Что ж ты,яхонтовая моя, не позвала-то, не угостила?

– Всех звать, так Лутонюшек не напасешься, – сердито вырвалось у меня.

Первая голова оглушительно расхохоталась, вторая осуждающе покосилась, третья окончательно ушла в себя и с мечтательным видом шевелила губами, вероятно, сочиняя новый стих.

– Ох и пройдоха ты, бабка, – заметила первая голова.
– Хочешь жить – умей вертеться, – глубокомысленно изрекла вторая.
– Кручу, кручу, кручу, крылами кручу, – вдохновенно провыла третья, – с горы, с горы, с горы, как птица, лечу...

– Тсс! – хором оборвали ее другие головы и вытянули шеи на запад. Там ослепительным оранжевым шаром спускалось за горизонт солнце.

На несколько минут на горе воцарилась тишина, и только когда солнце окончательно исчезло из поля зрения, Змей Горыныч снова ожил.

– А ты чего прикатила-то? По делу или соскучилась?

– Базар есть, – рявкнула я.

Первая голова с уважением глянула на меня.

– Базар – благородное дело.

– Не дело это – гостей дорогих у порога держать, – вмешалась вторая голова.

– Правда твоя, – согласилась первая. И Горыныч, кряхтя на три голоса, поднялся и шагнул к входу в пещеру. – Пошли, что ли?

Уговаривать меня было не нужно, я с любопытством нырнула в проем между скал и попала в пещеру Али-Бабы.

Жилище Горыныча напомнило мне подводную пещеру знакомой атлантики Герти – те же блеск и роскошь самоцветов. Только если в пещере Герти сокровища золотым ковром стелились по полу, то жилище Горыныча было утыкано драгоценностями от пола до потолка. В прямом смысле.

На высоком, метров в пять, потолке рассыпались неведомые мне созвездия из самоцветов, каждый из которых был размером с кулак. Стены переливались драгоценными узорами: каждая щель в скале служила оправой для красивого камушка или золотого колечка. А на полу вдоль стен громоздились золотые горы. Подойдя к ближайшей из них, среди золотых монет, янтарных ожерелий и серебряных колец я с удивлением обнаружила чугунный котелок, обломок лопаты и колесо от телеги.

Стараясь не выдать восхищения от вида несметных богатств (Горыныч мог бы считаться первым олигархом в Лукоморье), я ухватила за колесо и, выудив его из груды золота, покачала головой:

– Непорядок какой! Живешь, как на свалке. Разве ж это дело?

– Ты по делу пришла, – насупилась первая голова, – вот и дело рассказывай. А как мне тут жить, сами разберемся.

– Мы сами с усами, – поддержала братца вторая.

Третья тем временем с мечтательным видом разглядывала «звезды» на потолке и вдохновенно бубнила под нос:

– Не имей сто рублей, а имей сто янтарей.

– Девицу бы тебе, – закинула удочку я. – Она бы уж тебя обиходила, порядок в пещере навела.

– Э нет, золотая моя! Не надо мне чужих порядков, – напрягся Горыныч всеми тремя головами.

– Была тут одна, Марфуша, – первая голова выругалась, – коза порядочная.

– Мы свой портрет камнями самоцветными на полу тридцать лет и три года выкладывали, – поделилась вторая. – Дело за малым оставалось – добыть изумрудов для глаз и золотишка на хвост.

– А эта коза что натворила? – вскипятилась первая. – Мы отлучились-то всего на день из пещеры.

– Возвращаемся, – печально вздохнула вторая, – пол пустой, по углам кучи драгоценностей по цветам разложены: там рубины, там сапфиры, там яшма, там золото, там серебро.

Первая голова с ожесточением сплюнула:

– Все труды насмарку! Я от горя аж остолбенел. А Марфуша эта лыбится: «Не ожидал,

Змей Горыныч? Весь день спину не разгибала, порядок наводила». Ну что с такой козой делать?!

– Ты ее съел? – жалостливо сглотнула я.

– Да она бы мне поперек горла стала! – сплюнули все три головы. – К счастью, в тот же вечер жених ее прикатил да стал звать на смертный бой.

– Я к нему невесту и выпроводил, – ухмыльнулась первая голова, – пусть сам с этой козой мается.

– А он что?

– Кажись, перетрухал, – хохотнула она. – Небось надеялся, что быстрая смерть избавит его от тягостной семейной жизни.

– Нет, баба в пещере – к беде, – поддержала вторая голова.

План уговорить Змея Горыныча похитить царевну трещал на глазах. Как пояснил Варфоломей, помогать Яге или кому бы то ни было Змей не станет. Единственное, что остается, – уговорить его похитить царевну ради собственной выгоды. Горыныч устроит в тереме переполох, отвлечет на себя внимание стражников и Агриппины, а мы под шумок выведем Василису. А если Горыныч умыкнет ее раньше, все равно вызволить царевну из его лап будет куда проще, чем из охраняемого, неуязвимого для чар, терема.

– Это смотря какая баба, – не стала сдаваться я. – Одно дело – Марфуша-клуша, а совсем другое – царевна!

– И не уговаривай! – замахал всеми тремя головами Змей. – С царевнами не желаю дела иметь!

– А что, – заинтересовалась я, – было дело?

– Было, – нехотя ответил Змей. – Несварением закончилось.

Я поперхнулась следующим аргументом в пользу похищения.

– Ты ее съел?

– А что ж мне надо было с ней – в бирюльки играть?! – поразились первая голова.

– А это мысль! – встрепенулась вторая. – Почему мы с ней прежде не поиграли?

– Съесть-то всегда можно! – поддакнула третья. – А сперва я бы ей стихи почитал...

– Никаких съесть! – перебила их я. – Царевна вам не корова, царевна – это... Это друг на всю жизнь!

Три головы скептически уставились на меня.

– Хватило нам Марфуши на нашем веку, – проворчала первая.

– Да ты послушай только! – уговаривала я. – Среди женщин тоже есть булыжники и самоцветы. Ты вон, гляжу, себя только золотом да драгоценностями окружил, и подруга тебе нужна такая же. Марфуша – это что? Это булыжник, а царевна – алмаз ограненный, сокровище несметное, драгоценность редкая. Такой девице на земле и не место, ей только в твоей пещере жить да пуще солнца сиять. Уж поверь мне, царевна станет достойным украшением твоей коллекции.

– Так, поди, на драгоценность эту, – Змей почесал пузо, – желающих полным-полно? Это ж они мне потом покоя не дадут. Будут каждый день ходить да копьями трясти!

– Ни к чему это, – заволновалась вторая голова.

– И вечный бой – покой нам только снится! – философски продекламировала третья.

– Сокровища охранять получается – и царевну как-нибудь сохранишь! – успокоила я.

– Разве что, – Горыныч почесал первую голову, – в гроб хрустальный ее занывать?

– Это еще зачем? – опешила я.

– Богато! – высунулась вторая голова. – Я слышал, в лучших домах Европы так делают! Этот рассказывал... шарльпей!

– Какой шарпей? – поразились я.

– Да не шарпей, а Шарль Перль! – поправила третья.

– Шарль Перро, что ли? – вконец опешила я.

– Вот-вот, – закивали все три головы. – Он самый!

– А его-то сюда каким ветром занесло?

– Каким-каким! Вестимо, волшебным! Колдунья его заколдовала и за тридевять земель забросила, за то что он ее в сказке Белоснежкой выставил.

– Белоснежкой? – Я уже ничего не понимала.

– А ты как думала? – вздохнули головы. – Репутация! Вот кабы меня кто добрым змеем в сказке описал, я бы такого умника сразу слопал. Вместе с его лживой берестою.

– А не подавился бы?

– Это правда поперек горла встанет, – рассудительно ответила вторая голова, – а ложь сглотну и не почувствую.

– Так как насчет царевны-то?

– Да-да, – первая голова мечтательно закатила глаза, – гроб хрустальный справим, а там можно и царевну воровать!

– Так царевна-то живая! – попыталась воззвать я к коллективному разуму.

– А зачем нам живая? – поразила первая голова.

– Не, – поддержала его вторая, – нам живая не нужна. От живой одни неприятности. Будет языком мести с утра до вечера. И сокровища наши все перевероршит, все на себя перемерит.

– А девушке в семнадцать лет какая цацка не пристанет! – вдохновенно выдала третья.

– Так пристанет, что потом своего недосчитаешься, – осадил его первая. – Сам вспомни, сколько после Марфуши золота с камнями пропало. Мой любимый янтарный гарнитурчик увела, подлая душа!

– И мой серебряный кубок с русалками! – загоревала вторая.

– И колечко с бирюзой, глядя на которое я целую поэму написал, – взгрустнула третья. – Вы только послушайте!..

– Потом! – рявкнули две другие головы.

– Царевне вашего добра не надо, – вернула я их к теме обсуждения, – она на богатства с детства нагляделась.

Змей так и подпрыгнул, стукнувшись головами о потолок, так что два самоцвета на пол упали.

– Это где ж она такие сокровища видывала? – ревниво спросила первая голова.

– Да эти сокровища еще наши бабушка с дедушкой собирать начинали, – потирая шишку, заметила не менее уязвленная вторая голова.

– Ни у одного царя таких богатств нету, – поддакнула третья голова, от изумления даже потерявшая способность к стихосложению.

– А вы у царя в сокровищнице бывали? – закинула удочку я.

– Чего мы там не видели! – сердито ответила первая.

– Что там этой сокровищницы-то, – поддержала вторая.

– Сундук да ларец! – заключила третья.

– Поди, царские-то сокровища тоже не одно поколение царей собирало, – вскользь заметила я. – Кто знает, сколько там всего накопилось!

– Вот бы поглядеть бы, – заинтересовалась первая голова.

– Хоть одним глазком! – поддакнула вторая.

– Под небом голубым есть город золотой... – мечтательно зажмурилась третья.

– Да только кто ж нас туда пустит, – нахмурилась первая. – Забыли, что ли, как наемднии мимо пролетали и как людишки в нас стрелять стали?

– Неспроста царь свои сокровища так охраняет, – подзуживала я, – значит, есть что терять.

– Не доберемся мы до них, – насупилась первая голова. – Стражники нас раньше в решето превратят, чем мы вход в сокровищницу сыщем.

– Доберетесь, – пообещала я, – если правильный ключ подберете.

– Это какой же, агатовая ты моя? – заинтересованно уставилась на меня первая голова.

– А я вам про что тут битый час толкую? Царевна – вот ключ к сокровищам! Похитите ее, привезете в пещеру, потомите царя с царицей денек-другой, так они все сокровища без

разговоров отдадут, лишь бы дочку вернуть.

– Бабка дело говорит, – молвила вторая голова, обращаясь к другим.

– А что, – кивнула третья, – может, что и выгорит!

– Заметано! – решила за всех первая. – Завтра с утречка и полетим.

– Э нет, рубиновый ты мой! – возразила я. – Завтра можешь и опоздать. Не ровен час, царевну замуж выдадут, а там уж ищи ветра в поле.

– Это чего же, – крикнула первая, – на ночь глядя лететь? Ты, золотая моя, головой-то подумай!

– А когда же? – рывкнула я. – Чай, в ночи тебя в небе не видно, бриллиантовый ты мой. А поутру не успеешь на версту к терему подлететь, как вся стража наготове будет.

– И то верно, – закивала вторая голова. – Ночью-то и стражи меньше, а какая есть – ту врасплох застанем!

– Так ведь и царевна, поди, ночью по двору не шляется? – заколебалась первая. – Как ее из опочивальни умыкнем?

– Ты, мой аметистовый, и так своим появлением переполоху наделаешь, – заметила я, – весь народ из терема на двор вывалит. А там уж смекнешь, кто из девиц царевна.

– Конечно, смекну! – кивнула третья голова. – У нее ж во лбу звезда горит! Что ж я, сказок не знаю?

Разочаровывать Змея я не стала – себе дорожке выйдет.

– Ну давай, – я подтолкнула Горыныча к выходу из пещеры, – сапфировый ты мой, не теряй времени.

Змей вылез из пещеры, подошел к обрыву и обернулся:

– А дело-то у тебя ко мне какое?

– Царевну привезешь, поговорим! Я туточки буду.

Когда Змей растворился в сумерках, я запрыгнула в ступу и спланировала к подножию горы, где меня дожидались Ив с котом. Изрядно потеснившись, мы погрузились в ступу и рванули следом за Горынычем. Как говорится, на Змея надейся, а сам не плошай!

Посеребренный луной Златоград мирно спал, когда тени от крыльев Горыныча накрыли окраину. Как я ни махала помелом, мы сильно отставали. Ступа, задуманная для перевозки одной сухонькой старушки, не справлялась с двойной нагрузкой и едва двигалась, задевая макушки деревьев. Эдакими темпами мы успеем только к концу представления и увидим хвост Горыныча, уносящего царевну к себе в пещеру!

Кое-как дотянув до городской стены, мы перемахнули за ограду, и я направила ступу вниз. Спешно замаскировав ее на задворках какого-то трактира, мы бегом припустили к терему, пугая зазевавшихся бездомных кошек. Так-то быстрее будет!

К нашему прибытию из-за ограды терема уже доносились встревоженные крики, мелькали огни, и пахло паленым: Горыныч уже приземлился на дворе.

– Быстрее!

Ворота неприступной прежде крепости были распахнуты настежь, и из них валом валил народ: простоволосые бабы с детьми на руках, мужики в исподнем и даже некоторые особо впечатлительные и не слишком доблестные стражники при полном обмундировании.

Но попасть внутрь оказалось непросто. Голосащая, перепуганная насмерть толпа царской прислуги сразу же размела нас в разные стороны, закружила, понесла за собой, унося прочь от ворот. Через несколько минут ожесточенного сопротивления мне все же удалось вырваться из обезумевшего людского варева и вбежать на двор, где среди объятых пламенем построек носились ошалевшие от ночного вторжения стражники.

В такой сутолоке даже скрываться не стоило, и я заметалась вдоль построек, в надежде отыскать Ива или Варфоломея. А во дворе тем временем развернулись настоящие драконовские войны: Горыныч, крутясь на месте, плевался огнем направо и налево, крушил мощным хвостом деревянные столбы и стены и требовал выдать царевну. Замешкавшись на мгновение, я чуть не превратилась в головешку. Крыша навеса, у которого я стояла, занялась

пламенем и стала с треском заваливаться вниз.

– Сюда! – Ив рывком выдернул меня из-под опасной балки. Мгновением позже на то место, где я стояла, с грохотом обрушились горящие бревна.

– Где Варфоломей? – прокричала я.

– Он ищет Василису в тереме.

– А мы почему еще не там? – Я решительно развернулась к крыльцу, но Ив больно стиснул плечо, не дав мне двинуться с места.

– Потому что *она* там!

Проследив за его взглядом, я замерла. На балконе царского терема металась, ругаясь, как сапожник, Агриппина: чары ее с такого расстояния на Горыныча не действовали, а спуститься вниз она не решалась.

– Да она нас даже не заметит! – рванулась я.

– Ты не знаешь, на что она способна, – удержал меня Ив.

Я вспомнила белые шрамы на его спине и закусил губу.

– Но не можем же мы просто ждать, что Василиса спустится!

– Смотри!

На балконе появился растрепанный царь, что-то свирепо закричал Агриппине, та что-то зло возразила, вызвав еще больший гнев царя. Потом махнула рукой и выбежала с балкона.

– Она спускается, – шепнул Ив, увлекая меня к крыльцу.

Мы пригнулись, и мгновение спустя мимо нас протопали шаги взбешенной Агриппины, направлявшейся в гущу событий.

– Быстрей, – шепнул Ив, взбегая на крыльцо, – нельзя терять ни минуты.

Нам под ноги метнулся Варфоломей:

– За мной, я покажу дорогу.

Со двора донесся властный голос Агриппины:

– Ты и ты – живо к покоям царевны Василисы!

Оглянувшись, мы увидели двух крепких стражников, спешивших в терем.

– Я задержу. – Ив подтолкнул меня к лестнице. – Быстрей же.

Когда я взлетела на второй этаж, в спину мне донеслись грохот металла и мужские крики. Рыцарь, только уцелей!

Из дыма, который потихоньку наполнял терем, выступили двое стражников. Их скрещенные крест-накрест алебарды, как в мультфильме, перегораживали вход в горницу Василисы.

– Быстрее! – крикнула я. – Ребята не справляются. Царь приказал всем спускаться вниз.

– А как же царевна? – На одинаковых веснушчатых лицах отразилось сомнение.

– Живо! – рявкнула я. – А не то царь вам головы с плеч снимет! Сейчас главное – Змея остановить! Всем, кто отличится в сражении, царь только что по сундуку золота обещал.

Последний аргумент стал решающим. Вздернув алебарды, стражи поспешили вниз. А я только сейчас поняла, что натворила. Там же безоружный Ив против двоих воинов. А я направила к нему еще двоих!

– Я помогу, – среагировал Варфоломей и с разбега прыгнул в спину стражникам, ступившим на лестницу. Наконец-то ему представилась возможность продемонстрировать свою богатырскую силу в деле и сбить с ног двух крепких молодцев. Не удержав равновесия, те покатались вниз, считая лбом и алебардами ступени.

Что ж, силы примерно равны. Один кот двух богатырей стоит, и бок о бок с Ивом будет сражаться достойный напарник. Надеюсь, Ив успеет поймать алебарду, выроненную стражем, и вооружиться.

А мне пора уводить Василису. Я распахнула двери горницы и уткнулась грудью в острие кинжала.

– А ты еще кто? – В серых глазах девушки плескался страх, тоненький голос дрожал от напряжения, даже веснушки и те побледнели.

– Я? Баба-яга, – ухмыльнулась я, вспомнив о своем маскараде. – А ты?

– Ду... Дуняша, – пролепетала близкая к обмороку служанка.

– Шла бы ты отсюда, Дуняша! – не сводя глаз с приставленного к груди кинжала, душевно посоветовала я.

И тут нервы служанки окончательно сдали. Дрожа ходуном в руках хозяйки, кинжал разрезал ткань маскарадного сарафана Яги и вспорол пук соломы, который Варфоломеем уговорил подложить в платье, чтобы глазастый Горыныч не заподозрил подмены. Мол, бюст у Яги был попышнее, чем мой. Тогда я ругалась и отнекивалась, сейчас была благодарна коту за то, что осталась жива.

Девушка испуганно вскрикнула и выронила кинжал.

– Так-то лучше. – Носком лаптя я отшвырнула кинжал к противоположной стене. – А теперь – извини.

Я схватила кувшин, стоящий на табуретке у входа, и разбила его о голову служанки.

Василиса ничего не выражающим взглядом проследила за упавшей служанкой.

– А теперь – пошли! – Я схватила ее за руку и вытащила за дверь.

– И далеко собрались? – вкрадчивый голос ножом царапнул по сердцу.

Из дыма, который еще больше окутал этаж, выступил смуглый мужчина. Гибкий, сильный, опасный, вытянувшийся струной, словно хищник перед прыжком. Из сузившихся от злости глаз разве что искры не сыпались, а в черной шапочке кудрей, казалось, вот-вот мелькнут острые рожки и проткнут слишком низкий для мужчины потолок.

– Чернослав, – с неуместной нежностью промычала за моим плечом Василиса.

– Не тревожься, моя драгоценная невеста, я никому не позволю разлучить нас, – с мрачной ухмылкой пообещал он, прожигая меня взглядом угольно-черных глаз. – Даже этой старой кошелке.

Надо же, и этот купился! Хорошо же кот меня под Ягу загримировал. К тому же клубы дыма на пользу моему маскараду.

– Вот и свиделись, бабушка, – от вкрадчивого голоса Чернослава мне сделалось не по себе. Точно с такой же интонацией приветствовала меня моя сестра-близняшка, Селена, когда мы встретились лицом к лицу в смертельном магическом поединке.

– Век бы тебя не видеть, внучок, – проскрипела я, глядя в искаженное злобой лицо. Чернослав был похож на свирепого тролля, и, вспоминая рассказы кота, я недоумевала, как можно считать жениха Василисы красавцем.

– Так я уж надеялся, что и не свидимся, – проникновенно ответил он. – Не думал, что ты окажешься такой живучей.

– Подольше тебя на свете живу, касатик, и еще столько же проживу.

– Ох, не зарекайся, бабуся, не зарекайся. – Чернослав прицокнул языком. – Али не помнишь, чем наша предпоследняя встреча закончилась?

В его словах прозвучала отчетливая угроза, и я насторожилась.

– Когда ж это было? Запомняла, внучок, сколько лет, сколько зим.

– Три года, три зимы.

У меня пересохло в горле. Неужели это он настоящую Ягу до могилы довел?

Рука Василисы, которая все это время безвольно лежала в моей, вдруг крепко стиснула ладонь. Я бросила взгляд через плечо, но лицо царевны оставалось бесстрастным, и по нему по-прежнему блуждала бессмысленная улыбка.

Я в задумчивости пожевала губами.

– Кто старое помянет, тому глаз вон. Ты мне лучше про новые свои подвиги расскажи. Это ты, поганец, меня на все царство позоришь, людоедкойставляешь? Это ты леса с реками погубить вздумал?

В голове крутились обрывки мыслей, которые я никак не могла собрать воедино. Жизненная сила леса и рек, слухи о зверствах Яги, разбойники на дорогах, женитьба на Василисе – все эти способы Чернослав использовал для своей цели. Но что это за цель, я никак не могла понять.

– А что мне оставалось, бабушка, коли ты со мной своим могуществом делиться не

захотела? – Чернослав по-кошачьи сузил глаза. – Ни по-хорошему, ни по-плохому? Да только ведь все равно пришлось. Пришлось, а, бабуля? – Он издевательски расхохотался. – Ведь пришлось? И теперь придется.

Я покачала головой.

– Ох и дурной ты, Чернослав! Никогда по-твоему не бывать. Уйди лучше подброду с дороги.

Чернослав разразился очередным взрывом хохота:

– Да кто ж меня остановит, бабуся, *теперь*?

И от этой его уверенности в собственных силах у меня в горле встал ком дыма. Вспомнилось, как вспыхнула огнем волшебная береста в доме Любавы, как запылала изба, превратившись в один миг в огненную темницу для нас, и я чуть не застонала от озарившей меня мысли. Стихия Чернослава – огонь, разрушение. Как и стихия Селены. В охваченном огнем тереме сила Чернослава должна быть превыше запретных чар, должна быть... неограниченной.

Стоящий в клубах дыма мужчина усмехнулся и встряхнул сжатую в кулак ладонь, демонстрируя шар огня, не причиняющий ему вреда.

– Еще вопросы?

– Зачем тебе Василиса?

– Я ее люблю, – сардонически ухмыльнулся он.

От сознания собственной силы Чернослав расслабился, его лицо разгладилось, и сейчас его можно было бы даже назвать красивым.

– А если по правде?

– А если по правде, то затем же, зачем и ты.

– Сила, – прошептала я.

– Смотри-ка, а ты еще не совсем умом тронулась, как кумушки рассказывают, – издевательски протянул Чернослав, и его красивые черты снова исказились, сложившись в демоническую маску. – Не удалось взять у тебя, возьму у нее.

Я стиснула зубы, чтобы не застонать. Вот почему погибла Яга – Чернослав каким-то образом выпил из нее магию вместе с жизненными силами. И Василиса после подобного не выживет. Я невольно сжала ладонь царевны, тряхнула ее, в надежде пробудить от чар. Тщетно. На лице Василисы застыла покорная и ласковая улыбка. Разожму ладонь – и она сама кинется к жениху на шею, навстречу гибели.

– Не тронь ее, – прошептала я. – Она молодая, ей еще жить. Я согласна отдать тебе то, что ты хочешь.

Может быть, это хотя бы немного его задержит. А к тому времени, как Чернослав поймет, что во мне нет ни капли магии, может, ему на голову брякнется горящая балка, и все разрешится само собой.

Смех Чернослава громом пронесся по коридору.

– Поздно, бабуся, ты мне уже не нужна.

И, подбросив на ладони огненный шар, Чернослав метнул его мне в лицо.

Лицо опалило жаром, я отшатнулась и выставила руки, пытаюсь защититься.

Спустя мгновение резкая боль пронзила плечо, и надо мной нависло темное, как ночь, лицо.

– Однако, – медленно произнес Чернослав, впившись в меня угольно-черными глазами. – Ты кто такая?

Судя по его изумленному взгляду, мой грим слизало языком пламени от магического шара. И, что еще хуже, во взгляде Чернослава бушевало торжество.

– Внучка Яги, – прошипела я, пытаюсь выволить плечо из его хватки.

– Сестричка моя, значит? – недоверчиво хмыкнул он. – А я думал, у старухи больше родни нет.

«А ведь Чернослав действительно был внуком Яги», – с дрожью поняла я. Поэтому и остался жив, несмотря на свою черную душу и злодейские помыслы. Баба-яга его пожалела.

А он ее – нет.

– Такую родню, как ты, и врагу не пожелаешь, – выдавила я.

– А вот ты можешь стать мне достойной супругой, – ухмыльнулся Чернослав.

– Что? – охнула я.

– Не прикидывайся дурочкой, – прошипел Чернослав, встряхивая меня за плечо. – Я не слепой. В тереме, запечатанном от любых чужих чар, ты умудрилась отбить мой удар.

– Я ничего не... – пискнула я.

– Каковы же твои истинные силы, голубушка? – Горячее дыхание Чернослава ожогом легло на кожу. – И где ты только раньше была, когда я выслеживал эту немощную курицу? – Он кивнул на стоящую столбом Василису.

– Теперь ты ее отпустишь? – выдохнула я.

– Да на что она мне теперь! – презрительно фыркнул Чернослав. – Она даже не смогла превозмочь покорных чар Агриппины. Я просчитался в силе царицы. А вот ты дашь мне то, о чем я даже не мог мечтать...

– И не мечтай! – прозвенел полный негодования девичий голос.

Чернослав внезапно булькнул, а в меня брызнуло водой. Рука, сжимающая плечо, ослабла, и, не удержавшись, я упала на пол. Рядом со мной повалился Чернослав. На его черных кудрях, как шапка, лежал круглый осколок кувшина с ручкой.

Надо мной склонилась Дуняша. Надо же, а я все время ждала помощи от Ива. Где же он там?

– Цела?

– Вроде бы.

– Бери царицу, и бежим, – скомандовала служанка. Мы подхватили замершую изваянием Василису под обе руки и, перепрыгнув через Чернослава, помчались к лестнице. Навстречу нам загрохотали шаги. Только не Агриппина!

Под ноги метнулась черная тень. Варфоломей!

Следом показался Ив.

– Быстрее! – крикнул он. – Горыныч только что улетел, стража тушит пожар, а Агриппина вот-вот заметит, что царицы нет в светлице, и вернется.

Мы кубарем скатились по лестнице, подножие которой уже глодали языки пламени. Двор был объят огнем, еще немного – и пожар охватит весь терем.

– Прячьтесь! – кинулся нам в ноги кот. – Сюда идет Агриппина.

В дыму мелькнул белый балахон поднятой со сна чародейки.

Мы шарахнулись в сторону. Треск огня и дым, заполнивший помещение, послужили хорошим укрытием. Агриппина нас не заметила. Но и самоубийцей она не была, поэтому, оказавшись в задымленном тереме, остановилась и задрала голову, пытаясь разглядеть хоть что-то наверху лестницы в клубах дыма. Справа от нее затрещала пожираемая пламенем колонна, и Агриппина отпрыгнула в сторону, остановившись в шаге от нас. Еще движение, шаг, взгляд – и мы будем раскрыты. И, сдается мне, лучше сгореть в пламени, чем попасть в руки взбешенной колдуньи.

Сердце забилось в предчувствии беды, краем глаза я заметила движение, но уже не успела помешать. Ив в прыжке сбил Агриппину с ног и покатился с ней по полу вдоль горящих стен.

– Бежим! – взвизгнула Дуняша и потащила царицу к выходу и меня вместе с нею.

– Выводи ее! – крикнула я, разжимая руку, державшую Василису за локоть. – Выведи ее за ворота, и тогда все спасены, слышишь?

Дуняша быстро кивнула, но в ее глазах плескался такой ужас, что я не была уверена, правильно ли она меня поняла. Василиса, уводимая служанкой, исчезла на крыльце, а я ринулась в огонь и дым – туда, где катались, сцепившись не на жизнь, а на смерть, разъяренная колдунья и лишенный магии рыцарь.

Шансов выжить в этой схватке у него не было. И он должен был понимать это, когда кинулся на колдунью, чтобы дать нам спастись. Пламя отскакивало от Агриппины, но с

жадностью набрасывалось на Ива. На рыцаре уже тлела одежда, волосы с одной стороны обгорели, но руки, вздувшиеся волдырями, сжимали шею колдуньи, стремясь вытрясти из нее дух. Агриппина шипела, но не сдавалась. Огонь был и ее стихией тоже. Она повелевала пламенем, она заставляла его голодным зверем набрасываться на своего противника, и победа в этой схватке была за ней.

Если бы только в схватке участвовали двое.

Я бросилась вперед, отшвырнув колдунью от Ива, и зашипела от боли. Разделившись на две части, пламя набросилось на меня, но и Ива не оставило, взяв в огненное кольцо.

Не размыкая рук, на которых лопались волдыри, я вдавливала Агриппину в пол.

– Ты сгоришь заживо раньше, чем остановишь меня! – Она зловеще скалилась мне в лицо.

– Зато ты будешь гореть в аду веки вечные, а я буду каждый день заказывать экскурсии из рая, чтобы полюбоваться на это, – прорычала я.

Вряд ли колдунья поняла смысл моих слов, но в ответ на угрожающий тон она злорадно ухмыльнулась, и к моей спине будто приложили раскаленный утюг. Со стоном я скатилась с нее, пытаюсь сбить пламя. Через огонь ко мне протянулась обожженная рука. Ив!

Рыцарь вытащил меня из лужи огня и закрыл спиной. Огненное чудовище, управляемое Агриппиной, слизнуло полкосы, и волосы неровными обрубками упали на лицо, закрыв глаза. Замешкавшись, я пропустила тот момент, когда Ив налетел на Агриппину, увлекая ее к стене, над которой, пожираемая пламенем, надрывно трещала дубовая балка.

– Ив!!!

Я не успела даже протянуть руку, как терем потряс страшный грохот, и мне в лицо пахло адом. Половины терема как не бывало. Огненные звездочки курганом легли на две рухнувшие с потолка балки, похоронившие под собой злую колдунью и прекрасного рыцаря. Того, кого я люблю.

– Ив, – выдохнула я и почувствовала на своих губах пепел...

Огонь, лишившийся контроля Агриппины, словно услышал мой зов, и на меня двинулась огненная стена. Я закрыла глаза. Пусть. Все равно все кончено.

– Яна! – раздался за спиной голос кота. – Яна, беги!

Мое место здесь. Рядом с рыцарем.

– Яна, берегись! – как ошпаренный взвыл кот.

И мне в плечо впились стальные когти. Спасительный огонь был так близко, но Чернославу я была нужна живой. Я безвольно смотрела, как огонь отступает, и позволила тащить себя из терема. Сопrotивляться не было сил.

На крыльце Чернослав ругнулся и с силой швырнул меня через ступени. Упав на землю, я подняла глаза и зажала рот рукой. На моих глазах Дуняша, почувствовавшая погоню, закрыла собой Василису и поймала грудью огненный шар. Дрогнув всем телом и широко размахивая руки, служанка замертво рухнула на землю. Василиса осталась стоять посреди двора, не понимая, что происходит вокруг. До ворот ей оставалось пройти каких-то три шага.

Я обернулась к крыльцу. Чернослав стоял в проеме полыхающего терема и победно усмехался, глядя на меня сверху вниз. На балконе над его головой взывали о помощи царь с царицей, но Чернославу не было до них никакого дела. В его ладони зажегся еще один огненный шар, и я ни на минуту не усомнилась, в кого он его направит. Царевна была ему больше не нужна.

Из-под крыльца сверкнули зеленые глаза Варфоломея.

– Выведи Василису, – шепнула я, зная, что кот не подведет.

Прежде чем Чернослав шевельнул рукой, я вскочила на ноги, взлетела на крыльцо и втолкнула его в горящий терем, падая вслед за ним. А сверху на нас упало пламя.

Часть шестая ТУТ И СКАЗОЧКЕ КОНЕЦ

– Вы смотрите чрезвычайный выпуск «Лукоморских известий», и с вами я, Агаша, прямо с пепелища бывшего царского терема. Вчера вечером терем подвергся нападению Змея Горыныча, который требовал выдать ему царевну. А после того как не получил, чего хотел, так и спалил все вокруг. К счастью, терем к тому времени был почти пуст, но жертв избежать не удалось. При пожаре погибли шесть человек: три стражника, служанка, царская чародейка Агриппина, пытавшая погасить терем, и жених царевны Василисы, Чернослав, ценой своей жизни спасший невесту из огня.

Пока неизвестно, будет ли восстановлен царский терем на том же месте или для этого выберут другое место в Златограде. А пока решается вопрос с жильем, царская семья приняла приглашение от Кощея. Да-да, вы не ослышались! В ближайшее время царь с царицей и царевнами будут проживать в замке Кощея. Поговаривают, что дело идет к свадьбе... Подробности из замка Кощея смотрите в следующем выпуске известий.

Оттарапторив текст, Агаша отложила в сторону простое, купленное на ярмарке зеркальце, обвела взглядом пепелище и драматически вздохнула. Старая привычка! И хоть никто не смотрит на нее по ту сторону зеркальца и Забава не дает о себе знать, прислав волшебное стеклышко взамен разбившегося, так и тянет поделиться добытыми новостями с другими. А новости-то, новости какие! Жаль, что никто ее не слышит, кроме мужиков, разбирающих пожарище.

– Слышь, мелкая, не мешай! – Один из мужиков подвинул ее бревном, и Агаша, развернувшись, зашагала за опаленные пожаром ворота.

Дойдя до места ярмарки, девочка оглядела пустые ряды и еще раз вздохнула. Надежда купить пряник на найденную на пепелище монетку не оправдалась. Какие уж пряники, когда все горожане только и толкуют, что о пожаре в царском тереме. Столько домыслов ходит – страсть! И что Змей Горыныч был в заговоре с Агриппиной, и что во время пожара в тереме видели Бабу-ягу. Вот уж враки! А все потому, что нету волшебного зеркала, чтобы через него народу правду поведать.

– Вот ты где! – оглушил замечтавшуюся Агашу голос Степки. – А я тебя везде ищу.

Агаша потянула носом, вдыхая сладкий аромат пряников, и, обернувшись к приятелю, увидела у него в руках большой холщовый мешок, из которого выглядывало ухо пряничного зайца.

– Это тебе! – Степка сунул ей в руки мешок, и Агаша, не удержав пряничную тяжесть, уронила его на землю.

– Сколько же их тут! – ахнула она, сунув нос в мешок.

– Все твои, – с некоторой завистью ответил Степка и с надеждой добавил: – Но ты ведь поделишься, а?

Агаша протянула ему зайца, а сама выудила из мешка пряничную белку.

– А откуда они? – с жадностью откусив беличий хвост, спросила она.

– Тбеа... брыса... пеедаа, – уплетая за обе щеки зайца, ответил Степка.

Агаша ткнула его в бок.

– Прожуй сперва!

Степашка одним махом заглотил пряник, поперхнулся, закашлялся и просипел:

– Та белобрыса передала. Которая подкоп на царский двор просила сделать.

– Она? – поразились Агаша, доедая пряник. – Так мы ведь ее подвели – не выполнили, что обещали.

Степка пожал плечами и жадным взглядом уставился на мешок у ног, откуда аппетитно выглядывал пряничный мишка.

– Она сказала, что тебя найти не может, – сглотнул мальчик, – и просила «спасибо» передать. И пряники дала. Сказала, что там, на дне, леденцы еще, как договаривались.

– Во дела! – удивилась Агаша, слизывая с ладошки пряничные крошки. – Ну пошли тогда.

Степка с мольбой покосился на мешок, источавший пряничные ароматы, и, сглотнув

слюну, спросил:

– Куда?

– Как куда? – Агаша лукаво усмехнулась. – Пряники делить!

Пока Степка с радостным воплем поднимал мешок с земли, Агаша, заметив чей-то пристальный взгляд, обернулась. Показалось, заметила мелькнувшую за углом дома белую макушку. Простоволосая в жаркий полдень? Это может быть только одна из ее знакомых.

– Я сейчас, – торопливо сказала Агаша, устремляясь по улице. На ходу обернулась и погрозила пальцем: – Только гляди у меня! Чтобы пряники к моему возвращению целы были!

Прошлым вечером на царском дворе

Прохладные ручейки живой воды обтекали меня, пробирались за шиворот, охлаждали обгоревшую кожу, родником лились в потрескавшиеся при пожаре губы. Я жадно глотала воду, стремясь погасить бушующий в венах пожар. Вода пахла дождем и жженым деревом.

– Проснись, – монотонно накрапывал дождь.

– Проснись, – шипела вода, испаряясь на горящем дереве.

– Проснись, – ударяясь о бревна, барабанили капли.

– Проснись, – тонкой струйкой хлестал по щекам ручеек.

– Проснись же, – отчетливо прозвучал голос Ива, и я открыла глаза.

– Яна, Яна, проснись! – По моей грудной клетке скакал теплый тяжелый шар, а в щеки мне тыкалось что-то мокрое и холодное.

– Варфоломей, – прокашлялась я, чувствуя, что легкие полны дыма, – отстань!

– Яна! – раздался оглушительный вопль кота, и следом хором прозвучали два голоса, мужской и женский:

– Жива!

Я открыла глаза и увидела маячащую прямо перед носом счастливую морду Варфоломея и склонившихся надо мной Василису и Колю на фоне светлеющего неба. Похоже, я провалялась без сознания полночи, скоро рассвет.

– Пришла в себя? – прохрипела я, глядя на Василису. – Колдовать можешь?

Та закивала. Коля обхватил меня за плечи, помогая подняться.

– А ты что здесь делаешь? – удивилась я.

Василиса, Коля и кот, перебивая друг друга, принялись рассказывать, что я пропустила. В тот миг, когда я втолкнула Чернослава в горящий терем и на нас рухнули перекрытия терема, Варфоломею удалось вывести Василису за ворота. Чары, гасившие магию, спали, и мне даже трудно себе представить, что почувствовала царица, глядя на полыхающий родительский терем, на балконе которого, взывая о помощи, размахивали руками отец с матерью и сестрами.

Пожар достиг такого размаха, что и магией с ним справиться было уже трудно. Но тут, весьма кстати, к царским воротам подкатил сероглазый юноша в синем кушаке, бросился на помощь царице и вызвал ливень, потушивший огонь.

Я мутным взглядом обвела горелые бревна с лужицами воды и только сейчас заметила, что мокрая как мышь. С головы до босых ног. Голова раскалывалась от боли. Я потеряла виски, отметив, как непривычно топорщатся у лица укороченные пряди. В этом пожаре я потеряла не только лапти и большую часть длинной шевелюры, но и еще что-то очень важное. Глаза заволокло дымом, и земля с обгоревшими щепками ушла из-под ног. Коля успел подхватить меня, усадил на пахнущее костром сырое бревно.

– Ты как?

Меня била дрожь.

– Ив, – всхлипнула я. И завывала во весь голос: – Ив!

Я металась по пожарищу, оставляя кровавые отметины на горелом дереве и не чувствуя боли в израненных ладонях. Сердце тротилом разорвалось внутри, когда под обгорелыми

бревнами мелькнуло мертвенно-бледное лицо, измазанное сажей. Но потом опаленные огнем ресницы дрогнули, и растрескавшиеся от жара губы прошептали мое имя...

Василиса с Колей оттеснили меня от рыцаря и принялись оказывать первую магическую помощь, а Варфоломей забрался мне на колени и безропотно подставлял свою шубку в качестве носового платка, пока я без остановки рыдала от облегчения.

Парочка чародеев постаралась на славу: раны исцелили, от ожогов следа не осталось. Только сожженные волосы на голове напоминали о роковой ночи. Но и тут Василиса не растерялась, что-то шепнула, обвела вокруг головы Ива рукой, восстанавливая прическу, и я не удержалась от улыбки – так непривычно выглядел рыцарь с типично русской стрижкой под горшок.

После того, как я убедилась, что Иву ничто не угрожает, а Варфоломей уговорил меня выпустить изрядно помятого рыцаря из объятий, настало время объясниться.

– Ты так и не ответил. – Я повернулась к Коле: – Как тут оказался?!

– Ну приплыли! Кто меня послал Чернослава искать? Вот я и нашел, где он живет, да только дома не застал – он в Златоград срочно сорвался. Я за ним следом и примчался. Да только успел к самому шапочному разбору, когда тут уж все полыхало.

– В самый раз успел! – горячо похвалила его Василиса. – Одна бы я не справилась.

– Эх, жаль, мы теперь так и не узнаем, чего добивался Чернослав, – вздохнула я.

– Как это не узнаем?

Коля метнулся к обгоревшему крыльцу и вернулся с набитой доверху холщовой сумкой.

– Все здесь! – Он выудил кипу отсыревшей бересты и разгладил верхний лист. – Чернослава я дома не застал, зато нашел много чего интересного. Вот волшебная береста, через которую он Любаве письма слал да к злодействам ее склонял. Тут все их переговоры прочитать можно – я понял как. А вот, – он потряс ворохом бересты, – его записки, где все его шаги прописаны.

– И чего ж ему надобно было, окаянному? – нетерпеливо мяукнул кот.

– А надо ему было ни много ни мало стать повелителем Лукоморья, – усмехнулся Коля. – Всех людей себе подчинить, а всех чародеев или на свою сторону склонить, или истребить. Перво-наперво он Бабу-ягу, свою родную бабу, надумал на свою сторону привлечь.

– Бабку? – Варфоломей вытаращил глаза. – Она никогда об этом не говорила. Да я их вместе-то и не видел никогда! Она как-то обмолвилась про невестку, которая пыталась использовать ее как светоч, но я тогда ничего не понял, а она больше и слова не сказала, как я ее ни пытал... Но с внуком она при мне точно не виделась!

– Зная твою любовь к окрестным кошечкам, я не удивлюсь, что ты пропустил эти встречи, – заметила я.

Кот виновато повесил голову.

– А вместе с тем Чернослав Ягу пару раз навещал, о чем вот здесь записано. – Коля ткнул пальцем в бересту. – Первый раз Яга его отругала и сказала, что, пока она жива, не бывать тому. А в следующий раз Чернослав к ней не с пустыми руками явился. Выразил свое раскаяние за прошлый разговор, уверял, что одумался, просил Ягу его простить. Яга, добрая душа, простила и чарку вина, привезенного Чернославом, в знак примирения выпила.

– Вино было отравлено? – побелев, прошептала Василиса.

– Если бы я только знал! – взвыл Варфоломей. – Я бы от нее – ни на шаг!

– Теперь понятно, почему Яга, заслышав о Чернославе, решила меня учить, – задумчиво проговорила Василиса. – Ей было важно, чтобы остался кто-то, кто сможет ему противостоять.

– Чернослав, кстати, очень удивился, увидев Ягу в здравии, когда по велению царя явился в избушку узнать о судьбе Василисы, – сказал Коля.

– Странно, что он тебя не узнал, – заметила я, обращаясь к царевне.

– Ничего странного, – возразил Коля. – Чернослав здорово перепугался, что Яга его на

месте испепелит, за то что дерзнул к ней снова явиться. Вот и боялся даже в сторону ее глянуть, а потому ряженую Василису особо не разглядывал и поспешил поскорее убраться восвояси. Опасаясь наказания Яги, он даже на время притих и забросил свои планы. Но время прошло, Яга себя не проявляла, и он снова осмелел. Для начала Чернослав стал объезжать всех чародеев Лукоморья, предлагал им объединиться под его началом и захватить власть в царстве. Кто не соглашался и пытался его остановить, того Чернослав убивал. Но не сразу, а спустя несколько дней. Сначала Чернослав ославлял его перед людьми, так что чародей, всю жизнь творивший добрые дела, за один день превращался в кровопийцу и душегуба, а потом появлялся знаменитый богатырь и избавлял народ от злого колдуна.

– А зачем Чернославу было богатырем притворяться? – в недоумении спросила я.

– Славу любил, чего ж тут непонятного. Чародеем он поначалу был весьма посредственным, а вот в бою за счет волшбы весьма преуспел. И если чародейство свое он скрывал, то подвигами гордился, и в Лукоморье его знали как великого богатыря. Но со временем ему этого стало мало, захотелось корону наголову примерить... Итак, перво-наперво он заручился союзниками и избавился от противников, которые могли бы ему помешать. И самым большим противником оставалась Баба-яга. Бросить ей вызов напрямик он больше не решился, а вздумал известить ее хитростью и принялся ее имя порочить. А сам в это время продолжал завоевывать народную любовь, истребляя нечисть с нежитью.

– Так подвиги были настоящие? – удивилась я, жмурясь от брызнувшего в глаза солнца. Рассветное сияние разлилось по пепелищу, высветив весь масштаб бедствия, постигшего царские палаты. Да, не думали мы, когда Горыныча решили к плану спасения привлечь, что дело руинами закончится.

– Самые что ни на есть, – подтвердил Коля. – Там, где обычные богатыри терпели неудачи, Чернослав мигом одерживал победу, благодаря волшбе, о которой и не подозревали люди. Народ клял Ягу и славил Чернослава.

– А Леший с Водяным ему что сделали? – спросил кот.

– Мне и самому страсть как любопытно было, – признался Коля. – Мы с Водяным давно приятельствуем. Моя же сила от воды идет, вот я и помогал ему время от времени – где завал речной разобрать, где озеро очистить. А тут началось что-то неслыханное. Не успею с одной напастью справиться – еще три наваливаются. Реки сохли, а я терял силы день ото дня.

– Так вот по какому поводу вы с Водяным в тот день совещались, – поняла я.

– В тот день, когда ты на ступе в озеро упала? – не преминул напомнить мне Коля.

– То-то ты так настороженно на меня поглядывал. Думал, что меня враг заслал?

– Я уж тогда и не знал, что думать! А дело вот в чем было: Водяной с Лешим хоть и не волшебники, но природные силы за ними огромные стоят. И в случае чего, они бы могли объединиться и Чернославу здорово навредить. Ну, там, в болото его завести или в лесу заставить плутать до потери сил. Вот Чернослав и решил подстраховаться и их ослабить.

– А заодно увеличить свою мощь за счет их силы, – нахмурилась я.

– Как это сделать, он не знал, – поведал Коля, перебирая бересту, – поэтому обращался за помощью к чародеям, которые его поддерживали. Только никто из них не мог ничего такого придумать, но кто-то предположил, что это по силам Стеше. Чернослав ее прежде всерьез не воспринимал и в свои планы не посвящал. А тут уж пришлось к ней наведаться. Стеша давно выбрала для себя сторону зла. К тому же ее жених погиб в лесу, и Чернослав рассудил, что Стеша будет рада погубить Лешего. Но Стеша отчего-то не согласилась. Перечить ему в его планах не стала, потому и жива осталась. Но лес с реками губить отказалась решительно.

– Видно, не до конца девка умом тронулась, чтобы такое злодейство поддержать, – почесал за ухом кот. – А потом он вспомнил про Любаву, которая ради него готова на все?

– Любава пришла к нему сама, – возразил Коля. – Изначально Чернослав не хотел иметь с ней дела, так как влюбленная женщина была непредсказуема. Но Любава видела его отъезжающим от дома Стеши и постучалась к соседке с расспросами. Стеша, судя по всему,

ей ничего не сказала. Но Любава как-то прознала про волшебную бересту, которую Чернослав оставил Стеше на случай, если она передумает. Уж не знаю, выкрала она бересту или подобрала ее, когда Стеша ее выкинула, только Любава связалась с Чернославом и предложила свою помощь. Чернослав был расстроен очередной неудачей и согласился. Здесь все их переговоры, – Коля повернул бересту к нам, потер витиеватую букву в правом верхнем углу, и на бересте замелькали строчки, написанные двумя разными почерками – округлым, Любавиным, и остроугольным, похожим на росчерк вороньей лапы. – Если говорить коротко, то Любава докладывала о своих опытах с магией. И как раз незадолго до ухода Василисы в Златоград ей удалось создать заклинание, выпивающее жизненные силы из природы, взяв за основу любовную отсушку. И тогда она принялась навешивать паутины по всему лесу и ставить воронки на источники воды.

– В самую страшную из них она в итоге и угодила, – тихо заметила я, открыв Иву и Василисе конец этой жуткой истории. – Но как же так получилось, что все невзгоды начались после ухода Василисы? Ведь Чернослав не догадывался, что она заняла место Яги, и не знал о том, что Яга-Василиса пропала?

– К тому времени, когда Василиса покинула избушку, Чернослав уже приблизился к финальной части своего плана, – пояснил Коля. – Он обрел достаточно сил, заручился поддержкой чародеев, но еще не решался нанести удар по Лешему, Водяному и Яге. И тут известие о том, что Василиса вернулась в царский терем! Разведав обстановку и убедившись, что царь по-прежнему готов выдать за него Василису, Чернослав ускорил события: Любаве велел заняться лесом и реками, а сам тоже времени зря не терял. Перво-наперво заплатил известному сплетнику, Сидору, чтобы тот опозорил Бабу-ягу.

Так вот какой интерес был у Сидора!

– С Соловьем-разбойником поговорил, – продолжил Коля.

– С Соловьем? – насторожилась я. – А этот-то ему на что сдался?

– Одной из задач Чернослава было посеять панику среди народа. Сама посуди: Яга с ума сошла, леса с реками гибнут, а тут еще разбойники шалят пуще прежнего. И царь с этим ничего поделать не может. Когда бы паника достигла предела, тут бы и появился герой верхом на белом коне и разом избавил от всех напастей. Тут бы народ ему сам в ножки поклонился да и признал своим властелином.

– Ловко придумано, – оценила я. – Значит, Соловей только притворялся пастухом, а сам разнюхивал да разведывал, как жителей ограбить? Недаром же он самое богатое село выбрал.

– И ограбил-таки, – встрял Варфоломей. – Я в доме Забавы про то слышал. Соловей нанялся охранять торговый обоз, который в Златоград снарядили. Обоз неподалеку от деревни ограбили, а Соловей исчез. Знамо дело, приложил к этому руку.

– И какую же роль в своем плане Чернослав отвел мне? – прозвучал дрожащий от гнева голос царевны.

Коля запнулся.

– Ну же, – топнула ногой девушка, – говори!

– Изначально ты и была его планом, – отводя глаза, поведал Коля. – Чернослав мечтал заполучить тебя в жены с тех пор, как понял, кто ты на самом деле.

– Это я знаю, потому и сбежала из терема. – Василиса нервно затеребила косу. – Не царевна ему нужна была в жены, а волшебница.

– И не просто волшебница, – подчеркнул Коля, – а такая волшебница, как ты или Яга – посвятившая себя добру.

– Но зачем это Чернославу? – удивилась я. – Василиса бы никогда не одобрила его планов и постаралась бы разрушить их.

– Поэтому он и намеревался погрузить ее в сон и питаться ее магией до тех пор, пока она не погибнет, – поведал Коля.

Василиса сделалась блее мела. Я, наверное, тоже. Ведь в последний момент Чернослав вздумал заменить царевну мной, а значит, меня ждала та же участь.

Из рук Коли выпала береста, и Василиса мгновенно подхватила ее с почерневшей от пожара земли. На бересту успел налипнуть пепел, скрывая написанное, и царица подула на лист, расчищая его. Ее пальцы дрогнули, глаза широко раскрылись.

– Что там? – пискнул кот.

– Это гроб, – замогильным голосом произнесла царица. – Хрустальный.

– Чернослав тоже встречался с Шарлем Перро? – поразила я.

– А ты откуда знаешь? – удивился Коля. – Да, от него он узнал о многих волшебных вещах и заклятиях заморских колдунов. Самих заклинаний чужестранец не знал. Но, примерно представляя способ их действия, Чернослав воссоздал некоторые из них. Смешав снотворное и мертвую воду, он получил настой, с помощью которого собирался погрузить царицу в вечный сон. А затем...

Береста с нарисованным прозрачным гробом выпала из пальцев Василисы и спланировала на горелые доски. Василису била дрожь.

– Но зачем ему это было нужно? – все еще недоумевала я.

Коля пожал плечами.

– В записках этого нет. Чернослав только ругался, что побег царицы из-под венца три года назад спутал ему все карты. Ему пришлось придумать другие способы собрать силы – через Лешего и Водяного. Впрочем, я прочитал не все, очень бегло и не по порядку. Возможно, ответ здесь. – Он вытащил из сумы очередной ворох записок.

– Не утруждай себя, – тихо проронила Василиса. – Я поняла. Яга рассказывала мне, что доброе волшебство – это созидание, а злое – разрушение. И разрушение прежде всего того чародея, который за ним стоит. Недобрые чары чреваты разрушением памяти, духа, тела. Они несут болезни и укорачивают жизнь чародея. Тогда как добрая волшебба укрепляет здоровье и дух, прибавляет жизни и сил.

– Светоч, – прошептала я, глядя на взошедшее над Лукоморьем солнце.

Василиса печально глянула на меня:

– Теперь ясно? Чернослав хотел использовать меня как светоч и восстанавливать от моей волшеббы свои силы для новых гнусных деяний. – Она вздрогнула всем телом. – Лучше бы сразу умереть, чем помогать ему творить зло.

Я мысленно с ней согласилась.

Варфоломей вытаращил глазищи и встопорщил шерсть:

– Так вот о каком светоче говорила Яга, когда вспоминала невестку!

– А Чернослав узнал об этом от родной матери... – предположила я.

– Агриппина! – хором вскрикнули Ив и Василиса. А Коля потряс очередной берестой, подтверждая всеобщую догадку.

Я, побледнев, глянула на Иву:

– Тебе еще повезло, что Агриппина не разглядела в тебе мага. А то бы и тебя в светочи приспособили.

На лице рыцаря заиграли желваки.

– Интересно, – протянула Василиса, – где она была раньше? Ведь о ней никто никогда не слышал. Да и Чернослав не упоминал о своем родстве с ней. На сватовстве он говорил, что его мать умерла при родах.

– Наверное, затаилась после неудачной попытки сделать светоч из Бабы-яги, – предположила я, вспомнив слова кота. – Знала, что Яга ей этого с рук не спустит. А когда сынок принялся внедрять свой план в жизнь, осмелела и явилась в царские палаты. Очень удобно: вся царская семья на виду, Агриппина вертела царем, как хотела. И Бабы-яги можно не опасаться – где старушкина избушка и где Златоград!

Не сговариваясь, мы молча повернулись к тому разрушенному углу терема, под которым нашли тело Агриппины. Иву повезло – его накрыло бревнами, как куполом. Агриппине, которая была совсем рядом, дубовой балкой перебило грудную клетку. Чернослав погиб в огне, а я уцелела чудом – спасибо волшебному яблоку удачи. Но радоваться победе было рано. Соловей-разбойник и маги, поддерживавшие Чернослава, на

свободе.

Василиса задумалась о том же.

– И много еще у Чернослава помощников было? – спросила она.

– Около десяти, – ответил Коля.

– А не было ли среди них ведьмы, одержимой идеей вечной молодости? – вмешалась я.

– Была одна! Он к ней в деревню Мухоедово ездил!

– В Мухоедово, – поправила я.

– Ты ее знаешь? – удивился Коля.

– Еще как. И что, ведьма ему помогла?

– До власти ей не было никакого дела, а вот насолить Бабе-яге она согласилась с радостью. Сказала, что у нее есть на примете влюбленный дурень, который все ее слова воспримет на веру.

Так вот какие поручения давала ведьма Кузьме! Наверное, просила его предостеречь крестьян от козней Яги, и паренек с самыми лучшими намерениями распространял слухи по родной деревне и по соседним. Но Кузе того показалось мало, раз он и к самой Яге решил наведаться и на бой ее вызвать.

– Что ж, – Василиса строго сдвинула брови, – придется к ним наведаться в ближайшие дни. Чтобы впредь неповадно было!

– Я с тобой, – встрепенулся Коля.

– Да что ты, Кощеюшка, – смущенно заалела Василиса, – у тебя своих дел невпроворот. Ты уж прости меня, – она затеребила косу, – что я на тебя напраслину навела. Я ведь не знала, какой ты, настоящий Кощей.

– Кто? – Я чуть с бревнышка не навернулась – хорошо, Ив удержал, и во все глаза уставилась на Колю.

– Да Кощей я, Кощей! – засмущавшись, сознался Коля.

– Такое чувство, что это не меня, а тебя хорошенько бревном приложило, – крикнула я и пристыдила парня: – Не надо тут заливать! Колобок видел настоящего Кощея и рассказывал, что он старый, худой и лысый!

– Так это, наверное, он моего дядьку Феофана видел, – догадался Коля. – Он меня воспитал с младых ногтей.

Я в недоумении потрясла головой.

– Так это ты был тот царевич, который в замок Кощея тем вечером въехал?

– Не знаю, про какой вечер ты говоришь, но, когда я с прогулки домой возвращаюсь, дядька меня завсегда во дворе встречает.

– Как же так повелось, что за Кощея твоего дядьку принимают?

– Долгая история, – замялся Коля, бросая взгляды на Василису.

– Только не говори, что вы с дядькой коварством убили настоящего Кощея и завладели его роскошными апартаментами с видом на лес.

– Чем? – На лице Коли отразился живейший интерес.

– Замок!

– А, – успокоился он. – Нет, замок мой, от родителей достался.

– Что ж у тебя за родители были, что среди русского царства заморские каменные палаты отгрохали? – удивился Варфоломей.

– Почему были? – с недовольством поправил Коля. – Они и сейчас есть, живы-здоровы. Вот дела!

– Почему ж их никто не видел? – удивилась я.

– А кому их видеть? Живем мы в стороне от людей. А матушка с папенькой за ворота почти не выходят. Так и не смогли привыкнуть к здешнему царству, а у нас дома все, как их сердцу мило, обустроено.

– Что ж они домой не воротятся? – посетовал Варфоломей.

– Что ты, – замахал руками Коля. – Никак нельзя. Мама с папой потому сбежали, что их семьи в древней вражде и им запрещали даже смотреть в сторону друг друга. Вражда та уже

сколько столетий длится и вряд ли за это время угасла... А что ты на меня так смотришь? – покосился на меня Коля.

Спохватившись, я вернула челюсть на место. Не каждый день в Лукоморье встретишь живущих и здравствующих Ромео и Джульетту и сына их, Кошея.

– Очень трогательная история, – пробормотала я и напонила: – Так ты про дядюшку рассказывал.

– А, – смутился Коля, – да что там рассказывать. Как-то я поехал на охоту, вижу – Горыныч над землей летит, девицу в когтях несет. Проследил за ним до самых гор, полез спасать. Змей девицу просто так не отдал, само собой. Драка знатная получилась. – Глаза Коли мечтательно затуманились. – Горыныч огнем плюется, я его водой поливаю. Моя стихия-то – вода.

Я громко хмыкнула, вспомнив, как в сказке плененный Кошей обрел силу, выпив ведро воды, поднесенное Иваном-царевичем.

– Что? – уставился на меня Коля.

– Пока все сходится, – успокоила его я.

– В общем, насилию одолел, – продолжил Коля. – Пришлось его сокровища из пещеры потоком вымыть, чтобы он про девицу забыл и свои драгоценности бросился собирать по всей горе. Спустились с гор, девица меня благодарит, рук с шеи не спускает. Спрашиваю: «Куда тебя отвезти?» А она: «Куда хочешь, – говорит, – Кошечка, туда и вези. Я теперь твоя навеки». Ну я ее по-быстрому с коня ссадил да и умчался восвояси. А через несколько дней она меня разыскала да проследила за мной до замка. Тут уж я перепугался, выставил дядьку Феофана и велел ему ее отвести. Феофан ей и скажи: «Я, – говорит, – и есть Кошей. Намедни молодцем прикинулся, а обычно я такой как есть. Не хотел тебе, краса-девица, жизнь губить, но раз уж ты меня сыскала, заходи, невеста дорогая, сейчас же свадебку справим!» Даже договорить не успел – невесты только пятки замелькали. А потом слухи пошли, что живет в замке старый колдун, который девиц похищает. Тут и дня не стало, чтобы к нам в замок молодцы со всего царства не наезжали, мечами не трясли и не обвиняли в пропаже своих невест. Я раньше и не думал, что в Лукоморье столько невест пропадает!

– Что ж, – заключила я, – все понятно. Что ты колдун, она сама видела, что сила твоя от воды – тоже скумекала. Что девиц похищаешь – приврала из вредности. А дальше уж дело молвы. Ты главное скажи, – я понизила голос, – ты про яйцо ей не проболтался?

– Про какое яйцо? – дрогнул Коля.

– Про такое, которое на острове Буяне спрятано. Если я ничего не путаю, там растет дуб, под дубом – ящик, в ящике – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – игла, а в игле – жизнь твоя. И если ее переломить, каюк тебе, Коля!

– Во брешут! – с восхищением протянул Коля. – Это кто ж такое выдумал-то?

– Я про такое не слыхала, – покачала головой Василиса.

– И я что-то не припомню, – почесал за ухом Варфоломей.

– Сегодня же эту байку запущу! – Коля довольно потер руки. – Может, хоть меньше богатырей ко мне ездить станут. А то поспать спокойно не дают, целыми днями в ворота бьются. Пушай теперь на Буян все едут и ищут там, – он покотился со смеху, – яйцо с иглой в ящике под дубом.

– Ты мне, Василиса, главное скажи, – обратилась я к царевне. – Вернешься в избушку?

Кот вытянулся струной в ожидании ответа.

– Конечно, вернусь! – горячо заверила царевна. – Я же Бабушке-яге обещала.

– Тогда вот еще что, – я поманила ее к себе. – Мальчишки, не будете возражать, если мы посекретничаем напоследок?

Отведя царевну подальше от мужских ушей, я задала последний мучивший меня вопрос – о приворотном зелье, которое в условиях строжайшей секретности в отсутствие Варфоломея она варила незадолго до ухода в Златоград, а потом отдала кому-то в лесу.

Василиса мучительно покраснела:

– Это не имеет никакого отношения к последним событиям.

– Нет уж, говори!
– Да ну, – замялась царевна, – ерунда...
– Василиса! – требовательно тряхнула ее я.
– Тебе обязательно знать? – взмолилась она.
– Без этого я не уйду.
– Хорошо, – сдалась она. – Но только обещай, что никому не расскажешь.
– Обещаю.
– Я варила его для Лешего, – одними губами выдохнула она.
– Для кого? – поразила я. – Он что, просил приворожить к нему какую-нибудь юную березку?

Василиса покраснела еще больше и призналась:

– Это я хотела его приворожить и вылила зелье в лесу.
– К себе? – в недоумении переспросила я.
– Ну не к березе же! – рассердилась царевна. – Только помни, ты обещала!
Я не удержалась от улыбки, вспомнив, как обольстил меня Леший при своем первом цветущем появлении. И представила, каково было Василисе жить три года лесной отшельницей и из молодых интересных мужчин видеть только хранителя леса.

– А знаешь, я тебя понимаю. Но, надеюсь, ты поняла, что...
– Да поняла я, поняла, – перебила меня Василиса, с нежностью глядя мне за плечо, туда, где стояли Ив и Коля.
– Эй, – воскликнула я, – только не говори, что положила глаз на моего парня!
– А твоего парня зовут Кощей? – улыбнулась Василиса.
– Василиса! – раздался громкий окрик царя-батюшки. – А ну подь сюды, разговор государственной важности есть!

– Иду, батюшка. – Василиса просияла и поспешила к отцу.
– Все хорошо, что хорошо кончается, – мяукнул у ног кот, глядя вслед хозяйке.
– Варфоломей, – потребовала я, – сейчас же объясни мне, что тут происходит.

Кота не надо было уговаривать дважды, а я слушала его, не веря своим ушам. Царь с царицей, после того как Василиса спасла их из горящего терема, были не сильно против магического дара старшей дочки. Коля, прежде испытывавший к Василисе неприязнь за то, что та оболгала его, выставив Кощеем-похитителем, впервые увидев Василису, все ей простил и прямо на пепелище сделал предложение руки и сердца. Поскольку все приданое царевны сгорело в огне, а Коля был готов взять невесту хоть в одном сарафане и даже любезно пригласил царя с семьей пожить в своем замке, пока они не восстановят терем, царь с царицей закрыли глаза на репутацию жениха и отсутствие царской родословной. И, обойдясь без традиционного сватовства, дали свое родительское благословение на сей невиданный в Лукоморье мезальянс.

К воротам как раз подъехала арендованная Колей для царской семьи карета, и царь с царицей и младшими дочерьми, распрощавшись с Василисой, которая обещала навестить их в ближайшие дни, отправились обживать замок будущего зятя.

Проводив родителей, Василиса с Колей вернулись к нам.

– За меня не волнуйся, – успокоила меня царевна, – я слово, данное Яге, не нарушу. Обещала служить людям вместо нее – так выполню. И доброе имя ее восстановлю, обещаю.

– А как же... муж? – Я покосилась на сияющего Колю. – Бабе-яге ведь не положено.
– Бабе-яге и внуков не положено было, – возразил Коля, – однако ж были. Как-нибудь разберемся!

– Я его для начала в баньке поселю, чтоб никто не видел, – сказала Василиса. – А там поглядим.

– Эх, столько я про эту баньку слышала, а попариться в ней так и не довелось, – вздохнула я.

– Так в чем же дело? – воскликнула Василиса. – Поехали!

Я покачала головой.

– Мы тут и так задержались, пора и честь знать. Тебя освободили, Бабу-ягу Лукоморью вернули – наше дело сделано.

– Спасибо вам за все. – Василиса поклонилась нам с Ивом в пояс.

– И вам совет да любовь, – улыбнулась я. – Давайте прощаться. Избушке от меня поклон передай. Береги Варфоломея и почаще сметаной корми!

Кот с урчанием бросился мне на шею. Я долго не могла выпустить из рук разомлевшего Варфоломея и грозила забрать его с собой, на что кот шутливо возражал, что он не может бросить пять сотен своих лукоморских детишек ради другого мира.

Наконец Василиса с котом отправились забирать ступу и оттуда собрались лететь к избушке, Коля поспешил в город отдать распоряжения к свадьбе, а мы с Ивом остались вдвоем, и я в недоумении огляделась по сторонам.

– Что ж, если моя миссия выполнена, странно, что я не вижу здесь нашего знакомого магистра Белимара с плакатом: «Поздравляю! Игра завершена!»

– А его и не будет, – огорошил меня Ив. – Задачей магистров было дать направление для развития твоего дара. Твое обучение закончено.

– Закончено? – усмехнулась я. – Это ты так называешь полную потерю способностей?

Взгляд Ива мне чертовски не понравился.

– Ты не потеряла его, ты научилась обходиться без него.

– Что? – непонимающе переспросила я.

– В первом мире ты училась использовать магию, а в третьем – обходиться без нее, – терпеливо объяснил Ив. – Это высшая ступень обучения. Учиться применять волшебство только тогда, когда без него не обойтись. А если можно добиться желаемого обычным способом, то обойтись без чудес.

– И ты хочешь сказать, что, интуитивно предчувствуя это, я сама перекрыла себе доступ к магии? – недоверчиво протянула я.

– Не ты, – опустил глаза Ив.

– Ну погоди! – вскипела я, подсакивая к нему с кулаками. – Так это был ты! Но как, как тебе это удалось?

Ив осторожно перехватил мои кулаки и поднес к моему лицу тот из них, на пальце которого поблескивал рубиновым светом золотой перстень. Его перстень, который он, не снимая, носил в Вессалии. Перстень, который однажды похитил хороняка, чуть не похоронив Ива заживо в могиле на сельском кладбище. Тогда я спасла Ива и вернула ему украшение. И именно этот перстень он оставил мне перед отъездом в Златоград и попросил не снимать.

– Это ограничитель магии? – выдохнула я, глядя на перстень на своей руке.

– Я боялся, что ты поймешь это раньше. – Губы рыцаря тронула улыбка. – Пока я был рядом, я гасил твои магические порывы сам.

– Так вот кто не дал мне сотворить пиццу в наш первый день в Лукоморье!

– Но когда я уехал, я больше не мог присматривать за тобой и оставил тебе перстень.

– Ты хоть понимаешь, сколько раз я была на волосок от смерти и тщетно взывала к магии, не понимая, почему она не приходит на помощь? – тихо спросила я, с обидой вырывая руки из его ладоней.

– Не спеши меня казнить. – Он с неохотой отпустил меня. – Это не просто ограничитель. Это очень редкий рубин, мне с трудом удалось заполучить его, и в Вессалии и месяца не проходило, чтобы кто-нибудь из магов не попытался его украсть у меня. Догадаешься почему?

Я покачала головой.

– Рубин накапливает неиспользованную силу. Каждый раз, когда ты пыталась колдовать, камень впитывал твою силу. И он бы сработал, окажись ты в смертельной опасности.

– Да я сто раз оказывалась в смертельной опасности за это время! – вскипела я. – Меня чуть не убил Соловей-разбойник. Старая ведьма чуть не выбила из меня душу, пытаюсь

завладеть моим телом. В лесу деревья-призраки были весьма решительно настроены на то, чтобы превратить нас в подобных себе. Продолжать?

– Но ведь ты нашла средства выпутаться из этих опасностей и без магии? – мягко возразил Ив. – А на волосок от неминуемой беды магия просыпалась, чтобы спасти тебя?

Я вздрогнула, вспомнив пробирающий до костей холод, ледяной кокон, который чуть не стал для меня хрустальным саркофагом, тщетные попытки Коли освободить меня и тот солнечный лучик, который выбился из рубина в кольцо и растопил лед.

– Есть и еще один способ выпустить силу, – добавил Ив. – Надо только повернуть ободок.

Так вот почему тогда на озере я смогла увидеть воронку! В волнении я крутила кольцо, и магия на время стала доступной.

– А знаешь, – пробормотала я, – был еще один случай. Когда Чернослав пытался спалить нас в избе Любавы, а потом избу разнесло на щепки морской волной. Казалось, на избу вылилось пол-океана.

– Видно, к тому времени ты накопила огромный заряд за счет неиспользованной магии, а опасность и впрямь была смертельной, – помрачнев, заметил Ив.

– Чернослав пленных не берет, – невесело пошутила я, вспомнив кружащий у ног огонь в избе Любавы и пламя, пожирающее царский терем.

Рука Ива сжала мою, и он охрипшим голосом прошептал:

– Прости, что меня не было рядом.

– Главное, что ты будешь рядом, когда мы постучим в дверь моих родителей. Ты еще не передумал переселиться в мой мир?

– А ты еще не передумала взять меня с собой? – Голос Ива чуть дрогнул от волнения.

– Конечно, стоило бы оставить тебя здесь после того, как я узнала о твоей последней подлости с кольцом. – Я задумчиво покрутила на пальце золотой ободок. Затем сняла его и надела на правую руку. – Но после того, что мне пришлось вытерпеть, ты просто обязан на мне жениться!

Посреди пепелища царского терема Ив, как настоящий рыцарь, упал на одно колено, заставив разбирающих завалы мужиков оторваться от своей работы, и торжественно произнес:

– Яна, будь моей женой!

– Вставай, чудовище, – смущенно буркнула я. – И заканчивай свои рыцарские штучки.

Ох, нелегкая мне предстоит работа по превращению средневекового рыцаря в современного москвича!

– И как же мы попадем в мой мир?

– Тебе виднее. Только тебе под силу открыть портал.

Я с недоумением оглянулась вокруг и потянула Ива за ворота.

– Пойдем. Для начала у тебя не найдется пары монет на тридцать пряников?

– Тридцать пряников? Да ты столько не съешь!

– Я не съем. А вот Агаша...

Несколькими часами позже

– Ну что, убедилась? – Ив легонько стиснул меня за локоть.

– Я должна была увидеть, что пряники дойдут по назначению. Очень уж хитрющий вид был у этого мальчишки.

– То ли еще будет, когда они найдут на дне мешка золотое яблоко Лешего, – усмехнулся Ив.

– Если бы не Агаша, я бы не вытащила тебя из темницы. Это самое малое, чем я могу ее отблагодарить.

– Думаешь, они его поделят?

– Уверена, Агаша своего не упустит, – усмехнулась я, останавливаясь у темного промежутка между двумя домами, откуда на нас пахнуло сыростью и кошками.

– Полагаешь, нам сюда? – Ив невольно скривил нос и посторонился, пропуская ободранную серую кошку.

Я проводила ее долгим взглядом и подняла глаза на Ива:

– Знаешь, о чем я жалею? О том, что больше никогда не увижу Варфоломея. Я уже успела по нему соскучиться.

В темноте между стен сверкнули два зеленых глаза, и мне под ноги прыгнул абсолютно черный котенок. Задрал голову, тоненько мяукнул. Я взяла малыша на руки и задумчиво произнесла:

– А он ведь может быть сыном Варфоломея.

– Учитывая его любвеобильность, я этому ничуть не удивлюсь, – усмехнулся Ив.

– Учитывая его любвеобильность, я удивлюсь, если он не приходится ему хотя бы дальним родственником, – почесывая котенку пузико, сказала я. Котенок зажмурился и заурчал.

Я взяла Ива за другую руку и потянула в темный проем между стенами.

– Подожди, ты хочешь взять его с собой? – замешкался Ив.

– Надеюсь, не существует никаких запретов на перемещение котов между мирами?

– Нет, – признал Ив, ступая за мной, и ворчливо добавил: – Но только потому, что раньше никому в голову не приходило этого делать.

– Что ж, мне не привыкать. Ты идешь?

– Да иду я, иду!

– Ив, – я в нерешительности остановилась. – А что же теперь будет... там?

– Откуда мне знать! Я о твоём мире знаю только по твоим рассказам.

– С миром как-нибудь разберемся, – перебила я. – С пропиской, конечно, будет сложнее, но что-нибудь придумаем. Да я не об этом совсем! Как я буду жить там теперь, когда стала волшебницей?

– Ты всегда была ею. – Рыцарь сверкнул белозубой улыбкой. – Только до недавних пор не подозревала об этом.

– Ты ведь будешь рядом?

– Всегда. – Его рука сжала мою, а потом голос сорвался. – Ты это видишь? – охрипшим голосом произнес он, глядя за мое плечо.

Я обернулась и в нескольких шагах увидела портал, в котором проносились автомобили и спешили по своим делам люди.

– Конечно, вижу. – Я улыбнулась. – Привыкай, это Москва.

...Агаша, сунув голову в простенок, видела, как шагнули на свет белобрысая и ее жених. Уши заложило от гула, казалось, непрерывно выло какое-то невиданное чудовище, а в нос забился едкий дым, от которого Агаша расчихалась. И все же страсть как было любопытно, что за забаву выкинула на этот раз белобрысая, и Агаша, отважно зажав нос, юркнула в промежуток между домами. В шаге от выхода на улицу Агаша в ошеломлении остановилась. Перед ее глазами замелькали проходившие мимо бесстыжие простоволосые девицы в сарафанах, которые даже коленей не закрывали, и безбородые мужчины, похожие на женщин. Где это видано! Надо срочно разузнать, что тут творится! Полная решимости, Агаша собралась сделать последний шаг, отделяющий ее от чудных людей, но тут едкий дым вновь защекотал ноздри, девочка оглушительно чихнула и уперлась носом в тупик.

Потоптавшись перед невесть откуда взявшимся бревном, преграждавшим выход на ту сторону, Агаша развернулась и зашагала обратно. Завтра она вернется сюда со Степашкой и сделает такой же подпил, как в заборе царского терема. А сейчас надо торопиться, пока Степка не слопал все пряники.

P. S.

– Это твой замок? – В голосе Ива звучало неподдельное восхищение.

Задрав голову, он с любопытством разглядывал кирпичную двенадцатизатжку с торчащими с балконов спутниковыми тарелками.

Тут из окна третьего этажа высунулась крикливая тетя Тома и заорала на весь двор:
– Гришка, козел ты безрогий, а ну бросай свое домино и живо дуй в магазин!
– Иду-иду, Томочка! – донеслось со столика, за которым сидела мужская компания.
– А чей-то он у тебя безрогий? – хохотнула поливающая цветы за окном Настасья Павловна, живущая этажом ниже.

– Я своему Гришке верная жена, – с гордостью отвечала Тамара, любовно разглаживая сушившиеся за окном семейные трусы супруга, и, заметив меня, заорала: – Привет, Янка! Слушай, пни там моего Гришку, чтобы за хлебом шел.

- Да иду я, иду! – донесся страдальческий стон Григория.
- Однако твои слуги весьма невоспитанные, – заметил Ив, входя в подъезд.
- Слуги? – хмыкнула я, вызывая лифт. – Э нет. Это совладельцы замка.
- Они все – твои родственники? – пораженно спросил рыцарь.
- Можно сказать и так. И прошу, будь с ними поласковой.

Ив так оторопел от этих известий, что даже поездку в лифте воспринял как нечто само собой разумеющееся.

Двери лифта раскрылись, явив нашему взору соседку Клавдию Семеновну и заставив меня заново пережить самое трудное испытание в подводном мире, когда я боролась со своими страхами. Олицетворением одного из них – осуждения окружающих – и являлась желчная сплетница Клавдия Семеновна.

– Яночка, – плотоядно улыбнулась она. – У тебя новая прическа? И новый кавалер? – Она пристально уставилась на Ива.

К счастью, краснеть за рыцаря не приходилось. Ожоги, раны и синяки ликвидировали Василиса с Колей. А форму своей покуцанной прическе придала уже я сама, приводя себя в порядок перед отправкой из Лукоморья. Вместо униформы Бабы-яги на мне был тот самый голубой сарафан, в котором я была в тот день, когда попала в Вессалию. А рыцарю, чтобы не выделялся из толпы, наколдовала джинсы и футболку.

– Добрый день, – мило улыбнулась я.

– Приветствую вас, достопочтенная госпожа! – церемонно склонился Ив, и я торопливо наступила на его кроссовку, прежде чем он сморозит очередную этикетную глупость.

Клавдия Семеновна шарахнулась от него в лифт, поспешно нажала кнопку и выкрикнула в закрывающиеся двери:

– Ай-ай-ай, молодой человек! Утро на дворе, а вы уже набраться успели!

– Я ее обидел? – расстроился Ив.

– Вот что. – Я ткнула пальцем ему в грудь. – Разговаривать с моими родителями буду я! А ты лучше помалкивай, за нашего сойдешь.

Я подвела рыцаря к знакомой синей стальной двери.

– Готов?

Ив вытянулся струной, я ободряюще сжала его локоть и с замирающим сердцем нажала на звонок. Квартиру огласила заливиная соловьиная трель. А потом зазвучали такие знакомые мамины шаги...

Котенок спрыгнул с моих рук и юркнул в раскрывшуюся дверь.